

Альберто РУС ЛУИЛЬЕ

НАРОД МАЙЯ

М.: Мысль, 1986 — 256 с., 40 л. ил., карт.

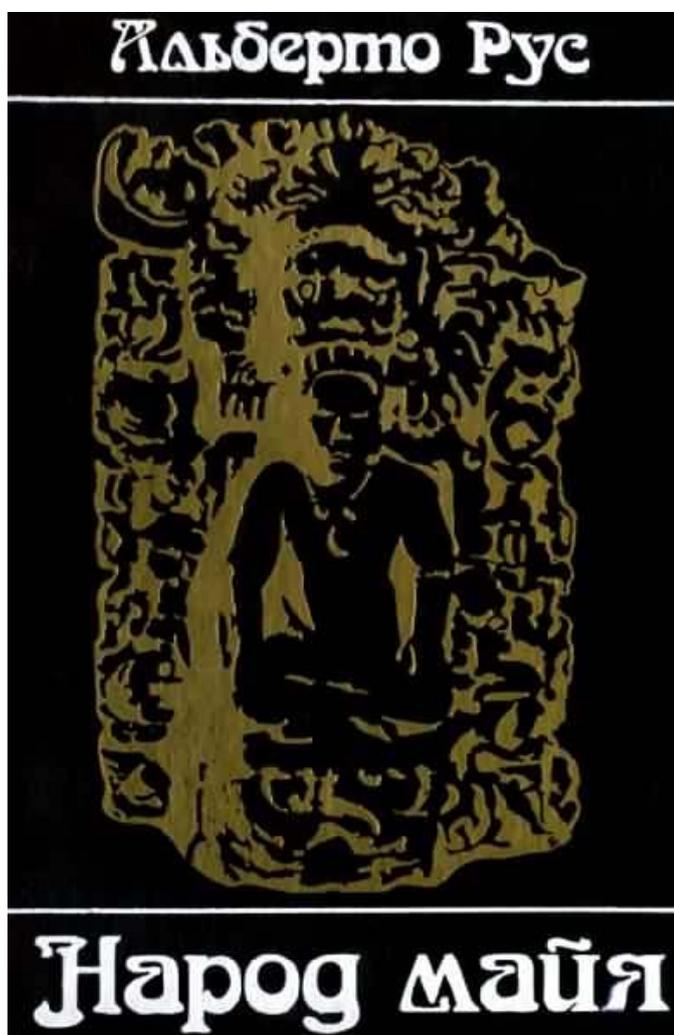
Перевод с испанского Э.Г.Александренкова.

Научный редактор и автор предисловия — доктор исторических наук В.И.Гуляев.

Художник А.А.Брантман

Редактор карт Е.А.Соловых

Печатается с некоторыми сокращениями.

АНОНС

Книга мексиканского ученого-археолога содержит самый полный и всесторонний на сегодняшний день анализ цивилизации майя. Вместе с тем автор показывает жизнь и быт современных индейцев майя — потомков древнего народа, живущих ныне на территории Мексики, Гватемалы, Гондураса.

Книга хорошо иллюстрирована.

Для широкого круга читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В один из жарких июньских дней 1952 г. по крутой, усыпанной щебнем лестнице, ведущей на плоскую вершину многоярусной пирамиды, которая затерялась среди руин древнего города Паленке в сельве мексиканского штата Чьяпас, медленно поднималась небольшая группа людей. Там, наверху, на фоне бездонного неба и быстро бегущих облаков гордо «парил» изящный белоснежный храм с узорчатым гребнем на крыше. Но вот последние ступени преодолены, и люди, еще не переведя дух после тяжелого подъема, остановились на краю плоской площадки. Отсюда, почти с 23-метровой высоты, открывался изумительный вид на весь древний город, история которого насчитывала без малого десять столетий. Он существовал с конца 1-го тысячелетия до н.э. по конец 1-го тысячелетия н.э.

Расцвет Паленке приходится на V–VIII вв. н.э. Его правители не раз покрывали себя славой на полях сражений. Его архитекторы воздвигали высокие пирамиды и храмы, строили многокомнатные каменные дворцы. Его жрецы изучали небесный свод, проникнув в глубокие тайны мироздания. Его художники и скульпторы воплотили в камне и алебастре свои бессмертные идеалы. Но в конце 1-го тысячелетия н.э. Паленке приходит в упадок. Внутренние неурядицы и нашествие воинственных племен извне подточили его жизненные силы, и город погиб, а его безмолвные руины поглотила сельва.

Паленке был открыт уже в наши дни. Здесь побывали путешественники и ученые из многих стран Европы и Америки. Но самый значительный вклад в исследование истории города внес мексиканский археолог Альберто Рус Луилье, с 1949 г. возглавлявший крупную археологическую экспедицию Национального института антропологии и истории Мексики, занимавшуюся раскопками Паленке. Мы не знаем наверняка, о чем именно думал он тогда, 15 июня 1952 г., стоя на вершине пирамиды «Храма Надписей». О былом ли величии древнего города, или о тех невероятных трудностях, которые пришлось преодолеть ему и его коллегам на пути к заветной цели? Правда, теперь все это осталось позади. Еще одно последнее усилие — и многовековая тайна пирамиды будет раскрыта.

А началось все это ровно четыре года назад, когда Альберто Рус, выбирая объект для будущих исследований, обратил внимание на почти неизвестный до того архитектурный памятник — «Храм Надписей». После первого же осмотра ученый заметил, что пол этого трехкомнатного здания в отличие от полов других храмов Паленке сложен из больших каменных плит. Одна из них имела по краям несколько отверстий, заткнутых каменными пробками. Видимо, отверстия предназначались для поднятия и опускания плиты.

И действительно, подняв плиту и начав раскопки, А.Рус вскоре обнаружил начало туннеля и несколько ступеней каменной лестницы, ведущей вниз, в глубину гигантской пирамиды. Но туннель и лестница были плотно забиты глыбами камня, щебнем и землей. Для преодоления этой неожиданной преграды потребовалось четыре сезона тяжелого и кропотливого труда. В конце концов коридор уперся в какую-то подземную камеру, вход в которую преграждала необычная, но весьма надежная «дверь» — гигантский треугольный камень весом более тонны. У входа в камеру в некоем подобии гробницы лежали плохо сохранившиеся скелеты пяти юношей и одной девушки, погибших насильственной смертью. Искусственно деформированная лобная часть черепа и следы инкрустаций на зубах говорили о том, что это не рабы, а представители знатных майяских фамилий, принесенные в жертву по какому-то особенно важному и торжественному случаю. Только теперь Русу стало наконец ясно, что все потраченные усилия не были напрасными. Он стоял на пороге выдающегося археологического открытия.

15 июня 1952 г. рабочие сдвинули с места массивную треугольную дверь, и ученый с волнением вступил на порог просторного подземного помещения. «Я вошел в эту таинственную комнату, — пишет А.Рус, — со странным чувством, естественным для того, кто впервые переступает порог тысячелетий. Я попытался увидеть все это глазами жрецов Паленке, когда они покидали склеп. Мне хотелось услышать под этими тяжелыми сводами последний звук

человеческого голоса. Я стремился понять то загадочное послание, которое оставили нам люди столь далекой эпохи».

Затем яркий свет ручного электрического фонаря прорезал сумрак подземелья, и археолог на мгновение потерял дар речи, пораженный увиденным. «Из густого мрака, — вспоминает он, — неожиданно возникла картина фантастического неземного мира. Казалось, что это большой волшебный грот, высеченный во льду. Как бахрома огромного занавеса висели изящные фестоны сталактитов. А сталагмиты на полу выглядели, словно капли гигантской оплывшей свечи. Гробница напоминала заброшенный храм. По ее стенам шествовали скульптурные фигуры из алебаstra. Потом мой взор упал на пол. Его почти полностью закрывала огромная, прекрасно сохранившаяся каменная плита с рельефами...»

Гробница имела 9 м в длину и 4 м в ширину. Посередине ее стоял массивный каменный саркофаг, закрытый сверху огромной плитой с резными изображениями и иероглифическими надписями. Внутри саркофага находился скелет рослого мужчины средних лет, сплошь усыпанный массой драгоценных нефритовых украшений. На лицевой части черепа лежала изящная мозаичная маска из нефрита и раковин, видимо воспроизводящая внешний облик умершего.

Сомневаться больше не приходилось. Перед Русом покоились останки одного из могущественных правителей древнего города.

Открытие царской гробницы в Паленке стало крупным событием в американской археологии. Впервые на территории майя нашли пышное погребение в каменном саркофаге с великолепными скульптурными украшениями. Кроме того, удалось доказать, что древние мексиканские пирамиды использовались не только как основания для храмовых зданий, но и как места для погребения внутри их наиболее знатных и почитаемых членов общества. Без всякого преувеличения можно сказать, что это был не только триумф археологической науки в целом, но и личный триумф мексиканского исследователя.

Но до этого кульминационного момента в своей карьере Альберто Рус Луилье успел пройти долгий и тернистый путь (1906–1979).

Он родился в Париже. Отец его был кубинцем, мать — француженкой. До 1930 г. жил во Франции. Затем по настоянию отца отправился на Кубу для того, чтобы продолжить свое образование в Гаванском университете. Однако очень скоро молодой студент попадает в самую гущу политических событий, происходивших в кубинской столице в те годы. Он активно участвует в студенческих выступлениях против диктатора Мочадо. Его арестовывают и насильственно высылают в Мексику. Эта страна стала для Альберто Руса второй родиной. Здесь он закончил в 1940 г. Национальную школу антропологии и истории в Мехико и получил диплом археолога. Здесь он под руководством известного мексиканского ученого Альфонса Касо сделал и свои первые шаги в археологии. С тех пор и началась интенсивная научно-исследовательская деятельность молодого Руса. Он стал вести широкие археологические раскопки в зоне майя — в Чьяпасе, Кампече и на Юкатане.

В 1959 г. А.Рус возглавил организованный им семинар, а с 1970 г. и Центр по изучению культуры майя при Национальном автономном университете в Мехико. В 1977 г. его назначают директором всемирно известного Национального музея антропологии.

Прогрессивный ученый, демократ и гуманист, А.Рус Луилье всегда решительно выступал против псевдонаучных и реакционных воззрений в археологии, от каких бы высоких авторитетов они ни исходили. Он, как и многие мексиканцы, сразу же принял и поддержал социалистическую революцию на Кубе. А.Рус неоднократно посещал эту страну, читал лекции в Гаванском университете, помогал готовить кадры специалистов по археологии и истории Латинской Америки. А.Рус был хорошо знаком и с советскими исследованиями о древних майя, высоко их ценил и всячески способствовал их пропаганде в научном мире путем издания статей советских авторов на страницах ежегодника «Исследования по культуре майя» (главный печатный орган Центра по изучению культуры майя).

Перу ученого принадлежит свыше 130 книг, статей и публикаций, наиболее значительные из которых «Кампече в археологии майя» (1945), «Цивилизация древних майя»

(1968), «Погребальные обряды древних майя» (1969), «Храм Надписей в Паленке» (1973) и, наконец, «Народ майя: вчера и сегодня» (1981).

Предлагаемая вниманию советского читателя книга Альберто Руса Луилье «Народ майя», к сожалению, ставшая для него последней, — самая полная и всесторонняя работа по археологии, истории и этнографии индейцев майя на сегодняшний день. Автор использовал при ее написании не только результаты собственных исследований, но и достижения других ученых, как мексиканских, так и зарубежных.

Особое внимание уделяет Альберто Рус характеристике классической цивилизации майя (1-е тысячелетие н.э.) — периоду наивысшего расцвета культуры этого народа, который, хотя и привлекает уже более ста лет пристальное внимание ученых разных стран, до сих пор окружен множеством загадок и парадоксов.

И в самом деле: известно, что все великие цивилизации древности возникали и развивались в условиях сухого и теплого климата, в долинах крупных рек, чьи ежегодные разливы повышали плодородие почвы и создавали самые благоприятные возможности для земледелия. Так было в Месопотамии, Египте, Индии и Китае.

И только майя, словно бросая вызов судьбе, на века обосновались в негостеприимной центральноамериканской сельве, выстроив там свои белокаменные города. За 15 веков до открытия Америки Колумбом майя изобрели точный солнечный календарь и иероглифическую письменность, использовали в математике понятие нуля, уверенно предсказывали солнечные и лунные затмения. Они достигли поразительных успехов в архитектуре, скульптуре, живописи и изготовлении керамики. Но вместе с тем их орудия труда оставались крайне примитивными и изготовлялись только из дерева и камня. Майя не знали металлов, колесных повозок, плуга, вьючных и тягловых животных. Вся гигантская программа их архитектурного строительства была выполнена исключительно мускульной силой человека.

«Культура-загадка», «культура-феномен», «уникальное, ни с чем не сравнимое явление» — такими определениями награждают зачастую в своих трудах цивилизацию древних майя некоторые зарубежные ученые, пытаясь оправдать свое бессилие перед познанием истинного характера этой действительно выдающейся и самобытной цивилизации Американского континента.

Еще каких-нибудь 20–30 лет назад в работах самых авторитетных западных исследователей (С.Г.Морли, Дж.Э.Томпсон, Дж.Брейнерд и др.) рисовалась вымышленная идиллическая картина жизни майяского общества: мирные земледельцы-общинники благоденствуют под отеческим присмотром правящей элиты — аристократов и жрецов, поставляя им продукты со своих полей и даровую рабочую силу для строительства храмов и дворцов. И все исключительно из глубокой любви к религии и ее служителям.

Эти авторы избегали писать о жизни простого народа — подлинного творца великолепной культуры, зато не уставали восхищаться духовным миром сановников и жрецов, сложностью их религиозных и философских воззрений, богатством познаний в области астрономии, математики и искусства.

Книга А.Руса, почти всю свою жизнь посвятившего изучению древних майя, выгодно отличается от названных выше работ глубиной и широтой содержания, четкостью теоретических и методических позиций. Убежденный материалист, он излагает историю майя в тесной связи с экономической и социально-политической структурой майяского общества, дает анализ классового состава последнего, отмечает его антагонистический характер и рисует близкую к действительности картину развития древнемайяской цивилизации: жестокие и кровавые порядки, которые принесло с собой нарождавшееся раннеклассовое государство, бесконечные войны с соседями из-за спорных земель; беспощадная эксплуатация основной массы населения — рядовых общинников, зависимых людей и рабов, чья жизнь проходила в тяжелом труде на полях и строительстве пирамид. Не менее важна и объективна характеристика современного положения индейцев майя в Мексике, Гватемале и Гондурасе, даваемая А.Русом в его книге. Он справедливо считает, что без коренного изменения социально-политического и экономического положения народа этих латиноамериканских стран трудно

решить с демократических позиций и «индейский вопрос», то есть нельзя существенно улучшить жизнь индейцев.

Шаг за шагом раскрывает мексиканский ученый сложную картину былого великолепия погибшей цивилизации. Он тщательно анализирует ее хозяйственную основу — системы земледелия, ремесла, торговлю, технический потенциал (орудия только из дерева, кости и камня), организацию труда. Подробно разбирает А.Рус и различные типы поселений, существовавшие у майя в доиспанское время, — от крохотной деревушки до большого города. Затем следует всесторонняя характеристика социально-экономической структуры майяского раннеклассового общества. И наконец, завершают книгу разделы, посвященные религии, научным знаниям, искусству древних майя и положению их потомков в современном мире.

Уважая опыт и знания своих зарубежных маститых коллег (С.Г.Морли, Дж.Э.Томпсона, Г.Р.Уилли, И.Фогта и др.), Альберто Рус, будучи истинным ученым, никогда не скрывал своего критического отношения к ряду высказанных ими положений и концепций. Так, в своей статье «Аристократия или демократия у древних майя?» (1964) А.Рус решительно выступил против идеализации этими авторами общества древних майя, против приписываемой ему демократичности строя, выборности и регулярной сменяемости всех постов и должностей, отсутствия антагонистических классов.

Не отрицая в принципе особых черт культуры древних майя и ее интеллектуальных и художественных достижений, А.Рус подчеркивает, что цивилизация майя была тесно связана с другими индейскими цивилизациями Мексики и Центральной Америки и имела ряд сходных черт с древними цивилизациями Старого Света (Египет, Месопотамия и т.д.).

В отличие от многих трудов западных майянистов главное действующее лицо в книге А.Русса не правящая элита, не жрецы, астрономы и философы, а сам народ, простые индейцы-труженики, руками и талантом которых и было создано все великолеpie этой блестящей цивилизации древности.

Достоинство уважения и то, что автор, преодолев существующие в буржуазной исторической науке предрассудки, обратился к работам К.Маркса, с тем чтобы полнее и глубже понять социально-экономическую структуру древнего общества.

Вместе с тем книга «Народ майя» содержит и ряд спорных положений, ошибок и неточностей. Большинство из них рассмотрено в специальных примечаниях в конце книги. Однако на некоторых особо важных и принципиальных вопросах следует, видимо, остановиться здесь.

Так, очень выборочно и неполно изложена в работе А.Русса история изучения культуры древних майя. Поэтому ниже дается краткий исторический очерк археологии майя.

До эпохальных путешествий Колумба жители Старого Света вообще не подозревали о том, что за голубыми просторами океанов обитает еще немалая часть человечества. Отдельные случаи доколумбовых плаваний в западное полушарие почти не отразились на знаниях древних географов и ученых. И первые надежные сведения о самобытных культурах американских индейцев появились лишь с началом европейской колонизации Нового Света — в XVI в.

Испанские завоеватели, столкнувшись с наиболее яркими цивилизациями Американского континента (в Мексике и Перу), были поражены своеобразной культурой и необычайно высокими достижениями во многих областях знания — математике, астрономии, архитектуре и т.д. Сохранившиеся до наших дней письма, отчеты и воспоминания участников и очевидцев основных этапов конкисты — Кортеса, Берналя Диаса дель Кастильо, Альварадо и других — содержат немало ценных сведений о религии, быте и нравах коренного населения этих областей Нового Света.

Однако ни о каких настоящих исследованиях далекого прошлого индейцев в то время никто и не помышлял. Испанских завоевателей, занятых грабежом колоссальных богатств вновь открытого материка, вряд ли могли увлечь поиски истоков древних языческих цивилизаций. Выжженные солнцем нагорья и долины Центральной Мексики и Оахаки, сельва Гватемалы и покрытые колючим кустарником равнины Юкатана были усеяны тысячами безы-

мянных холмов и руин. И в каждом из них могли скрываться свои Троя, Ниневия или Пергам. Но, ослепленные манящим блеском сказочных сокровищ ацтекских правителей, конкистадоры равнодушно проходили мимо тысячелетних следов индейской культуры, спеша скорее добраться до золотых кладовых Теночтитлана.

Наиболее развитые цивилизации Мексики и Центральной Америки того времени — ацтекская, миштекская и майяская — были вскоре уничтожены конкистадорами, а их богатое культурное наследие безжалостно вытравлено из памяти последующих поколений почти трехвековым колониальным гнетом.

Испанские власти постарались оградить свои американские владения от остального мира непроницаемой стеной всевозможных ограничений и запретов, своего рода «санитарным кордоном». Стоит ли после этого удивляться, что уже через 100–200 лет после конкисты сам факт существования в прошлом высокоразвитых индейских цивилизаций на территории Нового Света был почти полностью забыт. Их пришлось открывать заново уже в наше время. И решающую роль сыграла здесь археология. Причем важнейший ее раздел всегда составляла археология майя.

Со времен Колумба среди руин майяских городов успели побывать конкистадоры, священники, чиновники, путешественники и искатели приключений, географы, этнографы, археологи. И на каждого из них неизгладимое впечатление производила неповторимая и яркая культура этого древнего народа.

В 1576 г. испанский чиновник Диего Гарсиа де Паласио обнаружил в сельве на берегу реки Копан (в Гондурасе) величественные развалины какого-то древнего города. «Я со всем тщанием, — пишет он, — пытался выяснить у местных индейцев: нет ли в их древних преданиях сведений о людях, живших когда-то в этом городе. Но у них не оказалось книг с описанием их древней истории...» Подробный отчет о своей находке Гарсиа де Паласио направил императору Филиппу II. Но и сам монарх и его приближенные пропустили это сообщение мимо ушей.

В конце XVIII в. в глубине сельвы Чьяпаса (Мексика) был найден еще один древний город майя — Паленке¹, покинутый жителями еще в IX в. н.э. Собственно говоря, обнаружили город индейцы. Они-то и сообщили о таинственных белокаменных зданиях, затерявшихся в лесной чаще, местному священнику. А уже от него узнали о древних руинах и представители испанской администрации.

В 1773 г. Паленке посетил капитан Антонио дель Рио, который впервые обследовал центральную часть огромного города и кратко описал его наиболее выдающиеся архитектурные памятники. В 1822 г. отчет дель Рио был переведен на английский язык и издан в Лондоне. Но даже занимательный рассказ испанского офицера о своих открытиях в мексиканской сельве не вызвал заметного резонанса в ученых кругах Европы. Правда, именно эта книга вдохновила позднее американца Джона Ллойда Стефенса на поиски забытых городов майя. В 1839 г. он отправился в Гондурас на поиски Копана. Его сопровождал в этом смелом предприятии одаренный английский художник Фредерик Казервуд.

Шел XIX век — время величайших археологических открытий. И тот, кто имел хоть немного честолюбия и романтического воображения, спешил к берегам Средиземноморья и Ближнего Востока. Среди них были Шампольон, Ботта, Лэйярд, Шлиман — открыватели исчезнувших древних цивилизаций. Теперь их имена известны всему миру.

Однако американским древностям долго не везло. Многие ученые упорно считали тогда, что индейцы никогда не выходили в своем развитии за рамки варварства, и поэтому, дескать, искать в Новом Свете руины каменных храмов и дворцов — сушая бессмыслица. Заслуга Стефенса как раз в том и состоит, что он бросил смелый вызов этим устаревшим косным взглядам и, несмотря на все трудности и лишения, стоявшие на его пути, победил.

---

¹ Название этого города, как и почти всех других городов древних майя, носит условный характер и дано испанскими колонистами или современными исследователями часто по каким-либо случайным признакам. «Паленке» (исп.) — «изгородь», «ограда», «огороженное место».

Он сумел побывать не только в Копане, но и в Паленке, Ушмале и добром десятке других заброшенных городов древних майя.

Позднее Стефенс изложил результаты своих путешествий и открытий в увлекательной и яркой книге², а поразительно точные рисунки Ф.Казервуда придали ей документальную достоверность.

Учитывая тот огромный эффект, который произвели на ученых Европы и США находки Стефенса, можно с полным основанием утверждать, что именно он положил начало археологии майя.

По следам первопроходцев к руинам забытых майяских городов отправились другие путешественники и исследователи: француз Дезире Шарнэ, англичанин Альфред Моудсли, австриец Теоберт Малер, американцы Альфред Тоззер и Эдвард Томпсон. Эти экспедиции второй половины XIX в. открыли новую страницу в изучении культуры майя, показав всему миру оригинальный и яркий характер погибшей индейской цивилизации. И все же это было только начало. Планомерные археологические раскопки памятников древних майя начались только в 20–30-х годах нашего века. С тех пор научные учреждения и отдельные специалисты Мексики, США и некоторых европейских стран продолжают вести систематические исследования наиболее значительных городов майя: Копана, Киригуа, Вашактуна, Чичен-Ицы, Пьедрас-Неграс, Майяпана, Тикаля, Сейбаля, Бекана, Цибилчальтуна, Альтун-Ха, Лубаантуна и многих других³.

Проблемы, загадки одна сложнее другой сопровождают нас на протяжении всего знакомства с культурой майя. Ирония судьбы состоит в том, что об этой величайшей цивилизации древности, о которой написаны горы книг и статей и которую изучают вот уже более ста лет, нам до сих пор известно ничтожно мало. Мы не знаем имен правителей, военачальников, жрецов и мыслителей майя. До сих пор не прочитаны до конца иероглифы, высеченные на многочисленных стелах, рельефах и алтарях.

Ученые не могут пока с уверенностью ответить даже на такие важнейшие вопросы, как происхождение классической цивилизации майя, особенности ее социально-экономической структуры, характер политического устройства и, наконец, причины драматической гибели майяских городов в конце 1-го тысячелетия н.э.

Не представляет в этом плане исключения и книга Альберто Руса. Вот почему те идеи и факты, которые приводит в своей работе мексиканский исследователь, явно нуждаются в дополнении и корректировке.

У истоков майяской цивилизации. В старинном эпическом повествовании «Пополь-Вух» майя-киче из горной Гватемалы есть рассказ о сотворении мира. В нем говорится, что руками великих богов в незапамятные времена были созданы земля, солнце, луна и звезды. Боги населили Землю различными растениями, животными и птицами, а затем сотворили из кукурузного теста первых людей — предков майя.

Во всей доиспанской литературе Америки это одно из немногих упоминаний о происхождении индейцев. Однако ни древние легенды, ни отдельные археологические находки пока не могут помочь нам пробиться сквозь ту пелену неизвестности, которой окутаны истоки древнейшей майяской цивилизации. И все же именно археология дает ученым путеводную нить, которая ведет к решению проблемы.

Если мы обратимся к наиболее ранним находкам, то увидим, что на большей части равнинной лесной зоны майя (полуостров Юкатан в Мексике и область Петен в Гватемале) первые следы пребывания человека появляются лишь в самом конце 2-го тысячелетия до н.э. В горных же районах майя (Чьяпас в Мексике и Гватемальское нагорье) имеются памятники,

---

² *Stephens J.L. Incidents of travel in Central America, Chiapas and Yucatan, Vols. I–II. New York, 1842.*

Есть сокращенный русский перевод этой книги: *Стефенс Дж. Иллюстрированные записки о любопытной экспедиции в Центральную Америку.* СПб., 1866.

³ Подробнее об археологических исследованиях на территории майя см.: *Willey G.R. and Sabloff J.A. A History of American Archaeology. San Francisco, 1974; Bernal I. A History of Mexican Archaeology. London, 1978.*

восходящие еще к периоду первоначального заселения Нового Света — к 12–10-му тысячелетиям до н.э.

Исходя из собственных данных, лингвисты подсчитали, что предки майя появились на нагорьях Чьяпаса и Гватемалы не позднее середины 3-го тысячелетия до н.э., то есть еще до образования на континенте самых древних оседлых земледельческих культур. Не исключено, что именно с этими племенами связано последовательное введение в хозяйство и распространение важнейших сельскохозяйственных растений доколумбовой Америки — некоторых разновидностей кукурузы, фасоли и тыквы⁴.

Отсюда вполне логично было сделать вывод: на рубеже 2-го и 1-го тысячелетий до н.э. земледельцы майя, испытывая нехватку новых земель, спустились с нагорий и приступили к широкой колонизации почти безлюдных до того равнин на юге Мексики и севере Гватемалы.

Еще один поток переселенцев пришел в эти места, по мнению некоторых ученых, с запада, с южного побережья Мексиканского залива, из области загадочных ольмеков. Усилиями этих пришлых групп при продолжавшемся интенсивном и благотворном влиянии соседних народов и была якобы создана к рубежу нашей эры та блестящая цивилизация, которую мы называем классической культурой майя⁵.

Однако новейшие археологические открытия в зоне майя заметно изменили эту стройную на первый взгляд гипотезу, внося в нее существенные коррективы. Прежде всего выяснилось, что лесные равнинные области — ядро будущей майяской цивилизации — отнюдь не были безлюдными и заброшенными до прихода земледельцев-колонистов нагорий Чьяпаса и Гватемалы.

Широкие исследования археологов США на побережье Белиза (экспедиция, возглавляемая известным археологом Ричардом С.Мак-Нейшем) выявили там десятки древних стоянок охотников, рыболовов и собирателей, относящихся к докерамическому и доземледельческому периоду от 9000 до 2000 г. до н.э.⁶

При раскопках гигантской карстовой пещеры Лольтун на полуострове Юкатан (Мексика) под слоями обитания ранних земледельцев с керамикой около 2000 г. до н.э. удалось обнаружить почти метровое напластование со следами жизни людей докерамического периода — с характерными каменными орудиями для охоты⁷.

Как известно, оседлый образ жизни и земледельческое хозяйство окончательно сформировались в Мезоамерике⁸ к началу 2-го тысячелетия до н.э. Во всяком случае в горных областях майя это было именно так. А что же происходило в лесной равнинной зоне на юге Мексики, в Белизе и на севере Гватемалы? Неужели первые земледельцы пришли туда только тысячу лет спустя, на рубеже 2-го и 1-го тысячелетий до н.э.?

В конце 70-х годов английский археолог Норман Хэммонд при раскопках древнего поселения Куэльо на севере Белиза совершенно неожиданно обнаружил в глубине земли почти трехметровый слой с ранней керамикой и остатками легких хижин из дерева и глины. А внушительная серия из более чем 30 радиоуглеродных дат позволила достаточно уверенно отнести время существования этого поселка земледельцев майя к 2000–1000 гг. до н.э.⁹

Почему именно земледельцев? Потому что в ходе исследований были найдены многочисленные каменные зернотерки. Была найдена и сама кукуруза — в виде обуглившихся, почерневших от времени початков и зерен. И хотя мы не знаем точно, на каком языке говорили древнейшие обитатели поселка Куэльо, вся их материальная культура — формы кера-

---

⁴ *Вавилов Н.И.* Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения. — Избранные труды, т. II. М., 1960.

⁵ *Michael D. Col.* The Maya. London, 1966, p. 52–73.

⁶ *Mac Neish R.S., Wilkerson S.J.K. and Nelken-Terner A.* First Annual Report of Belize Archaic Archaeological Reconnaissance. Andover, 1980.

⁷ *Mexikon*, vol. 2, №4. Berlin, 1980, p. 53–55.

⁸ О термине Мезоамерика подробнее см.: *Гуляев В.И.* Древние цивилизации Мезоамерики. М., 1972, с. 5.

⁹ *Hammond N.* The Earliest Maya. «Scientific Americans», Vol. 236, №3. New Haven, 1977, p. 116–133.

мики и лепных глиняных статуэток, характер жилищ, погребальный обряд — была, бесспорно, майяской. Она продолжала успешно развиваться и в последующие времена, вплоть до начала классического периода цивилизации майя¹⁰.

Таким образом, процесс освоения лесной зоны предками майя выглядит сейчас куда более сложным¹¹, а время значительно более ранним, чем считалось прежде. Однако факт широкого переселения майяских земледельцев с гор на равнину в течение 2-го тысячелетия до н.э. пока никем серьезно не отвергается.

Все вышесказанное позволяет предполагать, что лесные равнинные области майя в целом были заселены и освоены не позднее конца 2 — начала 1-го тысячелетия до н.э. выходцами из горных районов: с запада (из Чьяпаса) и с юга (из Гватемалы, Сальвадора, Гондураса). Далее раннеземледельческая культура, принесенная предками майя в сельву Петена и Юкатана, развивалась самостоятельно. Именно на ее основе и сформировалась на рубеже нашей эры блестящая цивилизация классического периода. Это доказывается преемственностью в развитии ключевых элементов местной культуры: в керамике, архитектуре, погребальном обряде, мотивах искусства и т.д.

Однако это отнюдь не означает, что равнинные майя «взрачивали» свою великолепную культуру в полной изоляции от внешнего мира. Напротив, этот процесс проходил в постоянном и творческом общении с соседями, родственными майя и во многих отношениях более развитыми, чем они.

Загадки майяского земледелия. Долгое время считалось, что майя испокон веков культивировали у себя самую примитивную форму земледелия — подсеčno-огневую, которая требовала больших массивов свободной земли, поросшей лесом, и частой смены выжигаемых участков в связи с быстрым истощением плодородия почв. Такое земледелие, по подсчетам ученых, не могло обеспечить пищей сколько-нибудь значительное население. Как же в таком случае у майя появились многолюдные и процветающие города? Почему они существовали на одном и том же месте непрерывно в течение сотен лет?

В результате последних исследований удалось установить, что подсеčno-огневое земледелие майя при всех его внешних минусах не было столь примитивным и малоэффективным, как это представлялось на первый взгляд. Уже в глубокой древности жрецы разработали весьма совершенный солнечный календарь, точно регулирующий сроки основных земледельческих работ: вырубка леса, его выжигание, сев в начале сезона дождей, уход за посевами, уборка урожая. Майяские земледельцы путем длительных опытов и отбора сумели вывести гибридные, высокоурожайные сорта основных сельскохозяйственных пищевых культур — кукурузы, бобовых и тыквы. Наконец, ручная техника обработки небольшого участка в лесу и сочетание на одном поле посевов нескольких культур (например, кукурузы и фасоли) позволяло долгое время сохранять его плодородие. Кроме того, возле каждого индейского жилища имелся приусадебный участок с огородом и фруктовыми деревьями. Не требуя особого ухода, такое дерево, как рамон (хлебное дерево), давало множество питательных плодов, способствуя тем самым оседлому образу жизни рядового крестьянина-общинника¹².

Но и это еще не все. Сейчас уже твердо установлено, что майя в 1-м тысячелетии н.э. знали и другие, более интенсивные формы земледелия. На юге Юкатана и в Белизе на склонах каменистых холмов найдены искусственные земледельческие террасы с особой системой увлажнения почвы. В Петене и в бассейне реки Канделярии (штат Кампече, Мексика) археологи обнаружили следы орошаемого земледелия в виде каналов и так называемых приподнятых полей — искусственно сделанных длинных грядок земли, полузатопленных водами реки или озера.

---

¹⁰ Hammond N. Ancient Maya Civilization. New Brunswick, 1982, p. 116–117.

¹¹ О сложности проблемы красноречиво свидетельствуют итоги работы специального симпозиума по происхождению цивилизации майя, состоявшегося в США в 1974 г. (см.: Adams R.E.W. (ed.) The Origins of Maya Civilization. Albuquerque. New Mexico, 1977).

¹² Подробнее об этом см.: Гуляев В.И. Земледелие древних майя. — Природа, №9. М., 1982, с. 88–97.

Подобные земледельческие сооружения, весьма напоминающие знаменитые «плавающие сады» ацтеков («чинампы»), были способны давать огромные урожаи и практически обладали неистощимым плодородием¹³. По подсчетам ученых, такое земледелие вполне успешно решило пищевую проблему в обществе древних майя, обеспечивая в среднем не менее 700 человек на 1 км² площади¹⁴. Все это во многом объясняет загадку «экономического чуда» одной из наиболее ярких цивилизаций доколумбовой Америки.

Древние майя: рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. Альберто Рус Луилье в своей книге неизменно подчеркивает классовый антагонистический характер майяского общества, выделяя в нем четыре основные социальные группы: знать (духовную и светскую), торговцев, рядовых общинников и, наконец, рабов. Особенности социально-политической структуры цивилизации древних майя он пытается объяснить на основе концепции «азиатского способа производства», используя для этой цели некоторые работы К.Маркса. А.Рус, так же как и большинство советских исследователей, считает, что древнемайяское общество весьма близко по характеру ранним государствам Ближнего Востока (Двуречье, Египет и др.). Вместе с тем мексиканский ученый, на наш взгляд, несколько преувеличивает роль религии в качестве важнейшей движущей силы в развитии классической цивилизации майя и неправильно считает основной формой местной государственности теократию, т.е. полное господство в обществе жреческой (духовной) элиты.

Поднятые в книге А.Русы вопросы относятся к числу важнейших и наиболее спорных проблем современной исторической науки. И это со всей очевидностью показали недавно прошедшие как в нашей стране, так и за рубежом среди ученых-марксистов дискуссии «об азиатском способе производства». Не имея возможности сколько-нибудь подробно осветить ход и результаты этих научных дебатов, отсылаю читателя к монографии В.Н.Никифорова, где достаточно полно и непредвзято излагается суть вопроса¹⁵. Здесь же следует напомнить, что идея о наличии на Древнем Востоке особого «азиатского» способа производства, бесспорно, высказывалась классиками марксизма в ряде их ранних работ.

К.Маркс и Ф.Энгельс, изучая генезис капиталистического общества, естественно, не могли не заинтересоваться и теми странами, которые не вступили еще на путь развития капитализма, прежде всего восточными. К глубокому анализу истории Востока они приступили лишь с 1853 г.¹⁶ Используя научные данные тех лет, К.Маркс в рукописи «Формы, предшествующие капиталистическому производству» в предварительной форме изложил свои взгляды на особенности социально-экономической структуры восточных стран¹⁷. В конце 50-х годов в предисловии к «Критике политической экономии» К.Маркс впервые дал четкую формулировку закономерной смены способов производства во всемирной истории: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»¹⁸. Для «азиатских» обществ, по мнению классиков марксизма, было характерно наличие замкнутых и самообеспечивающихся сельских общин, сильной государственной власти — в лице царя, деспота, правителя, стоящей над этими общинами, и отсутствие частной собственности на землю¹⁹.

Однако после выхода в свет работ Г.Маурера, М.М.Ковалевского и особенно американского этнографа Л.Г.Моргана «Древнее общество», а также в результате изучения всех

---

¹³ *Hammond N.* Agricultural intensification in the Maya Lowlands. — Actes du XLII-e Congrès International des Américanistes. Paris, 1979, Vol. VIII, p. 328.

¹⁴ *Dahlin B.* Preliminary investigations of agronomic potentials in «bajos». Adjacent to Tikal. — Actes du XLII-e Congrès International des Américanistes. P., 1979, vol. VIII, p. 306; *Harrison P.D.* and *Turner B.L.* (eds). Prehistoric Maya Agriculture, 1978.

¹⁵ *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. М., 1977.

¹⁶ История древнего мира. Ранняя древность, т. I. М., 1983, с. 10.

¹⁷ *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. — См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I.

¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 7.

¹⁹ *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. М., 1977, с. 121–127.

появившихся в 70-х годах научных материалов К.Маркс и Ф.Энгельс термин «азиатский способ производства» больше в своих трудах не упоминают. Позднее, анализируя процесс исторического развития, они пришли к выводу о том, что в докапиталистический период общество проходит три последовательные стадии развития, три формации: первобытнообщинную, рабовладельческую и феодальную²⁰.

В 60-х годах XX в. французские историки-марксисты (Ж.Шено, М.Годелье и др.) в серии статей вновь вернулись к концепции «азиатского способа производства», как бы дав импульс новому этапу широких научных дискуссий по данной теме. «Азиатский способ производства», согласно Ж.Шено, характеризуется сочетанием производительной активности сельских общин и экономического вмешательства государственной власти, которая одновременно эксплуатирует общины и управляет ими. Коренное отличие азиатского деспотического государства, по его мнению, состоит в том, что оно само является организатором производства. Основное противоречие такого общества — не противоречие между классами, а противоречие между государством и общинами²¹.

В итоге последовавших в конце 60 — начале 70-х годов оживленных научных дискуссий (и в СССР, и за рубежом) сторонникам «азиатского способа производства» так и не удалось сколько-нибудь убедительно доказать его реальное существование в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Таким образом, прежняя «пятичленная» схема всемирного исторического процесса (первобытнообщинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм) полностью сохраняет свое значение и с известными модификациями и уточнениями (я имею здесь в виду прежде всего рабовладельческую формацию и определение ее в свете последних работ И.М.Дьяконова, В.Н.Никифорова, Г.Ф.Ильина, Ю.В.Качановского и др.) по-прежнему служит надежным теоретическим оружием в практической работе современного исследователя.

Большинство советских ученых-американистов считает общество древних майя раннеклассовым, принадлежавшим к рабовладельческой социально-экономической формации²².

Вопрос о социальных порядках майя в классическую эпоху (1-е тысячелетие н.э.) — один из наиболее трудных и запутанных вопросов доколумбовой истории Америки. Это объясняется и необычайной сложностью самой проблемы, и скудностью источников, освещающих ее. Большинство зарубежных исследователей признают, что в III–IX вв. н.э. общество майя было классовым и что в майяских городах преобладала теократическая форма правления. Это означает, что во главе государства стояла могущественная каста жрецов, которой подчинялись все другие социальные слои и группы (светская знать, ремесленники, торговцы, земледельцы).

Однако недавно некоторые археологи и этнографы США выдвинули новую точку зрения, согласно которой у древних майя не было никаких антагонистических классов: каждый член общества мог быть избран со временем на любую, даже самую высокую государственную должность, а уровень жизни рядового землевладельца в целом почти не отличался от жреческого²³. Есть мнение, что у майя в древности господствовали «феодальные порядки грубого и простого типа» (Р.Е.Адамс, У.Сандерс и др.).

Прежде чем ставить вопрос о возникновении классового общества у майя и о формировании государственной власти, необходимо, учитывая крайнюю малочисленность наших источников о классическом периоде, ясно представить себе характер уже сложившегося майяского общества и государства в X–XVI вв. н.э. Это тем более полезно, что поздние этапы истории майя сравнительно полно освещены в испанских и индейских хрониках. Анализ археологических и письменных данных этой эпохи показывает, что к моменту появления в Но-

²⁰ История древнего мира... т. I, с. 11.

²¹ История древнего мира... т. I, с. 13.

²² Кнорозов Ю.В. Комментарии. — В изд.: *Дизго де Ланда*. Сообщение о делах в Юкатане. М. — Л., 1955; Гуляев В.И. Города-государства майя. М., 1979.

²³ Ruz Lhuillier A. Aristocracia o democracia entre los antiguos Mayas? «Anales de Antropologia», vol. I. Mexico, 1964, p. 64–66.

вом Свете испанских завоевателей на территории майя существовало несколько небольших государств. Между этими государствами (или «провинциями», как их называют в испанских хрониках) велись бесконечные войны с целью захвата добычи и рабов.

Вся полнота власти внутри «провинции» сосредоточивалась в руках светского правителя — халач-виника. Его должность была наследственной. Кроме общего управления своим государством и руководства его внешней политикой халач-виник осуществлял верховную военную власть и исполнял некоторые религиозные функции²⁴. Помимо обширных плантаций фруктовых деревьев и какао, находившихся в полной собственности правителя и обрабатываемых рабами и разного рода зависимыми людьми, он получал также дань с подвластного ему населения.

Судя по ранним хроникам в XVI в., общество майя было классовым. Оно разделялось на три больших класса: знать, общинников и рабов. Жрецы составляли особую прослойку внутри знати. «Жречество играло огромную роль в общественной жизни, так как в его руках были сосредоточены не только религиозный ритуал, но и научные знания и искусство. Верховный жрец, бывший советником халач-виника, назначал жрецов в селения, и те в свою очередь были советниками батабов»²⁵. Следовательно, жречество, несмотря на все свое влияние, не являлось единственной господствующей силой в обществе.

В целом социальный строй майя имеет много общего с древневосточным обществом на ранних этапах его развития (Шумер, Египет, Индия и др.). Как и на Древнем Востоке, мы находим у майя достаточно развитое рабовладение наряду с сохранением преобладающей роли общины, расслаивающейся на зажиточных и неимущих членов.

Для классического же периода (III–IX вв. н.э.) мы располагаем почти исключительно археологическими данными. Испанские и индейские источники хранят полное молчание относительно событий ранее X в., а многочисленные иероглифические тексты, высеченные на каменных рельефах, стелах и алтарях майяских городов, к сожалению, полностью пока не прочитаны. Естественно, что одного археологического материала для реконструкции характера государства древних майя явно недостаточно. Вот почему столь большое значение имеют ретроспективно рассмотренные здесь сведения письменных источников более поздней эпохи. Несмотря на свою специфику, социальные порядки майя классического периода в целом были близки тем, что существовали на полуострове Юкатан в XV–XVI вв.

Анализ археологических данных показывает, что уже с первых веков нашей эры у майя наблюдается значительное классовое расслоение. Величественные каменные храмы и дворцы резко контрастируют с убогими хижинами рядовых горожан и земледельцев. Пышные гробницы знати с драгоценными украшениями и человеческими жертвами, с одной стороны, и скромные могилы простого люда — с другой, красноречиво говорят о той глубокой социальной пропасти, которая отделяла правящую верхушку от остального населения.

В богатом классическом искусстве майя обращают на себя внимание довольно часто повторяющиеся мотивы. Речь идет об изображениях персонажей высокого ранга в пышных одеждах, вычурных головных уборах, с различными регалиями и атрибутами власти. На наш взгляд, это правители городов-государств — халач-виники. На светский характер этих лиц указывают такие атрибуты власти, как троны, скипетры, щиты, различные предметы вооружения. О том, что трон был непременной принадлежностью именно царя, лишней раз доказывает изречение из эпоса майя-киче «Пополь-Вух»: «Там же они достигли величия, там поместили свои блестящие троны и царские сиденья, и там распределили они полагающиеся почести среди царей»²⁶.

Многочисленные сцены триумфа на памятниках классического искусства майя (царь-победитель и т.д.) свидетельствуют о военном характере царской власти у майя. В то же время увеличенные размеры фигуры правителя по сравнению с остальными персонажами под-

²⁴ Adams R.E.W. Prehistoric Mesoamerica. New York, 1977.

²⁵ Кнорозов Ю.В. Комментарий. — В изд.: Диэго де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М. — Л., 1955, с. 46.

²⁶ «Пополь-Вух». М. — Л., 1959, с. 118.

черкивают божественный характер и несокрушимую мощь царской власти. Если мы обратимся к искусству древних цивилизаций Старого Света, то без труда найдем там множество близких по характеру мотивов, причем некоторые из них сопровождаются надписями, не оставляющими никаких сомнений в назначении указанных предметов искусства — прославление власти правителя, царя, фараона. У майя, как и у народов Древнего Востока (Месопотамия, Египет, Индия, Китай), в эпоху становления классового раннерабовладельческого общества, видимо, существовала характерная форма государственного правления типа восточной деспотии. Ее особенностями были важная роль общины во всех сферах жизни и идеология обоготворения царя. Последняя служила мощным орудием порабощения рядовых общинников и подчинения их правящей элите аристократов и жрецов.

Загадки погибших городов. VII–VIII вв. — время наивысшего расцвета классической цивилизации майя, ее «золотой век». Правители многочисленных городов-государств ведут успешные боевые действия на западных и южных границах страны. Караваны вездесущих торговцев майя проникают в самые отдаленные уголки Мексики и Центральной Америки, вывозя оттуда зеленый камень нефрит, яркие перья тропических птиц, бобы какао, соль и обсидиан. Бурно развиваются различные ремесла, небывалой высоты достигает искусство. Казалось, ничто не могло угрожать благополучию этой великой страны.

Но происходит непонятное. К концу IX в. на большей части территории низменных лесных районов майя (Северная Гватемала, Белиз, Южная Мексика) жизнь в городах затухает или вовсе прекращается. Зодчие перестают строить новые храмы и дворцы. Скульпторы не возводят больше резных стел и алтарей с календарными датами. Прекращаются научные изыскания. Замирают многолюдные и шумные рынки. Приходят в запустение пышные царские дворцы.

«На священных алтарях, — пишет американский археолог Ч.Галленкамп, — не воскресло больше душистый копал. На широких площадях умолкло эхо человеческих голосов. Города остались нетронутыми — без следов разрушений или перестроек, как будто их обитатели собирались вскоре вернуться. Но они не вернулись. Города окутало безмолвие... Дворы заросли травой. Лианы и корни деревьев проникли в дверные проемы, разрушая каменные стены пирамид и храмов. За одно лишь столетие заброшенные города майя оказались поглощенными сельвой»²⁷.

И действительно, на протяжении каких-нибудь 100–150 лет наиболее густо населенная и развитая в культурном отношении область Нового Света приходит в полный упадок. Этот неожиданный регресс в жизни древних майя доказывается прежде всего тем, что в конце 1-го тысячелетия н.э. в городах Южной Мексики и Северной Гватемалы не велось больше архитектурного строительства и не возводились стелы с датами по эре майя. «Причем в некоторых случаях, — подчеркивает Дж.Э.Томпсон, — эти работы были прекращены столь внезапно, что платформы, созданные для того, чтобы служить фундаментом для каких-то зданий, остались пустыми, а в городе Вашактуне стены самого позднего храма остались недостроенными»²⁸.

По подсчетам ученых, на рубеже IX–X вв. население Тикаля составляло не более 10% от прежнего²⁹. Примерно такая же картина наблюдалась в IX в. и в других городах майя — Паленке, Пьедрас-Неграс, Вашактуне, Сейбале.

Таким образом, вряд ли приходится сомневаться в том, что индейцев майя, живущих в низменных лесных областях Южной Мексики и Северной Гватемалы, в конце 1-го тысячелетия н.э. постигла одна из величайших в древности демографических катастроф. По словам некоторых авторитетных исследователей, здесь в течение одного столетия погибло около 1 млн. человек.

Для объяснения этой грандиозной катастрофы выдвигалось множество самых разнообразных гипотез: землетрясения, резкое изменение климата, эпидемии страшных болезней,

²⁷ Галленкамп Ч. Майя. Загадка исчезнувшей цивилизации. М., 1966, с. 130.

²⁸ Thompson I.E.S. The Rise and Fall of Maya Civilization. Norman, 1954, p. 84.

²⁹ Culbert T.P. The lost civilization: the story of classic Maya. New York, 1974.

крах местной системы земледелия, восстания угнетенных низов против правящей верхушки аристократов и жрецов и, наконец, чужеземное нашествие.

Маловероятно, что города майя погибли в результате землетрясений: почти вся обширная зона лесных низменных областей лежит вне пояса активной вулканической деятельности.

Не выдерживает критики и гипотеза о резком сокращении количества дождевых осадков. Последние геохимические и ботанические исследования в Северной Гватемале показали, что незначительное уменьшение влажности, действительно наблюдавшееся здесь в конце классического периода, не могло серьезно отразиться на развитии культуры майя, а тем более привести ее к гибели.

Версия о повальных эпидемиях малярии и желтой лихорадки, и по сей день опустошающих целые районы Латинской Америки, также несостоятельна, так как обе указанные болезни не были известны в Новом Свете до прихода европейцев.

Одной из наиболее распространенных оставалась до последнего времени гипотеза об общем упадке майяского земледелия, оказавшегося неспособным обеспечить потребность быстро растущего населения. Ее автором является американский археолог Сильванус Г. Морли. Он считал, что к концу классического периода все запасы земель, годных для обработки, были исчерпаны, а их плодородие полностью истощено длительным применением системы подсечно-огневого земледелия. И тогда наступил экономический крах: голод, народные восстания и кризис власти.

Однако последние исследования заставили пересмотреть основные положения и этой гипотезы. Прежде всего был поднят вопрос: действительно ли майя исчерпали свои обширные резервы плодородных земель? Археолог А.В. Киддер (США) установил, что почвы долин реки Мотагуа на западе Гондураса ежегодно обновляются во время паводков и, следовательно, их можно возделывать постоянно. Такая же картина наблюдается и в долинах других крупных рек — Усумасинты, Канделярии, Улуа и др. Кроме того, мы теперь хорошо знаем, что у древних майя помимо подсечно-огневого были широко распространены и другие, более интенсивные способы земледелия: «террасы», «приподнятые поля», дренажные и водосборные каналы и т.д.

Значительной популярностью пользуется до сих пор среди специалистов точка зрения Дж.Эрика Томпсона, объяснявшего гибель классических центров культуры майя внутренними социальными потрясениями — восстаниями угнетенных земледельцев-общинников. Он ссылается при этом на факт умышленного уничтожения или порчи изображений персонажей высокого ранга на рельефах и стелах некоторых майяских городов. Однако тщательное рассмотрение всех этих случаев «вандализма» показало, что они имели место не только в конце I-го тысячелетия н.э., но и на протяжении всего классического периода.

На наш взгляд, ближе всего к истине гипотеза, объясняющая упадок древних городов майя нашествием чужеземцев. Но и здесь остается еще много неясного. Большинство ученых считают, что в гибели майяской классической цивилизации повинны народы Центральной Мексики — либо тольтеки, вторгшиеся на Юкатан, согласно сообщениям летописей, в конце X в., либо теотиуаканцы, вторжения которых начались в еще более раннее время (VII в.).

Некоторые исследователи связывают эту вторую волну чужеземного нашествия на земли майя с племенами пипиль, этническая и культурная принадлежность которых до конца еще не установлена. Во всяком случае в их культуре явственно различимы традиции поздней теотиуаканской и тотонакской культур (специфическая оранжевая керамика, терракотовые фигурки, каменные резные предметы культового назначения — «ярмо» и «топор»). И кроме того, мы знаем, что перед вторжением в зону майя пипиль жили на побережье Мексиканского залива (Веракрус, Табаско).

Экспансия пипиль на территорию майя происходила с 800 по 950 г. н.э. по двум основным направлениям: вдоль реки Усумасинты и ее притокам — на юго-восток (Паленке, Сейбаль, Алтар-де-Сакрифисьос) и по побережью Мексиканского залива — к городам Юкатана.

И все же причины гибели классической цивилизации майя и поныне остаются величайшей загадкой³⁰.

Даже гипотеза о нашествии воинственных пипиль не до конца согласуется с известными фактами. Дело в том, что если на северо-западе майяской территории, например в Паленке и Сейбале, последние дни в жизни этих городов действительно совпадают с широким распространением инородного комплекса изящной оранжевой керамики, то дальше к югу, в Петене, такая керамика появляется лишь вслед за упадком майяских столиц, и представлена она довольно малочисленными образцами. Таким образом, не исключено, что появление здесь носителей оранжевой посуды явилось не причиной, а результатом упадка майяских городов в конце 1-го тысячелетия н.э.

Именно поэтому многие авторитетные ученые высказывают сейчас предположение, что гибель классической культуры майя произошла в результате воздействия не одного, а нескольких взаимосвязанных факторов экономического (перенаселение, упадок земледелия, торговли и т.д.) и социального (войны, нашествия извне, восстания угнетенных и т.д.) порядка. При этом вполне возможно, что здесь имел место так называемый принцип домино, то есть начало действия одного какого-то фактора, например нашествие чужеземцев, вызвало к жизни новые кризисы и потрясения (резкое сокращение населения, голод, развал экономики и т.д.). Как известно, основу экономического процветания цивилизации майя в 1-м тысячелетии н.э. составляло интенсивное земледелие с его разветвленной системой оросительных и дренажных каналов, «приподнятых полей» и «террас». Их сооружение и поддержание в порядке требовали колоссальных усилий общества. Они были предметом особой заботы и со стороны центральной власти. Сильно сократившееся в результате войн население было уже не в состоянии в трудных условиях сельвы содержать столь сложные и обширные ирригационные системы. И они погибли, а вместе с ними погибла и местная цивилизация. История человечества знает немало подобных примеров. Когда в XIII в. орды кочевников-татар вторглись в цветущие земледельческие оазисы Средней Азии, большая часть местной оросительной системы была разрушена, и целые области некогда благодатных земель на века превратились в мертвую пустыню.

Заговорившие письма. В том разделе книги «Народ майя», где речь идет об иероглифической письменности майя и попытках ее прочтения, Альберто Рус упоминает и работы советского этнографа Ю.В.Кнорозова. Однако он так и не дает четкой оценки исследований ученого, не называет важнейших его трудов.

Необходимо сказать, что уже первая публикация Ю.В.Кнорозова (небольшая статья под названием «Древняя письменность Центральной Америки», опубликованная в 1952 г. в журнале «Советская этнография») вызвала интерес не только у советских специалистов, но и в научных кругах Европы, США и Латинской Америки. Дотоле никому неизвестный молодой ученый из «далекой России» убедительно доказывал в своей работе, что письменность древних майя относится к иероглифическим системам письма и, следовательно, передает звуковую речь. Он утверждал, что сохранившиеся до наших дней рукописи и надписи майя можно дешифровать, прочитать и перевести на любой другой язык. И это были отнюдь не голые декларации. За каждым выводом автора стояли продуманные и четко изложенные аргументы.

Но вскоре за рубежом появилась статья маститого американского профессора Дж.Эрика Томпсона, в которой он, в крайне резкой форме «прорецензировав» работу Ю.В.Кнорозова, категорически отрицал наличие в письменности майя фонетических знаков, а потому отвергал и любую попытку найти ключ для дешифровки майяских иероглифов. Дело в том, что Томпсон и его так называемая календарная школа понимали под «дешифровкой» произвольное «толкование» вырванных из контекста знаков, а не их прочтение. В подобном подходе к исследованию попросту смешивались два разных понятия: «дешифровка» и «интерпретация». Первое из них означает отождествление иероглифов со словами языка

---

³⁰ Culbert T.P. (ed.). The Classic Maya Collapse. Albuquerque, 1973.

мая, а во втором случае имело место лишь толкование значения отдельных знаков, не дающее их точного словесного эквивалента, а только «объясняющее» их смысл.

В 1963 г. вышла в свет фундаментальная монография Ю.В.Кнорозова «Письменность индейцев майя», где содержались факсимильные тексты всех сохранившихся иероглифических рукописей майя (XII–XV вв.) — Дрезденской, Мадридской и Парижской, подробно излагались принципы их дешифровки, основы майяской грамматики, словарь старого языка юкатанских майя и каталог иероглифов.

Изучение неизвестной древней письменности — длительный и сложный процесс. Здесь следует двигаться постепенно, поэтапно, прочно закрепляя за собой достигнутые рубежи. Отождествление знаков письменности не означает еще, что мы можем читать и переводить тексты. Например, хорошо зная буквы латинского алфавита, нельзя читать тексты на финском, венгерском и норвежском языках. Для этого нужны словари упомянутых языков, знание их грамматики и лексики.

Точно так же было и в случае с майяскими письменами. До тех пор пока не составили и не издали словари, не изучили грамматику и лексику индейцев майя эпохи конкистадоров (XVI–XVII вв.), трудно было прочитать и рукописи, Большая заслуга в составлении и публикации нужных словарей принадлежит Центру по изучению культуры майя в Мехико, который много лет возглавлял А.Рус. С этим Центром советские ученые поддерживали и поддерживают постоянные и полезные контакты. Столь же необходимым для успешного продвижения вперед было и создание каталога всех иероглифических знаков майя.

Наконец все трудности остались позади. В 1975 г. появляется новая книга Ю.В.Кнорозова — «Иероглифические рукописи майя», в которой впервые в мировой практике даны чтение и перевод (на русский язык) майяских иероглифических текстов XII–XV вв. И хотя работы Кнорозова ныне получили широкое признание не только в нашей стране, но и за рубежом, необходимо еще раз отметить огромный личный вклад советского ученого в исследование культуры древних майя, в дешифровку и прочтение их письменности. «Ирония интеллектуальной истории, — отмечает профессор Йельского университета Майкл Ко, — состоит в том, что известие о дешифровке письменности майя пришло не из США, Англии или Германии, которые имели почти полную монополию на изучение майя в течение прошедшего столетия, а из Советской России — от ученого, который вдохновляется в своей работе идеями марксизма-ленинизма»³¹.

Видимо, специалисты в области лингвистики смогут в дальнейшем по достоинству оценить поистине подвижнический подвиг ученого. Ю.В.Кнорозов провел гигантскую работу по изучению особенностей языка далекого и малоизвестного нам индейского народа, дал правильную общую оценку майяской письменности как иероглифической, разработал новые и оригинальные приемы дешифровки древних письмен (и не только майя) — метод «позиционной статистики» и, наконец, дал полный перевод на один из современных языков всех уцелевших доиспанских рукописей майя, вновь заговоривших почти пять веков спустя.

Тем самым в научный оборот введен совершенно новый, полновесный исторический источник. Правда, источник этот по своему содержанию весьма сложен и своеобразен. Иероглифические рукописи майя XII–XV вв. являются жреческими требниками (справочниками). «Они содержат подробный перечень обрядов, жертвоприношений и предсказаний, связанных со всеми отраслями хозяйства (земледелие, охота, рыбная ловля, пчеловодство) и касающихся всех слоев населения, кроме рабов. Соответствующие указания даны в виде краткого описания занятий богов. Эти сведения давали основание жрецу совершать обряды, требовать надлежащей жертвы, определять благоприятное время и предсказывать будущее всем — от правителей до новорожденных, используя исторические прецеденты и астрологические данные...»³² Особенно ценный материал дают рукописи для изучения религии древних майя.

---

³¹ *Сое М.Д.* Maya scribe and his world. New York, 1973, p. 11.

³² *Кнорозов Ю.В.* Иероглифические рукописи майя. Л., 1975, с. 228.

Но, как ни значителен сам по себе для современной американистики факт прочтения нескольких иероглифических рукописей майя XII–XV вв., еще важнее представляются те многообещающие перспективы, которые открывает фундаментальная работа Ю.В.Кнорозова для дальнейших исследований в области майянистики. Дело в том, что перевод рукописей — хорошая база для изучения других текстов майя: речь идет о многочисленных иероглифических надписях некалендарного характера, запечатленных на каменных стелах, рельефах и алтарях, а также на фресках и росписях керамики из майяских городов 1-го тысячелетия н.э.

В настоящее время такая работа уже ведется. Получены первые важные результаты³³. Не приходится сомневаться, что прочтение иероглифических текстов на сооружениях и предметах, находимых во время раскопок древних майяских городов, позволит в свою очередь довольно быстро вывести археологию майя на уровень археологии месопотамской и египетской. Там, как известно, во многом «скупой» и ограниченный на историческую информацию археологический материал удачно дополняется сведениями прочитанных еще в прошлом веке клинописных и иероглифических текстов.

Все сказанное выше отнюдь не снижает важного значения книги Альберто Руса Луилье «Народ майя». Она написана для широкого круга читателей человеком знающим и увлеченным. Как истинный ученый, А.Рус всегда был нетерпим к пустой сенсационности и фальши в археологической науке, что он и доказал всей своей деятельностью и этой книгой.

Нужно сказать, что по своей общеисторической значимости открытие А.Руса в Паленке вполне сопоставимо с такими крупнейшими археологическими открытиями XX в., как находка гробницы фараона Тутанхамона в Египте или раскопки некрополя шумерских царей в городе Уре (Ирак). Стоит ли удивляться, что этот яркий памятник древнемайяской культуры вскоре привлек к себе пристальное внимание и ученых, и широкой публики. Не прошло и десяти лет со дня выхода в свет первых статей мексиканского археолога о царской гробнице в Паленке, как появились люди, взявшие на себя смелость по-своему «интерпретировать» необычную находку в «Храме Надписей». Так, появилась версия, будто какой-то европейский мореплаватель пересек Атлантический океан задолго до Колумба и принес аборигенам Америки свет высокой культуры, управляя в Паленке в качестве обожествленного монарха. Основанием для этого утверждения послужил лишь один факт — необычайно высокий для индейцев майя рост погребенного в саркофаге «Храма Надписей» человека — 173 см (средний рост мужчин у майя — 155–160 см).

Еще более поразительные измышления по поводу царской гробницы в Паленке появились несколько лет назад. В 1971 г. небезызвестный швейцарский «писатель» и археолог-дилетант Эрих фон Дэникен в своем нашумевшем бестселлере «Воспоминание о будущем» (по которому в ФРГ был позднее снят одноименный фильм) изложил собственную точку зрения на содержание скульптурных изображений на крышке саркофага в «Храме Надписей».

«В 1953 г. в Паленке... — утверждает Дэникен, — найден каменный рельеф, изображающий, по всей вероятности, бога Кукуматца (в Юкатане он называется Кукулькан)... Мы видим в нем человека, сидящего наклонившись вперед, в позе жокея или гонщика; в его экипаже любой нынешний ребенок узнает ракету. Она заострена спереди, снабжена странно изогнутыми выступами, похожими на всасывающие дюзы, а потом расширяется и заканчивается языками пламени. Человек, наклонившись вперед, обеими руками орудует со множеством непонятных контрольных приборов, а левой пяткой нажимает на какую-то педаль. Он одет целесообразно: в короткие клетчатые штаны с широким поясом, в куртку с модным сейчас японским воротом и с плотно охватывающими манжетами. Активна не только поза у столь отчетливо изображенного космонавта: перед самым лицом у него висит какой-то прибор, и он следит за ним пристально и внимательно»³⁴.

³³ Подробнее см.: Кнорзов Ю.В. и Ершова Г.Г. Латинская Америка, №9, 1982; №6, 1983; №5, 1984; №6, 1985.

³⁴ См.: Гуляев В.И. Царская гробница в Паленке: легенды и факты. — Советская этнография, №2, 1981, с. 144.

Не успели еще утихнуть страсти по поводу «космических пришельцев» в стране майя, как у первооткрывателя гробницы в Паленке появился новый, еще более грозный противник. В 1975 г. на страницах журнала «Нэшнл джиографик» два лингвиста из США после анализа изображения на верхней плите саркофага и «прочтения» иероглифических надписей на ней объявили о рождении очередной научной сенсации. Оказывается, в гробнице «Храма Надписей» был похоронен ветхий старец в возрасте старше 80 лет. Его имя «читается» якобы как Пакаль (майяск. — «щит») на том основании, что знак щита встречается несколько раз в надписях на саркофаге. Центральную фигуру, запечатленную на скульптурной каменной плите, американцы предложили считать точным портретом умершего. И, найдя на правой ступне правителя какие-то незначительные искривления пальцев, объявили Пакаля человеком, страдавшим от патологической деформации ног, что было связано якобы с практикой кровосмесительных браков внутри правящей династии Паленке. Они утверждали также (на основе весьма вольной трактовки некоторых иероглифических знаков), что Пакаль был женат уже с двенадцатилетнего возраста — сначала на своей матери, а потом — на родной сестре. При жизни Пакаль был, по словам упомянутых лингвистов, человеком небольшого, почти карликового роста.

Падкие на сенсации телевизионные компании и пресса США и ряда стран Латинской Америки поспешили разнести пикантные «откровения» американских специалистов по всему свету. И почивший почти 13 веков назад правитель Паленке вновь оказался в центре всеобщего внимания.

А.Рус, до глубины души возмущенный ажиотажем, развернувшимся вокруг его открытия в «Храме Надписей», выступил в одном из мексиканских журналов со специальной статьей, дав достойную отповедь фальсификаторам науки³⁵.

Но любая сенсация недолговечна. Только подлинно научные открытия и неопровержимые факты способны выдержать проверку временем. Именно на этой основе был заложен фундамент и возведено грандиозное здание современной науки, в которой по праву заняла свое место археология. И среди тех, кто оставил после себя заметный след в истории археологии Америки, находится, безусловно, выдающийся мексиканский ученый Альберто Рус Луилье. Его имя навсегда связано с изучением культуры древних майя и знаменитой гробницей в «Храме Надписей» в Паленке, на территории которого он похоронен согласно завещанию. А богатое научное наследие ученого (многочисленные книги и статьи, раскопанные скульптуры и реставрированные храмы) продолжает служить людям, помогая познавать красоту давно исчезнувших цивилизаций и отличать ценности подлинные от ценностей мнимых.

В.И.Гуляев

---

³⁵ *Ruz Lhuillier A.* Lo que se sabe y lo que no se sabe de Palenque. «Revista del Sureste», ano 11, №5. Mexico, 1977, p. 14–17.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ЦЕЛИ³⁶

Возможно, что первой серьезной обобщающей работой, написанной о цивилизации майя, была работа Джозефа Герберта Спиндена, опубликованная впервые в 1913 г. под названием «Исследование искусства майя». Несколько лет спустя вышла книга того же автора, называвшаяся «Древние цивилизации Мексики и Центральной Америки», в которой больше половины содержания отведено культуре майя. Впоследствии, в 1957 г., Спинден объединил обе работы под названием «Искусство и цивилизация майя», добавив к ним краткое предисловие и эпилог. В течение почти полувека эти работы являлись наиболее полными сводками по майяской теме.

Очевидно, что в настоящее время многие из идей, изложенных в них, устарели, так как в то время, когда они были высказаны, интенсивное исследование ареала майя еще не началось. С другой стороны, Спинден, который был главным образом специалистом по эпиграфике, разбирает по преимуществу проблемы, связанные с календарем и астрономией. Ему принадлежит одна из корреляций между календарями майя и христианским, корреляция, которой еще придерживаются многие исследователи. Когда он приступает к описанию исторического развития майя, даты, зарегистрированные на памятниках, и связанные с ними образ-

---

³⁶ В этой главе не упомянуты монографии или сообщения об археологических раскопках, которые содержат очень схематический синтез истории майя. Речь идет исключительно о трудах, которые могут считаться монографиями, учебными пособиями и общими популярными работами о цивилизации древних майя и их истории.

цы художественного творчества образуют у него основу всех построений и являются почти единственным направлением исследований.

Что касается изучения искусства, то оно сводится к анализу и интерпретации некоторых наиболее употребительных элементов на рельефах, их композиции и положения в хронологическом ряду, то есть Спинден исследует исключительно мотивы искусства майя как эстетические проблемы сами по себе, рассматривая при этом названное искусство как «конкретное выражение религии».

Социальные корни искусства забыты, общество майя не упоминается, нет также попытки реконструировать историю. Разумеется, народ майя не показан в той панораме майяской цивилизации, которую нам представляет Спинден.

К настоящему времени нет сомнения, что из всех работ о цивилизации майя наибольшее распространение получила книга Сильвануса Грисвольда Морли «Древние майя», опубликованная впервые на английском языке в 1946 г., а на испанском — в следующем году. Даже после многих изданий эта книга, возможно, все еще остается работой, к которой наиболее часто прибегают для консультаций неспециалисты и которая дает наиболее полную картину жизни древних майя.

В этой работе автор собрал всю информацию, которой он располагал, как из испанских хроник, так и из тех документов, что написали после конкисты некоторые индейские авторы, а также информацию, почерпнутую из археологических находок и этнографических исследований.

Он описывает природную среду, физические и психические черты населения, его языки, повседневные занятия, манеру одеваться, культуру (архитектура, скульптура, живопись, керамика и другие ремесла), а также письменность, математику, астрономию, календарь, религиозные верования и обряды и пережитки многих из них в обычаях современных майя, основные аспекты их социальной, политической и жреческой организации.

Если общая картина культуры майя, представленная Морли, достаточно полна и остается приемлемой до сих пор, то его историческая схема, наоборот, целиком неприемлема. Когда он написал работу, его основные идеи об историческом развитии майя фактически потеряли уже ценность благодаря результатам исследований, которые под его руководством проводила известная группа археологов Института Карнеги (Вашингтон). По этой причине после его смерти в Соединенных Штатах была опубликована новая версия «Древних майя», отредактированная Джорджем Брейнердом, в которой сняты все суждения Морли об истории майя, бывшие фактически его личным вкладом в разработку этой темы.

С большой легкостью Морли бросал высокопарные утверждения по вопросам, в то время недостаточно известным, и крепко держался за свои идеи, даже когда новые факты опровергали их. В книге больше субъективных эмоций, чем научной обоснованности. Страстно увлеченный культурой майя, Морли придерживался скорее велений своих чувств, чем строгости научного анализа. Отсюда многочисленные противоречия и несоответствия в его работе.

Уже в начальных положениях его исторической схемы содержатся неприемлемые для нас взгляды. Морли считает, что доказать существование цивилизации майя на определенной территории можно только в том случае, если на ней обнаруживаются «иероглифическая письменность и хронология, *единственные* в своем роде», а также форма перекрытия зданий, известная как «ложная» арка, или майяский свод. Если же эти элементы отсутствуют (хотя население и говорит на языке майя), эта территория исключается из зоны майяской цивилизации. Таким образом, в зону культуры майя не вошли земли, населенные майя, от горной Гватемалы до побережья Тихого океана. Однако Морли называет «Пополь-Вух» «священной книгой майя-киче», забыв, кажется, что киче жили в районе, где не строились здания с майяским сводом и не найдены иероглифические надписи, подобные юкатанским.

Морли утверждает, что возникновение, рост, расцвет и падение цивилизации майя совершились «без какого-либо влияния внешнего мира», как в идеальной лаборатории, изолированной от внешнего контакта. Поскольку он считает, что майя были изобретателями пись-

менности в этом полушарии, системы позиционной нумерации и календаря (явившегося, по его мнению, результатом их уникального интеллекта) в 353 г. н.э. в Тикале или, может быть, в Вашактуне, он не может допустить, что другая культура, как, например, ольмекская или Монте-Альбан, оставила иероглифические надписи и регистрацию дат в предшествующую эпоху. Следовательно, Морли отвергает даты со стелы «С» из Трес-Сапотес, стелы I из Эль-Бауль и со статуэтки из Тустлы, утверждая, что эти даты *выглядят* более древними, чем майяские, но он уверен в том, что *в действительности* они были высечены гораздо позже.

С той же уверенностью, несмотря на очевидность многих найденных изображений, он утверждает, что в скульптуре Древнего царства нет сцен насилия, и предполагает, что изображения, на которых представлены истязаемые пленники, не связаны с военными действиями. Он также категорически отрицает, что в надписях майя идет речь об исторических событиях, поскольку, согласно Морли, в них никогда не упоминались имена мужчин или женщин, а исключительно хронологические, астрономические, религиозные, церемониальные и пророческие вопросы, связанные с датой освящения каждого памятника.

Исходя из посылки, казавшейся удачной, когда он начинал свои исследования, но которую опровергли дальнейшие работы, Морли в 1915 г. выдвинул свою теорию существования Древнего царства, на смену которому пришло около 1000 г. н.э. Новое царство, локализуемое на севере Юкатана. Первое из них вначале ограничивалось центральным районом области майя (плато Петен, реки Усумасинта и Мотагуа, территория нынешнего Белиза), но позже население Древнего царства распространилось на север, проникнув на полуостров Юкатан и основав там колонии. Следовательно, Новое царство получило импульс развития после упадка цивилизации в городах юга, вызванного крахом системы земледелия, за которым и последовало переселение народов на север.

В контакте с пришельцами из Мексики эти народы осуществили подлинное «Возрождение» культуры майя, наиболее важным воплощением которого являются развалины Чичен-Ицы.

С. Морли указывает, что на этом памятнике прослеживаются два четко выраженных архитектурных стиля: первый, чисто майяский, соответствующий VI–X вв.; второй — майя-мексиканский, XI–XIV вв. Однако он не дает ни одного названия чистого майяского стиля и не делает ни малейшего описания признаков того стиля, который был бы связан с приходом в Чичен-Ицу майя из Древнего царства. Причина, по которой он этого не делает, очевидна: это разрушило бы его теорию, которая приписывает контакту с мексиканскими группами появление стиля района Пуук, не имеющего (и об этом он говорит с удивлением) ни одной мексиканской, точнее, тольтекской черты, так как именно стиль Пуук и есть чистый стиль построек майя в Чичен-Ице, возведенных между VI и IX вв. Морли не мог бы утверждать, что в Чичен-Ице этот стиль был чисто майяским, а в Ушмале — обязан контакту с мексиканцами.

Слепое упорство, с которым Морли придерживался своей теории, невзирая на факты, привело его к умолчанию (без сомнения, намеренному) о некоторых исторических источниках и к использованию лишь тех, которые, казалось, поддерживали его идеи. Как подтверждение своего тезиса он цитирует «Чилам-Балам» из Мани, где утверждается, что в катун (двадцатилетие), соответствующий периоду с 987 по 1007 г., был *основан* Ушмаль мексиканским вождем Ай Суйток Тутуль Шив. В то же время он даже не вспоминает место из «Чилам-Балам» из Чумайеля, где указывается, что к 1544 г. прошло 870 лет с тех пор, как Ушмаль был разрушен и покинут, то есть в 674 г. н.э.; не упоминает он и «Сообщения» монаха Алонсо Понсе, в котором говорится, что, в 1586 г. исполнилось 900 лет со времени постройки Ушмаля (686 г. н.э.). Несмотря на противоречивость этих двух сообщений о постройке и разрушении Ушмаля почти в одно и то же время, они помещают Ушмаль в VII в., то есть на три столетия раньше его предполагаемой постройки мексиканскими вождями. Но эти данные не укладываются в теорию Морли, и поэтому он их игнорирует.

Таким образом, не умаляя заслуг Морли в области изучения главных аспектов цивилизации майя, мы можем сказать, что его попытки реконструировать основные линии их ис-

торического развития абсолютно неудачны. Его историческая схема, разработанная почти исключительно с позиций эпиграфики, ложная с самого начала из-за упрощенного тезиса, выдвинутого априори, и лишенная социологических суждений, не может наметить динамику развития майя во времени.

Говоря о работе Морли, мы упомянули вариант его книги, отредактированный Джорджем Брейнердом и опубликованный уже после смерти Морли. Брейнерд, специалист по изучению керамики в группе ученых Института Карнеги, оставил нам краткое изложение своего видения культуры и истории майя, названное им «Цивилизация майя» и опубликованное в нескольких номерах журнала «Отмычка». В нем он лишь в общих чертах описывает основные аспекты культуры и исторические периоды, устраняя или исправляя при этом многие положения Морли. Например, он не исключает нагорье Гватемалы из ареала майя, хотя и указывает на отсутствие в этом районе некоторых базисных элементов майяской культуры. Он отрицает миграцию народов из центральной области на север Юкатана и настаивает на том, что полуостров был заселен с доклассического периода³⁷. Брейнерд отрицает, что стиль Пуук был поздним возрождением культуры майя, вызванным контактом с мексиканскими группами, и, наоборот, считает его собственно майяским проявлением еще в классическом периоде, без каких-либо внешних влияний. Он представляет себе ареал майя как единство, унифицированное в культурном отношении, в пределах которого каждый район развивал свои характерные стили, а не как центр, локализованный в Петене, из которого исходили все идеи и формы. Тем не менее он соглашается с Морли в подчеркивании у майя одержимости ходом времени, календарем и связанным с ним ритуалом, не учитывая при этом возможности того, что надписи могут отмечать и политические события.

Новым для того времени и наиболее интересным аспектом было то внимание, которое Брейнерд уделяет экономическим проблемам для объяснения формирования и функционирования общества майя. Сравнивая конструкции пирамид Теотиуакана и Египта, он пытается определить объем труда, затраченного на их строительство в рабочих днях; обратясь к постройкам майя, он приходит к заключению, что деревни доклассического периода каждая в отдельности не располагали достаточно плотным населением, чтобы поставлять рабочую силу, необходимую для таких работ, и что только в коллективной форме и под единым политическим контролем общины могли возводить свои церемониальные центры. Развитие теократического правительства для организации человеческих ресурсов и управления ими, проведение общественных работ, конкретно — постройка церемониальных центров, технический и научный прогресс, особенно календарь и письменность, все большая сложность религиозного символизма, крупные архитектурные сооружения, великолепие, достигнутое в искусстве, — все это, по Брейнерду, отмечало постепенное движение от уровня культуры доклассического периода к гораздо более высокому уровню классического.

С другой стороны, Брейнерд не считает, что для этого изменения у майя был необходим такой бурный рост численности населения, как в Теотиуакане, полагая, что тяжелые работы на церемониальных постройках могли осуществлять рядовые земледельцы во время длительного сезонного перерыва в сельскохозяйственных работах.

Согласно Брейнерду, все достижения классического периода были стимулированы «институтами, развивавшимися под все более сложным и более широким объединением классического периода». Эти институты были связаны с религиозным комплексом, но Брейнерд не считал, что расширение строительства религиозных центров отрицательно сказывалось на экономике. Он не считал также, что большие ирригационные работы могли вызвать у майя, как и в Старом Свете, рождение и развитие сильной политической власти. Отсутствие таких работ и тот факт, что население было распылено, не имея настоящих городов, выдвигало на первый план другие проблемы; и хотя он признает, что жрецы с их возможностями

---

³⁷ Историю древних майя, как и историю всей доиспанской Мезоамерики, ученые делят обычно на три больших хронологических периода: доклассический (другие названия — формативный, архаический, средний) — с 2000 или 1500 г. до н.э. по рубеж (первые века) нашей эры; классический — с рубежа (первых веков) нашей эры до X в.; постклассический — с X по XVI в. (*Примеч. ред.*)

прогнозировать погоду играли важную роль в земледелии, он не верит, что эта функция оказалась решающей для объяснения несомненного контроля над населением со стороны жречества.

Брейнерд приходит к выводу, что зона майя представляет собой исключение, что ее культурное развитие не укладывается в универсальную теоретическую схему. «Никакой экономический стимул не подтолкнул бы майя к растущему религиозному церемониализму и впечатляющему культурному развитию». Он сомневается в том, что был необходим сильный экономический контроль, ибо полагает, что для общественных работ не требовалось крупных людских ресурсов, так как эти работы могли выполняться в свободное время, которое имелось у населения. Он затрагивает важный пункт, когда подчеркивает, что религия была развита больше, чем экономика, и что заметные успехи в астрономии, математике и других сферах интеллекта, кажется, «не были вызваны или непосредственно подготовлены изобретением новой техники для совершенствования хозяйства». Отметив, что причины интеллектуального прогресса майя, видимо, не совпадают с теми, что были установлены для других цивилизаций древности, Брейнерд приходит к пессимистическому выводу, что мы все еще недостаточно понимаем те факторы, какие определяют интеллектуальный прогресс определенного народа.

Едва ли кто-либо станет отрицать, что Дж.Эрик Томпсон является наиболее выдающейся личностью среди майянистов и что он в своих исследованиях охватил наибольшее число аспектов цивилизации майя: археологию (включая раскопки, изучение архитектуры, керамики и эпиграфики), этнологию и лингвистику, хотя его наиболее глубокий интерес был обращен к письменности. С солидным багажом общей культуры, одаренный ясным умом, Томпсон не ограничивался специализированными исследованиями, а сумел начертать стройную картину истории и культуры майя.

Едва начав заниматься майянистикой, в 1927 г. он публикует книгу «Цивилизация майя», довольно краткое обобщение, в котором, однако, уже чувствуется проницательность автора. Логично, что в ту пору он воспринял в общих чертах историческую картину С.Г.Морли, в том числе идею существования Древнего и Нового царств. Неверная интерпретация исторических хроник, содержащихся в книгах «Чилам-Балам», привела его к ошибочным выводам о захвате Чичен-Ицы и Чампотона первоначально предположительно народом ица и затем шивами. Но относительно возможных причин заката культуры майя центральных районов его точка зрения отличается от мнения Морли. Он считал сомнительными гипотетические мексиканские вторжения, отвергал идею разрушительных земледельческих методов, как и эпидемий и климатических изменений, и особенно отрицал исход населения Древнего царства на Юкатан.

Он выдвигал предположение, что класс жрецов, находившийся у власти, был уничтожен народными мятежами, вызванными жестоким угнетением со стороны режима или попыткой навязать народу религиозные новшества, которые тот не принял. Факт прекращения культурной деятельности (возведение монументов и регистрация дат) он истолковывал как результат изгнания или уничтожения господствовавшего класса. За этим последовали возвращение к простому земледельческому культу, более соответствующему потребностям крестьянских масс, а также постепенная утрата многих знаний и трудовых навыков, как, например, исчезновение расписной керамики и скульптуры.

Работа, опубликованная Томпсоном в 1954 г., «Расцвет и падение цивилизации майя» была более полной и глубокой, с основательной документацией, приобретенной за четверть века раскопок, эпиграфических изысканий и анализа исторических источников. Она стала одной из лучших общих работ о майя.

Можно спорить, удачно или нет намеренно отброшен целый ряд аспектов, считающихся обычно обязательными для книг такого рода (земледелие, торговля, одежда, вооружение, рабство и пр.), и в то же время очерчены с достаточной научной серьезностью, но с некоторой долей фантазии отдельные картины из жизни майя, такие, как религиозная церемония, включающая человеческие жертвоприношения («Послушник»), рабочий день одной па-

ры («Дневной цикл»), работы на строительстве здания («Архитектор в Чичен-Ице»), обычаи, связанные с ухаживанием и браком, смерть и похороны одного майя.

Томпсон попытался объяснить причины возникновения, развития и заката цивилизации майя. Оставив теории Морли, он признает, что цивилизация майя существовала одновременно с другими мезоамериканскими цивилизациями — сапотекской, теотиуаканской, ольмекской, тотонакской — и что между ними поддерживались культурные взаимосвязи. Он даже допускает, что ольмекская культура была, возможно, более древней, чем культура майя, и то, что считалось наиболее майяской чертой — культ стел и запись дат иероглифами, могло возникнуть в Оахаке и на тихоокеанском побережье Гватемалы несколькими веками раньше, чем у майя. Он допускал также, что Петен в силу естественных условий влажных тропиков не был подходящим районом для рождения развитой цивилизации.

В противоположность пристрастности Морли, который безоговорочно приписывал майя приоритет в области всех изобретений и открытий, Томпсон осторожно признавал возможность того, что в Ла-Венте был изобретен знак нуля, и в то же самое время, противореча этому предположению, говорил, что нельзя быть уверенным в том, что люди Ла-Венты использовали позиционное исчисление раньше майя (однако потребность в нуле сопутствует любой системе, в которой значение чисел зависит от их положения). Он упорно «лишал» майя математических знаний, которые, как считается, были их оригинальным творением; при этом, не желая высказаться в пользу какого-либо определенного народа, он предполагал, что культуру Ла-Венты могли создать люди, говорившие на языке майя. Чтобы не давать временного преимущества ни одной из культур (это означало бы лишить культуру майя заслуг творчества), он относил возникновение великих мезоамериканских цивилизаций к одной эпохе как параллельное и более или менее одновременное явление.

Основная идея, которую развил Томпсон в упомянутой работе, состоит в том, что духовные ценности были «более важными, чем материальный успех», и именно они позволили цивилизации майя достичь наивысшего уровня, «культурного успеха». Он утверждал также, что закат майя тоже был вызван в значительной мере неблагоприятными духовными причинами.

Когда ему нужно было обобщить свои идеи относительно динамики истории майя, уточнив пружины, которые ее двигали, ему на ум пришло воспоминание об одном крестьянине майя, с которым он поддерживал дружбу долгие годы и чьи качества (серьезность, верность, честность, набожность, дисциплина, законопослушание, трудолюбие, терпение, любовь к порядку, глубокое чувство уравновешенности) представлялись Томпсону «квинтэссенцией той философии, что воодушевляла культуру майя». Этот характер майя под управлением меньшинства, обладавшего большим воображением и мыслительной энергией, произвел блестящую цивилизацию, единственную (может быть, вместе с цивилизацией Ла-Венты, тоже созданной людьми майя), которая достигла полной зрелости во враждебном окружении густых тропических лесов.

В представлении Томпсона, общество майя являло собой однородное единство, где теократия и народ жили счастливо в пределах космического порядка, механизм которого удалось раскрыть жречеству, которое, будучи связующим звеном между богами и людьми, следило за тем, чтобы подобный же порядок царил на земле. Дождь, посевы, плодородие земли, урожай, все существование человека майя зависели от божественных влияний, а эти в свою очередь связывались с ходом светил, последовательностью календарных циклов, течением времени.

Одна из тем, которую наиболее усердно изучал Томпсон, — философия времени. Он полагал, что «ни один другой народ в истории не чувствовал такого интереса к ходу времени... и никакая другая культура не разработала философии относительно такой специальной темы, как эта тема времени». Размышления Томпсона об идеях майя относительно вечности через их календарную систему «Длинного счета»³⁸, о концепции, которая гармонировала с

---

³⁸ Подробнее об этом см.: *Кнорозов Ю.В.* Письменность индейцев майя. М. — Л., 1963, с. 33; *Стингл М.* Тайны индейских пирамид. М., 1977, с. 237 (*Примеч. ред.*).

другой, циклической концепцией истории, связанной с возвращением хронологических циклов, не являются чистыми домыслами и отражают с достаточной точностью идеи майя о бесконечном времени, в котором человеческие деяния следуют с той же неукоснительной упорядоченностью, как возникновение и исчезновение небесных тел или уход и возвращение времен года и всех периодов их сложного календаря.

Однако это положение о настоящей философии времени у майя Томпсон воздвигал в большой мере на такой посылке, которую глубокие исследования, последовавшие позже публикации его книги, ставят под сомнение, а возможно, и опровергают. Подобно Спиндену и Морли, Томпсон уверял, что стелы и алтари у майя воздвигались для указания хода времени, так как известны более тысячи иероглифических текстов, в которых речь идет исключительно о движении времени, связанном с положением Луны и Венеры, календарным исчислением и божественными и ритуальными аспектами, содержащимися в этих темах. Он подчеркнул, что ни один текст не восхваляет какого-либо правителя или какое-либо завоевание и что их содержание лишь отмечает философские идеи, в которых календарные циклы, вращения светил и божественные влияния составляли совершенный космический порядок.

Недостаток этой блестящей гипотезы коренится в том факте, что 15 лет назад еще верили, что это в действительности было единственным содержанием иероглифических надписей на памятниках майя, по той простой причине, что тогда умели расшифровывать только даты в разных календарных системах (ритуальная, солнечная, лунная, «Длинный счет» и т.д.), а остальное содержание еще не интерпретировалось. Майя была приписана настоящая одержимость течением времени, создание метафизики времени, когда на самом деле, в силу нашего незнания, мы были в состоянии прочесть на этих памятниках лишь то, что относилось к календарю, и не имели никакого представления о текстах, которые сопровождали даты. В настоящее время благодаря усилиям разных исследователей стало очевидным, что майя посвящали свои стелы, резные косяки и алтари не только ходу времени.

Что касается социальных взглядов Томпсона, то он полагал, что народ был счастлив, имея возможность работать на возведении церемониальных центров, своими усилиями и страданиями прославляя богов и испытывая чувство причастности к труду, который обеспечивал ему не только благоволение божеств, но и собственное материальное обеспечение. Становится ясно, что для Томпсона духовное во всех сферах существования народа майя было главным. Научные успехи, достигнутые жрецами, преследовали не практические цели, а интеллектуальные потребности; астрономия практиковалась не просто как наука, а как средство контроля над судьбами людей; знание действия небесной механики позволяло предсказывать будущее, так как все в космосе является частью извечных циклов; каменные дороги служили не для соединения городов или районов и обеспечения торгового обмена, а для таких ритуальных целей, как религиозные шествия; свод, которым перекрывались здания, был изобретен не для того, чтобы придать большую крепость постройкам и сделать их более долговечными, а был «жертвенным» усилием.

Этот гармоничный порядок, заранее отрегулированный богами, контролируемый теократией и с удовлетворением воспринятый народом, должен был бы существовать вечно, если бы он находился в изоляции от остального мира, но страна майя являлась частью конгломерата народов, племен и государств, насильственно взаимосвязанных. Чуждые влияния и «экзотические идеи» проникнут, развратят, расчленят и, наконец, разрушат чудесный мир майя.

В результате вторжения воинственных племен из Мексики область майя стала подвергаться сильному давлению, несшему новые идеи, новые верования, новых божеств. Правители майя были вынуждены воспринять новые культы, и местные боги майя были оттеснены, что вызвало неудовольствие народа. Как сказал Томпсон, тля вторглась в улей майя. Массы стали сомневаться в своих жрецах. Они устали от ужасного ритма строительства церемониальных зданий и жилищ вождей, от роста паразитирующего класса, для которого нужно было производить больше пищи, от войн для получения пленников, необходимых, по новым культам, для принесения в жертву. Долготерпение народа иссякло, падение режима

было лишь делом времени, и оно приближалось неотвратимо. Точно неизвестно, было ли это падение медленным, в результате пассивного сопротивления, или оно совершилось путем физического уничтожения правящей касты, но в течение приблизительно одного века все великие и малые церемониальные центры Петена, Усумасинты и Мотагуа, где цивилизация процветала на протяжении целого тысячелетия, прекратили свое существование и превратились в руины. Власть, вероятно, перешла к крестьянским вождям и колдунам-врачевателям, уровень культуры снизился, и разобщенный народ не смог развить другую цивилизацию. Сельва вступила в свои права.

В северных и южных районах (Юкатан и нагорье Гватемалы) пришельцы из Центральной Мексики установили свое господство; у народа были новые хозяева, которым он продолжал платить дань со своего труда, со своего имущества. Боги были чужими, обряды стали более жестокими, правители — более непреклонными. Соперничающие группировки боролись между собой за власть. Дух войны пришел на смену мирной жизни. Культура все больше приходила в упадок. Усилилась политическая дезинтеграция. То, что сохранилось от мира майя, стало легкой добычей новых завоевателей, которые шли теперь с востока.

Итак, для Э.Томпсона движущей силой истории майя были духовные силы. Появление цивилизации майя, ее расцвет и закат, по его мнению, должны интерпретироваться в свете развития религиозных идей, являвшихся стержнем индивидуальной и коллективной жизни народа майя. Причину гибели цивилизации майя Томпсон видит в народных восстаниях, вызванных навязыванием народу новых религиозных концепций, привнесенных завоевателями. Таким образом, его видение исторической динамики народа майя целиком идеалистическое.

Среди работ общего характера о культуре и истории майя вспомним и опубликованную в 1954 г. французским антропологом Полем Риве книгу «Города майя». С самых первых слов с абсолютной честностью автор объясняет, что «это исследование не является оригинальной работой» и он лишь пытался «резюмировать идеи (специалистов), не искажая их», сохраняя единственно «существо фактов». Историческая картина, которую он представляет, дана по С.Г.Морли; мы ее уже проанализировали и подвергли критике.

Несколькими годами позже (1959), американский антрополог Чарльз Галленкамп опубликовал работу под названием «Майя. Загадка и новое открытие исчезнувшей цивилизации»³⁹. Она представляла собой краткую историю древних майя без претензий на введение в научный оборот новых фактов или собственных истолкований. Как он сам говорит в предисловии к изданию, если имеются противоположные точки зрения среди специалистов, то он их представляет беспристрастно. Его книга, написанная для широкой непосвященной публики, повторяет в основном концепции Морли (Древнее и Новое царства) и Томпсона (философия времени, упадок, вызванный крестьянскими восстаниями, и т.д.).

Считаем необходимым упомянуть здесь швейцарского этнолога-любителя Рафаэля Жирара, который на нескольких тысячах страниц пытался объяснить, как никто другой до него, культуру и историю майя («Эзотеризм Пополь-Вух», 1948; «Чорти и проблема майя», 1949; «Пополь-Вух — исторический источник», 1952; «Вечные майя», 1962; «Майя», 1966). В его работах, во многом повторяющих одна другую, воспроизводятся фотографии современных обрядовых сцен и изображения подобных обрядов на памятниках древних майя. Он считает, что современные обряды связаны с древними и происходят от них.

Согласно Жирару, археология бессильна объяснить историю майя. Нельзя также ждать ее объяснения посредством иероглифических надписей, поскольку они, как говорили предшественники (Морли, Спинден, Томпсон), не содержат никакой исторической информации. Только современные мифы, отражение идей, содержащихся в древних мифах, которые лишь один Жирар сумел интерпретировать, могут объяснить, что собой являли культура майя, общество майя, история майя. Пытаться выявить в историческом развитии этого народа универсальные схемы — значит совершить преступление против майянистики, так как майя — уникальный народ; его история не имеет никаких параллелей, его мышление отлича-

---

³⁹ Есть русский перевод этой книги: *Галленкамп Ч.* Майя. Загадка исчезнувшей цивилизации. М., 1966 (Примеч. ред.).

ется от всех известных форм человеческого мышления. Считать, как это делал Томпсон, что закат их цивилизации вызван народными революциями против интеллектуального класса, — это теория, несовместимая с характером майя. Мыслить категориями борьбы между демократией и абсолютизмом — специфика нашего западного мышления и беспокойного времени, в котором живет сегодняшний мир. Эти проблемы были неизвестны майя. По мнению Жирара, общество майя представляло собой теократическую демократию, настоящее религиозное братство, в лоне которого не могли возникнуть конфликты.

Сцены предполагаемых человеческих жертвоприношений, войн, судимых или пытаемых рабов были неправильно истолкованы исследователями, поскольку такие проблемы были неизвестны майя классического периода. Мы не сомневаемся, что Жирар собрал интересный этнографический материал, особенно среди чорти, но то, как он использовал названный материал, фантазия, с которой он присоединил его к мифам, оставленным майя-киче XVI в., и особенно к истории майя, делают его усилия бесплодными. Историческая картина, которую он воздвиг на основе своих очень личных толкований мифологии, с трудом может восприниматься всерьез.

Самая последняя по времени популярная книга о культуре майя — «Майя» Майкла Ко издана в 1966 г. В ней автор отвергает многие из ошибочных положений прежних классических работ (Спинден, Морли, Томпсон), уже исправленных в результате более поздних исследований. Так, он считает цивилизацию майя неотъемлемой частью Мезоамерики, ольмекков — как возможных изобретателей письменности и способа записи времени, известного как «Длинный счет», и, кроме того, утверждает, что в течение всей своей истории майя испытывали влияние из Мексики. В излишне резкой форме он выступает против вышеназванных авторов в вопросах определения характера общества майя, которое, по его мнению, было, несомненно, классовым, с властью, сконцентрированной у элиты, формировавшей светское, а не теократическое правительство, на чем настаивали прежде. Не согласен Майкл Ко и с определением основы, послужившей для тщательной разработки предполагаемой философии времени у майя. Он допускает, что содержание их надписей могло быть историческим.

Последовательность исторического развития майя Ко намечает, изучая изменения в церемониальных центрах. Когда он доходит до внезапного упадка, который, несомненно, имел место в центральном районе, то лишь констатирует, что «мы только знаем, что произошло», а всевозможные причины, искусно выдвигаемые (истощение почв, эпидемии, вторжения из Мексики, социальная революция, землетрясения, нарушение демографического равенства полов, вторжение тольтеков и т.д.), не больше чем простые домыслы. Приблизительно страницу посвящает Ко этой важной теме. Среди работ, предназначенных для широкого читателя, работа Ко — одна из наиболее серьезных. Возможно, что она лучше других отражает нынешнее состояние археологической изученности майя.

Обращает на себя внимание, что в этом кратком перечне монографий и популярных работ о древних майя нет ни одного имени мексиканца. Однако помимо научных книг на археологические или эстетические темы есть несколько публикаций общего характера, написанных мексиканскими авторами, но, по правде говоря, ни одна из них не выходит за рамки очерка и не вносит новых идей или интерпретаций. Как правило, картина культуры основывается на Ланде, а историческая схема — на Морли или Томпсоне.

Пытаться реконструировать историю майя, исходя из предпосылки, что в силу ее уникальности к ней нельзя применить универсальные схемы, равносильно отрицанию общих представлений о человеке под предлогом того, что каждый человек есть существо уникальное, неповторимое, не сравнимое ни с каким другим. Хотя несомненно, что ни одна культура не идентична другой, нужно также допустить, что ни одна не отличается целиком от других. Поэтому в проблематике майя следует искать те явления, которые встречаются в мировой истории. Разумеется, это не означает механического применения мировых схем, подгонки фактов под заранее установленные определения или категории. Целью должно быть включение во всемирный процесс того особенного, что имеют культура и история майя.

Реконструкция истории майя (лучше было бы сказать, мезоамериканской истории) была осуществлена в основном по результатам археологических исследований. До недавнего времени эти исследования были направлены почти исключительно на наиболее привлекательные следы древней цивилизации: храмы, пирамиды, дворцы, площадки для игры в мяч, гробницы. Но очевидно, что полученная таким путем картина отражает лишь одну сторону культуры майя — материальные проявления, связанные с культом, жизнью и смертью представителей правящего класса, составлявшего меньшинство населения.

Когда читаешь большинство популярных работ, кажется, что у майя были только жрецы, гражданские и военные вожди, высшие чиновники, мудрецы и художники. Народ лишь угадывается в туманной дали; предполагается его несомненное существование, но оно не представляет интереса для историка.

Подчеркнуть участие всего народа майя в создании культуры, уточнить его роль в жизни общества, определить связи с другими социальными группами, установить различные интересы таких групп, участие каждой из них в создании, владении и пользовании благами; уточнить использование научных знаний и искусства, социально-политическую роль жречества; показать исторические последствия внутренних конфликтов, связанных с процессом взаимоотношений в Мезоамерике; характеризовать общество майя посредством универсальных категорий; проанализировать последствия конкисты, колониального периода и современное положение народа майя — таковы основные проблемы, которые мы намереваемся если не решить, то по крайней мере поставить в этой книге.

МЕЗОАМЕРИКА

НАСЕЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

В то время как в Старом Свете различные семьи гоминидов начали расселяться еще полтора миллиона лет назад и наш прямой предок *homo sapiens* существовал уже 200 тыс. лет назад⁴⁰, Американский континент оставался обширным зоологическим раем. Он был еще неизвестен человеку.

Только 35 тыс. лет назад (гипотетическая дата, которую новые находки постоянно углубляют) человек Старого Света открыл и стал обосновываться в Америке, которая для него, без сомнения, была Новым Светом, хотя он этого и не осознавал. Уже не оспаривается происхождение американского человека, его переход из Северо-Восточной Азии по проливу Беринга в ту эпоху, когда этот район был подо льдами и передвижение было легче, чем теперь. Алеутские острова тоже могли служить дорогой между двумя континентами. Считается, что миграции начались в ту эпоху и продолжались в более или менее постоянной форме до 2-го тысячелетия до н.э. Предполагается, что открытие осуществилось как следствие прогрессивного отступления ледовой шапки и перемещения к северу азиатской фауны, за которой шли группы людей, живших за счет нее.

ДОИСТОРИЯ: ПАЛЕОЛИТ

Считалось, что первыми пришельцами были охотники, но до настоящего времени наиболее древние каменные инструменты, найденные на Американском материке, соответствуют культуре собирателей. Наиболее вероятно, что они были собирателями и охотниками, выходцами из Восточной Азии. Их технологический уровень соответствовал уровню технологии нижнего палеолита⁴¹. Возможно, они были долихоцефалами⁴², родственными австралийским и меланезийским группам не по прямой линии, а по происхождению от очень древнего населения Азии и Океании.

Также из Азии (на этот раз из Сибири) и тем же путем 10 тыс. лет спустя прибыли группы охотников с верхнепалеолитической культурой. Это были брахицефалы⁴³ монголоидного типа. Охотники и собиратели сосуществовали в течение тысяч лет, при этом различие между ними было не хронологическое, а экологическое, так как в соответствии с районами и наличными ресурсами население занималось преимущественно охотой или собирательством, но во многих случаях — без сомнения, в большинстве — одинаково тем и другим.

На многих памятниках найдены каменные предметы, бывшие орудиями этого населения. От тех, кто занимались главным образом охотой, известны различные наконечники копий и дротиков, давшие названия соответствующим культурам: Сандия (25–15 тыс. лет до н.э.), Кловис (15–10 тыс. лет до н.э.), Фолсом (10–7 тыс. лет до н.э.), Юма (7–5 тыс. лет до н.э.). Видимо, эти племена были бродячими охотниками на лошадей, мастодонтов, верблюдов и бизонов. С течением времени, но чрезвычайно медленно, орудия дифференцировались, ими стали выполнять различные работы. Помимо наконечников копий и дротиков изготавливались каменные скребки, песты, ножи и молоты; из кости делали прокол-

---

⁴⁰ В действительности появление «человека разумного», или кроманьонца, относится ко времени не ранее 40–30 тыс. лет до н.э. — См.: *Алексеев В.П.* Становление человечества. М., 1984, с. 288 (*Примеч. ред.*).

⁴¹ По мнению большинства советских и зарубежных исследователей, культура древнейших обитателей Американского континента соответствовала верхнему палеолиту Евразии (30–10 тыс. лет до н.э.). — См.: *Диков Н.Н.* Роль древнейших культур Северо-Восточной Азии в формировании палеоиндейского населения Америки. — Сб.: *Исторические судьбы американских индейцев.* М., 1985, с. 10–24 (*Примеч. ред.*).

⁴² Долихоцефальная раса, долихоцефалы — «длинноголовые»: древние обитатели Евразии, черепа которых характеризуются низким сводом, большим откосом лобной кости и сильным развитием надбровных дуг (*Примеч. ред.*).

⁴³ Брахицефалы — «короткоголовые» (*Примеч. ред.*).

ки. Возможно, использовались деревянные копьеметалки, что позволяло делать более дальние броски, чем просто рукой.

МЕЗОЛИТ

Позже, в течение нескольких тысяч лет, климат менялся, становясь все более сухим и жарким, это привело к тому, что жара и высыхание пастбищ предопределили прогрессивное исчезновение плейстоценовой фауны, а именно таких крупных млекопитающих, как мамонт, мастодонт, и более мелких, как верблюд и лошадь. Охотиться стали на мелких животных, и собирание растений (фрукты, клубни) приобретало все большее значение. Каменные орудия приспособлялись к новым потребностям, и кроме орудий, получаемых посредством простой оббивки или обтесывания камня, начали изготавливать новые предметы путем шлифования (топоры, ступы, терки и сосуды). Одна из известных культур этого периода — Кочисе в Аризоне. Группы людей обитали в пещерах, ведя полубродячий образ жизни.

НЕОЛИТ

Собиратели растений должны были наблюдать, что в некоторых условиях зерна, брошенные в почву, прорастали и превращались в растения. От наблюдения природного явления до его намеренной реализации был только один шаг, и возможно, что многие собиратели начали то, что превратилось позднее в явление, названное «неолитической революцией», — производство пищи посредством возделывания растений. Такая «революция» была скорее эволюцией, так как осуществлялась она в течение тысяч лет и преобразовала не только тип питания, но и форму жизни народов. Правда, в значительной мере они продолжали зависеть (хотя все в меньшей степени) от охоты, рыбной ловли и собирательства, но факт обеспеченности достаточным урожаем предопределил большее разнообразие занятий; и действительно, благодаря увеличению свободного времени можно было заниматься новыми ремеслами, как плетением, так и особенно изготовлением керамики. В то же время потребность в уходе за посевами привела к появлению постоянных поселений. Процесс использования растений начался, видимо, за 6 или 7 тыс. лет до н.э. В Кошкатлане (долина Теуакан) раскопки показали, что между 7200 и 5200 гг. до н.э. в пищу употреблялись фасоль, тыква, перец, авокадо и другие растения. Одни из них, возможно, уже возделывались, другие оставались дикими. Среди еще диких растений был маис. На следующем этапе существования того же самого памятника, датированном 5200–3400 гг. до н.э., уже определенно возделывались маис, фасоль, тыква, авокадо, несколько сортов перца и другие растения. Между 2500 и 1500 гг. до н.э. земледелие стало основным занятием человека, и его продукты давали 70% питания⁴⁴. Именно тогда было начато изготовление емкостей из обожженной глины для хранения и варки пищи. Жизнь народов была уже оседлой, и семьи группировались, образуя небольшие скопления домов или деревни.

Нет необходимости уточнять, что эта медленная культурная эволюция, являющаяся американской доисторией, охватила также территорию, которую мы называем Мезоамерикой и о культурном развитии которой мы теперь кратко расскажем.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ГРАНИЦЫ

Название Мезоамерика было предложено Паулем Кирхгоффом 30 лет назад для обозначения культурно-географического единства, некоего территориального континуума, в пределах которого развилась культура, в основе однородная, хотя и разделившаяся на несколько региональных в соответствии с лингвистически различными этносами. В момент испанского завоевания ее северные границы были более или менее обозначены реками Синалоа на западе и Пануко на востоке; соединяющая их линия могла проходить немного к северу от

---

⁴⁴ По мнению Р.С.Мак-Нейша, руководителя раскопок в пещере Кошкатлан (Теуакан), доля продуктов земледелия в пищевом балансе древних мексиканцев составляла между 2500 и 1500 гг. до н.э. чуть более 50% (Примеч. ред.).

рек Лерма, Тула и Моктесума. На юге Мезоамерика охватывала северо-западную часть Гондураса, а также крайний запад Никарагуа и Коста-Рики⁴⁵.

В то время как южная граница должна была быть относительно постоянной, северная претерпевала изменения в течение истории, смещаясь дальше к северу в периоды расцвета мезоамериканских культур и сокращаясь и выгибаясь к югу в эпохи, когда их мощь и спаянность уменьшались. На севере Мезоамерика граничила с народами, бывшими охотниками и отсталыми земледельцами, на юге — с передовыми земледельцами южноамериканской традиции.

Археологические культуры Мезоамерики

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ

В своем классическом очерке Кирхгофф выделяет несколько подгрупп высших и низших земледельцев Северной и Южной Америки: высшие земледельцы андского региона и частично амазонские народы, низшие земледельцы Южной Америки и Антиль, собиратели и охотники континента. Он указывает на элементы, неизвестные в Мезоамерике и представленные у земледельческих народов Северной и Южной Америки, и отмечает те, которые

⁴⁵ По мнению других ученых, южная граница Мезоамерики (как северного района зоны высоких цивилизаций Нового Света) с рубежа нашей эры и до испанского завоевания совпадала с южной границей культуры майя, т.е. проходила по территории Западного Сальвадора и Западного Гондураса. — См.: Гуляев В.И. Древние цивилизации Мезоамерики. М., 1972, с. 5 (Примеч. ред.).

свойственны исключительно исследуемой зоне. Это выращивание какао и магея, использование чинамп⁴⁶, употребление тортильи (маисовой лепешки); применение меча с двумя рядами обсидиановых лезвий и «ишкауипилли» — защитной рубашки из хлопка; существование ступенчатых пирамид, специальных площадок для игры в мяч; наличие иероглифической письменности⁴⁷, рукописей, кодексов и карт, календаря из 365 дней, ритуального календаря из 260 дней с циклом из 52 лет. Для этой зоны были характерны также существование календарных празднеств, вера в дни благоприятные и неблагоприятные и многое другое, о чем еще будет рассказано в других главах.

В своей работе Кирхгофф делает вывод, что мезоамериканская культура — это лишь часть более обширной зоны американских культур, происшедших от более древних культур неземледельческих народов, и что элементы, отсутствующие в Мезоамерике, но существующие в Северной и Южной Америке, должны были существовать и в Мезоамерике, но в более раннюю эпоху.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Если 20 лет назад проблема происхождения мезоамериканской культуры могла решаться альтернативно — считать ее автохтонной или, наоборот, привнесенной из Азии, то в настоящее время, по мере того как новые открытия умножают данные о древних горизонтах, эта проблема становится более ясной. В самом деле, зная лишь очень приблизительно этапы, предшествовавшие формированию мезоамериканской культуры, и видя ее в различных зонах уже более или менее развитой, некоторые исследователи, стоя на диффузионистском понимании культуры, склонялись к азиатскому варианту. Сторонниками этой теории были сам Кирхгофф и Мигель Коваррубиас в Мексике, Гордон Экхольм в США, Хейне-Гельдерн в Австрии. Кирхгофф считал такие элементы, как ступенчатая пирамида, привнесенными. Он основывался главным образом на убеждении о том, что передовые математические и астрономические знания майя находились в настоящем «культурном вакууме», если иметь в виду низкий технический уровень американских культур, которые не использовали колесо, плуг и металлургию, как древние народы в Старом Свете. Кроме того, ссылаясь конкретно на календарь, основанный на астрономических знаниях, Кирхгофф считал, что если в Египте он явился результатом необходимости регулировать орошение, используя разливы Нила, то у майя не было никакой сходной потребности и, следовательно, не было причины для появления календаря.

В более поздней работе Кирхгофф добавляет к своим аргументам сравнение ритуального календаря Мексики (майя и ацтеков) с китайским календарем. Это сравнение показывает, что среди 28 названий из Китая и 20 из Мексики есть общие — тигр, собака и змея. Однако если судить объективно, это не подтверждает осязаемой связи между двумя календарями. Кроме того, Кирхгофф предлагает сравнить списки божеств из Индии и Мексики, сгруппированные соответственно функциям каждого из божеств, намереваясь показать некоторую их эквивалентность и таким образом доказать азиатское влияние на религиозные концепции Мексики. И опять его аргументы никак не кажутся нам убедительными, ибо единственно, что дает это сравнение, так это то, что и в Индии и в Мексике почитались божества солнечные (благодетельные) и лунные (зловредные), боги земледелия и воды, огня и войны, плодородия и размножения, разрушения и смерти и одна богиня, которая наряду с другими функциями вершила суд над грешниками. Поскольку речь идет об универсальных концепциях, связанных главным образом с основными хозяйственными занятиями — земледельческими,

---

⁴⁶ «Чинампы», или «плавучие сады», — впервые встреченная испанцами у ацтеков оригинальная система земледелия: возведенные из природного ила на мелководье обширных озер долины Мехико длинные и узкие гряды земли, окруженные с трех сторон водой и удобряемые растительным перегноем (*Примеч. ред.*).

⁴⁷ Некоторое время назад было высказано предположение о существовании зачаточной письменности в Перу, обнаруженной на зернах бобов (пальярес), погребальных плащах и сосудах (керос).

следовало ожидать присутствия сходных божеств у таких по преимуществу аграрных народов, как народы Индии и Мезоамерики.

Хейне-Гельдерн и Экхольм несколько раз выдвигали предполагаемые доказательства связей, особенно между культурами Юго-Восточной Азии и Китая, с одной стороны, и мезоамериканскими культурами, в частности майя, с другой. Речь всегда шла о предметах (керамике, скульптуре) или архитектурных деталях, имеющих формальное сходство, иногда неясное, а иногда достаточно определенное. Но, проанализировав некоторые из таких «доказательств», мы не сочли необходимым повторять здесь аргументы, которыми мы их опровергли. Наиболее яркое свидетельство, отвергающее, по нашему мнению, правильность этого метода, привел А.Касо на XXXV конгрессе американистов, на том же заседании, где выступил Хейне-Гельдерн. Сравнение многочисленных предметов, декоративных мотивов, форм сосудов, фигур на гравюрах и в скульптуре, относящихся к культурам, которые определенно никогда не имели контактов (микенская и сапотекская, французская и ацтекская, норвежская и ацтекская, французская и теотиуаканская, скифская и сапотекская, шумерская и чолултекская, палестинская и сапотекская, этруская и тотонакская), вызвало у участников конгресса впечатление осмеяния диффузионистской теории, но в действительности методы, примененные Касо, были те же, что и у Экхольма и Хейне-Гельдерна.

Ссылаясь на многочисленные элементы культуры, общие для Старого Света и Америки, которые по сути не что иное, как результаты параллельных явлений, А.Кребер сказал: «В действительности они только возникают от того же импульса, разделяют свойства предметов или природы; они похожи лишь до определенной точки, а в других отношениях различаются во всем»; и относительно сходства между концепциями и духовными творениями тот же автор судил о них как о «некоторых тенденциях, свойственных человеческому уму на определенных направлениях».

Находки в долине Теуакан семян дикого и окультуренного маиса относятся к таким древним датам, как 7-е тысячелетие до н.э. для дикого и 5-е тысячелетие до н.э. для культурного маиса, что не позволяет усомниться в местном происхождении основного растения Американского континента. Наличие в Мезоамерике (Оахака, побережье Мексиканского залива, Тихоокеанское побережье) монументов с надписями, числами и датами, на несколько веков более древними, чем иероглифические надписи майя, делает совершенно ненужным предположение, что мезоамериканский календарь имел своих предшественников в Азии. Касо так закончил свое выступление на упомянутом конгрессе: «Если такие сложные формы знания, как земледелие и письменность, имели, как это было продемонстрировано, независимое происхождение, трудно понять, почему настаивают на том, что изобретения более простые должны были обязательно прийти из какого-либо центра диффузии Старого Света».

По мере расширения наших знаний о ранней истории формативных этапов мезоамериканских культур заполняются лакуны, появляются предпосылки там, где их раньше не было, для объяснения высокого развития, рассеивается тайна, окружавшая первые шаги различных цивилизаций, и все ведет к подтверждению идеи автохтонного развития высоких американских культур, в том числе и мезоамериканской.

Мы не отвергаем, конечно, вклада азиатских пришельцев, которые, разумеется, не прибыли с пустыми руками и с пустой головой. Американская доистория — это, без сомнения, продолжение евроазиатской доистории. Эпоха, когда перестали прибывать в Америку азиатские пришельцы, не установлена с точностью, скорее всего это произошло около 2-го тысячелетия до н.э. Несомненно, что они принесли некоторые элементы культуры, возможно, такие, как керамика⁴⁸, обычай окрашивать тела умерших охрой, игра в мяч, и другие обы-

---

⁴⁸ Сходство в форме сосудов, технике их изготовления и декоративных мотивах, обнаруженное между керамикой этапа Вальдивия на побережье Эквадора и керамикой этапа Дземон на островах Японии, настолько заметно и повторяемо, что наводит на мысль о возможном прибытии в Южную Америку между 3-м и 2-м тысячелетиями до н.э. группы японских рыбаков, принесших с собой традиции, которые распространились затем дальше, в том числе и в Мезоамерику. Однако случайное появление мореплавателей на чужом континенте едва ли могло оказать очень сильное культурное влияние на коренных жителей. Чужаки обычно

чай или верования, которые пустили корни и продолжали существовать в мезоамериканских культурах.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

Если мы отнесем начало мезоамериканской культуры к 2000 г. до н.э., это значит, что ее длительность охватывает 35 веков, которые разделяются на различные периоды и фазы на основе изменений, происходивших в ее развитии. Поскольку эти изменения не совершались одновременно во всех культурах, мы опускаем точные даты различных эпох.

ГЛАВНЫЕ КУЛЬТУРЫ

Порожденные базисной культурой, которую мы назвали мезоамериканской, в разных экологических средах и как результат взаимоотношений между различными народами в течение исторического процесса сформировались культуры, хорошо различимые в своих стилях, но по сути являвшиеся вариантами культуры-родоначальницы.

Классифицируя их географически, назовем основные из них.

ДОКЛАССИЧЕСКИЙ, ИЛИ ФОРМАТИВНЫЙ, ПЕРИОД

Ранний этап. Хозяйственная деятельность все еще основана главным образом на собирательстве, охоте и рыбной ловле, но с прогрессивным увеличением возделывания растений. Начало оседлой жизни небольшими семейными группами. Изготовление одноцветной керамики простых форм, не очень разнообразных, с пластическими орнаментами, а также грубых лепных глиняных фигурок, преимущественно женских. Орудия из оббитого (наконечники копий и дротиков, ножи, скребки) и шлифованного (ступки и зернотерки) камня. Предметы из кости и дерева. Одежда из хлопка и хенекена. Хижины из жердей с кровлей из листьев пальмы или травы сакате в жарких районах, из камня и адобы⁴⁹ — в умеренных и холодных краях. Анимистические верования. Культ плодородия и почитание умерших.

Средний этап. Выращивание маиса как основы питания в сочетании с фасолью, тыквой и перцем. Формирование человеческих коллективов в небольших деревнях. Начало строительства церемониальных центров с земляными и каменными платформами в качестве фундаментов для святилищ. Появление специализированных групп для обрядовых церемоний. Изготовление одноцветной керамики разнообразных форм и лепных глиняных фигурок, а также предметов из нефрита. Начало развития скульптуры (гигантские головы и большие алтари). Возникновение божества ягуара (бога дождя).

Поздний этап. Культурная дифференциация в разных областях. Возрастание значения церемониального центра. Строительство пирамид как оснований для храмов-хижин. Развитие скульптуры: каменных стел, на которых высечены различные сцены. Иероглифические надписи с зачаточными письменами. Двадцатичная нумерация из точек и черточек. Числовая система с позиционной величиной знаков. «Длинный счет». Даты в ритуальном и в солнечном календарях. Украшение зданий формованным шуком. Двухцветная керамика. Старый бог (огонь).

ПРОТОКЛАССИЧЕСКИЙ, ИЛИ ПЕРЕХОДНЫЙ, ПЕРИОД

Усиление процесса культурного развития. Оформление собственных черт различных культур. Дифференциация жречества. Начало социального расслоения. Спланированные церемониальные центры. Впечатляющие культовые постройки. Настенная роспись в церемони-

---

уничтожаются или, если остаются в живых, воспринимают местные обычаи. Скорее всего примитивность этих керамик позволяет говорить об их параллельном создании (*Примеч. А.Р.*).

В настоящее время версия об японских влияниях на раннюю керамику Эквадора (Вальдивия) окончательно опровергнута и доказаны местные истоки этой гончарной традиции. — См.: Гуляев В.И. Сколько раз открывали Америку? М., 1978, с. 111 (*Примеч. ред.*).

⁴⁹ Адоба (исп.) — сырцовый кирпич (*Примеч. ред.*).

альных и могильных конструкциях. Стелы с иероглифическими надписями и датами. Наличие в скульптуре важных персонажей. Сосуды на четырех ножках, подставки в виде женской груди и полихромная роспись.

КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД, ИЛИ ПЕРИОД РАСЦВЕТА

Ранний этап. Значительное техническое, научное и художественное развитие. Возведение крупных церемониальных центров. Изобретение ступенчатого свода, или «ложной арки», у майя. Храмы и резиденции правящего класса с каменными стенами. Украшение помещений каменными рельефами, штукатуркой и живописью. Специальные постройки для игры в мяч. Многочисленные скульптурные монументы с датами «Длинного счета» у майя. Теократическое правительство. Хорошо дифференцированные социальные классы. Политические государства с централизованной властью. Многоцветная керамика разнообразнейших форм.

Поздний этап. Наивысший расцвет церемониальных центров, главным образом майя, и закат других (Теотиуакан). Вершина культурного развития. Необычайный рост строительства церемониальных центров; увеличение разнообразия архитектурных построек (пирамиды, храмы, террасы, площади, дворы, дворцы, святилища, площадки для игры в мяч, гробницы, обсерватории и т.д.). Искусство не только религиозное, но и гражданское (область майя). Теократия и аристократия. Сложная религия с многочисленными божествами. Культуры, хорошо различимые в различных областях. Керамика очень разнообразная по формам, орнаментальным приемам и тематике. Многочисленные глиняные фигурки, лепные или формованные, представляющие божеств, жрецов, гражданских или военных вождей, игроков в мяч, женщин высокого положения, простых людей, животных.

ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД, ИЛИ ПЕРИОД РАСПАДА

Ранний этап. Прекращение культурной деятельности в крупных классических церемониальных центрах. Давление варварских народов на северную границу Мезоамерики; этнические передвижения из центра Мексики к югу и юго-востоку; внутренняя дезинтеграция из-за социально-экономических причин. Усиление милитаристских тенденций. Возрастание человеческих жертвоприношений. Расцвет новых государств, возникших в результате распада старых крупных центров, и появление смешанных культур. Появление металлургии. Тонкая оранжевая керамика «Х» и «свинцовая» керамика.

Поздний этап. Продолжение давления и вторжений на северной границе. Нашествие новых воинственных этнических групп. Постоянные войны. Создание ацтекской «империи». Укрепление городов. Учащение человеческих жертвоприношений. Войны из-за пленников. Расширение торговли. Упадок искусств. Приход испанцев.

КУЛЬТУРА СЕВЕРА

На северных границах Мезоамерики, образуя культурные островки на территории собирателей и охотников, существовали периферийные культуры. В них распознаются элементы, близкие культурам Центральной Мексики и Юго-Запада США. Среди главных центров этих периферийных культур выделяются Ла-Кемада и Чальчиуитес (Сакатекас) и Касас-Грандес (Чиуауа).

КУЛЬТУРА ЗАПАДА

Так называют культуры, существовавшие на территории современных штатов Синалоа, Наярит, Халиско, Колима, Мичоакан и частично Герреро и Гуанахуато. Известны многие предметы, происходящие большей частью из разграбленных захоронений. Это и небольшие фигурки, и настоящие статуи из глины. Их стилистическое разнообразие зависит от района их происхождения. Почти всегда они изображают людей, животных, хижину и даже макеты деревень и сценки из повседневной жизни. Искусство Запада реалистично как в «примитивных» проявлениях, так и в более разработанных стилях; во многих случаях наблюдается тенденция к карикатуре и всегда видны оригинальность и строгость манеры исполнения. Наиболее известная исторически культура — культура так называемых тарасков.

КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ МЕКСИКИ

Именно эти культуры, сосредоточенные во внутренних районах Мексиканского нагорья, привлекли наибольшее внимание исследователей из-за того, что о них имелась информация не только археологическая, но и в значительной мере историческая. Основные культуры, расположенные в хронологическом порядке, мы назовем ниже. Мы исключим этапы, соответствующие доистории, и начнем с того, что считается началом протоистории, то есть с 2000 г. до н.э.

На протяжении последних 2000 лет до н.э. мезоамериканская культура в Центральной Мексике имела столько сходных черт по всей зоне, что ее можно рассматривать как единую. Назовем некоторые центры этой доклассической культуры, почти все расположенные вокруг или поблизости от древних озер долины Мехико: Арболильо, Сакатенко, Копилько, Тлатилько, Куикуилько, Тикоман, Тлапакойя и др. Великой культурой классического периода Центральной Мексики была культура Теотиуакана, которая начала формироваться в последние два-три века до нашей эры и доминировала не только в этом районе, но и распространилась в течение почти тысячелетия до очень отдаленных земель.

Историческое развитие центральной зоны Мексики отмечено насильственным вторжением последовательных волн народов более низкого культурного уровня, находившихся еще на стадии развития охоты, рыболовства и собирательства. Эти народы прибывали с севера, захватывали и разрушали культурные центры, но, оценив преимущества цивилизованной жизни, они постепенно сами превращались в оседлых земледельцев, сливаясь с местным населением, воспринимая его культуру и создавая новую, которая в значительной мере была продолжением предыдущей, но уже с каким-то другим оттенком.

Теотиуакан был разрушен. На смену ему пришла тольтекская культура с центром в Толлане (Тула), которая просуществовала не более трех веков. Тем не менее она оказала влияние на другие мезоамериканские культуры. Ее разрушение в конце XII в. было вызвано новыми вторжениями варварских племен, известных под общим названием «чичимеки». Они, так же как и предшествующие завоеватели, постепенно восприняли цивилизацию покоренного народа. Чичимеки основали города Тенайюка и позже Тескоко. К началу XIV в. в долину Мехико пришли новые варварские племена, среди которых были ацтеки. В короткий срок они подчинили себе все народы Центральной Мексики и создали настоящую «империю», границы которой простерлись на всю Мезоамерику⁵⁰.

КУЛЬТУРЫ ПОБЕРЕЖЬЯ МЕКСИКАНСКОГО ЗАЛИВА

Вдоль Мексиканского залива, за исключением побережья полуострова Юкатан, развивались значительные культуры. Самой древней была культура, называемая ольмекской, или Ла-Вента. Она существовала большую часть доклассического периода и располагалась на юге нынешнего штата Веракрус и на севере Табаско. Эта культура, очевидно первая выделившаяся в Мезоамерике, сыграла, без сомнения, решающую роль в формировании остальных культур.

В центре нынешнего штата Веракрус размещалась культура, называемая тотонакской, наиболее важным центром которой, по-видимому, был Эль-Тахин. Восприняв элементы теотиуаканской культуры, она в свою очередь оказала влияние на другие культуры Мезоамерики. Об этом свидетельствуют многочисленные находки в удаленных местах таких характерных для тотонаков предметов, как ярма и ритуальные топоры.

Еще севернее группа майяской языковой семьи — уастеки, отделившиеся от основного ствола майя в доклассический период, создали собственную культуру с очень характерными признаками.

---

⁵⁰ Вопрос о наличии у ацтеков «настоящей империи» весьма спорен. Подробнее об этом см.: Гуляев В.И. Типология и структура древних государств Мезоамерики. — Сб.: Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985, с. 52–64 (Примеч. ред.).

КУЛЬТУРЫ ЮГА

Относительно культур Оахаки мы располагаем обильной археологической информацией. Наиболее значительными из них были сапотекская, у которой удалось проследить длительное развитие и определить основные ее этапы благодаря раскопкам ее крупнейшего центра — Монте-Альбан, и миштекская, развивавшаяся более или менее одновременно с сапотекской, но в горных районах, в то время как сапотекская располагалась в долинах. В постклассический период миштеки захватили эти долины и подчинили сапотеков. Одним из их наиболее известных центров была Митла.

КУЛЬТУРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ МЕКСИКИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

Имеется в виду культура майя, занимавшая огромное пространство — более 400 тыс. км² и охватывавшая нынешние мексиканские штаты Юкатан, Кампече, Кинтана-Роо, часть Табаско и Чьяпаса, а также территории современной Гватемалы, Белиза и западную часть Сальвадора и Гондураса. Этой культуре посвящены следующие главы.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

Основные источники информации относительно истории древних майя и их культурных достижений можно разделить на исторические, археологические, этнографические и лингвистические.

ИСПАНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Среди наиболее важных свидетельств о народе майя имеются рассказы тех людей, которые участвовали в завоевании и по этой причине стали первыми европейцами, открывшими майя. Еще более важны хроники, написанные теми, кто прибыл в страну сразу же после ее завоевания или немного времени спустя. В большинстве своем они прожили долгие годы среди завоеванного народа и смогли, таким образом, получить из первых рук сведения об обычаях, верованиях, знаниях и в целом об истории майя. Очевидно, что свидетельства конкистадоров, а также идущих следом за ними монахов, посланных осуществить духовное завоевание побежденных, часто грешат если не отсутствием правдивости, то во всяком случае недостатком способностей, а также ограниченностью и предрассудками, свойственными солдатам и монахам той эпохи. Историк, когда он анализирует информацию испанских источников, надлежит оценить все субъективное, что прикрывает и часто искажает упоминаемые реальные факты.

Первые испанцы, вошедшие в контакт с майя, не оставили нам прямого свидетельства об этом контакте и о том, что они узнали о местной культуре. В 1511 г., возвращаясь из Дарьена, экспедиция под руководством конкистадора Вальдивии потерпела кораблекрушение у восточных берегов полуострова Юкатан. Из 15 человек, достигших берега, 13 были принесены в жертву индейцами. Двое оставшихся в живых, Херонимо де Агилар и Гонсало Герреро, каждый по-своему, сыграли особую роль в конкисте Мексики. Агилар, который за 8 лет плена научился в совершенстве говорить на языке майя, был первым переводчиком у Кортеса еще до того, как тот заполучил Малинче⁵¹. Она, владея языками чонталь из семьи майя и науа, на котором говорили ацтеки, в переговорах с индейцами дополняла перевод слов Кортеса через Агилара. Герреро был основателем первой смешанной испано-индейской мексиканской семьи; он отказался участвовать в завоевании и даже, по сведениям нескольких хронистов, воодушевлял, организовывал и возглавлял сопротивление захватчикам.

О трех первых экспедициях, достигших Мексики с Кубы, у нас есть рассказы некоторых их участников; главное место занимает повествование солдата Берналя Диаса дель Кастильо, который в старости взялся за перо. Кроме этой информации есть дневник Хуана Диаса, писаря Хуана де Грихальвы, начальника второй экспедиции, а также письма Эрнана Кортеса испанским государям о третьей экспедиции. Информация этих первых хроник хотя и невелика, но не лишена интереса. Из них видно, что чаще всего контакт между испанцами и местными жителями не был ни продолжительным, ни мирным. Из этих документальных свидетельств мы знаем маршруты трех экспедиций, места, где испанцы высаживались, характер (мирный или насильственный) встреч и упоминание, обычно схематичное, некоторых элементов коренной культуры: суда, поселения, дома, храмы и святилища, идолы, одежда и украшения, оружие и военная тактика, орудия труда, продукты натуральные и приготовленные и т.д.

О народах Юкатана наибольшую информацию, несомненно, дает книга Диего де Ланды, написанная в 1596 г., а опубликованная три века спустя. В «Сообщении о делах в Юкатане» де Ланды рассказывается не только об открытии и завоевании новых земель. В книге со-

---

⁵¹ Малинче, или Малинцин, — имя индейской девушки-рабыни, подаренной испанцам и ставшей впоследствии возлюбленной Кортеса. После крещения получила имя Марина. Быстро выучилась испанскому языку и в качестве переводчицы предводителя конкистадоров во многом содействовала его успеху в завоевании Мексики (*Примеч. ред.*).

держатся сведения по этнографии и истории майя, приводятся географические, климатологические, ботанические и зоологические данные. Вот перечень названий основных глав его труда.

Главные древние постройки. Управление, жречество, науки, буквы и книги Юкатана. Приход Тутуль Шив и их союз с сеньорами из Майяпана. Пороки индейцев. Способ постройки домов. Безропотное подчинение индейцев своим господам. Способы украшать головы и носить одежду. Еда и напитки индейцев Юкатана. Раскрашивание и убранство индейцев. Их опьянение, банкеты, фарсы, музыка и танцы. Ремесла, торговля и деньги. Земледелие. Правосудие и гостеприимство. Способ счета у юкатеков. Генеалогия. Наследование и воспитание сирот. Порядок наследования у господ. Браки. Частые разводы у юкатеков. Их свадьбы. Способ крещения на Юкатане. Манера исповеди. Воздержания и суеверия. Разнообразие и обилие идолов. Занятия жрецов. Жертвоприношения и пытки. Оружие юкатеков. Военные вожди. Ополченцы и солдаты: обычаи войны. Наказания. Воспитание подростков. Женские одежды и украшения. Целомудрие и воспитание женщин. Траур. Похороны жрецов. Вера в будущую жизнь. Счет юкатекского года. Написания дней. Празднества. Жертвоприношения в Новый год. Объяснение календаря. Век майя. Письменность. Множество зданий. Исамаль, Мерида и Чичен-Ица. Что производит земля. Рыбы, игуаны и ящерицы. Змеи. О пчелах и их меде и воске. Растительность Юкатана. Птицы земли и моря. Другие животные Юкатана.

Нет необходимости повторять, что если бы у нас не было «Сообщения» Ланды, наши сведения о древних майя были бы более скудными, чем они есть. В частности, о письменности майя мы знаем только из его сведений. Но, будучи религиозным фанатиком, Ланда безжалостно уничтожил культурные ценности (книги, скульптуры) древних индейцев. Однако «Сообщение» бывшего епископа Юкатана в какой-то степени смягчает его преступление перед историей.

Остальные хронисты XVI в., в трудах которых охватываются области более обширные, чем район майя, дают нам описание жизни других индейских народов. Таковы, например, Бартоломе де Лас Касас, Педро Мартир де Англера и Антонио Сьюдад Реаль.

К тому же веку относится информация, почерпнутая нами из вопросника, разработанного испанской короной для энкомендеро⁵², получивших земли на Юкатане. Это «Историко-географические сообщения о провинциях Юкатана». Единообразие данных, собранных из многочисленных юкатекских поселений, предполагает, что большая часть вопросника, разосланного властями, была заполнена Антонио Чи — королевским переводчиком, ибо многие из энкомендеро, если не все, не имели ни желаний, ни способностей, достаточных для сбора информации о жизни и обычаях индейцев, которых они только что получили вместе с энкомендами.

В XVII в. различные хронисты внесли новые добавления в уже известные труды своих предшественников. Среди них нужно упомянуть Диего Лопеса де Когольодо и Бернардо де Лисану, францисканских монахов (как и Ланда), писавших историю своего религиозного ордена на Юкатане, но посвятивших несколько глав культуре и истории его древних обитателей.

О южной области майя, то есть главным образом о Гватемале, хронисты также писали в XVI–XVII вв. Среди них Лас Касас, Диего Гарсия де Паласьо, Алонсо де Сорита (или Сурита) и монах-августинец Херонимо Роман-и-Самора. От XVII в. у нас есть среди других

---

⁵² Энкомендеро (исп.) — букв. «попечитель», «защитник», «покровитель»; фактически — помещик. Название происходит от слова «энкоменда» (попечение, защита, покровительство). Это была форма эксплуатации индейского населения в испанских колониях в Америке в XVI–XVIII вв. Указом короля от 1543 г. индейцы, номинально считавшиеся свободными, передавались на «попечение» завоевателям-энкомендерос, которым были обязаны платить оброк, отбывать барщину в имениях и на рудниках (*Примеч. ред.*).

хроники, оставленные монахом-доминиканцем Антонио де Ремесаль, Мартином Альфонсо Товильей и особенно Франсиско Антонио Фуэнтес-и-Гусманом. К ним следует добавить очень важную работу начала XVIII в. монаха Франсиско Хименеса. Эти хроники менее систематичны в изложении данных, чем хроника Ланды. Они рассказывают главным образом о военной победе испанцев и о более позднем завоевании духовного характера. Однако через рассказы о путешествиях, о завоевании непокорных народов и подчинении их испанскому господству, об основании монастырей и о конфликтах, иногда драматичных, между коренными обитателями и гражданскими и религиозными властями мы узнаем о жизни и обычаях индейцев киче, чоль, лакандонов и других, живших в то время там, где ныне располагаются мексиканский штат Чьяпас и Республика Гватемала.

ИНДЕЙСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Нередко передача творений на родном языке осуществлялась индейцами в устной форме, без какой-либо записи; иногда тексты записывались иероглифическими знаками. Монахи, люди более умные и образованные, чем конкистадоры и энкомендеро, для того чтобы найти путь к душе индейца и обратить его в христианство, выучивали местный язык. Кроме того, монахи научили индейцев писать латинским алфавитом на их собственном языке. Именно благодаря инициативе некоторых монахов XVI в. были спасены важнейшие индейские свидетельства, собранные в ту пору и выражающие, по определению Леона Портильо, «точку зрения побежденных».

При сравнении испанских исторических источников с аборигенными бросается в глаза огромное различие между рационалистическим мышлением европейца, стремящегося понять чуждых ему людей и их культуру (попытка часто бесплодная), и индейским магико-религиозным мышлением, структура которого в основе своей не рационалистическая, а в значительной мере близкая поэтическому началу.

Можно наблюдать, как даже наиболее проницательный испанский хронист видит лишь поверхностную сторону вещей; он пытается уловить на основе собственных понятий и культурных моделей факты, которые он описывает, сравнивая их с другими ему известными, сходными на его взгляд, именно поэтому он часто ошибается в их истолковании. Наоборот, индейский хронист не пытается быть понятым, он лишь выражает себя. Словами собственного языка он высвобождает свои знания, свои воспоминания, свои мысли в той манере, в какой его мышление их получило, сохранило и переработало. Поэтому многие тексты, написанные непосредственно местным хронистом на его собственном языке, хотя и с использованием латинских букв, нам трудно, чтобы не сказать невозможно, понять. Сложность мифологического мира, проявляющаяся в них, становится для нас часто герметически непроницаемой. Однако не все сводится к таинственному, так как индейские источники дают нам обильную и богатейшую информацию и о культуре, и об истории народов майя.

На Юкатане во время конкисты один жрец-прорицатель (*чилам*, или *чилан*) по имени Балам (ягуар) стал знаменитым, провозгласив скорое прибытие белых и бородатых чужеземцев, носителей новой религии. По крайней мере так говорится в «Сообщении из Мерида», написанном после конкисты. Но у нас нет возможности доказать, существовал ли на самом деле такой пророк или он был придуман впоследствии для более благосклонного восприятия прихода иностранцев. Позже название книги «Чилам-Балам» было дано всем рукописям, появлявшимся в разных поселениях Юкатана.

Известно, что 18 книг «Чилам-Балам» (только половина из них имеет фотокопии) связаны с поселениями Чумайель, Тисимин, Мани, Калькини, Кауа, Ишиль, Текаш, Тусик и Нах. Некоторые были опубликованы. Документы, которые дошли до наших дней, происходят от копий, сделанных в течение веков их владельцами с целью избежать их потери из-за быстрого разрушения бумаги, на которой они были написаны.

Содержание варьирует от одного «Чилам-Балама» к другому, но многие тексты повторяются в разных книгах, иногда с некоторыми противоречиями. Есть среди них тексты

исторического характера, очень краткие, являющиеся простыми упоминаниями о каких-то событиях без большой точности или описания деталей. Они идут в сопровождении дат, записанных так называемым «Коротким счетом» или краткой формой исчисления времени, употреблявшейся на Юкатане за несколько веков до конкисты. В религиозных текстах, возможно наиболее значительных, в некоторых случаях заметно христианское влияние; они отражают процесс синкретизма, начавшийся с самого начала колониальной эпохи. Очень важны также, несмотря на неясность языка, прорицания, связанные с различными календарными периодами (катуны, туны) и прогнозами относительно дней ритуального календаря. Показательны для эзотеричности религии загадки на «языке Суйуа», которые должны были решать кандидаты в жрецы. Есть также тексты, объясняющие календарь мая; другие, несомненно, чужды мая — это история девицы Теодоры и короля Альмансора, арабский рассказ и другие, в которых европейское и индейское объединяются в странном сочетании, как и астрологические тексты, в которых знаки зодиака связаны с болезнями и местными средствами их лечения.

В южной части ареала мая, конкретно у народа киче, осевшего на высокогорье Гватемалы, произошло то же, что и на Юкатане, в результате чего появилась возможность получить ценный документ, записанный в начале конкисты одним безымянным киче, которого научили писать на его языке буквами испанского алфавита. Оригинал документа был затем потерян, но прежде его скопировал и перевел доминиканец Франсиско Хименес, открывший его в начале XVIII в. в селении Чичикастенанго.

«Рукопись из Чичикастенанго», более известная как «Пополь-Вух», или «Книга Совета», без сомнения, транскрипция какого-то кодекса, скорее пиктографического, чем иероглифического (в области киче неизвестны иероглифические надписи), как об этом можно судить из предисловия его автора, упоминающего существование «оригинальной книги, написанной в древности, но сокрытой от взора исследователя».

«Пополь-Вух» дает нам точное и детальное изложение космогонии и мифологии народа киче, выраженное языком, полным поэзии. Описывается сотворение мира, стихий, светил, животных и растений, человека, а также борьба между мифическими героями и силами зла до их божественного превращения в Солнце и Луну. «Пополь-Вух» — это также легендарная история народа киче — от первых четырех людей, сотворенных богами, которые создали их тела из маисового теста, до правителей, находившихся у власти, когда в их историю насильственно и жестоко вторглись солдаты Альварадо. Из этого повествования видно, что культура народов гватемальского высокогорья за многие века до конкисты несла заметную печать мексиканского влияния начиная с периода процветания тольтекской цивилизации. Частые упоминания *Толлана* (Тулы) и *Кецалькоатля* обнаруживают контакты, существовавшие между народами Центральной Мексики и горной Гватемалы.

«Мемориал из Сололы», или «Анналы Какчикелей», является для народа какчикель тем же, чем был «Пополь-Вух» для их соседей киче: краткое изложение их истории, написанное людьми их собственного этноса. В написании оригинала на языке какчикель, датированного концом XVI в., принимали участие несколько авторов из семьи Шахиль, имена которых названы в документе. Позже он был переписан, также на какчикель, испанскими буквами; известная копия содержит даты до 1604 г. В противоположность «Пополь-Вуху» «Мемориал из Сололы» несет мало космогонических сведений, но дает более детальную и полную историческую информацию. История народа какчикель начинается с сотворения первых людей и продолжается почти век спустя после испанской конкисты. В ней заметен параллелизм с историей киче относительно происхождения культуры легендарной Тулы, бросается в глаза часто враждебный характер отношений с киче. Испанское завоевание описано со всей откровенностью, при этом противопоставлены сердечная форма приема пришельцев и жестокости и преступления Альварадо, вызвавшие восстание, которое длилось много лет, пока не завершилось полным подчинением какчикелей. В последней своей части «Мемориал» превращается в дневник общины, в котором различные писцы отмечают такие незначительные для истории факты, как бракосочетания, смерти, земельные тяжбы, землетрясения и другие еще менее важные события.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Имеются в виду архитектурные памятники, скульптуры, предметы из глины, камня, кости, раковин и других материалов, живопись, надписи, то есть все, что было выработано на территории майя до прихода испанцев. В археологические источники мы включаем также три единственные рисованные «книги», дошедшие до нас (Дрезденский, Парижский и Мадридский кодексы), так как мы не можем их правильно прочитать и потому, что они не сохранились, кажется, исторической информации⁵³.

Монументы церемониальных центров, обычные постройки, рельефы, настенные росписи, тысячи таких предметов из раскопок, как приношения в храмах, других культовых сооружениях и в погребениях, проливают свет не только на материальную культуру древних майя, но и на многие аспекты их формы мышления, верований и поступков. Реальная реконструкция культуры майя должна базироваться в значительной мере на археологических находках ввиду того, что исторические источники повествуют только о веках, непосредственно предшествовавших испанскому завоеванию, и, кроме того, они дают информацию часто туманную, если не сомнительную из-за свойственных им противоречий. Благодаря археологии стало возможным определение в общих чертах культурной истории многих центров майя, основных этапов их развития и изменений, происшедших по причине внутренних импульсов или под внешними влияниями. Ясно, что некоторые сферы культуры не оставляют материальных следов, но почти всегда по материальным следам возможно если не получить прямую и надежную информацию, то прийти к вероятным гипотезам, подтверждение которых может быть найдено в исторических источниках.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Начав изучать культуру майя (это относится и к другим мезоамериканским культурам), надо иметь в виду, что ни испанское завоевание, ни три века колониального господства, ни полтора столетия республиканской жизни не покончили с этой культурой. Важно помнить, что несколько миллионов человек продолжают говорить только на каком-либо из языков семьи майя и что они до сих пор ведут существование, очень сходное с жизнью их предков. Методы земледелия, типы жилища, пища, нормы поведения, верования, обряды, церемонии и другие многочисленные элементы ежедневной жизни и мышления древних майя выжили и сохранили свою значимость до наших дней. Отсюда — важность этнологических исследований многочисленных групп современных майя.

Совершенно очевидно, что многовековой процесс аккультурации этих групп не оставил нетронутыми древние элементы культуры и этнологу и историку надлежит отделить то, что сохранилось из автохтонных образцов, от того, что привнесено западной культурой.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Итак, на языках майяской группы все еще говорят несколько миллионов человек. Нет необходимости напоминать, что язык — это часть культуры и что по этой причине он включает в себя или отражает многие ее компоненты. Словарь какого-либо языка содержит названия флоры, фауны и других элементов окружающей природы, с которыми связана деятельность народа, а также названия, связанные с используемыми орудиями, с методами работы, с семейной или общественной организациями или с формами мышления. Через изучение языка можно обнаружить культурные изменения, контакты с другими народами и при некоторых условиях сделать заключение о возможном или вероятном историческом происхождении.

---

⁵³ Автор не прав. Упомянутые кодексы прочитаны и опубликованы в 1975 г. Ю.В.Кнорозовым. — См.: Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975 (Примеч. ред.).

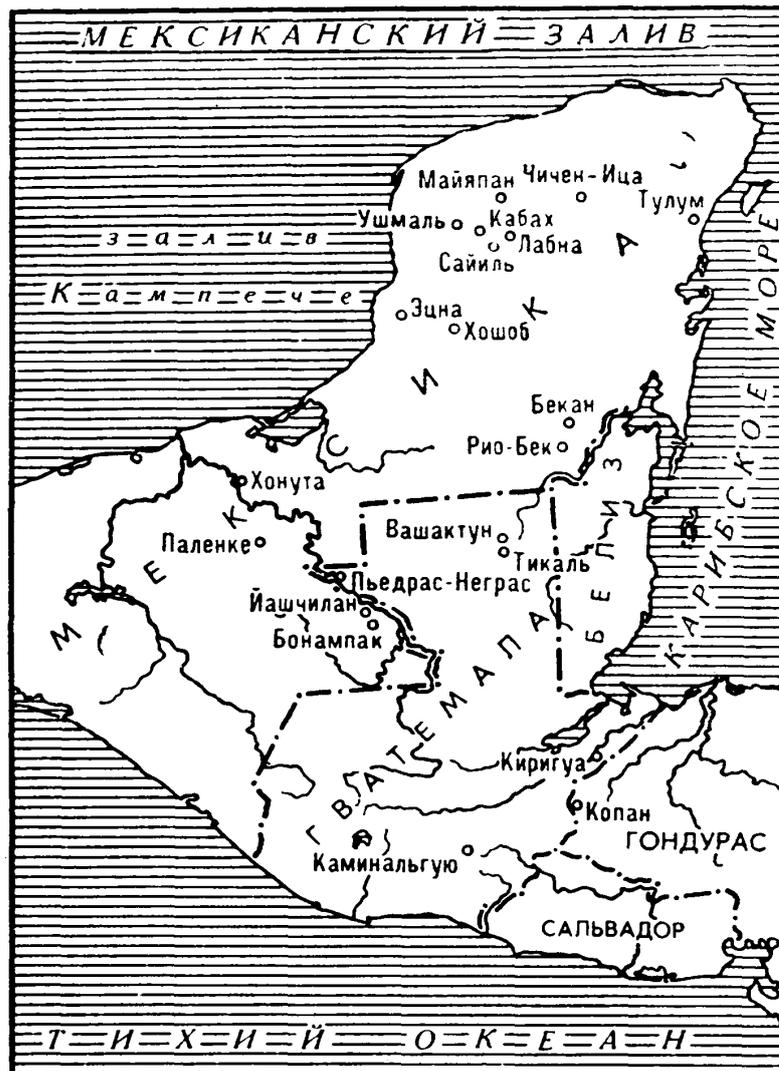
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Эту главу нельзя завершить, не подчеркнув настоятельной необходимости не ограничиваться источниками, прямо связанными с майя, при намерении реконструировать историю и культуру этого народа. Нужно постоянно иметь в виду, что майя — это не независимый исторический феномен, а неотделимая часть мезоамериканского феномена. Сравнение археологических памятников майя с памятниками других цивилизаций Мезоамерики помогает лучше понять собственно майяские факты.

ОБЛАСТЬ МАЙЯ

В начале этой главы мы должны уточнить, что под областью майя мы понимаем всю территорию, на которой жили до конквисты — и живут сейчас — лингвистически родственные народы, образующие группу, называемую майяской; исключения составляют уастеки, которые хотя и относятся к той же языковой семье, но отделились от общего ствола еще до образования единой культуры майя и находятся в области, очень удаленной от них. Мы делаем это уточнение, так как некоторые авторы (Морли, Киддер) исключают из области культуры майя любой район, в котором нет некоторых специфических ее проявлений, а именно «иероглифической письменности, и единственной в своем роде хронологии, и, что касается Северной Америки, каменной архитектуры, тоже единственной в своем роде, которая включала применение кровли в виде свода из выступающих камней („ложная арка“»». При таком подходе не должен считаться частью культуры майя район киче, где нет ни иероглифических надписей, ни зданий с майяским сводом, хотя «Пополь-Вух» киче и назван Морли «самой заметной в своем роде работой на территории южных майя».

Для нас область майя охватывает в Мексике современные штаты Юкатан, Кампече, Кинтана-Роо, почти весь штат Табаско и западную половину Чьяпаса; целиком Гватемалу, Белиз и западные окраины Гондураса и Сальвадора. В целом мы определяем ее площадь в 400 тыс. км², то есть, если сравнить с европейскими странами, она больше, чем Италия, и приблизительно равна Швеции.

Археологические памятники майя

Эта территория может быть подразделена на три хорошо различимые физико-географические зоны: южную, центральную и северную. Интересно, что этому естественно-му делению достаточно хорошо соответствуют культурное деление и различия в историческом развитии. Мы не сторонники географического детерминизма, но несомненно, что географический фактор все-таки сыграл здесь немалую роль.

Южная зона. Ее большую часть занимает Гватемальское нагорье и смежный район Сальвадора; она включает также узкую полосу побережья Тихого океана, ширина которой не превышает 40–50 км. Прибрежная низменность отличается жарким и влажным климатом и растительностью, свойственной тропикам. Но это лишь минимальная часть зоны. Остальная территория образована горными цепями вулканического происхождения; среди них выделяются самые высокие вулканы Центральной Америки — Такана и Тахумулько, превышающие 4000 м.

Между горными цепями простираются долины и плоскогорья с плодородными почвами, в которых рождаются большие реки Усумасинта и Мотагуа и образовались озера Атитлан и Амаатитлан. С южных склонов хребтов сбегает многочисленная речушка, пересекающая прибрежную полосу. На нагорье лето обычно мягкое и дождливое, в то время как зима сухая и холодная. Растительность представлена хвойными лесами и высокогорными лугами; в долинах возделываются зерновые, овощи и фрукты.

Фауна включает кошачьих (ягуары, пумы, оцелоты), оленей и других более мелких млекопитающих, а также змей и птиц, среди которых выделяется по своей красоте и ценности перьев кецаль.

Недра этого района богаты минералами, из которых в доиспанские времена использовались главным образом жадеит, пирит, гематиты и киноварь. Вулканические извержения предоставляли в распоряжение древних майя такие материалы, как туф и обсидиан. Вулканический пепел был главным источником плодородия почв.

Центральная зона занимает межгорные долины и северные склоны горных хребтов Гватемалы и мексиканского штата Чьяпас, а также плато Петен на севере Гватемалы, частично штаты Табаско, Кинтана-Роо и юг Кампече. К этой же зоне относится Белиз с его вулканической системой и западная горная часть Гондураса. Эта область прорезана средним и нижним течением Усумасинты с ее многочисленными притоками. Из других крупных рек выделяются Грихальва, Канделярия, Ондо и Мотагуа. Гидрографическую систему дополняют многочисленные озера, среди которых наиболее крупные Исабаль и Петен-Ица и лагуны (Пердида, Мирамар, Терминос и др.). Обширные районы заболочены. Климат очень жаркий, а количество осадков наибольшее во всей Мезоамерике. Дожди выпадают почти круглый год, и в некоторых районах среднегодовая норма достигает почти 4000 мм. Большая часть центральной зоны покрыта густой сельвой, где изобилуют такие деревья, как каоба, седрело, саподилья, сейба, рамон, амате, и многие виды пальм. Почвы пригодны для возделывания зерновых, овощей и фруктов; много дикорастущих фруктов.

Фауна, как и флора, богата и разнообразна: ягуары, пумы и другие кошачьи, олени, пекари, обезьяны и мелкие млекопитающие; много ядовитых змей и ящериц; многочисленны виды птиц, такие, как фазаны, дикие индейки, гуакамаи, попугаи, туканы и т.д.; бесчисленны насекомые.

Это район распространения карста. Известняк часто содержит вкрапления кремня. Обширные низменности (Табаско и юго-запад Кампече) образованы морскими отложениями, перекрытыми наносами рек.

Северная зона включает северную половину Юкатана и соответствует территориям штата Юкатан и большей части штатов Кампече и Кинтана-Роо. Она представляет собой широкую равнину, пересеченную идущими с запада на восток цепями холмов, высота которых не превышает 100 м. Поверхностная гидрографическая сеть развита слабо: три небольшие реки (Чампотон на западном побережье, Лагартос на северном и Шельха на карибском); несколько лагун (Коба, Чичанканаб, Окум, Нохбек) и одно озеро — Бакалар. Очень широко распространены карстовые процессы. В самой северной части полуострова, где практически

нет поверхностного стока, встречаются бесчисленные сеноты («цонот» — на языке майя), естественные подземные водохранилища, которые открываются, когда в результате эрозии или по другой причине разрушается известняковая кора. Недостаточное количество атмосферных осадков (меньше 1000 мм в год) и бедность почв (известняки часто выходят на поверхность или покрыты всего несколькими сантиметрами гумуса) делают растительность крайне скудной, и она еще более редет по мере продвижения к северу. Леса становятся низкими и менее густыми, пока не превращаются в чапараль⁵⁴. На крайнем севере Юкатана располагается полузасушливая зона.

Фауна, как и флора, здесь более скудна и менее разнообразна, чем в центральной зоне. Тем не менее она включает некоторых кошачьих, встречаются олени, пекари и мелкие млекопитающие (кролики, броненосцы), птицы и пресмыкающиеся.

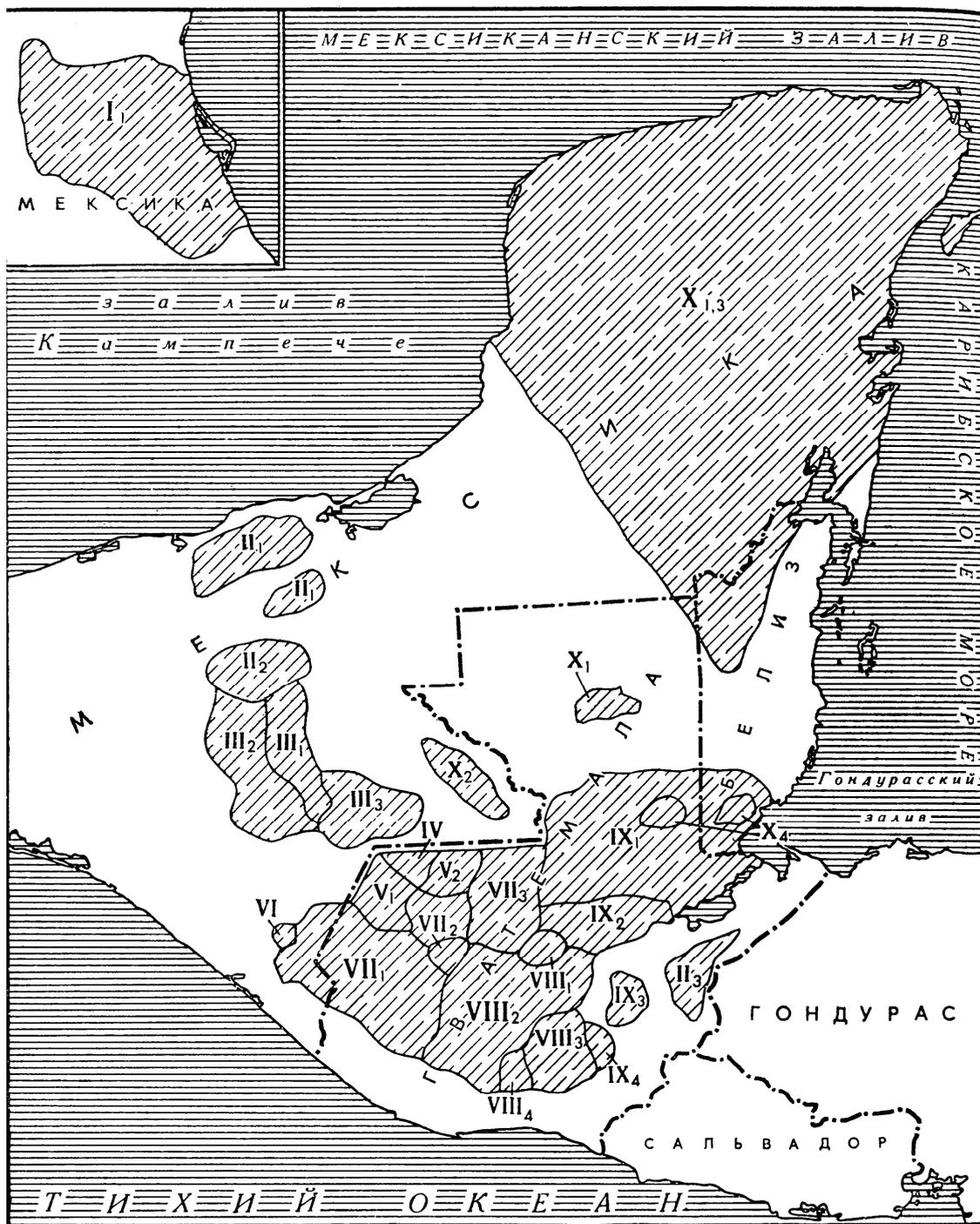
---

⁵⁴ Чапараль — мелкий колючий кустарник (*Примеч. ред.*).

ЛЮДИ МАЙЯ

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Априорное убеждение, что майя уникальный, независимый и изолированный от остального мира феномен, привело известных ученых-майянистов к утверждению, что язык майя не имеет никакого родства с другими языками Мексики и Центральной Америки (А.Тоззер, цитируемый Морли, который в общем-то разделял эту идею). Разумеется, последний в соответствии с его схемой развития цивилизации майя из центра в Петене (Гватемала) утверждал со своей стороны, что «язык „Древнего царства“, должно быть, был прародителем современной майюидной группы».

Расселение языковых групп майя

Другие авторы, как, например, Томпсон, также согласны, что язык майя не имеет связей с языками Мексики и Центральной Америки. Они допускают существование двух языков майя (язык высокогорий и язык равнин) плюс 15 диалектов. Однако, по мнению известных лингвистов М.Суодеша и Н.Маккоуна, имеются 28 языков, каждый с одним или несколькими местными диалектами, которые можно объединить в подгруппы согласно степени близости между ними.

Суодеш, один из лингвистов, который наиболее настойчиво и со знанием дела изучал языки американских индейцев, относил майяские языки к группе, названной им «макромайя». В эту группу он включал также следующие языки: ленка и шинка (на первом говорят в Гондурасе и Сальвадоре и на втором — на юге Гватемалы), михе (Оахака) и тотонакский (Веракрус). Кроме того, Суодеш считал, что группа макромайя имела связи с группой, названной им «макроацтекской», в которую входят языки семьи науа, образуя, таким образом, с языками пенути «сегмент обширной сети, охватывающей все полушарие». То есть никоим образом нельзя полагать, что языки майя изолированы в рамках языков Мексики и Центральной Америки, наоборот, они демонстрируют явное родство с языками народов, соседствующих с областью майя, и в меньшей мере и опосредованно — с некоторыми большими лингвистическими группами Американского материка.

Согласно методам сравнительной лингвистики (лексикостатистики), удалось установить вероятный момент, в который каждый из майяских языков отделился от общего ствола. Результаты этого трудоемкого исследования (глоттохронологии) дают следующую картину, в которой указаны приблизительные даты, когда началось отделение основных языков, начиная от гипотетического протомайя.

В пределах области майя — на юге Гватемалы и в Сальвадоре — встречаются группы пипиль, относящиеся к языковой группе науа. Вне названной области находится, как говорилось, уастекская группа майяской семьи.

Распространение основных этнолингвистических групп представлено на карте.

Классификация языков майя по Маккоуну (1956 г.)

- I. Уастеканский: 1. Уастекский (Веракрус, Потоси), 2. Чикомусельтекский (исчезнувший);
- II. Чоланский: 1. Чонталь, 2. Чоль, 3. Чорти;
- III. Цельталанский: 1. Цельталь, 2. Цоциль, 3. Тохолабаль;
- IV. Чух;
- V. 1. Якальтекский, 2. Канхобаль;
- VI. Мотосинтлекский;
- VII. Маме: 1. Мам, 2. Агуакатекский, 3. Ишиль;
- VIII. Кичеанский: 1. Успантекский, 2. Киче, 3. Какчикель, 4. Цутухиль;
- IX. Кекчианский: 1. Кекчи, 2. Покончи, 3. Восточный Покоман, 4. Западный Покоман;
- X. Майя: 1. Юкатекский, 2. Лакандонский, 3. Ица, 4. Мопан.

Хронология майяских языков

2600 до н.э.	Мам	100 н.э.	Канхобальский
1800 до н.э.	Уастекский	100 н.э.	Агуакатекский
1600 до н.э.	Юкатекский	400 н.э.	Чоль
1400 до н.э.	Лакандонский	900 н.э.	Чорти
900 до н.э.	Чонтальский	900 н.э.	Покоман
750 до н.э.	Цельтальский	1200 н.э.	Цоцили
450 до н.э.	Тохолабальский	1200 н.э.	Успантекский
200 до н.э.	Киче	1300 н.э.	Рабинальский
100 до н.э.	Кекчи	1450 н.э.	Цутухильский

ФИЗИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Описывая физический тип древних майя, С.Г.Морли основывался главным образом на исследованиях М.Стеггерды⁵⁵ среди современных юкатеков, сожалея при этом, что не были проведены сходные исследования среди остальных групп. Хотя он сам указывал, что «майя высокогорий имеют кожу более красную и блестящую, чем майя Юкатана, и биологически кажутся более чистого происхождения», он заключил: «Тем не менее, если их исследовать по основным критериям: росту, цвету кожи, форме головы и волос, можно заметить, что все группы, говорящие на языке майя, кажутся происшедшими первоначально от одного и того же древнего ствола». Этот вывод идет несколькими страницами ниже сравнительной таблицы различных соматических элементов (рост, головные указатели⁵⁶ и вес), в которой в глаза бросаются не только различия в росте (более 7 см между чонтальями и юкатеками), но также и весьма заметная и значительная разница в головном указателе (9 см между мужчинами юкатеками и цоцилями и почти 11 см у женщин тех же групп). Поскольку форма головы — удлиненная или округлая — является одним из наиболее важных признаков в биологической классификации народов, вывод Морли несостоятелен, ибо существует заметная брахицефалия у юкатеков (85 и более) и долихоцефалия (по мнению таких авторов, как Старр и Стеггерда) или мезоцефалия (по мнению Комаса) у некоторых народов высокогорий Чьяпаса (цельтали и цоцили) и Гватемалы (мамы), имеющих головной указатель от 76 до 79. Томпсон, не углубляясь в тему, считает майя «достаточно однородными».

Из исследования Комаса вытекает, что помимо только что названных факторов (рост и форма головы) есть и другие, также указывающие на отсутствие однородности населения майя. Это особенно заметно в лицевых индексах (лица широкие, средние и узкие) и носовых (носы орлиные или широкие). Найденные в крови при серологических исследованиях некоторые элементы указывают на существенные различия; дерматоглифические исследования и изучение отпечатков пальцев и линий ладоней говорят о различиях между группами северных высокогорий и группами южных высокогорий, а также между юкатанскими группами. Несмотря на небольшое число изученных серий, костные остатки, обнаруженные при археологических раскопках, тоже дают вариации, особенно в черепных и лицевых индексах.

Учитывая эти различия, нельзя говорить о едином физическом типе майя для всей области и считать его целиком отличным от остальных мезоамериканских групп. Некоторые группы майя имели и все еще имеют такие специфические черты, как узкий нос, складка эпикантуса (закрывающая внутренний угол глаза) и монгольское пятно (у основания позвоночника). Две последние черты характерны для азиатского населения, конкретно монгольского. На Юкатане также часто встречаются широко поставленные глаза, другое наследие дальнего азиатского прошлого коренных американских народов. Примечательна и относительная длина рук в сравнении с ростом. Так, у майя более длинные руки, чем у других мезоамериканских групп.

Большая часть физических черт населения майя, рассматриваемая в комплексе, уже известна у остальных мезоамериканских народов и у других народов севера, центра и юга материка, а именно: низкий рост, темный (бурый или медный) цвет кожи, глаза цвета темного кофе или черные, волосы гладкие и черные, редкая растительность на лице и теле, плечи широкие, грудная клетка развитая, ноги мускулистые. Ланда описывал майя как «людей хорошо сложенных, крепких и очень сильных». Он добавлял, что они были «кривоноги» (с изогнутыми ногами) по той причине, что в детстве их носили «верхом на бедрах».

Таким образом, в конечном счете как по своим физическим чертам, так и по языку майя должны считаться частью населения Мезоамерики и даже более широких этнических

---

⁵⁵ Морис Стеггерда — известный американский этнограф, осуществлявший в 30-х годах нашего века большие полевые исследования на полуострове Юкатан (изучал хозяйство и быт индейцев юкатеков). — См.: *Steggerda M. Maya Indians of Yucatan.* — Carnegie Institute of Washington Publication, №531. Washington, 1941 (*Примеч. ред.*).

⁵⁶ Процентное отношение ширины головы к ее длине (*Примеч. ред.*).

групп и ни в коем случае не должны изучаться как «человек майяский» с одинаковыми физическими признаками, отличающими их от остальных американских народов.

ПСИХИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Кажется, что только среди майя Юкатана была осуществлена попытка определить психическую личность человека посредством систематического исследования. Оно было проведено в течение восьми сезонов в 30-х годах в небольшом поселении Пистэ около Чичен-Ицы под руководством М.Стеггерды в рамках исследований Института Карнеги в Вашингтоне, который и опубликовал результаты.

Мы не сомневаемся в серьезности тех, кто провел работу, и, не будучи психологами, едва ли сможем высказать обоснованное мнение о ней. Мы ограничимся изложением выводов, напомнив прежде всего примененную методику: 1) шкала ценностей, охватывавшая 61 черту характера, была вручена белым лицам, знакомым с майя в их собственной среде, которые высказали свое мнение о майя в целом; 2) сходная шкала была вручена пяти мужчинам майя и восьми метисам, которые оценили и квалифицировали других майя; 3) были упомянуты случаи из повседневной жизни майя и их реакции в различных социальных и психических ситуациях; 4) мужчинам, женщинам и детям были вручены испытательные таблички-тесты с унифицированными графическими изображениями. В первой шкале ценностей, врученной 29 белым людям, чуждым культуре майя, но знакомым с «расой», темы были сгруппированы следующим образом: 1) энергичность, 2) отношение к самому себе, 3) отношение к среде, неодушевленным предметам и людям, 4) настроение, 5) сообразительность, 6) общие интересы, 7) патологические черты.

Из 29 лиц, ответивших на эти вопросы, 20 были членами группы Института Карнеги, среди остальных было несколько миссионеров, почти все — американцы.

Вторая шкала была вручена пяти мужчинам майя (которые собрали мнения других 34 майя) и восьми метисам, проводившим исследование среди 38 майя. Что касается тестов, то они были обычны в Соединенных Штатах; в них нужно группировать и располагать геометрические фигуры с возможно большей быстротой. Сам Стеггерда указывает на неправильность применения подобных тестов к лицам, относящимся к культуре, отличной от той, для которой эти тесты сформулированы; поэтому их ценность для определения умственных способностей майя была очень сомнительна.

В очень краткой форме результаты исследования были следующими: майя активны, энергичны и трудолюбивы; настойчивы, аккуратны и очень чистоплотны, они стараются, чтобы их хижины и одежда всегда были чистыми; бережливы, так как тщательно сохраняют свои урожаи и избегают расточительности; жестоки с животными и иногда с человеческими существами, когда речь идет о мести за женскую неверность; консервативны в своих обычаях и враждебны по отношению к прогрессу; не любители перемещаться, за исключением крайних случаев; разговорчивы и общительны, любят шутки и развлечения; доверчивы, бескорыстны, добродушны, очень уважительны к правам других; отзывчивы к чужой бедности, болезни или несчастьям; горды, не просят милостыню; вежливы и дружелюбны между собой и с чужими; великодушны и гостеприимны; у них нет склонности командовать, но они с детства ревностно относятся к своей личной независимости; лишены духа мятежности, тщеславия и эгоизма; любят справедливость; мирны и не вздорны, но злопамятны и мстительны, когда оскорблены; в высшей степени честны; семейные узы очень крепки, хотя и со слабыми проявлениями привязанности, отцовский авторитет сохраняется даже тогда, когда уже взрослые дети сами становятся отцами семейств; умеренно или мало озабочены половыми проблемами, так как пары легко расходятся и ревность достаточно редка, хотя, как было сказано, в случае измены месть обиженного мужа может быть страшной; фаталистичны и религиозны, но более всего суеверны и верят в колдовство; крайне склонны к алкоголизму часто с опасными последствиями (драки нередко с кровавым исходом); со средними умственными

способностями и без духа новаторства, но очень наблюдательны и с хорошей памятью; с достаточным воображением, с четко выраженным чувством красоты.

Что касается классических тестов, примененных для суждения о степени умственного развития, они дали результаты, неблагоприятные для майя, как взрослых, так и детей, со средними показателями более низкими, чем те, что были получены не у майя, а среди «белых». Стеггерда постоянно подчеркивает, что, по его мнению, такие результаты получились из-за использования несоответствующих тестов, однако, несомненно, должно существовать некоторое различие между умственными способностями майя и «белых».

За исключением некоторых спорных аспектов использованной методики (тесты, признанные малопригодными самим Стеггердой, и то, что часть исследования была осуществлена через переводчиков людьми, мало знающими или совсем не знающими языки майяский и испанский, прожившими на Юкатане 12 лет и имевшими в качестве служащих и рабочих майя, смешанных в большей или меньшей степени с белыми), я согласен почти со всеми выводами, к которым пришел Стеггерда. Однако я не помню, чтобы я видел проявление жестокости к животным или людям, даже в случае неверности жены. Что касается половых связей, упомяну один факт, совпадающий с тем, что писал Ланда относительно легкости, с которой древние майя соединялись и расходились, и с тем, что происходит обычно в случае супружеских ссор. Сторож одной из археологических зон, находившихся в моем ведении, жена которого была, по его мнению, слишком любезна с другим, более молодым сторожем, пришел ко мне просить, чтобы я, как начальник, официально указал его супруге на ее плохое поведение, как я это делал, когда какой-либо служащий не выполнял своих обязанностей. Ясно, что этот эпизод значительно отличается от описываемых Стеггердой страшных случаев жестокой мести со стороны обиженных мужей.

Другие выводы исследования приписывают целую серию поступков современных майя их психическому складу, в то время как на самом деле они являются логическим результатом социально-экономического положения, сохраняющегося на протяжении веков. Какую склонность к управлению могут иметь лица, которые веками находились в подчинении у «белых»? Как они могут иметь бунтарский дух, если всегда знали, что их отцы и прадеды вынуждены были мириться с таким же существованием, будучи обреченными на случайное выживание среди лишений и нужды? Почему надо считать желание говорить на собственном языке, возводить дома, как тысячу лет назад, и одеваться, как до прихода испанцев, отрицательной психической тенденцией, противной прогрессу?

Определяя, главным образом посредством тестов, умственные способности майя как едва средние и подчеркивая, кроме того, блестящие достижения их цивилизации до конкисты, находящиеся в поразительном контрасте с отсутствием у них в настоящее время научных знаний и художественных качеств, Стеггерда совершает великую несправедливость, возможно, в силу недостаточной информации о цивилизации и обществе майя. Без сомнения, он смешивает яркие воплощения в архитектуре, скульптуре, живописи, календаре, письме и т.д. с тем, что должно было быть повседневной жизнью, интеллектуальным уровнем, возможностями познания, творчества и потребления народа майя того времени. Сравнивая древние храмы с современными хижинами, астрономические подсчеты на памятниках с безграмотностью нынешнего населения, великое искусство церемониальных центров с бедной утварью теперешних крестьян, Стеггерда неблагоприятно делает вывод, что «современные майя не являются собой одаренный народ в том, что касается разума». Такое заключение не должно нас удивлять, так как исследование проводилось неверными методами и, сознательно или бессознательно, с чувством расового превосходства.

ТЕХНИКА МАЙЯ

Природное окружение, несомненно, обуславливает те блага, которые может получить человек, но оно являет собой лишь арсенал сырья и потенциальных сил, которые индивид своим трудом преобразовывает в силы, по-настоящему производительные. В природной среде, по словам Гурвича, человек находит препятствия и благоприятные факторы, которые он преодолевает или использует в своей деятельности, изменяющей и преобразующей природную среду.

Интенсивность и эффективность этой деятельности человека зависит от уровня развития техники. Если мы сравним средства существования, получаемые майя из их природного окружения в доиспанские времена, с тем, как обстоят дела сейчас, то, естественно, мы увидим определенные изменения. Культуры, ранее неизвестные на континенте, такие, как кофе, бананы, сахарный тростник, пшеница, кокос, стали теперь господствующими в сельском хозяйстве Гватемалы и юго-восточных штатов Мексики. Развивается животноводство, введенное европейцами. При современном механизированном оборудовании древесина, и раньше использовавшаяся майя, а также хенекен, из которого они делали предметы ремесла, превратились в важные статьи экспорта. То же самое можно сказать о чикле и других продуктах. Теперь рассмотрим, из чего древние майя получали продукты растительного, животного и минерального происхождения.

ПРОДУКТЫ РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В этой подглаве мы ограничимся рассказом об использовании дикорастущих деревьев.

С помощью несовершенных каменных орудий и огня майя могли валить деревья даже с очень твердой древесиной, такие, как чиксапотте, и делать из них балки, слегги, перекладины и столбы для своих построек, рукоятки для рабочих инструментов и оружия, палки для посевов и лодки.

Из коры некоторых фикусовых, предварительно замоченной в воде и превращенной в пульпу ударами специальных молотов, и при помощи естественной смолы, служившей склеивающей субстанцией, они делали бумагу. Бумага служила для изготовления книг, в которых записывались сведения из различных отраслей, и книг, предназначенных для ритуальных целей.

Из высушенных листьев некоторых пальм делались кровли хижин простых людей, а лианы служили для связывания каркаса этих хижин. Листья пальм использовались также для плетения циновок и корзин.

Из некоторых деревьев посредством надрезов на стволе получали различные смолы, которые после обработки давали копал, называвшийся у майя «пом». Его жгли, как ладан. Из смол добывали также уле, или каучук, используемый для изготовления игровых мячей и маленьких идолов; чикле, применявшееся как жевательная резинка; ликвидамбар, из которого делали душистое косметическое средство. Некоторые древесные породы давали различные красители, например индиго.

ПРОДУКТЫ ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Здесь речь пойдет не об употреблении мяса в пищу, а о частях тела животных, использовавшихся для различных целей как в своем естественном состоянии, так и в предварительно обработанном виде.

Шкуры оленя, ягуара и пумы служили одеждой; из клыков некоторых животных делали ожерелья, а из костей — музыкальные инструменты (желобчатая кость — флейта) и различные орудия труда — шила, лоцила, резцы, иглы и булавки. Рога оленей использова-

лись для игры на панцире черепахи. Из пережженных костей получали черную краску. Шипы ската использовались для ритуальных кровопусканий, а зубы акулы наряду с другими предметами служили приношениями. Из многих моллюсков делали украшения, подвешивая целиком створку как пектораль или изготавливая из кусочков раковины или перламутра серьги, бусы и мозаику. Морские раковины больших размеров служили горнами, а некоторые небольшие — бубенчиками в ожерельях. На побережье Кампече делали украшения из панциря черепах. Для украшения одежды и головных уборов использовались перья птиц. Больше всего ценились перья кецаля. Перьями подшивались также щиты, из них делали веера.

Для окраски тканей майя использовали краску кармин, получаемую из кошенили — червеца, живущего на кактусе нопаль.

ПРОДУКТЫ МИНЕРАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Наиболее важным для майя был, без сомнения, камень. Из известняка возводили здания; пережигая его, получали известь; смешивая ее с песком, приготавливали цементирующий раствор, а соединяя с каменной пылью — шпук, которым покрывали стены и потолки и из которого лепили рельефы. Из известняковых камней делали также различные емкости и небольшие украшения. Из того же типа камня резали косяки, притолоки, стелы, алтари, статуи.

На Юкатане под известняковым слоем есть прослойка известкового песка (сахкаб, или саскаб), который каменщики использовали в чистом виде или в смеси с известью при постройке зданий.

Из кремня, встречающегося вкраплениями в известняках, майя, как и все народы древности, делали разнообразные орудия, обрабатывая его оббивкой и ретушью: ножи, молоты, топоры, наконечники копий и дротиков, скребки, скобели, лезвия оружия и т.д.

Из базальта делали ступы, терочки и зернотерки (*метате*) с соответствующими пестами для измельчения зерен. Из другого материала вулканического происхождения — обсидиана, или вулканического стекла, изготавливали различные предметы и рабочие инструменты (ножи, лезвия), наконечники копий и дротиков, украшения и мозаику.

Из наиболее твердых пород камня (диорит, серпентин) изготавливали топоры и долота, но наиболее ценным для них материалом был нефрит, из которого они делали свои самые красивые ювелирные изделия, маски, фигурки и мозаики, а также сверла для проделывания отверстий в бусинах и пекторальных.

Из некоторых минералов получали большую часть своих красителей: например, красный — из гематита и киновари, желтый — из железистой глины, синий — из какого-то минерала, схожего с бейделитом, цвет темного кофе — из природного асфальта.

Из глины и различных материалов, служивших в качестве обезжиривателей для уменьшения ее пластичности (кварц, обожженная глина, мелкие кусочки известняка, семена, вулканическая пыль и пр.), они изготавливали много типов посуды — домашней, ритуальной и погребальной, а также фигурки, маски, пряслица, шарики для метания, грузила для рыболовных сетей и пр.

В районах, сложенных осадочными породами и не имеющих каменоломен (Табаско), делали обожженный кирпич для возведения построек в церемониальных центрах.

На побережье с помощью повсеместно известной техники выпаривания из морской воды получали соль, особенно на болотах, тянувшихся вдоль северного берега Юкатана, от Острова Мухерес почти до залива Кампече.

В то время как в Перу металлургия была известна уже за несколько веков до нашей эры (в культуре Чавин), в Мезоамерику техника обработки металлов пришла 2000 лет спустя, около XII в. За исключением пары ног от полой фигурки, сделанной в Коста-Рике или Панаме, найденных в жертвенном ящике под одной из стел Копана, большая часть металлических предметов, известных в области майя, обнаружена в «Священном колодце» Чичен-Ицы. Почти все они также происходят из Центральной Америки (Коста-Рики или Панамы) и наверняка попали в Чичен-Ицу путем торгового обмена или были принесены странниками. На неко-

торых дисках из очень тонкого листа золота есть сцены, выполненные чеканкой. По всей вероятности, это местная работа, так как сцены изображают сражения и жертвоприношения, в которых жертвами являются майя, а победителями, вероятно, тольтеки, владевшие Чичен-Ицей приблизительно с 1000 по 1250 г. Однако химический анализ показал, что это предметы центральноамериканские, переплавленные и расплющенные в тонкие пластины. Почти все металлические предметы, найденные в Чичене, — украшения; среди них изобилуют бубенчики (золото или медь), рукоятки, может быть, от вееров (золото), фигурки, маски, браслеты, подвески, серьги, бусины, чаши, подошвы сандалий и кольца (золото и медь). Известны также плоские медные тесла, которые, кажется, использовались как деньги в торговых сделках, пинцеты для удаления волос и несколько медных крючков.

Как можно судить по собранным данным, технические достижения древних майя по классификации, применяемой для культур Старого Света, не вышли за пределы неолита, если принять во внимание, что обработка металла соответствует постклассическому периоду! то есть времени более позднему, чем то, в которое развивалась собственно культура майя классического периода. Культура майя, если брать ее техническую основу в классических схемах Л.Г.Моргана и В.Г.Чайлда, относилась бы к этапу варварства. Чтобы считать ее настоящей цивилизацией, ей не хватает использования железа и бронзы, колеса и плуга, фонетического алфавита в письменности и наличия настоящих городов. Но мы здесь заранее скажем, что эти критерии оказываются очень узкими и жесткими для того, чтобы применять их ко всем культурам мира, и ясно, что в отношении к Мезоамерике, и особенно к майя, они не годятся.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

Как и другие аспекты цивилизации майя, хозяйственные занятия должны анализироваться в свете последних исследований, без боязни оспорить категоричные утверждения, успевшие превратиться в догмы, почитаемые длительное время без малейшей критики. Картина экономической жизни древних майя, которую мы можем начертать в настоящее время, гораздо сложнее, чем та, что нам представляли ранее, согласно которой возделывание маиса было почти единственным трудовым занятием майя помимо возведения церемониальных центров. В данной главе речь пойдет о различных формах получения продуктов, необходимых для существования.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Разнообразие почв и климата в области, занимаемой майя, предопределили разнообразие земледельческих продуктов и приемов, о которых мы можем лишь частично судить по сообщениям хронистов XVI в. и по редким данным из археологических источников.

Области нагорий Гватемалы с умеренно теплым климатом и плодородными почвами в долинах были пригодны для возделывания зерновых и фруктов. На Тихоокеанском побережье можно было выращивать тропические культуры (среди них какао), как и на побережье Мексиканского залива в современном штате Табаско. Наветренные склоны гор, получающие наибольшее количество осадков от северо-восточных пассатов и обильно орошаемые многочисленными реками, использовались для возделывания многих видов растений. Северная, равнинная часть полуострова Юкатан, лишенная поверхностных вод, получающая малое количество осадков и сложенная известняковыми породами, не имела благоприятных условий для земледелия, хотя Ланда с достаточно наивным энтузиазмом говорил, что «среди камней и на них сеют, и удаются все их посева, удаются и все деревья и некоторые так велики и красивы, что удивительно смотреть на них».

Видимо, можно сказать, что земледелие майя целиком зависело от природных условий — почв, водного режима и климата. Исключением было лишь возделывание какао на искусственно орошаемых участках тихоокеанского побережья Гватемалы и, возможно (согласно А.Палерму), террасированное земледелие на нагорье Альтос, также в Гватемале. Очевидно, что в районах влажных тропических лесов обилие дождей делало необязательным орошение, в то время как на севере Юкатана скудность осадков и отсутствие поверхностных вод не позволяло его осуществить. В центральной зоне наверняка использовали воду рек.

Проблема искусственного орошения вызывает очень пристальное внимание в последние 20 лет из-за своего социально-политического значения. Некоторые исследователи считают, что лишь «гидравлическое общество»⁵⁷ может достигнуть уровня цивилизации. Так, К.Витфогель, главный защитник этой теории, включает равнинных майя в это «гидравлическое общество», хотя и с некоторыми ограничениями. Правда, он признает, что правительство майя не осуществляло гидравлических работ, но по своим политическим, социальным и экономическим характеристикам цивилизация майя должна относиться к «гидравлическому миру», поскольку эти характеристики должны были быть введены «гидравлическим обществом», хотя у майя они и не дополнялись ирригационными сооружениями с чисто земледельческими целями. Нам известны гидравлические сооружения в нескольких центрах майя, но для других целей: акведуки в Паленке для регулирования разливов рек; углубления в земле, тщательно загерметизированные, для накопления дождевых вод; плотина в одном овраге;

---

⁵⁷ Подробный разбор и критику реакционной теории «гидравлического общества» Карла Витфогеля см.: Андрианов Б.В. Концепция К.Витфогеля «гидравлическое общество» и новые материалы по истории ирригации. — Сб.: Концепции зарубежной этнологии. М., 1976, с. 153–177 (Примеч. ред.).

распределительные каналы в Тикале и защитные или водонакопительные рвы вокруг церемониальных центров, как в Бекане⁵⁸.

К социально-политическому значению «гидравлической проблемы» мы вернемся в следующей главе.

Что касается земледельческих орудий, то они не могли быть проще: каменный топор для рубки деревьев и кустарника и палка для посадки, называемая *шул*, — простой заостренный кол, обожженный для твердости; к этому можно добавить сумку для семян, сделанную, вероятно, из хенекена.

Для выращивания маиса применялась (и до сих пор применяется) система, называемая «роса» (от испанского *rosar* — корчевать, расчищать) или «мильпа», при которой высокий лес или кустарник на земле, предназначенной для посевов, вырубается и, после того как высохнет, сжигается.

Подготовка участка длится несколько месяцев. В начале мая после первых дождей сажают маис, делая палкой углубления в 10–12 см, в которые бросают три-шесть зерен, часто вместе с семенами фасоли и тыквы. Ямки находятся друг от друга на расстоянии двух коротких шагов (125 см). После того как зерна брошены, ямки засыпают землей движением ноги.

Прополку делают один или несколько раз в зависимости от плодородия почвы и от того, эксплуатируется ли участок первый год или он уже был под посадками. В древности прополку проводили руками, выдирая сорняки с корнем. Когда початок начинает созревать, его заламывают вниз, с тем чтобы внутрь не попала вода и чтобы птицы не склевали зерна. Месяц спустя, в ноябре, начинается сбор урожая. Этот процесс длится до следующей весны по мере потребности в маисе. В настоящее время (и наверняка это доиспанский обычай) початки хранятся прямо на мильпе, в высоких амбарах, сделанных из кольев, с пальмовой кровлей, причем початки находятся в вертикальном положении и плотно прижаты друг к другу.

При этой системе в наши дни юкатекская семья нуждается в возделывании 4–5 га земли каждый год. Урожайность год от года падает до такой степени, что обычно одна и та же мильпа засеивается только два или иногда три года подряд, а затем оставляется в залежи на 10 лет. Морли подсчитал, что для того, чтобы прокормиться, семье из пяти человек в среднем необходима площадь в 30 га; на нагорьях Гватемалы, за исключением плодородных долин, одной обычной семье нужно уже 40–80 га, а в зонах особенно засушливых или эродированных — от 200 до 400 га.

Однако на опытной мильпе, разбитой недалеко от Чичен-Ицы, при прополке, проводившейся, как и в доиспанские времена, вручную, путем вырывания сорняков с корнем, а не срубанием их мачете, средняя урожайность была сохранена в течение семи лет подряд, и, если бы не напала саранча, наверняка она продержалась бы еще по крайней мере год. Основываясь на этом опыте, можно предположить, что древние майя в сходных с современными условиях не нуждались более чем в 14–15 га земли для содержания семьи.

Вероятно, что в некоторых горных районах с умеренно теплым или прохладным климатом, например на землях Мексики, майя выращивали маис, оставляя часть земель под пар. Мильпа возделывалась два-три года, а затем ей давали отдохнуть столько же лет, при этом сохранялась средняя урожайность. Исследования в одном горном тотонакском селении показали, что семья ежегодно нуждалась в обработке лишь 2 га земли и что при постоянном использовании достаточно иметь площадь в 6,5 га. Сандерс и Прайс полагают, что на увлажненных наветренных склонах гор (Альтос в Гватемале) можно было бы использовать такую же систему. Это значительно уменьшило бы площадь земель, необходимых для существования одной крестьянской семьи.

---

⁵⁸ Недавно посредством аэрофотосъемки был обнаружен канал, идущий от верхнего течения реки Чампотон к поселению Эцна. Таким же образом узнали о каналах, отходящих от реки Канделярии и увеличивающих площадь, орошаемую этой рекой. В обоих случаях каналы использовались частично или целиком для земледелия.

Кроме маиса майя выращивали фасоль, тыкву, томаты, различные виды стручковых перцев и как приправы ореган, кориандр, ванилин и др. Одной из наиболее важных культур было какао. Его выращивали во влажных жарких зонах на побережье Мексиканского залива, в районе Четумалья на Карибском побережье и в Соконуско на берегу Тихого океана. Широко распространенными культурами были также хлопок и табак, разводимые семенами.

Другая форма разведения растений, не семенами, а черенками или отростками, применялась при посадках таких корнеплодов, как батат, маниок и хикама. Кроме этих растений, плоды которых шли в пищу, выращивали также хенекен.

Сейчас трудно сказать с точностью, какие деревья разводились как культурные, а какие были дикорастущими; некоторые высаживались около домов. Среди основных фруктов — выращивавшихся или собиравшихся дикими — назовем мамей, авокадо, папайю, мараньон, сирикоте, чикосапоте (из дерева которого получали также чикле), анон, нансе, гуайяву. Еще одно дерево — рамон, небольшие плоды которого дают очень важный питательный продукт. И в наши дни рамон часто можно увидеть на месте древних поселений майя. Об этом дереве мы еще поговорим в другой главе.

СОБИРАТЕЛЬСТВО

Получение растительных и животных продуктов без земледелия или животноводства, путем их сбора, называется собирательством. Примитивные народы — собиратели, охотники, рыболовы, превращаясь в цивилизованные и используя земледелие как основное средство производства продуктов питания, никогда не перестают заниматься собирательством. В самом деле, в настоящее время его практикуют все народы, как бы ни был высок уровень их цивилизации.

Майя использовали и другие растения, растущие в диком состоянии: разные пальмы, сухими листьями которых они крыли крыши хижин; баяль, дававший волокно для изготовления корзин; коросо, из орешков которого приготавливали муку; сухие плоды гуиры использовали как посуду; смолу пом (копал) сжигали как благовоние; из плодов некоторых видов сейбы получали волокно, похожее на хлопок, о котором Ланда говорил, что это была «шерсть для подушек, лучшая, чем куделя Алькарри»; из коры дерева, называемого *бальче*, готовили напиток; у некоторых видов кактусов использовали в пищу плоды. К этому списку можно было бы добавить названия сотен растений, применявшихся в медицинских целях.

Животные продукты (кроме добываемых охотой и рыбной ловлей, о которых речь пойдет ниже) извлекались также из моря и рек, озер и лагун. Майя собирали некоторые виды ракообразных, а также устриц и других моллюсков.

ОХОТА

Мы уже говорили, что майя охотились на некоторых животных, чтобы использовать их для получения орудий труда или украшений. В употребление шли кожа, кости, зубы, когти, перья, панцирь, раковина. Мясо, естественно, поедалось.

Техника охоты зависела, конечно, от вида животных. Основываясь на сообщении Ланды и некоторых изображениях в кодексах, мы можем сказать, что майя применяли копья, метательные дротики, луки и стрелы (в поздний период, самое большее за два-три века до испанского завоевания), сербатаны (для охоты на птиц глиняными шариками), пращи, петли, привязанные к согнутым ветвям деревьев, и другого рода ловушки. В Мадридском кодексе есть рисунок, изображающий броненосца, попавшего в ловушку, сделанную, похоже, из палок, с крышкой, на которой лежат камни. По-видимому, эти камни должны были упасть на животное.

Иногда майя охотились с собаками (Ланда упоминает об этом, описывая охоту на перепелов). Некоторые изображения (Мадридский кодекс и трехногое полихромное блюдо с Юкатана) предполагают охотничьи уловки. В кодексе видна человеческая фигура, хотя и с

маской божества, покрытая шкурой какого-то большого животного. В другом случае из-под шкуры оленя выглядывает подобие хвоста скорпиона, сделанного в форме цепи из круглых звеньев, заканчивающейся человеческой рукой, вонзающей дротик в животное. В том же кодексе на одном рисунке хвост скорпиона заканчивается рукой человека, держащей петлю, охватившую ногу оленя. На полихромном блюде, где, по-видимому, представлен охотничий ритуал, изображены несколько человек, одетых в оленьи шкуры и держащих во рту манок — полый стебель, которым имитировался крик олененка, чтобы привлечь мать-оленуху.

Ниже мы перечислим основных животных, на которых охотились майя. Из млекопитающих — по степени их величины — тапир (из-за некоторого сходства с лошадью его название «цимин» майя Юкатана перенесли затем на лошадь конкистадоров), олень, ягуар, пума, пекари, обезьяна, кролик, коати, агути, или королевская туса, и броненосец. Среди птиц — по красоте их перьев — кецаль, гуакамайма, попугай, цапля и тукан; по мясу — горная индейка, фазан, кохолите (разновидность фазана), куропатка, перепел, голубь и утка.

Из водных обитателей помимо рыб назовем черепаху, у которой использовали мясо, яйца, откладываемые на песчаных берегах, и панцирь, и млекопитающее ламантин. Ланда описывает некоторые признаки этого животного (имеет половые органы, «как мужчина и женщина» и «крылья, как руки»). Он считает, что ламантин стал источником мифа о сиренах. Ланда пишет, что охотились на ламантина с гарпунами, привязанными веревками к поплавкам-тыквам, с тем чтобы за раненым животным можно было следовать в лодках и добить его, обессиленного, на мелководе.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Очень возможно, что оседлость впервые возникла среди небольших групп рыбаков и собирателей на берегах морей, озер или рек, то есть мест, изобилующих пищевыми ресурсами, которые можно использовать даже при низком уровне техники. Ланда много пишет об изобилии рыбы в прибрежных водах полуострова Юкатан, в лагуне Терминос и болотах вдоль северного побережья Юкатана. Среди других видов он называет кефаль, форель, робало, треску, рыбу-пилу, мохарру, сардину, манту, скатов и рыбу-меч. Ланда упоминает, что на низких берегах Кампече рыбная мелочь оставалась в больших лужах после отлива.

Рыбу ловили сетями и на крючок, били копьями и стрелами из луков. В археологических раскопках встречаются крючки, сделанные из раковин и меди. Лов вели с берега или с лодок, как это видно из сценок, выгравированных по кости (обнаружено в одном из захоронений в Тикале). Сценки изображают богов, занятых рыбной ловлей: некоторые вытаскивают рыбин руками из воды, другие несут их на спине в подобии клеток, возможно сделанных из гибких стеблей или ветвей.

Рыбу ели не только свежей, но и запасали впрок различными способами в зависимости от вида — солили, коптили или сушили на солнце. Копченая рыба сохранялась несколько дней и могла быть перенесена для продажи на расстояние 20–30 лиг⁵⁹.

Как уже говорилось, рыбу использовали не только в пищу. У некоторых ее видов шипы и кости применялись для кровопускания, а зубы — как приношение богам и наконечники стрел.

ПРИРУЧЕНИЕ ЖИВОТНЫХ

Тот факт, что до прихода европейцев в Америке не было крупного и мелкого рогатого скота, не означает, что в доиспанские времена в Новом Свете не были знакомы с практикой разведения животных. В Андах разводили парнокопытных семейства верблюдовых (лама, альпака). Эти выносливые вьючные животные до сих пор незаменимы в условиях высокогорья. Используется их мясо, молоко и шерсть. В Мезоамерике, в области майя, также разводили различные виды животных.

---

⁵⁹ Лига (исп.) — старинная испанская мера длины, равная 4,83 км (*Примеч. ред.*).

Некоторых животных приручали женщины, однако это не было систематическим одомашниванием. Так было с барсуком (чиик). Это животное «удивительно озорное», как говорит Ланда, и его приручали женщины, так как барсучки, по словам Ланды, «большие любители играть с индейками, у которых они ищут в голове и за которыми всегда ходят». То же относится и к оленям, «которых женщины кормили грудью и которые вырастали такими ручными, что не хотели уходить в лес».

Женщины приручали также птиц, в том числе одну из разновидностей уток, из-за их перьев или просто из желания иметь их.

Животными, которых действительно систематически разводили, можно считать лишь собак, гуахолоте⁶⁰ и пчел. Хронисты сообщают, что майя держали небольших немых собак, которых употребляли в пищу или приносили в жертву. Другой вид собак использовался на охоте. Гуахолоте давал мясо и перья. У диких пчел брали мед, собирая его в дуплах или в пустотах камней; от домашних пчел, для которых строились небольшие ульи, также получали мед и воск.

ТОРГОВЛЯ

Различия геологических, орографических, гидрографических и климатических условий между отдельными районами области майя определили заметное разнообразие природных ресурсов в каждом из них. Хотя для удовлетворения своих элементарных потребностей народы этой области в любом географическом окружении могли получить самое существенное для своего пропитания (маис, фрукты, животных, на которых охотились) и материалы для своих жилищ (древесина, пальмовый лист, лианы), на самом деле ни один район не был самообеспечивающимся и в большей или меньшей степени нуждался в торговом обмене. Помимо очень активной внутренней торговли установился важный товарообмен с соседними народами, которые предоставляли майя готовые изделия, а от них получали сырье, имевшееся на землях майя. В целом же торговля сырьем (солью, хлопком, какао, кремнем, обсидианом) была необходима широким слоям населения, а ремесленные изделия служили почти исключительно предметами роскоши для господ.

Различные районы майя поставляли на внутренний и внешний рынок свои особые товары. Так, с Юкатана доставляли соль, воск, мед, маис, фасоль, рыбу (сухую, копченую, или соленую), хлопок, хенекен, тканые плащи, перья водоплавающих птиц, копал и кремьень как сырье или в виде готовых изделий.

Из Гватемалы шли главным образом ценные породы деревьев, шкуры, хлопок, перья кецаля, копал, яшма, обсидиан, бирюза, базальт для зернотерок и ступ, вулканическая пыль как обезжириватель глины при изготовлении керамики.

С побережья Мексиканского залива и Тихого океана поставлялись какао и каучук.

Из Гондураса — алебастровые сосуды и какао.

Что касается товаров, поступавших в область майя от других народов, назовем изделия из нефрита, горного хрусталя, обсидиана, меди, золота и керамики. Они поставлялись в основном из Центральной Мексики и южной части Центральной Америки (Коста-Рики и Панама).

Разумеется, еще одним очень важным «товаром» были рабы — мужчины, женщины и дети — большей частью выходцы с побережья Мексиканского залива.

Товары доставляли наземными, речными и морскими путями. Это были и простые тропы в сельве, в горах или на равнине, и мощные дороги в низинах, обычно заливаемых в сезон дождей. Много таких дорог (*сакбеооб*, на языке майя) известно на Юкатане: вокруг Коба, от Коба до Яшуна (100 км), от Т'хо (древнее название современной Мерида) до Исамала, от Т'хо через весь полуостров до его восточного побережья напротив Косумеля, от Т'хо на северное побережье. Кроме того, пути вели от Ушмаля до Кабаха и от Ушмаля до Ошкинтока. Маршрут, которым следовал Кортес в своем походе в Ибуэрас (Гондурас), был

---

⁶⁰ Гуахолоте — местное название индейки (*Примеч. ред.*).

дорогой торговцев из Шикаланго, давших ему карту с обозначением путей в Гондурас, в Никарагуа и Панаму.

Реки Усумасинта, Грихальва и Мотагуа со своими притоками служили главным образом для торговли между высокогорьем и равнинами. Использовались также реки Мопан и Белиз.

Интенсивный торговый обмен осуществлялся морем. Известны главные порты взаимобмена, расположенные на северном побережье зоны майя: Потончан, Шикаланго, Чампотон (на побережье Мексиканского залива, Чахуака (на северном побережье), Поле, Бакалар, Четумаль (на восточном побережье), Нито (Гватемала) и Нако (Гондурас). Известно о существовании знаков, помещавшихся на деревьях для облегчения морского перехода между Табаско и Юкатаном.

Мы знаем также названия некоторых главных рынков как на побережье, так и вдали от него: уже упоминавшиеся Потончан, Шикаланго, Чахуака, Нито и Нако, а также Синакantan в горах, Ицамканак, столица Акалана⁶¹, около лагуны Терминос, Качи и Кониль у северо-восточной оконечности полуострова Юкатан и Соконуско на Тихоокеанском побережье. Крупным коммерческим центром, вероятно, была Чичен-Ица.

Наземная транспортировка товаров осуществлялась исключительно носильщиками, которые несли при помощи мекаपालя⁶² груз весом около 25 кг и проходили в среднем 20 км в день. Хозяина товаров обычно несли на носилках, как это представлено на одном расписном сосуде из Ратинлиншуля.

По рекам и морю товары перевозили в лодках, выдолбленных из целого ствола дерева. Гребцы пользовались деревянными веслами, как это можно видеть на настенной росписи Чичен-Ицы, на гравировке по кости из Тикаля, в рисованных кодексах и на золотых дисках. Христофор Колумб в своем четвертом путешествии (1502 г.) встретил в заливе Гондураса большую лодку с 25 рабами и навесом для хозяина в центре.

Хотя большая часть торговых сделок осуществлялась посредством обмена, некоторые продукты, бывшие наиболее ценными и в то же время легкими, выполняли роль монет. Главным из этих продуктов было какао, торговцы носили его в сумках. Использовались также красные раковины, нанизанные или в сетчатых сумках, бусины из нефрита, маленькие плоские топоры и бубенцы из бронзы, цена которых зависела от размера. Бобами какао можно было оплатить стоимость любой вещи. Овьедо, например, называет цену одного кролика (10 бобов какао), чикосапоте (8 плодов — 4 боба) и одного раба (100 бобов). Тот же хронист пишет, что продавец товара, получив плату бобами какао, очень тщательно их пересчитывал по одному, слегка надавливая на каждый, так как находились люди, которые подделывали «монету», наполняя скорлупу боба землей.

Несмотря на иногда случающиеся подлоги, торговые отношения развивались в атмосфере честности и доверия. Ланда уточняет, что майя «поручались, давали в долг и платили с достоинством и без процентов». Согласно Когольудо, они не нуждались ни в письменных договорах, ни в обещаниях уплаты. Договор вступал в силу, когда договаривающиеся вместе, на виду у всех, пили.

О торговцах майя у нас нет такой полной и точной информации, какую нам оставил Саагун об ацтекских торговцах (*почтека*). Однако данные, разбросанные в исторических источниках о Юкатане, позволяют нам составить представление не только о важности торговли, но и о положении торговца в рамках общества майя. Интерпретируя источники, Ройс отличает простого профессионального торговца (*птолом*) от того, кто возглавлял караван рабов-носильщиков (*ах птолом ёк*), которых в конце перехода продавали как товар. Нет сомне-

---

⁶¹ Акалан — довольно значительное государство, созданное майя-чонталь (или путунами) около XII в. н.э. у юго-восточной оконечности полуострова Юкатан, в бассейне р. Канделярия. Акалан играл важную посредническую роль в торговле между Центральной Мексикой и землями майя. — См.: Гуляев В.И. Города-государства майя. М., 1979, с. 209 (*Примеч. ред.*).

⁶² Мекапаль — индейское приспособление для переноски грузов: кусок кожи или ткани на лбу, на который опирается ремень или веревка закрепленного на спине груза (*Примеч. ред.*).

ния, что на социальной лестнице торговец стоял на более высокой ступени, чем основная масса трудящихся. И хотя положение торговца в социальной структуре не совсем ясно, но вероятнее всего, что у майя торговцы были тесно связаны со знатью, а не образовывали промежуточный слой между нею и народом, как это было у ацтеков.

Например, Эррера упоминает, что в Акалане «обычно провозглашали господином наиболее богатого торговца, и таковым был Апошпалон (Паш Болон)»; это же сообщение повторяет Гомара. В «Сообщении» монаха Алонсо Понсе говорится, что «господа из Чичен-Ицы торговали перьями и какао с Гондурасом». Другое сообщение, обнаруживающее, что самые знатные лица занимались торговлей, содержится у Ланды, там, где он рассказывает об убийстве всех членов семьи Кокомов, правившей в Майяпане: «Сын Кокома избежал смерти, так как он отсутствовал, занимаясь торговлей в земле Улуа». Таким образом, прочная связь между торговцами и правителями (будь это из-за того, что она приближала к знати первых, или же из-за того, что давала выгоду вторым) если и не указывает на их полное единство, то предполагает, как пишет Энн Чапман, торговлю, управляемую клановыми или политическими вождями.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

При сравнении информации о разделении труда, содержащейся в исторических источниках в момент испанского завоевания, и этнографических данных, относящихся к группам современных майя, видно, что нынешний консервативный характер общественной жизни майя — это не более как продолжение доиспанского. Когда данные, содержащиеся в обеих информативных сферах, во многом совпадают, то можно предполагать, что этнологические исследования в основном, если не всегда, применимы к эпохе, предшествовавшей завоеванию.

Предвосхищая анализ, содержащийся в главе о социальной организации, следует подчеркнуть, что поскольку все средства, необходимые для существования человека, добывались простым народом, то мы ограничимся анализом разделения труда среди производящего класса.

ПОЛОВОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Основным фактором при разделении работ был и остается пол. Мужчины занимаются всеми земледельческими работами (валка и сжигание леса, посадка, прополка, сбор урожая), а также подготовкой семейного огорода, охотой и рыбной ловлей, разведением пчел, постройкой дома, заготовкой дров, получением волокна из хенекена, плетением корзин, добычей соли. Мужчины выполняют также все работы, связанные с постройкой церемониальных центров: добывают из каменоломен и обрабатывают камень, сооружают печи для обжига известняка, рубят деревья и делают из них балки, притолоки, стропила и помосты, переносят землю и другие материалы.

Сфера занятий женщины ограничивалась домом и его пристройками. Возможно, что за пределы дома женщины выходили только за водой к естественным источникам. Помимо домашних хлопот (приготовление пищи, наведение чистоты в доме, стирка одежды, уход за детьми) женщина участвовала в производительном труде — шила, ткала и вышивала как для семейных нужд, так и для обмена или уплаты дани; она также ухаживала за огородом возле дома и домашней птицей (индюки, фазаны, голуби); иногда она занималась дома кипячением меда для его очищения. Возможно также, что она помогала мужу в домашнем изготовлении предметов из хенекена (веревки, мешки).

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТРУД

Нередко производительным трудом занимались коллективно, особенно рубкой и выжиганием леса. Ланда подчеркивает, «что индейцы имеют хороший обычай помогать друг другу во всех работах. Во время посевов те, кто не имеют своих людей для этого, объединяются по 20 человек (или больше, или меньше) и делают все вместе, по своей мере и норме, работу всех и не оставляют ее, пока не закончат для всех». Сообща также выходили на охоту и на лов ламантина. Дома они возводили «легко, так как помогали одни другим делать их», утверждает один источник. Строительство церемониальных центров и такие общественные работы, как мощение дорог, осуществлялись с большим количеством рабочей силы, при этом работали одновременно и в организованной форме.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД И РИТУАЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ

Один из важных аспектов организации труда — определение времени, необходимого для выполнения тех или иных трудовых процессов. Критерии для определения этого необходимого времени самые противоречивые. Так, из тщательного исследования Рейны вытекает, что для современного крестьянина Петена, использующего стальные мачете и топор, работа на мельнице занимает практически все время. Морли утверждает, что в настоящее время юкатекский крестьянин, чтобы получить маис, необходимый только для содержания его семьи

(исключая корм животным и ограничивая покупку рыночных предметов самым необходимым), нуждается не более чем в 48 рабочих днях; на остальные работы при этом у него остается около 10 месяцев.

Этот вывод С.Г.Морли не совпадает, однако, с его собственными подсчетами, которые дают 190 дней в год, когда он анализирует время, необходимое для каждого из этапов возделывания маиса (в наши дни). Правда, Морли основывается на среднем размере возделываемой сейчас крестьянином земли, продукция от которой позволяет тому не только обеспечить семейное потребление, но и держать некоторых домашних животных (свиней, кур); при этом у крестьянина остается излишек маиса, на который он может приобрести необходимые для его дома предметы. С.Г.Морли делал излишне оптимистичный вывод о том, что крестьянин майя мог, таким образом, посвятить постройке церемониальных центров около 10 месяцев в году. Однако он не учитывал, с одной стороны, что работы по сведению леса и уходу за участком без металлических орудий требовали времени значительно большего, чем нужно в настоящее время⁶³, и, с другой — что остальная производительная деятельность (охота, рыбная ловля, разведение пчел, возделывание других растений) также требовала затрат времени. Кроме того, нужно было снабжать продуктами своего труда правителей (знать, жрецов), как это описывает Ланда: «Простой народ возводил за свой счет дома господ... весь народ возделывал господам их посевы, и те ими пользовались и брали в количестве, которого хватало господину и его дому, а когда была охота или рыбная ловля или время приносить соль, всегда давали часть господину, потому что такие дела они всегда делали сообща». Фактически излишек, который крестьянин майя должен был производить, был, без сомнения, намного больше, чем тот, что современный юкатекский крестьянин выделяет для приобретения необходимых товаров и содержания нескольких свиней и кур. Учтя все это и добавив к 190 дням, высчитанным Морли, еще дней 60 на более медленную рубку леса и прополку мильпы из-за отсутствия металлических орудий, мы определили, что время, уделяемое майя производительным работам, равно $\frac{2}{3}$ года. Этот подсчет нам кажется достаточно близким к действительности.

Таким образом, возведению ритуальных центров они могли уделять лишь четыре месяца в году. Но и этот отрезок времени мог быть меньше в центральной зоне из-за сезона дождей, во время которого люди не могли заниматься земледелием. Большое число ритуальных центров, воздвигнутых в классический период, огромное количество построек и относительно короткая длительность (три века) периода процветания большей части центров майя подводят нас к выводу, что при традиционной подсечно-огневой системе земледелия, оставляющей труженикам слишком мало «свободного» времени, было просто невозможно осуществить такое огромное строительство.

Эта проблема вызвала и вызывает беспокойство у исследователей. Вольф задается вопросом: «Если мы допустим, что майя Петена практиковали лишь подсечно-огневую систему, как тогда объяснить многочисленные церемониальные центры, расположенные в зоне?» И отвечает: «Очень вероятно, что майя кроме подсечно-огневого земледелия были знакомы с каким-то более интенсивным методом, который позволял им иметь ряд стабильных административных центров, даже если они должны были управлять постоянно перемещавшимся крестьянским населением. Возможно, это была система чинамп или нечто подобное с использованием многочисленных озер и болот района Петена».

У.Сандерс и Б.Прайс отмечают различия в оценке системы подсечно-огневого земледелия у разных исследователей: «Расточительная, непроизводительная и пагубная для биологического равновесия, согласно одним авторам; необычайно производительная, согласно другим». Бронсон полагает, что поразительное развитие цивилизации майя в низменных районах подразумевает плотность населения, равную той, что бывает при ирригационном земледелии; это стало возможным благодаря большей калорийности клубневых культур. Связь орошения с развитием цивилизации в Мезоамерике чрезмерно преувеличивалась мно-

---

⁶³ По Сандерсу (1973), вырубка леса каменными орудиями требует в 4 раза больше времени, чем стальными орудиями (на Новой Гвинее).

гими исследователями (П.Армильяс, Дж.Стюард, А.Палерм, Э.Вольф, К.Витфогель). Но по крайней мере в центральной и северной зонах области майя, где действительно процветала культура в ее самых высоких проявлениях, почти нет указаний на ирригационные работы, а те, что обнаружены (см. главу «Хозяйственные занятия»), не позволяют предполагать наличия настоящего «гидравлического общества».

Мы не претендуем на решение экономических проблем, до сих пор не решенных специалистами по экономике, но нам кажется, что должен быть внимательно рассмотрен тезис, недавно выдвинутый Д.Пьюльстоном. Если отвергается возможность того, что подсечное земледелие в сельве позволяло развиваться цивилизации майя, и принимается вывод о том, что одна семья в Петене нуждалась для жизни по крайней мере в 5 га хорошей земли (а результат изучения распределения населения в Тикале показывает, что на каждое жилище количество такой земли едва превосходило 1,5 га), то Пьюльстон предлагает следующую альтернативу. В Тикале, как в церемониальном центре, так и в округе, где располагалось население, есть большое число деревьев рамон, есть они и в других многочисленных центрах майя. В доиспанские времена в периоды нехватки маиса из плодов этого дерева получали очень питательную пищу.

Следует полагать, что деревья рамон в современном Тикале происходят от тех, что выращивались там издавна, и что население в те далекие времена питалось главным образом его плодами. В своем исследовании Пьюльстон утверждает, что производительность рамона в семенах, из которых делается мука, в 10 раз выше на единицу обрабатываемой площади, чем у маиса.

По содержанию витаминов и железа рамон не уступает маису, а по калорийности и количеству протеина стоит даже несколько выше. Уход за деревом не представлял практически никакого труда, а сбор урожая (сборивание упавших плодов) не требовал много времени. Пьюльстон подсчитывает, что, работая по восемь часов в день, одна женщина и двое детей могут собрать 3 тыс. фунтов менее чем за 20 дней. Малая влажность семян позволяет их долго хранить даже в подземных «цистернах» (*чультун*), в которых маис и фасоль портятся очень быстро. Между деревьями остается пространство, достаточное для выращивания других растений, так что площадь в 1–2 га, засаженная главным образом рамоном, позволяет прокормиться одной семье почти при нулевых затратах рабочего времени. При таком типе огородничества мужское население имело достаточно свободного времени, чтобы уделять его возведению церемониальных центров.

Итак, учитывая отсутствие интенсивного орошаемого земледелия (бесполезного во влажном лесу, невозможного на Юкатане) или чинамп на болотах (в окрестностях многих церемониальных центров нет болот и ни в одном источнике не упоминается об этом типе земледелия), мы рассматриваем следующие возможности:

1) Питание, основанное на маисе, получаемом при подсечно-огневой системе: а) все трудоспособное мужское население уделяет треть своего времени строительству церемониальных центров; б) треть мужского трудоспособного населения отдает почти все свое время этому строительству (содержат же ее остальные

2) Питание, основанное большей частью на корнеплодах, дает значительное количество времени для того, чтобы мужское население было занято на строительстве церемониальных центров.

3) Питание, основанное главным образом на рамоне, дает возможность мужскому населению почти все время заниматься этими работами.

Независимо от формы, в которой рабочее время распределялось между производством благ для собственного потребления и для потребления их правящими классами, с одной стороны, и культовыми работами — с другой, мы согласны с Морли, когда он приходит к выводу, что «низший класс, вынужденный работать под шпорами потребностей взыскательного правящего класса, жречества и религии, должен был иметь мало часов покоя, очень мало времени, которое по-настоящему ему принадлежало»; другими словами, функционирование общества майя покоилось на сверхэксплуатации класса крестьянства.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТРУД

Трудно сказать, были ли трудящиеся в других отраслях заняты полное время или же они работали только часть времени. В районах, населенных майя, обитало множество диких животных, поэтому можно предположить, что охота была дополнительным занятием, позволявшим населению восполнять свои потребности в протеине. Скорее всего в то время еще не было профессиональных охотников. Иначе обстояло дело с рыбной ловлей. Немногочисленные водотоки на большей части территории майя не изобиловали рыбой, поэтому во внутренние районы соленая, сушеная и копченая рыба доставлялась с морского побережья. По-видимому, существовали рыбаки, занятые ловом все время. Кроме того, крестьяне, жившие на морском побережье или по берегам рек и озер, могли посвящать часть своего времени рыбной ловле, чтобы удовлетворить потребности семьи и выплатить подати господину.

Добыча соли на побережье велась в определенное время (четыре-пять месяцев после сезона дождей, по Ланде) и не требовала постоянной работы, поэтому вряд ли существовали профессиональные солевары, все время занятые этим трудом. В пчеловодстве в доиспанские времена, по-видимому, был такой же режим работы, как и сейчас у юкатанских крестьян, то есть уход за пчельником не требовал много времени, но технические операции (подготовка рамок, сбор меда и остальное) находились, вероятно, в ведении профессионалов, которые могли ухаживать за многими пасаками, отдавая этому все свое время. Выращивание таких культур, как хлопок, хенекен, каучуконос, какао, требующих специальных навыков и представляющих особую ценность, также могло находиться в ведении людей, тратящих на это все свое время.

Ремесленные изделия, служившие предметом торговли, наверняка требовали такого производства, которое превосходило возможности семейного труда и подразумевало наличие мастерских и групп профессионалов. Так, видимо, было в текстильном производстве (хлопок, хенекен), в плетении корзин, в изготовлении керамики, в обработке камня, а позднее и металлов.

Что касается занятия торговлей, то различали торговлю на местных рынках и торговлю между различными районами. В то время как в первом случае сами производители прямо обменивались своими товарами, во втором — имелись профессиональные торговцы, возможно занимавшиеся исключительно или главным образом приобретением, транспортировкой и продажей готовых изделий и сырья, не будучи сами производителями этих товаров.

РУКОВОДСТВО ТРУДОВЫМИ ЗАНЯТИЯМИ

Общее руководство земледельческими работами было в руках жречества, которое с помощью своих знаний определяло время начала сельскохозяйственных работ (валка леса, его сжигание и сев). Торговля между дальними районами и с соседними народами, по-видимому, контролировалась знатью или лицами, с ней связанными. Возможно также, хотя у нас и нет достоверных данных, что некоторые ремесла находились под прямым руководством знати.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ ТРУДА

Разумеется, такая организация труда не позволяет сомневаться относительно распределения его результатов. Крестьянин майя производил необходимые продукты питания для своей семьи, господ и жрецов, ремесленников и работников-профессионалов, занятых полное время своим трудом, а также торговцев, носильщиков и всех строителей церемониальных центров. Часть продуктов от его дополнительных занятий — охоты, рыбной ловли — крестьянин должен был подарить господину, писал Ланда. То же можно сказать и о соли, о древесине для построек, о продуктах домашнего производства. Как упоминает «Сообщение из Мотуля», предметы, вручавшиеся правителю в знак признания его господства, включали

хлопковые ткани, «петухов и кур» (индюков), маис, мед и «все остальные ценные вещи, которых у них не было, но которые производятся в районе».

Короче говоря, труженик мог надеяться лишь на то, что он будет располагать самой минимальной частью своего труда, необходимой для существования его самого и его семьи.

ОСОБЕННОСТИ ПИТАНИЯ

Информация, оставленная Саагуном об ацтеках, намного полнее и точнее, чем информация Ланды о майя, хотя последняя и остается нашим лучшим источником знаний о древних обитателях Юкатана. Ланда рассказывает о пище и напитках, о блюдах, которые готовят майя, и о том, что пьют, в такой общей форме, как если бы все слои населения имели в своем распоряжении все продукты питания. Напротив, Саагун в одной главе описывает трапезу господ, а в другой — пиршества торговцев; это позволяет увидеть, что в количественном и качественном отношении трудовой люд питался не так, как аристократы и другие привилегированные слои общества.

Можно предположить, что у майя было такое же положение и что низшие слои населения не могли рассчитывать на самые изысканные продукты, например те, что ввозились из отдаленных районов (какао, рыба), или те, что требовали тонкого и сложного приготовления. Фактически хронисты преувеличивают воздержанность майя, которые будто бы ели только один раз в день, к вечеру, а мясо ели только по праздникам. Но посмотрим на те данные о майя, которые предоставляют хроники XVI в.

ПИЦЦА РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В обычные дни главной пищей был, без сомнения, маис, рецепты приготовления которого живы до наших дней. Зерно замачивают на ночь в воде с примесью извести и затем растирают на метате. Получается масса, из которой на жаровне пекут лепешки. Едят их только горячими, так как холодная лепешка, по выражению хрониста Хименеса, «тверда, как подошва ботинка, и безвкусна». Лепешки можно есть как самостоятельное блюдо с солью или перцем или вместе с другой пищей. Из маисового теста готовили также тамали, фаршированные кусочками мяса; в тесто подмешивали и листья чайи или фасоль. Хименес описывает тамали как «комки, сваренные в воде, нанизанные на веревку, как черные четки, жесткие и безвкусные». Из поджаренного и размолотого зерна готовили «шарики, сохранившиеся по нескольку месяцев, только становившиеся кислыми». Речь идет о *посоле*, от которого в течение дня несколько раз «берут кусочек и разводят его в скорлупе плода, растущего на дереве, с которого Господь дает им стаканы» (*хикарас*), как нам сообщает Ланда.

Хименес со своей стороны добавляет, что напиток *посоле* — «это обычный напиток индейцев этих провинций, когда нет какао, которое является более ценным». Из растертой массы маиса, разведенной в воде, «получают молоко и сгущают его на огне и делают жидкие каши по утрам, которые пьют горячими» — здесь Ланда имеет в виду *атоле*. Тот же хронист пишет: «В то, что остается с утра, добавляют воду, чтобы пить днем, так как у них нет обычая пить одну воду». Другим напитком из маиса был *пиноле*. Зерна поджаривали, растирали в муку и разводили ее в воде. «Это очень освежающий напиток, когда в него добавляют немного индейского перца чиле и какао», — писал Ланда. Не уточняя, он же говорит о другом питье, «свежем и вкусном», получаемом из сырого растертого маиса.

Из размолотого какао, растворенного в воде, готовили шоколад, который пили горячим; Ланда определяет его как «противное питье для тех, кто не привык, и свежее, и вкусное, и превосходное для тех, кто его пьет регулярно». Этот юкатанский хронист говорит еще об одном «вкусном и ценном» напитке, для которого из бобов какао извлекали «жир, похожий на масло» и смешивали его с маисом. Должно быть, это был чампуррадо или *атоле* из шоколада.

Другим важным продуктом была фасоль — черная, красная и белая, которую ели как с другими овощами, так и приготовленную отдельно или с мясом, отваренную в соленой воде или же размолотую как паста. Употребляли и разные виды тыкв, а также батат, чайю, томаты, маниок, хикаму, авокадо и макаль (ямс). В периоды голода, когда урожай маиса был недостаточным, высоко ценились плоды различных деревьев. Ланда упоминает *кумче*, или

куумче, у которого можно было есть кору, а также «плод, большой с толстой кожей и мягким, как смоква, содержимым»; из него готовили пищу и питье. Низкие и колючие пальмы «несут несколько больших гроздей круглых зеленых плодов размером с голубиное яйцо. Если снять кожицу, то остается очень твердая косточка, и, если ее разбить, выходит круглое ядро величиной с лесной орех, очень вкусное и полезное в пустые времена, делают из него горячую еду, которую пьют по утрам». Речь идет о *койоле*, или *кокойоле*. Мы уже говорили о рамоне, плоды которого Ланда сравнивает с «вкусными маленькими фигами»; вареные семена рамона употреблялись как овощи, а сухие и молотые — в виде муки, заменявшей маис.

У майя было много фруктов, среди них наиболее распространенные авокадо, мамей, чикосапоте, белый сапоте, папайя, гуайява, гуайя, нансе, питаайя, древесный огурец, сирико-те, анон, мараньон, несколько видов сливы, дикий виноград и многие другие.

ПИЩА ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Некоторые хронисты утверждают, что вне праздников и пиршеств древние майя не ели много мяса. Возможно, и в самом деле, что немногие животные, которых выращивали для пищи (собаки, индюки, фазаны, голуби), сохранялись главным образом для празднеств, для подношения в качестве дани или подарка господам или для приношения в жертву богам. Но часто, хотя и в небольших количествах, майя могли есть мясо млекопитающих, птиц и пресмыкающихся, добытых на охоте. Среди главных животных, мясо которых употреблялось в пищу, назовем оленя, тапира, пекари, барсука, зайца, броненосца, лесного индюка, куропатку, перепела и игуану. Мясо готовилось с овощами или отдельно — хорошо пропеченное прямо на огне или в печи, выкопанной в земле. На дне такой печи разводится огонь, когда он прогорит, угли закрывают камнями, на них кладут обработанную тушу животного, после чего печь заполняется листьями, ветками и камнями.

Обитатели прибрежных поселений дополняли свою растительную диету рыбой и другой морской живностью и, как мы уже говорили, соленую, копченую или высушенную на солнце рыбу отправляли во внутренние районы. По свидетельству Ланды, из морских животных охотились на ламантина, «жир которого использовался для жарения, а мясо его ели, и с горчицей оно почти как мясо хорошей коровы».

ПРИПРАВЫ

Майя приправляли свою пищу солью, перцем, несколькими сортами перца чиле и различными душистыми травами — кориандром, эпасотом, ореганом. Важной приправой на Юкатане была и остается биха, которая кроме вкуса придает «цвет пище, какой дает шафран». Эти приправы могли использоваться отдельно или в соусах в зависимости от блюд.

НАПИТКИ

Помимо безалкогольных напитков, приготовляемых из маиса и какао, у майя существовали и алкогольные. Среди них главным был *бальче*, называвшийся испанцами «питарри-лья». Однако его употребляли только во время религиозных церемоний. Ланда писал, что это было «вино сильное и очень вонючее». Для некоторых церемоний делали другое питье с «четырьмястами пятнадцатью поджаренными зернами маиса, которое зовут *пикула-калла*». По мнению Переса Мартинеса, это слово должно писаться как *пикуль-акахла*, что означает «питье в изобилии». Не уточняя, источники говорят, что приготовлялись и другие напитки из бобов и зерен тыквы.

ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С ПИЩЕЙ

Когда Когольудо говорит, что майя ели только раз в день — за час до захода солнца, одновременно обедая и ужиная, не следует это понимать так, словно весь день проходил без

потребления пищи. Хронист имеет в виду основательную пищу. В самом деле, на рассвете, до начала работ, майя пили горячий *атоле* — жидкую кашу; в течение дня с интервалами в несколько часов — холодные напитки *посоле*, *пиноле* и только вечером съедали овощи, соответствующим образом приправленные, с мясом или чаще без него.

Женщины и мужчины не садились есть вместе, а сначала женщины обслуживали мужчин. Ели сидя на полу или во всяком случае на циновке. Существовал обычай мыть руки и полоскать рот после еды.

Во время религиозных празднеств в пищу не добавляли соль и острый перец. При некоторых постах не ели мяса. *Наком*, военный вождь, воздерживался от употребления мяса в течение всех трех лет, пока длились его полномочия.

АНТРОПОФАГИЯ

Нет сомнения, что в некоторых случаях древние майя ели человеческое мясо. Это был ритуальный каннибализм; человеческое мясо не было частью их рациона. Даже испанские хронисты, обычно жаждавшие найти пороки и противные им обычаи у индейцев, почти единодушно утверждают, что майя не ели человеческое мясо, за исключением некоторых празднеств. В этих случаях подчеркивается, что части жертв поедались «с великой набожностью и почтением».

Когда Вальдивия и несколько его товарищей были принесены в жертву по указанию одного из касиков карибского побережья Юкатана, «было устроено пиршество для всех людей» как нечто необычное. Также и в Гватемале антропофагия была ритуальной. «Тела принесенных в жертву варились и поедались как освященное мясо», — говорит нам Хименес. Он добавляет, что это мясо подносилось великому жрецу, правителю и другим жрецам и знатым людям, но «людям из народа не доставалось ни кусочка».

РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ РАССЕЛЕНИЯ

РАСПОЛОЖЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ

Очевидно, что до настоящего времени археологи уделяли слишком большое внимание церемониальным центрам и очень малое рядовым поселениям. Естественно, что привлекательность раскопок в культовых сооружениях, где обычно встречаются ценные находки в виде скульптур, росписей и предметов большого художественного и культурного достоинства, несравнима с неблагодарной работой по раскопкам, бедным остатками обычных жилищ. Кроме того, в Мексике археолог обязан реставрировать или по крайней мере обезопасить от разрушения церемониальные конструкции, являющиеся важной частью национального достояния; работа эта часто крайне необходима, но она истощает и без того небольшие ресурсы, имеющиеся в распоряжении исследователей.

Тем не менее в области майя раскопки жилых зон доиспанского времени осуществлялись в нескольких местах, главным образом в Каминальгую, Вашактуне, Тикале, Петене, Маунтин-Кау и долине Белиз, в Майяпане и Цибилчальтуне.

Изучение археологических памятников майя поставило несколько важных проблем, начиная с определения, являлись ли они просто церемониальными центрами или, возможно, были городами. Но для этого необходимо прежде объяснить, что такое город.

Некоторые майянисты, такие, как Морли, склонны считать древние церемониальные и административные центры настоящими городами, ссылаясь при этом на описание одного города майя, сделанное Ландой: «Посреди поселения стояли храмы с красивыми площадями, и вокруг храмов стояли дома господ и жрецов, а затем наиболее знатных людей; таким образом, более богатые и уважаемые находились ближе к этим храмам, дома же самых бедных людей располагались на окраинах поселений». Действительно, Морли отмечает, что «поселенческие центры майя не были так сконцентрированы и так тесно сжаты в кварталы, как это происходит с нашими современными городами и поселениями, напротив, они были рассеяны как обширные пригороды, заселенные более просторно, разбросанные непрерывной серией небольших ферм; этот тип поселения более похож на пригород, чем на концентрированный городской центр».

Об этой концепции городов или пригородов, менее плотно заселенных, чем наши города, большинство майянистов в результате исследований, осуществленных уже после работ Морли, имеют другое мнение. Уильям Ко, например, считает, что город подразумевает «постоянное проживание относительно большого числа хорошо организованных лиц с разнообразными функциями (администраторы, жрецы, торговцы, ремесленники, крестьяне и т.д.), которые живут относительно близко друг от друга, образуя группу, достаточно тесную для того, чтобы служить основанием для определения границ общины». Наоборот, церемониальный центр может быть определен как «концентрация храмов и дворцов, в основном религиозный центр, с постоянным населением, состоящим из жрецов, вспомогательного персонала, высокопоставленных администраторов (если ими не являются сами жрецы) и специалистов по изготовлению предметов, необходимых при церемониях...».

С. Борхеги, используя определение У. Сандерса, предложенное для Центральной Мексики, называет деревней «общину или центр, образованный совокупностью деревушек, усадеб или заимок, сгруппированных или рассеянных, социально однородный, население которого состоит из нескольких сот человек, из которых по крайней мере 75% уделяют $\frac{3}{4}$ своего времени сельскохозяйственным работам». Селение — это «сельская община или центр, образованный совокупностью деревень, социально однородный, в котором основная часть населения, также занимающаяся земледелием, составляет менее 75%». Что касается города, то Борхеги его определяет как «социально неоднородную общину, независимую экономически, в которой более 75% населения — уделяет более $\frac{3}{4}$ своего времени неземледельческим занятиям». Его определение отвергает определение других авторов, согласно которому город вы-

деляется по: «1) размеру и обширности пространства, 2) объему и плотности населения, 3) уровню технического и экономического прогресса обитателей, 4) размерам и числу общественных построек, 5) уровню интеллектуальных искусств, достигнутых его жителями».

Г. Уилли и У. Буллард принимают в принципе позицию Борхеги и, желая уточнить понятие «город», прибегают к Чателду и напоминают, что общество майя классического периода располагало всеми элементами, которые, согласно названному автору, сопровождают городское общество (монументальность общественных зданий, стили развитого искусства, формализованная религия с пантеонами божеств и жреческой иерархией, межрегиональная торговля, классовое деление общества, письменность и зачатки настоящей науки), но ему не хватало самого показательного фактора — больших жилых комплексов, отражающих наиболее существенную характеристику города, а именно большое число профессионалов, не занятых производством основных пищевых продуктов⁶⁴.

НАГОРЬЯ

Выводы, к которым приходит Борхеги относительно нагорий Гватемалы, представляются нам довольно ясными. Он различает два основных типа поселений: первый служит местом обитания, второй является центром гражданского и религиозного управления. В то время как первый предназначен для удовлетворения физических потребностей человека, располагается близ земель, пригодных для обработки, и источников воды, имеет жилые строения из недолговечных материалов, второй призван удовлетворять духовные потребности; он размещается в местах, считающихся священными или имеющих стратегическое положение; находящиеся там пирамиды и монументальные здания возводятся из прочных материалов. На основе размеров, протяженности и наличия жизненных средств Борхеги подразделяет первый тип поселений на три подтипа: 1) деревеньки от 5 до 20 домов с ориентацией на местные пищевые ресурсы; 2) рассеянные деревни от 50 до 100 и более домов также с ориентацией на местные пищевые ресурсы; 3) деревни-сателлиты от 100 и более домов с ориентацией на региональные пищевые ресурсы; они находились в зависимости от большого или малого церемониального центра, близ которого располагались, или от «национальной столицы».

Что касается второго типа поселений, он его делит на два подтипа: 1) малые церемониальные и административные центры из 10–30 построек, образующих вместе группу деревень с небольшими центральными площадями для общинных занятий и с ориентацией на местные пищевые ресурсы; 2) крупные церемониальные центры или свободные города с 30 и более постройками, с центральными хорошо спланированными площадями, имевшими важное значение для сбора больших масс людей с религиозными (паломничество), гражданскими (для обороны) и общинными целями.

НИЗМЕННОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЗОНЫ

Для низменностей центральной зоны (Петен, долина Белиз) Буллард и другие исследователи сообщают данные, достаточные для понимания размещения населения. Логично, что для поселений выбирались благоприятные места около естественных источников снабжения водой: по берегам рек, озер, лагун или в крайнем случае в низменных местах, имеющих достаточно воды в сезон дождей, а также близ пригодных для возделывания земель. Для того чтобы избежать возможного ущерба от разливов рек и в целом от подъема вод в сезон дождей, выбирались слегка приподнятые и хорошо дренированные участки.

Эти естественные факторы (запасы воды, близость обрабатываемых земель) и топография района определяли рассеянный тип расселения. Упомянутые выше авторы признают следующие подтипы поселений в зависимости от степени важности: 1) ранчерия⁶⁵ от 5 до 12 домов, где большую часть населения составляли родственники; иногда здесь имела по-

---

⁶⁴ Историография проблемы города древних майя дана А. Русом неполно. Подробнее см.: Гуляев В.И. Города-государства майя. М., 1979, с. 5–43, 100–128 (Примеч. ред.).

⁶⁵ Ранчерия — буквально «группа ранчо» (хижин).

стройка, служившая местом поклонения богам или местом сбора всей общины; 2) зоны, или комплексы, ранчерий, охватывающие от 50 до 100 домов, не имеющие компактной формы, а располагающиеся разбросанно, с небольшим церемониальным центром, общим для всей зоны, для ритуальных и гражданских нужд; 3) район, или комплекс, зон, охватывающих обширную территорию в рассеянной форме, с церемониальным центром, более важным по значению и более крупным по размерам (количество зданий, их монументальность, наличие стел, настенных росписей и т.д.).

В долине Белиз Г.Уилли и его сотрудники выделяют: платформы для одного или нескольких домов и «площадки», где дома, более тщательно сделанные и принадлежавшие, без сомнения, обитателям более высокого ранга, окружают центральный двор; малый церемониальный центр с одной пирамидой, небольшими насыпями и обычно с одной насыпью больших размеров, на которой, должно быть, воздвигалось более крупное строение для коллективного пользования; большой церемониальный центр, обычно построенный на холмах, господствующих над долиной, включающий многочисленные постройки для культа и гражданских занятий и контролирующей зону небольших жилых центров со скромными церемониальными постройками. В этой иерархии общин преобладает рассеянный характер отдельных жилищ и групп жилищ, отражающий тип преимущественно земледельческого быта массы населения.

Тикаль с многочисленными жилыми единицами, видимо, представляет большую степень урбанизации, чем остальные церемониальные центры Петена. Уильям Ко указывает, что более упорядоченному расположению жилищ мешал топографический фактор. Он делает вывод, что Тикаль — это «нечто большее, чем церемониальный центр. Его черты не были столь явно городскими, как у Теночтитлана, но Тикаль имел много элементов городского образа жизни». Хотя раскопки показали, что поблизости или вдали от основных скоплений церемониальных зданий есть многочисленные насыпи-платформы для жилищ, они не образуют плотных скоплений, а, наоборот, рассеяны по всей зоне.

ЮКАТАН

О Юкатане наша информация очень неравнозначна: скудная почти для всех известных центров, неполная для Цибилчальтуна, но более обширная и точная для Майяпана. К.Рупперт и О.Л.Смит после короткой разведки в районе Пуук говорят о встреченных типах домов, но мало сообщают об их расположении. В Ушмале некоторые жилища связаны с церемониальными группами, располагаются они на тех же террасах или во дворах. Другие находятся на некотором расстоянии, обычно на маленьких возвышенностях, с одним или двумя чультунами (подземными цистернами) и одной маленькой пирамидой. Сходное расположение наблюдается в Кабахе и Сайиле. В Чичен-Ице есть группы домов около церемониальных зданий, хотя и не главных; большая часть находится по обе стороны от Сакбе №7, то есть в юго-западной секции так называемого Старого Чичена. Обычно дома, стоящие отдельно или образующие группы, находятся на широких платформах на какой-либо возвышенности.

В Эцне Джордж Эндрюс обнаружил сектор, в котором сгруппированы главные церемониальные здания и одно или два жилых. При этом жилые сооружения расположены без видимого порядка; участок с большим числом жилищ достаточно удален от гражданско-религиозного центра. В силу того что там не велись раскопки, а была проведена лишь простая разведка, Эндрюс очень осторожно указывает на наличие многочисленных низких платформ близ главных зданий, платформ, которые, возможно, несли дома из непрочных материалов, но которые никоим образом не могли придавать городской облик церемониальному центру. Кроме того, автор считает, что большое число обломков глиняной посуды, найденных вдоль краев одной ложбины, говорит о возможном существовании многочисленных домов, построенных прямо на земле.

ВОСТОЧНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

На восточном побережье полуострова Юкатан У.Сандерс обнаружил несколько типов поселений. Наиболее общий, который, как он говорит, тысячами встречается в нынешнем

штате Кинтана-Роо, это деревушка с 6–12 платформами для домов, часто располагающимися рядом с пирамидой. К другому типу поселений предположительно относятся жилища торговцев или рыбаков. Он представлен небольшим изолированным святилищем, стоящим недалеко от берега моря, и одного жилого дома. Более значительный тип поселений включает одну или несколько площадей, окруженных церемониальными зданиями, кроме того, несколько культовых построек, сгруппированных или рассеянных на некотором расстоянии. Ограниченное число платформ для жилищ дополняет комплекс; часто встречается удлиненная платформа, на которой, должно быть, стояло коллективное жилище. Наконец, наиболее редко встречающийся тип представлен Тулумом с каменными жилищами и ступенчатыми сводами в пределах комплекса, окруженного стеной. Центральная часть комплекса занята церемониальными зданиями. Обнаруженные руины обычных домов говорят о том, что население Тулума, хотя и сгруппированное более компактно, чем в остальных типах поселений, не было все же многочисленным.

ЦИБИЛЧАЛЬТУН

Сведения о типе поселения в Цибилчальтуне неполные. Согласно Дж.Эндрюсу, это был самый крупный городской центр на всем Американском континенте в доиспанское время. Он занимал площадь около 50 км² ⁶⁶. Плотность застройки в нем приближалась к 1 тыс. построек на 1 км². Комплекс, видимо, был образован серией более или менее тесно сгруппированных церемониальных центров, окруженных скоплениями жилищ, стоящих на холмах. При расчетах было предположено, что половина жилищных построек не имела платформ и не оставила следов. Отсутствие точных сведений о топографии жилищ, недостаток опубликованных карт и особенно неполное знание хронологии мешают составить точное представление о характере поселения в Цибилчальтуне, который, видимо, является исключением из рассеянного типа поселений классического периода.

МАЙЯПАН

Памятник, который по точно определенным границам городской зоны и по явно городскому характеру поселения наверняка представляет исключение, — это Майяпан. Окруженный стеной длиной 9 км, снабженный 12 воротами, город имеет около 4 тыс. построек, из которых лишь 3,5% — церемониальные здания (приблизительно 140), а остальные — это группы домов, различающиеся между собой по размерам и качеству постройки в зависимости от статуса различных слоев населения. Лучшие строения находятся на небольших естественных каменистых возвышениях, а наиболее бедные — в низких местах. Группы из трех или более построек расположены квадратом вокруг небольшого двора. Дома окружены заборами из камней, сложенных без раствора. В пределах городских стен насчитывалось 29 колодцев-сенотов. Город никак не спланирован, за исключением того, что главные церемониальные сооружения были сгруппированы в центре и вокруг них располагались более тщательно отделанные жилища, то есть резиденции представителей правящего класса. Простые дома возводились без определенного порядка из-за неровностей поверхности. За стенами города встречаются рассеянные группы жилищ.

ОБРАЗОВАНИЕ ГОРОДОВ

При изучении развития типов поселений во времени становится очевидным, что с ростом численности населения увеличивалась власть господ, росла бюрократия, через которую эта власть осуществлялась, интенсифицировалось ремесленное производство, развивалась торговля; параллельно росло число церемониальных центров, которые тоже становились все более обширными, более сложными и более населенными. К концу классического периода такие памятники, как Цибилчальтун, и особенно памятники Петена демонстрируют расту-

---

⁶⁶ Здесь А.Рус вслед за Дж.Эндрюсом смешивает два разных понятия — город и его округу; 50 км² составляли площадь Цибилчальтуна и окружающие его земли, вместе взятые (*Примеч. ред.*).

шую тенденцию к концентрации населения и, возможно, «к появлению городов и расслоению общества», как говорит Уилли.

Эта тенденция становится еще более явной в постклассический период, когда (частично из-за необходимости защитить население) церемониальные центры возникают в стратегически важных местах — на вершинах гор, например в Альтос (в Гватемале), или обносятся стенами — Майяпан, Тулум, Шкарет, Ичпаатун, и другие центры на полуострове Юкатан. Однако что касается классического периода, то Тикаль и Цибилчальтун могут служить примерами, демонстрирующими заметную концентрацию населения. Это города не с сеткой пересекающихся улиц, как в Теотиуакане или позже в Теночтитлане, а скорее города, которые можно было бы отнести к современному типу «города-сада», в которых постройки приспособлены к топографическим условиям и подчиняются естественному пейзажу (как в Тикале), или небольшие города-спутники, зависевшие от крупного города, вплоть до «города-улья» (как Майяпан).

ТИПЫ ЖИЛИЩ

Рассматривая сами жилища, необходимо подчеркнуть различие, которое существовало между жилищами господ (жрецы, гражданские вожди) и простых людей. Ланда уточняет это различие, когда говорит, что «там, где они поселялись, всегда заново возводили свои храмы, святилища и дома, предназначенные для господ, сами они (простые люди) всегда пользовались домами из дерева, покрытыми травой». Археологи подтвердили этот факт и дали название «дворцы» постройкам, которые, возможно, были резиденциями представителей правящего класса и в церемониальных центрах отличались от зданий, предназначенных для культа (храмы, святилища, платформы для ритуальных танцев и церемоний и т.д.). Поэтому рассмотрим в отдельности дворцы и обычные дома.

ДВОРЦЫ

Мы уже назвали место расположения жилищ господ — сам церемониальный центр. А когда, как в Майяпане или в городе, описанном, но не названном Ландой, простой народ жил в той же городской единице, что господа и жрецы, то «вокруг храмов» располагались жилища «более знатных людей... самых богатых и уважаемых», а «на окраинах поселения находились дома самых низших людей».

Другим важным отличием был материал, использованный для постройки: известь и камень в господских домах («расписанных очень изящно», уточняет Ланда), дерево и трава для крыш — в домах у народа.

Дворцы в один или несколько этажей почти всегда строились на террасе или платформе, имевшей лестницу; число и расположение комнат сильно варьировало: от нескольких вытянутых в один ряд до 50 и более, образующих несколько рядов или сгруппированных вокруг двора. В качестве примера назовем несколько различных памятников. В Вашактуне небольшое здание из трех комнат в один ряд соответствует самой простой структуре; часто встречается расположение в двойной ряд с шестью комнатами плюс еще по одной на каждом конце, в поперечном положении. В Тикале имеется большое разнообразие дворцов, в которых комнаты образуют две, три и четыре линии плюс по две-три комнаты в каждом торце здания (всего 20–30 комнат в каждой постройке); другое здание, возможно с 50 комнатами как минимум, образует прямоугольник вокруг двора либо там комнаты расположены в двойной ряд. В Тикале есть также дворцы в несколько этажей. Один из них небольшой, с девятью комнатами, шесть из которых, расположенных в два ряда, находятся на первом этаже, а другие три, в один ряд, — на втором. Самый большой дворец должен был иметь более 30 комнат, разделенных между пятью этажами и расположенных в два ряда; следует уточнить, что пять этажей расположены один над другим не в одной конструкции, а в двух, стоящих одна за другой на склоне возвышенности, хотя фасад и образует пять этажей.

Нам известны также дворцы в несколько этажей на Юкатане: один в Кабахе — из 20 комнат на двух этажах (на том же памятнике дворец Коц-Поп должен был иметь около 30

комнат, но на одном этаже); другой в Лабне, из двух этажей, со сложной композицией и множеством помещений, количество которых нельзя определить из-за сильной разрушенности дворца. В Сайиле прекрасный дворец в три этажа должен был иметь более 60 комнат — в два ряда на первом и втором этажах и в один ряд на третьем, со входами с четырех сторон.

Дворец Паленке со своими галереями, открытыми наружу и во дворы, не кажется помещением, удобным для обитания, а дворы и галереи больше предполагают церемониальное, чем жилищное, использование. Видимо, в более позднюю эпоху эти галереи были разделены на комнаты тонкими стенами, и один из дворов (юго-восточный) был занят многочисленными маленькими постройками. Мы полагаем, что первоначально жилищами этого дворца были исключительно нижние галереи (называемые ныне «подземными»), образующие три параллельные линии и соединяющиеся с церемониальной частью дворца посредством трех внутренних лестниц. В Паленке, кроме того, маленькие помещения, находящиеся по бокам от святилища, по-видимому, были кельями жрецов.

«Дворец правителя» в Ушмале имеет 24 комнаты, из которых 10 расположены в два ряда (две из них образуют большие залы) в центральной части, пять комнат — в каждой боковой секции и две построены позже в каждом из арочных проходов, отделяющих центральную часть от пристроек. Что касается «Женского Монастыря», то он имеет в целом около 80 комнат.

Здание в Чичен-Ице, также называемое «Женским Монастырем», перестраивавшееся несколько раз, имеет большое число помещений на нескольких этажах и в пристройке. В том же Чичене так называемый Акаб-Циб состоит из 18 комнат, расположенных в одну, две и даже три линии по четырем фасадам.

В Тулуме дома, состоящие из портика, святилища и двух-трех боковых комнат, были, возможно, резиденциями верховных жрецов с отдельной молельной или храмами с жилищами для жрецов.

В Майяпане около 50 построек соответствуют, по всей вероятности, жилищным комплексам высокопоставленных лиц; они почти всегда расположены возле главного церемониального центра. Дворец судя по тому, что он наиболее тщательно отделан, возможно, был резиденцией семьи Кокомов; он состоит из домов с портиками, колонн вокруг двора, из молелен и кухни.

Постройки Майяпана (как и Тулума) в отличие от всех названных прежде имели плоские потолки на балках, засыпанные землей, вместо типичного ступенчатого свода майя.

Если сравнить дворцы майя с дворцами римлян или ацтеков, то очевидно, что первые неудобны до такой степени, что некоторые авторы сомневаются в том, действительно ли речь идет о резиденциях членов правящего класса (гражданского и религиозного). В самом деле, комнаты без выхода на фасад (расположение в два ряда было наиболее обычным) получали мало света и воздуха. Еще хуже, когда имелась третья или четвертая линия, так как в этом случае комнаты, расположенные в самой глубине, совершенно не имели естественного освещения. Мало было зданий с окнами, а точнее, с вентиляционными отверстиями — вентилями. Самые большие вентиляторы — в «Храме Семи Кукол» в Цибилчальтуне. В Паленке они прямоугольные или в форме знака «Т», обозначающего на языке майя «воздух, ветер».

Несомненно, что большие отверстия в стенах обеспечивали перекрестную вентиляцию комнат и внутренних галерей, что было необходимо в условиях очень жаркого климата. Кроме того, темные и изолированные от внешней среды толстыми стенами комнаты сохраняли прохладу.

Почти во всех дворцах и храмах майя по обе стороны от входов на стене или колонне встречаются подобия каменных колец, сделанных разными способами (кусочек камня, вставленный в небольшую выемку в камне стены; маленький каменный цилиндр, вставленный вертикально в дыру в форме ниши между двумя камнями). Эти приспособления служили для крепления веревок, на которые подвешивался занавес, закрывающий дверной проем, так как настоящих дверей не было. Это оберегало помещение от дождей и ветров в холодные ночи.

В том случае, когда дверная притолока делалась из балок дерева сапоте, ее нередко украшали резьбой, как, например, в Тикале и Чичен-Ице.

Древние зодчие Паленке в конструкции зданий использовали выступающие навесы, на которые стекала вода по слезнику карниза. Это защищало от дождя стены или колонны, украшенные рельефами из штука.

Внутри дворцов майя часто встречаются низкие и узкие платформы, пристроенные к стенам и напоминающие скамьи, служившие сиденьями и, возможно, кроватями. Хотя теперь майя спят в гамаке, кажется, он не был известен до испанского завоевания, и предполагается, что он пришел с конкистадорами с Антиль, где действительно был в употреблении в доиспанские времена, как и в Южной Америке.

В качестве дополнительных пристроек к жилищам господ и жрецов нам известны (благодаря археологии) паровые бани, использование которых имело скорее терапевтическое и ритуальное значение, чем гигиеническое. Кроме того, во Дворце в Паленке имелись уборные, которые представляли собой продырявленные камни, положенные на землю над сточной трубой. Мы также упоминали молельню или алтарь при домах привилегированных лиц в Майяпане и, возможно, в Тулуме. В одном из «Сообщений о Юкатане» называются здания с большими амбарами для хранения маиса, а также емкости для сбора и хранения дождевой воды, все тщательно сделано при помощи бутовой кладки.

Обычно дома господ стояли недалеко от сенотов или по крайней мере чультунов. Под полами жилищ были найдены, главным образом в Майяпане, могилы, что подтверждает гипотезу Ланды о захоронении его обитателей в домах.

Что касается предметов домашнего обихода как господ, так и простых людей, то ссылки на них в исторических источниках очень скудны; поскольку они были сделаны в большинстве случаев из органических материалов, то и археология не может дать какой-либо дополнительной информации. Возможно, что мебель состояла из деревянных скамеечек и кроватей из прутьев или веревок на деревянной раме, поддерживаемой столбами. Мы полагаем, что перекладины, вделанные в своды или в верхние части стен, помимо архитектурных функций (защитить арку от бокового давления) могли служить также для подвешивания домашних предметов, одежды и т.д., как это до сих пор делается в крестьянских хижинах. Кухонный очаг состоял, видимо, из трех камней, лежащих на земле, что является традиционным для Мезоамерики. Каменные зернотерки — метате и ступы, сосуды из обожженной глины, сухие полые тыквы, плетеные корзины и циновки дополняли домашнюю утварь.

ХИЖИНЫ

Дома простых людей были, как указывал Ланда, «деревянные, крытые травой», то есть они напоминали крестьянские хижины сегодняшних майя. Мы уже указывали, что обычно такие дома располагались на удалении от основной группы религиозных или гражданских зданий, если они находились в пределах церемониального центра, или же образовывали отдельные группы хижин, деревни и поселки, рассеянные вокруг церемониального центра большей или меньшей важности. Мы также говорили, что жилища простых людей всегда занимали места наименее благоприятные в топографическом отношении и часто возводились прямо на уровне земли или на платформе малой высоты. Основанием служили каменная кладка или просто ряды грубых камней; пол делался из утрамбованной земли или извести. В плане жилище обычно представляло собой прямоугольник, но встречается и форма с округлыми торцами. Стены делались из деревянных кольев, прижатых один к другому и связанных лианами. Четыре столба поддерживали горизонтальные балки и поперечины, на которых покоился каркас кровли. Каркас покрывался сухими листьями пальмы или сухой травой. Крыши делались двускатные или же четырехскатные и завершались коньком.

Дом состоял из одной или нескольких (две, три и четыре) комнат в один ряд, а на Юкатане был обычным открытый портик впереди. Стена, отделявшая портик от комнат, имела входные двери в каждую из них. Такое расположение совпадает с тем, что писал Ланда: «...делают стену посередине и вдоль, которая разделяет весь дом, и в этой стене оставляют

несколько дверей на ту половину, которую называют спиной дома, где у них кровати, а другую часть белят очень искусно известью... и эта половина — приемная и место для гостей, и у нее нет двери, а вся она открыта на длину дома...» Ложки были из прутьев, на них клали циновки и застилали хлопковыми покрывалами. Часто в комнатах или в портике встречаются скамьи, на которых обычно спали летом.

Доказано, что бóльшая часть домов была ориентирована фасадом на восток, хотя есть такие, что смотрят на север, на юг и очень мало — на запад. В Майяпане многие жилища образуют вместе с прилежащими землями (возможно, огородами) подобие усадьбы, окруженной оградой из грубых камней, уложенных без раствора. Между домами вились мощеные улицы и неровно проложенные дорожки.

На различных памятниках подтвердилась также информация хрониста относительно того, что майя хоронили своих мертвых «внутри их домов или за ними» и «обычно оставляли дом и забрасывали его после похорон». Кухней, видимо, была небольшая постройка из дерева с крышей из травы, пристроенная к жилищу или стоявшая в нескольких метрах от него.

Можно допустить, что на удлиненных платформах, найденных при раскопках некоторых памятников, находились жилища холостяков, о чем пишет Ланда. В трех-четыре домах, расположенных группами, видимо, жили родственники.

ОСОБЕННОСТИ ОДЕЖДЫ

В этой главе мы рассмотрим не только одежду и предметы украшения древних майя, но и те процедуры, которым они себя подвергали (раскраска, татуировка, деформация, ампутирование), чтобы дополнить свое убранство.

При сравнении информации хронистов XVI в. с детальными данными, которые нам дает иконография, убеждаешься одновременно и в правдивости этих сведений, и в их ограниченности, но среди исторических сообщений и археологических свидетельств есть многочисленные и пространные источники, позволяющие уточнить наши знания этой стороны жизни майя.

До четырех-пяти лет дети обоих полов ходили обнаженными, после этого возраста и начинались различия в одежде, так как мальчикам надевали «пояски, чтобы они прикрывали свой срам как отцы, а девочек начинали закрывать от пояса и ниже», как уточняет Ланда. Ланда упоминает также о «длинных и квадратных тканях... (которые) они привязывали к плечам», не поясняя, носили ли их господа или простые люди.

СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Из хроник мы узнаем, что сеньоры и рядовые общинники одевались не одинаково. В «Сообщении из Вальядолида» подчеркивается, что «сеньоры надевали *шикольи* из хлопка и перьев, сотканых в форме разноцветного жилета; они носили также *мастиль* (*маштлатль*, то есть набедренную повязку) между ног, представлявшую собой длинную тканую ленту, опоясывавшую живот и закрывавшую половые органы, при этом два длинных конца, украшенных перьями, свисали спереди и сзади». Но то же самое «Сообщение» в противоположность сказанному выше утверждает, что многие индейцы ходили обнаженными или с узкой полоской ткани. Это было обычаем, общим во всех провинциях Вальядолида. Ланда, имея в виду простолюдинов, говорит, что дома строили обнаженные индейцы, «прикрытые длинными узкими полосками, которые они зовут *эи*». К такой же полоске сводилась одежда Херонимо де Агилара, когда он предстал перед Кортесом.

Это различие в одежде между лицами, относящимися к высшему классу, и людьми более низкого социального положения подтверждается и уточняется в иконографии майя. На фресках Бонампака пленники или павшие в бою, а также принесенные в жертву после сражения изображены обнаженными или только с набедренной повязкой, без головного убора и украшений. Однако на тех же фресках лица, которые, видимо, были слугами, судя по их действиям, (одевают вождей, подают шкуры ягуара или украшения, стоят на коленях перед семьей *халач-виника*⁶⁷, держат на руках ребенка), имеют украшенные набедренные повязки и головные уборы наподобие тюрбанов. Некоторые из них, возможно, были торговцами или, служа при дворе в Бонампаке, имели право или обязанность быть одетыми более изысканно, чем крестьяне и остальные трудящиеся.

В подобной одежде изображены музыканты. На них замысловатые головные уборы, иногда очень искусно сделанные, серьги из раковин и ожерелья из клыков животных. Из предполагаемых слуг некоторые имеют ушные украшения. Другие (кого по их расположению в художественной композиции и по тому, что они показывают ценные товары и держат в руке зонтик, мы считаем торговцами) тоже имеют тюрбаны, а один даже подвеску и ушное украшение из нефрита.

Воины, изображенные на тех же самых росписях, несомненно, также стоят на разных ступенях социальной лестницы. В сцене суда, пыток и жертвоприношения пленников группа воинов расположена на том же уровне, что и самые высокопоставленные лица, то есть в верхней части композиции, в то время как все остальные находятся на нижнем плане. Разли-

---

⁶⁷ Халач-виник — титул верховного правителя у древних майя на Юкатане (Примеч. ред.).

чия в одежде значительны: все «верхние» одеты в очень нарядные маленькие плащи, у «нижних» торс обнажен; набедренные повязки богаче у первых. Однако обе группы имеют обычные у воинов одинаковые шлемы со звериными головами, надевавшиеся для того, чтобы вызвать страх у противника.

Господа высокого ранга занимают верхнюю часть композиции, они выделяются и своей одеждой: богатые головные уборы, некоторые с перьями кецаля в форме плюмажа; диадемы из нефритовых бусин; ожерелья и браслеты из того же камня; широкие и длинные плащи из хлопка; ярко расшитые или разрисованные набедренные повязки, а также сандалии, хотя на копьях, сделанных с росписей, не всегда можно разобрать, есть сандалии или нет.

Среди господ выделяются три персонажа. Наверняка это важные сановники, *батабы*. В первой комнате они представлены дважды: вверху, где они готовятся к церемонии, в окружении нескольких слуг, возлагающих большие плюмажи на головы двух из них и раскрашивающих тело третьему; внизу те же лица, уже тщательно одетые, участвуют в церемонии вместе с музыкантами и танцорами. На *батабах* надеты огромные плюмажи из больших зеленых перьев; шкура ягуара свисает с пояса, она распахнута спереди и позволяет видеть богато расшитую набедренную повязку; на сановниках диадемы, ушные украшения, большие ожерелья из нескольких ниток бус, пекторали, браслеты на руках и ногах, все из нефрита. В центральной комнате они находятся в верхнем ряду возле главного персонажа, который судит пленников. Теперь они в шкурах ягуаров, накинутых как плащ; у двоих шлемы из голов ягуаров, а у третьего — из головы какого-то пресмыкающегося и лапы ягуара. В батальной сцене той же центральной комнаты их можно узнать по коротким жилетам *шикольи* из шкуры ягуара.

Что касается главного действующего лица этих росписей, вероятного *халач-виника* Бонампака, то его значимость явствует из содержания картин, в особенности из сцены суда, пыток и жертвоприношения пленников, где он занимает как раз центральную часть верхнего плана композиции, а вокруг него группируются все действующие лица. На этом изображении он одет в жилет из шкуры ягуара, отделанный бахромой и большими перьями кецаля, и обут (все остальные персонажи разуты) в богатые сандалии тоже из шкуры ягуара; его копье также частично обшито шкурой ягуара. Он отличается от *батабов* не только центральным расположением в композиции и более пышным одеянием и сандалиями, но и более массивными нефритовыми украшениями.

Таким образом, социальные различия, выявляемые в этих картинах самой композицией, значением сцен и действиями их участников, отражены в одежде, которая изменяется от самого богатого убранства *халач-виника* до почти полной наготы приносимых в жертву пленников (на некоторых нет даже набедренной повязки). В композиции иерархия соблюдается сверху вниз: *батабы*, придворная знать, военные вожди, воины, торговцы и музыканты (в одной группе) и слуги. В этой иерархии в отношении одежды исключение представляют лишь танцоры, богатейшее убранство костюмов которых, видимо, связано со спецификой церемонии и не имеет какой-либо социальной значимости.

В скульптуре и в рельефах одежда также подчеркивала социальное положение изображаемого лица. Головной убор мог быть огромным роскошным шлемом (притолока из Тикаля), ансамблем наложенных одна на другую масок (Киригуа), тиарой из нефритовых дисков, завершающейся плюмажем (Паленке), шлемом в виде головы птицы с перьями кецаля (Паленке), тиарой с перьями спереди и сзади (Йашчилан) или сложнейшим набором масок и перьев (Копан). На плечи набрасывалась короткая накидка, сделанная из пластин нефрита, с бахромой из перьев (Тикаль, Паленке); ниже пояса правители носили пышно расшитые по всей поверхности набедренные повязки или куски шкуры ягуара (Паленке), юбочки, украшенные ромбами из длинных трубковидных бусин, нашитых на ткань, обычно с бахромой из перьев (Копан, Паленке). Как, правило, у них был также красивый пояс, украшенный тремя человеческими ликами, сделанными, возможно, из нефритовой мозаики, такой, какую мы нашли в могиле «Храма Надписей» в Паленке; к этим нефритовым маскам подвешивались по

три длинных пластинки, лица представлены в профиль на концах пояса и в фас в его центре (Паленке, Йашчилан, Пьедрас-Неграс, Копан, Наранхо). Сандалии могут быть в виде одной подошвы из невыделанной кожи или из хенекена с кожаной полоской, которая проходит между пальцами и обвязывается вокруг щиколотки; они также могут иметь кожаный задник, закрывающий ногу выше пятки и красиво отделанный символическими мотивами или масками божеств (Копан, Коба, Наранхо, Тикаль, Калакмуль, Киригуа, Сейбаль). Самые богатые сандалии имеют на подъеме любопытный элемент — подобие кисточки, которая может дополняться перьями. В сценах, где изображены люди низшего социального положения (рабы, пленники), они разуты. В Паленке и Бонампаке важные персонажи также изображены разутыми, если они сидят. От коленей до щиколоток ноги изображенных на скульптурах знатных майя обычно переплетены полосками, вероятно, из кожи, которые служили для крепления сандалий (Паленке); в некоторых случаях имелись подобию ноговиц, в которых ленты несколько раз перекрещиваются на ноге (Эцна, Йашчилан, Паленке, Сейбаль, Ошкинток) или образуют параллельные полосы, одна рядом с другой (Чичен-Ица).

На глиняных фигурках из Хайны самым значительным элементом одежды был, вероятно всего, головной убор. Разнообразие форм, материалов и композиций бесконечно: тюрбаны, диадемы, тиары, скрученная или сплетенная полоса, плюмажи и широкополая шляпа. Даже когда тела почти обнажены, головной убор обычно богат и сложен. Многие фигурки представляют мужчин и женщин, у которых закрыта только нижняя часть тела (повязка или юбочка, в зависимости от пола); однако это не должны быть лица низкого социального положения, так как у них почти всегда есть ожерелье из толстых бус, часто браслеты из нескольких ниток бус, большая раковина, как пектораль, и пышный головной убор. Набедренная повязка обычно очень широкая и может быть раскрашена. Персоны, видимо, мужского рода имеют большие плащи, достигающие до пят. В некоторых случаях видно длинное платье с короткими рукавами.

ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ

Относительно женщин Ланда сообщает, что «индеанки побережья провинций Бакалар и Кампече очень скромны в своем костюме, так как помимо покрывала, что носили от середины тела вниз, они покрывали груди свернутым полотном, подвязывая его под мышками; все остальные не носили другой одежды, кроме подобия длинного и широкого мешка, открытого с двух сторон, в который они залезали до бедер и который им был в обтяжку, и не было у них другой одежды, кроме накидки, в которой они всегда спят; когда они отправляются в дорогу, то обычно несут ее свернутой».

Однако, за некоторыми исключениями, одежда женщин на стенных росписях, рельефах и фигурках не соответствует описанию хрониста. Наиболее обычна длинная туника, достаточно похожая на современный *уйпиль*⁶⁸, белая или с зеленой опушкой по краю (центральная и западная комнаты строения I Бонампака) или желтая (восточная комната того же здания). Мы видим, что она богато расшита на рельефах из Пьедрас-Неграс, Йашчилана и Бонампака, причем она наброшена поверх длинной юбки, выглядывающей снизу и открывающей изящные сандалии. На рельефах Паленке женщина носит короткий плащик, украшенный трубчатыми нефритовыми бусами и бахромой из перьев, а также длинную юбку с украшениями из нефритовых бус. На фигурках из Хайны наиболее часто видны длинная юбка и *кечкемитль* — кофта из кружев. Невозможно уточнить социальное положение большей части женщин, представленных на упомянутых фигурках из Хайны, так как *кечкемитль* не имеет украшений, а кроме того, им пользовались даже простые ткачихи. С другой стороны, почти все женщины носили ожерелья и ушные украшения. Только у некоторых видны юбки (старые женщины) и в одном случае — набедренная повязка (у слепой старухи).

---

⁶⁸ Уйпиль (майяск.) — верхняя женская одежда в виде длинной рубахи или платья с глубоким вырезом для шеи и без рукавов (обычно из хлопчатобумажной ткани), с цветными вышивками по краю ворота (*Примеч. ред.*).

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Мужчины и женщины, имевшие высокий социальный статус, носили многочисленные ювелирные изделия, почти все из нефрита, хотя могли быть и из обсидиана, из раковины или кости. Такие украшения включали диадемы из нанизанных или нашитых на полоску ткани дисков; трубочки для локонов или цветы в волосах (Паленке); ушные украшения — круглые, квадратные, сложные, образующие цветочные элементы (у лиц явно низшего ранга в мочку уха нередко продевалась просто лента из ткани); носовые украшения — трубковидные, или в виде пуговиц с каждой стороны, или пластинка, свисающая с кончика носа; украшение для рта, составленное из четырех удлинённых пластин, образующих прямоугольник с небольшим диском в каждом углу; весь ансамбль ограничивал рот (фигуры из штука в склепе гробницы «Храма Надписей» в Паленке, покойник, погребённый там же, и одна фигурка из Хайны); ожерелья из одной нитки сферических бусин, с подвесками или без них (личины, медальоны); ожерелья из нескольких концентрических ниток обычно трубчатых бусин; пекторали; браслеты из нескольких ниток бусин; кольца и ножные браслеты, тоже из нескольких рядов.

УХОД ЗА ТЕЛОМ И УКРАШЕНИЯ

Относительно ухода за телом у нас есть ценная информация Ланды о майя Юкатана. Хронист удивлялся частым омовениям, совершаемым мужчинами и женщинами, холодной водой или паром в специально построенных домиках. Его поражало, что женщины мылись вместе с мужчинами «с малым стыдом, потому что случалось обнажаться догола у того колодца, куда они ходили за водой». Что касается паровых бань, он догадался, что принимали их скорее для здоровья, чем для чистоты.

Чтобы украсить себя (так как они считали это «очень нарядным»), говорит нам Ланда, они раскрашивали тело и лицо красной краской. Он утверждает также, что майя мазались черной краской до вступления в брак. Эррера уточняет, что они раскрашивали себя какой-то смолой цвета красной охры, защищавшей от комаров и предохранявшей от солнечных ожогов. Цвет был различный: черный в пост, синий — для жрецов и черный и красный — для воинов. Женщины, как пишет Ланда, «натирались ярко-красной мазью, а те, которые имели возможность, опрыскивались каким-то составом, душистым и очень липким, который, я думаю, есть янтарное масло, называемое ими *истах-те*» (*иц-тахте* — смола сосны). Тот же хронист упоминает приверженность майя Юкатана к приятным запахам и использование ими для благовония «букетиков из душистых цветов и трав».

ТАТУИРОВКА

Татуировка царапаньем была важной частью украшения тела, о чем свидетельствуют хроники и что подтверждают многочисленные скульптуры и глиняные фигурки. Этот тип татуировки, в котором шрамы, нанесенные прорезанием предварительно раскрашенной кожи, образуют всякого рода геометрические и символические рисунки, был предметом гордости мужчин майя, ибо чем больше татуировки на теле, тем храбрее и доблестнее считался мужчина, так как эта процедура была очень болезненной. Тех, кто не татуировался, осмеивали. Однако татуировка могла быть применена и как наказание ворами высокого социального ранга. В этом случае их лицо обрабатывалось «с двух сторон, от подбородка до лба». Женщины также обычно татуировали тело «от пояса вверх, кроме груди из-за кормления, узоры более изящными и красивыми, чем у мужчин». Юноши, пока не женились, не татуировались или делали легкую татуировку.

ВОЛОСЫ

Волосы носили длинными, как женщины, так и мужчины. Относительно первых Ланда уточняет, что «сверху выжигали часть волос как хорошую тонзуру и таким образом то, что ниже, росло сильно, а что на тонзуре, оставалось коротким; они заплетали косы и делали из них гирлянду вокруг головы, оставляя сзади хвостик, как кисточку». Можно понять, что кроме подобия тонзуры остальные волосы были очень длинными. На рельефах из Паленке тонзура размещается на задней части головы. На том же памятнике и на многочисленных фигурках из Хайны видно, что волосы подрезались на лбу, образуя лесенку по обе стороны лица. В Паленке есть также то, что мы назвали «держателями локонов» — нефритовые трубочки, разделявшие волосы на пряди. На рельефах у женщин волосы длиннее, чем у мужчин, зачесаны назад и без тонзуры. Ланда упоминает о женской прическе, разделявшей волосы на две части и образывавшей «изящный головной убор»; волосы также сплетали в косы или в два или четыре рога. Говорят, что прическа незамужней женщины отличалась от прически замужней, но эти различия не уточнены.

Хронист из Юкатана сообщает, что майя «не отращивали бород и что матери прижигали горячими платками лица своих детей, чтобы она у них не росла. И что сейчас отращивают бороды, хотя и жесткие, как конский волос». Действительно, бороды и усы очень редки в иконографии майя, но иногда все же встречаются. Кроме изображений, относящихся к периоду тольтекского господства в Чичен-Ице, нам известны бородатые мужчины на рельефах памятников центральной зоны, таких, как Копан, Киригуа, Сейбаль, особенно Паленке, и на фигурках из Хайны, которые датируются классическим периодом и не имеют отношения к чужеземным завоевателям. Есть сведения об использовании на Юкатане пинцетов, наверняка из меди и золота, для выщипывания волос; археологами были найдены некоторые их образцы. Возможно, хотя ни один исторический источник об этом не говорит, что ношение бороды (как некоторых украшений у ацтеков) зависело от каких-то иерархических правил. Это объяснило бы, с одной стороны, ее наличие у высокопоставленных лиц на скульптурных изображениях и, с другой — обычай, описанный Ландой, возможно имевший отношение лишь к простым людям.

ДЕФОРМАЦИЯ И НАМЕРЕННОЕ КАЛЕЧЕНИЕ

Как признак красоты, трудно понятный для нас, Ланда упоминает также косоглазие, которое искусственно вызывали у детей, «прикрепляя им к волосам... небольшой пластырь, свисавший до середины бровей; и поскольку он у них там прыгал, они все время поднимали глаза и становились косыми». Вспомним, что бог Солнца изображается с большими, обычно косыми, глазами.

Упомянем еще прокалывание мочки уха для ушных украшений диаметром 2–3 см, прокалывание носовой перегородки или крыльев носа для подвешивания носовых украшений и прокалывание отверстия под губой для губного украшения.

Древние майя, как и остальные мезоамериканские народы и многие народы Американского континента, а также других частей света, практиковали искусственную деформацию черепа. Ланда описывает, как ребенку, лежащему в колыбельке из прутьев, накладывали на голову две досочки (одну спереди, другую сзади) и сильно их стягивали, «пока через несколько дней голова младенца не становилась плоской и такой формы, какую они все имели». Кроме лобно-затылочного типа деформации делались и другие, о чем можно судить по черепам, найденным при археологических раскопках. Встречается деформация округлой формы (получаемая посредством очень тугой повязки вокруг головы), а также затылочная, лобная, лобно-вертикально-затылочная и т.д. Торкемада, упоминая об этой практике, отмечает, что, по рассказам майя, их предков этому якобы научили боги. Майя считают, что деформация черепа придает им благородный вид и, кроме того, головы такой формы лучше приспособлены для переноски тюков. Археологические раскопки подтверждают, что дефор-

мация черепов не была привилегией высшего класса её практиковали все. Это совпадает с информацией Ланды.

Исторические источники упоминают о калечении зубов лишь среди женщин (считалось «изящным» иметь зубы, «как зубья пилы»). Ланда пишет, что эту операцию проводили старые женщины, «подпиливая их какими-то камнями и водой». Однако мы знаем по изучению многочисленных черепов из археологических раскопок, что мужчины тоже практиковали эту форму телесного «украшения». Источники не упоминают об инкрустации, делавшейся отдельно или в сочетании с подпиливанием зубов. Подпилы имели различную форму и наносились на верхние и нижние резцы и клыки, как правило, симметрично. На основании археологических данных из Хайны и Паленке можно заключить, что наиболее распространенным был тип В-2 (Ромеро): в форме боковой выемки на одном из нижних углов зуба; за ним шел тип С-6: с выемкой на каждой стороне зуба. Одни подпилы имели острые концы, другие — тупые. Однако наиболее часто в зоне майя встречалась инкрустация округлой формы в середине передней плоскости верхних и нижних резцов и клыков. Материалом для инкрустации обычно служили нефрит, а также обсидиан, пирит или гематиты. Археологические находки показывают, что калечение зубов было распространено не только в высших классах общества, так как подпиливание можно обнаружить и на костных остатках из бедных захоронений.

Итак, можно сказать, что, в то время как одежда и украшения имели социальную значимость, иерархический или экономический характер которой мы не можем уточнить, деформация тела практиковалась во всех классах общества майя.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАЙЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БАЗА

Картина, представляющая социальную организацию любого человеческого коллектива в определенный момент его истории, не бывает случайной и не возникает по воле одного лица, группы лиц или совокупности членов этого коллектива.

Общество представляет собой систему отношений, функционирующую как экономическая структура — экономический базис, которому соответствуют юридические, политические, культурные и идеологические отношения. Таким образом, общество можно рассматривать как экономическую организацию, изменение в которой неизбежно отражается на его функционировании.

В свою очередь экономическая структура общества представляет собой совокупность отношений, сложившихся между членами этого общества в процессе производства. Эти отношения изменяются по мере развития производительных сил.

Производительные силы, позволяющие создавать блага, употребляемые людьми, включают самих людей как рабочую силу, естественные ресурсы, которыми они располагают, и орудия труда, которые они создали и посредством которых они превращают естественные ресурсы в потребляемые продукты.

Нашу информацию об обществе майя мы черпаем из двух источников: испанских хроник XVI в. и обнаруженного археологического материала. Первый источник отражает условия, существовавшие в момент завоевания. Но эти данные не могут быть ретроспективно абсолютно точно приложимы к классической эпохе, так как к приходу испанцев область майя уже на протяжении нескольких веков находилась под властью чужеземных народов, вторгшихся из Центральной Мексики. Это вторжение изменило многие стороны жизни майя. Однако интерпретация археологических данных, связанных с классическим периодом, в основном не противоречит исторической информации относительно социальной организации майя.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Поскольку земледелие было основным занятием древних майя, для понимания экономической организации их общества необходимо в первую очередь обратиться к проблеме собственности на землю.

Ясно, что категорическое утверждение Ланды, говорившего, что «земли сейчас общие, и таким образом, первый, кто их займет, ими владеет», не дает точного представления о характере землевладения на Юкатане. Несколько менее упрощенно нам об этом сообщает Когольудо, который на самом деле воспроизводит утверждение Гаспара Антонио Чи: «Земли были общими, и поэтому между селениями не было границ или межевых знаков, которые бы их разделяли (хотя таковые были между одной провинцией и другой по причине войн), кроме некоторых участков для посадки плодовых деревьев и земель, купленных с целью какого-то улучшения».

Основываясь большей частью на этноисторических и этнографических исследованиях Ральфа Ройса, А.Вилья Рохас описывает несколько типов землевладения, о которых мы и расскажем ниже.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ

К моменту конкисты Юкатан делился на 16 маленьких государств (или провинций), возглавляемых своим автономным правительством. Территория каждого государства была соответственно ограничена, что подтверждает информацию Г.Антонио Чи. По некоторым документам можно судить, что правитель считал своими все земли, лежащие в пределах его

государства, и что он мог распоряжаться ими «во благо общины или каких-либо членов знатных семей». В действительности же этот факт еще не обязательно означает, что он имел право собственности на все земли государства.

ЗЕМЛИ СЕЛЕНИЙ

У каждого селения были собственные земли, которые вопреки данным Чи, видимо, имели четкие границы. Селение включало центр и разбросанные урочища или деревеньки. Земли были общинными, закрепленными за членами общины для пользования ими. Селение (община) могло приобретать частные земли, чтобы они не перешли к другому селению.

ЗЕМЛИ ФРАТРИЙ

Селения были разделены на кварталы, или фратрии (*цуккуль* — на майя), которые представляли собой политические и религиозные единицы, так как каждая фратрия имела своего правителя и свое божество. Можно предположить, что такое деление ввели в области майя захватчики науа в позднюю эпоху, хотя очень вероятно, что постепенный рост поселений и усложнение религиозных представлений по сравнению с классической эпохой привели к делению поселений на четыре или более кварталов — фратрий. Фратрии владели определенными землями, находящимися в общем пользовании.

РОДОВЫЕ ЗЕМЛИ

В пределах каждой фратрии земли были разделены на участки для групп родственников — патрилинейных родов. Вероятнее всего, эти земли находились в собственности и наследовались. В некоторых документах XVII в. («Грамоты из Эбтуна») сообщается, что земли какого-то рода соответствовали «лесам... освоенным их предками», и уточняется, что они были четко очерчены и измерены.

ЗЕМЛИ ЗНАТИ

Знать считала земли селений своими «по воле богов, которые их распределили». Если учесть, что к знати относились правители политических единиц разных уровней (государство, большие и малые селения, фратрии), а также то, что существовало родовое владение землями, естественно предположить, что знатым лицам принадлежала значительная часть земель. Они могли их наследовать, покупать, получать в дар или во временное пользование от верховного правителя.

ЧАСТНЫЕ ЗЕМЛИ

Знать владела также частными землями. Предназначались они для выращивания какао, хлопка и некоторых видов фруктов. Эти земли представляли собой подлинное богатство и находились в абсолютной собственности их владельцев. В случае же отчуждения частных земель у владельца преимущественным правом на их получение пользовались члены его рода или власти селения, с тем чтобы избежать перехода этих земель в собственность другого селения. Наследовались они только по отцовской линии и переходили к сыновьям.

Хотя о системе землевладения на нагорьях мы не располагаем такой обширной информацией, как для Юкатана, имеющиеся данные рисуют сходную картину. Можно утверждать, что в момент испанского завоевания сосуществовали две формы землевладения: коллективная (земли, которыми пользовались крестьяне селений и фратрий) и частная (земли государства, которыми располагал верховный правитель; родовые земли, когда-то расчищенные под посадки предками; земли знати разных иерархических уровней; земли, принадлежавшие богатым людям).

Следует предположить, что в классическую эпоху также сосуществовали две формы землевладения, но при этом, вероятно, частная собственность была менее распространена, чем коллективная. В самом деле, область майя в течение пяти или шести веков находилась под властью захватчиков, сначала пришедших с ее западных границ, а позднее — из Центральной Мексики. Разумеется, что при военном захвате часть земель отчуждалась у их вла-

дельцев и передавалась в наследственную собственность военным вождям, а также гражданским и религиозным властям победителей. Поэтому, естественно, в классический период общинные земли, вероятно, составляли большую часть используемых земель, чем после вторжения чужеземцев.

ПОТРЕБЛЕНИЕ

Однако землепользование само по себе не объясняет досконально процесс производства и распределения благ в обществе. Кто обрабатывал землю и кто пользовался плодами этой работы? Ответы на эти вопросы дают хроники XVI–XVII вв. и современные исследования.

Все производительные работы, особенно земледельческие, выполнялись простыми людьми под руководством жречества, которое монополизировало астрономические и календарные знания, являвшиеся основой процесса земледельческих работ. Ланда уточняет, что «народ делал посевы для господ». Когольудо подтверждает, что предметы первой необходимости и предметы роскоши притекали в город «от вассалов знати», то есть в форме податей.

Из сообщений хронистов вытекает, что крестьянин сохранял из того, что он производил, только самое необходимое для удовлетворения минимальных потребностей своей семьи. Большая же часть того, что он создавал своим трудом, шла на содержание господ и жрецов, а также той части населения, которая возводила храмы, занималась торговлей или ремеслами, то есть была вынуждена потреблять продукты земледельческого труда, не производя их сама.

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ

Какого рода социальная организация могла сформироваться на такой экономической основе, которую мы обрисовали? Явно это общество, разделенное на классы, с интересами не только различными, но и антагонистическими. Социальное расслоение ясно представлено в хрониках. Ланда, описывая город майя в момент конкисты, объясняет, что расселение жителей вокруг церемониальных центров определялось социальными различиями, когда наибольшая близость к центру находилась в прямой зависимости от общественного положения. Ланда и другие хронисты (Когольудо, Педро Мартир) неоднократно упоминают господ, простолудинов и рабов.

В свете наших нынешних знаний об отношениях, существовавших между различными социальными группами у майя, можно утверждать, что их общество разделялось на четыре класса.

На верху социальной пирамиды находился класс знати, к которому относились сановники и жрецы. На Юкатане первые именовались *альмехенооб* (те, у которых есть мать и отец), а вторые — *ахкинооб* (дети Солнца). Хотя мы не располагаем точными данными относительно происхождения этой знати, можно предположить, что к моменту прибытия испанцев ее значительная часть уже сформировалась в процессе войн. Известно, что многие из правителей майя как на Юкатане (Шивы, Ица, Коком), так и в Гватемале гордились своим действительным или предполагаемым тольтекским или ацтекским происхождением. Иначе говоря, майяская знать на большей части этой области происходила от чужеземных завоевателей. Слово майя «*альмехенооб*» семантически эквивалентно испанскому понятию «идальго», которое подразумевает знание своих предков и сознание принадлежности к какому-то роду.

Знатность, можно об этом не напоминать, была наследственной. Аристократы занимали должности гражданских руководителей, высокие бюрократические посты, исполняли жреческие обязанности. Знать имела возможность посвящать себя наукам (математике, астрономии, медицине), она владела письменностью. Наконец, используя свое знание календа-

ря, этот класс управлял сельскохозяйственными работами, определяя время приготовления земли, сроки посевов и остальных работ, но не участвовал непосредственно в производительном труде. Его уровень жизни был намного выше уровня жизни остальных классов, так как он пользовался излишками, полученными трудом простых людей, составлявших огромное большинство населения.

Другая группа, о которой у нас, к сожалению, нет обширной и точной информации (и это даже заставляет нас сомневаться, была ли она отдельным классом), — группа торговцев. Ранее мы уже говорили о том, что у майя были простые профессиональные торговцы (на местных рынках) и владельцы настоящих торговых предприятий, имевшие караваны для осуществления межрегиональной торговли. Профессиональные торговцы, видимо, имели экономический и социальный статус более высокий, чем простой народ, но, судя по исторической информации, они скорее были частью знати, чем отдельным социальным классом. Эта группа не создавала, разумеется, материальных благ, а лишь принимала участие в обмене ими. Вероятно, к ней относились и хозяева плантаций какао, которых было не так уж много.

Большая часть населения составляла класс, называвшийся на языке майя *ах чембаль виникооб* (низшие, грубые люди), или *мемба виникооб* (трудящиеся), или *ялба виникооб* (маленькие, простые люди, плебеи), а также — под мексиканским влиянием — *масехуалооб*⁶⁹. Эти люди постоянно или временно занимались всеми производительными работами в сфере земледелия, охоты, рыбной ловли, собирательства, добычи соли, пчеловодства и т.д., а также возведением роскошных монументов, предназначенных для ритуалов или жилых домов для членов правящего класса. По закону они считались свободными и имели определенные права. Например, право пользоваться некоторыми землями, а также индивидуальные права, касающиеся их личной и семейной жизни. Но, как мы уже сказали, они не имели права самостоятельно распоряжаться той продукцией, которую они производили.

Другим классом, стоящим на еще более низком уровне и также несшим бремя производства (хотя, вероятно, в меньшей степени), был класс рабов — *п'ентакооб*. Хронисты уточняют, что в рабство обращали за совершение уголовных преступлений, за долги; рабами становились попавшие в плен во время войн; рабами были и дети рабов. Раб не пользовался никакими правами; он был обязан работать в частных хозяйствах (знати или богачей). Раб участвовал в производстве, но того, что он получал, хватало лишь для скудного существования, кроме того, он всегда был в положении потенциальной жертвы при человеческих жертвоприношениях.

ГИПОТЕЗА О БЕСКЛАССОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У МАЙЯ

Некоторые исследователи высказывают сомнения относительно социального расслоения у древних майя и предполагают наличие в классическую эпоху социального строя без классовых различий.

Эта гипотеза группы исследователей, этнологов и археологов из Гарвардского университета и других американских учреждений основывается прежде всего на выводах, полученных в результате этнографических исследований в Синаконтане, селении цоцилей в горном Чьяпасе и на основе археологических раскопок, главным образом в Белизе.

Основные пункты этой гипотезы можно резюмировать следующим образом:

а) в настоящее время население живет в деревнях и рассеянных деревеньках и собирается в Синаконтане для обсуждения административных, религиозных и торговых вопросов; в классическую эпоху население также проживало рассеянными общинами, а ритуальный центр служил для собраний и главным образом для исполнения религиозных функций;

б) небольшие селения классического периода имели церемониальные центры меньших размеров (одна или несколько небольших построек), и в этих селениях жрецы и простые люди жили вместе и находились примерно на одном и том же экономическом и социальном уровне;

---

⁶⁹ От слова науа «масехуаль»: простолудин, рядовой общинник (*Примеч. ред.*).

в) в той же форме, в какой сейчас религиозно-политические обязанности исполняются крестьянами, выбранными на один год, в древние времена простые люди также могли иметь доступ к должностям, занимая их поочередно и временно;

г) современные земледельцы цоцили медленно поднимаются по лестнице должностей, чередуя их исполнение со своими обычными земледельческими занятиями. Предполагается, что то же самое происходило в классическую эпоху и это восхождение по лестнице должностей заключало в себе и перемещение из меньших центров в другие, каждый раз более значительные;

д) крестьянское происхождение гражданских и религиозных руководителей, их временное возвращение к земледельческим работам, а также тот факт, что их перемещение по должностной лестнице не отрывало их от своего социального слоя, объяснило бы, что строительство церемониальных центров, получение необходимых рабочих рук и пищи для содержания строителей церемониальных центров и для тех, кто там живет, а также абсолютное согласие населения уделять часть своего времени этим работам не вызывали никаких трудностей, так как строители и лица, пользовавшиеся их трудом, были в действительности теми же крестьянами;

е) кроме того, крестьяне нуждались лишь в части своего времени для покрытия личных потребностей, и у них оставался значительный досуг для работы на строительстве и для производства излишков пищевых продуктов, продавая которые они могли достичь уровня жизни, более или менее сходного с уровнем жизни остальных социальных групп, приобретая не только предметы первой необходимости, но даже и предметы роскоши;

ж) знания, требовавшиеся от жрецов майя в древности, не превосходили того, что необходимо сейчас знать крестьянам цоцилям, чтобы занимать религиозно-административные должности;

з) общество майя никоим образом не может считаться разделенным на замкнутые классы, где знать — светские руководители и жречество — господствовала и эксплуатировала широкие крестьянские массы.

Обратимся вначале к рассмотрению выводов, основанных на результатах археологических раскопок. Мы не имеем возражений по пункту а), но они есть относительно соображений, представленных в пунктах е) и з). В самом деле, наличие в небольших общинах отдельных скромных церемониальных построек говорит лишь о проведении каких-то ритуальных действий на уровне деревни, но вовсе не означает, что все ее обитатели располагали одинаковым обилием благ и имели одинаковое социальное положение. Находки в небольших центрах Белиза жилых платформ с полом из штука (вместо утрамбованной земли) и хорошо построенными опорными стенами, а также некоторых предметов из нефрита и полихромной керамики в захоронениях, которые, как считают, принадлежали простым людям, не могут служить надежным подтверждением гипотезы об имущественном и социальном равенстве в обществе майя. С одной стороны, жилые постройки могли принадлежать чиновникам небольшого ранга — гражданским или религиозным, временно назначенным в деревню представителем более высокого должностного лица. Естественно, что в погребениях таких лиц могли быть обнаружены более богатые, чем обычно, приношения. С другой стороны, погребальное приношение большой ценности может встретиться и в рядовом захоронении, так как нередко у народов древности и в Старом и в Новом Свете родственники умершего одаривали его для вечного пребывания в загробном мире каким-либо ценным предметом, который он сам никогда в своей жизни не мог бы приобрести и использовать.

Что касается предполагаемого «свободного времени» крестьянина, в которое он мог создавать гипотетические излишки сельскохозяйственной продукции и использовать их для получения высоких жизненных благ, то это слишком маловероятно, поскольку крестьянин майя доиспанских времен располагал техническими средствами, еще более примитивными, чем нынешние майя. Поэтому едва ли он мог достичь уровня жизни более высокого, чем у современного крестьянина майя.

Отнесение к классическому периоду сменной системы должностей (существующих и у сегодняшних майя в горном Чьяпасе) с предполагаемым при этом восхождением крестьян на все более высокие уровни в гражданской и религиозной иерархии того времени представляется гипотезой, которую опровергают все имеющиеся у нас исторические и археологические данные.

Некоторые археологи, в том числе и сторонники этой гипотезы, считают, что историческая информация XVI в. о классическом периоде должна восприниматься с большой осторожностью и даже отвергаться, так как вторжения завоевателей из Центральной Мексики на протяжении нескольких веков, предшествовавших приходу испанцев, настолько изменили формы жизни и организации общества майя, что все описания хронистов не соответствуют действительным условиям жизни майя классического периода.

Здесь противоречие заключается в том, что, с одной стороны, отрицается возможность применения к классическому периоду схемы социально-политической жизни, данной хронистами XVI в., а с другой — в качестве модели древнего общества предлагается схема социально-политической жизни нынешних майя. При этом забывается, что на протяжении истекших с тех пор веков имели место не только уже указанные изменения, но и страшное потрясение, вызванное конкистой, три века колониального господства и более полутора веков культурных влияний в республиканский период.

На самом деле информация XVI в., относящаяся к концу постклассического периода, не должна ни автоматически применяться, ни абсолютно отвергаться при попытках определения характера общества классического периода. Конечно, некоторое изменение норм религиозной жизни, организации общества, эстетических критериев нельзя отрицать, но вековой консерватизм народа майя и неизменность его повседневной жизни (сохранившейся во многих аспектах до настоящего времени) должны были в значительной мере тормозить чужеродное влияние. Более того, последний этап постклассического периода отражает процесс майянизации культуры, то есть возвращение к архитектурным, скульптурным и керамическим формам (техника и тематика), господствовавшим в классическом периоде. По всей вероятности, это говорит о том, что культура майя была смешанной (майя-тольтекской или майя-ацтекской) только тогда, когда она являлась культурой верхушки общества, его элиты.

Гипотеза, которую мы обсуждаем, подвергалась критике (Т.Проскуракова, У.Хавиланд, У.Ко, А.Рус), и в дальнейшем ее авторы ввели некоторые важные оговорки, несколько изменившие их наиболее категоричные выводы. С одной стороны, было предложено считать, что поочередное восхождение крестьян на гражданские и религиозные должности ограничивалось низшими постами, в то время как высокие наследуемые должности сохранялись только для членов высших групп общества (И.Фогт). Было предположено также, что нынешняя форма, изученная в Синакантане, соответствовала скорее доклассическому периоду, то есть по времени она предшествовала периоду зрелости классического общества майя, и что она стала вновь действовать после его упадка под влиянием инородных групп (У.Буллард).

Тенденция, отрицающая наличие у древних майя четко выраженных антагонистических классов, достаточно распространена среди исследователей-майянистов. Спрашивается, не вызвано ли непризнание классово-борьбы и социальной революции как решающего фактора в общественно-историческом процессе идеологической позицией этих авторов, сознательной или неосознанной? Отрицание решающей роли этого фактора для прошлого означает отрицание его и для настоящего и для будущего как своего рода успокоительное заклинание.

РОДОВАЯ СИСТЕМА

Очень вероятно, что на предшествовавшем этапе социально-экономического развития, до образования различных классов, группы майя были организованы — в рамках родовой системы — в кланы, как это было в других частях света. Разные авторы предполагали, что пережитки такой системы сохранялись и в обществе майя классического периода даже

тогда, когда уже существовало классовое расслоение. По мнению некоторых (Морли, Брейнерд), в классическом обществе майя могут быть обнаружены только отдельные ее следы. Другие (Хавиланд) считают, что система кланов функционировала в ранний классический период и распалась, не исчезнув целиком, в поздний классический период под давлением быстрого развития и усложнения хозяйственной деятельности.

Данные, позволившие разработать эту гипотезу, происходят по большей части из трудов хронистов XVI в., хотя и в форме косвенных выводов, так как к тому времени кланы исчезли. Базой для гипотетической реконструкции системы послужили терминология родства и наличие некоторых табу относительно браков между близкими родственниками.

Наиболее распространено мнение, что кланы были патрилинейны, экзогамны и, вероятно, тотемического происхождения. Их патрилинейный характер вытекает из норм счета родства и наследования, хотя некоторые черты предполагают параллельную матрилинейную систему. Действительно, похоже, что на Юкатане существовали роды патрилинейные (*чибаль*) и матрилинейные (*цакаб*). Молодые могли какое-то время жить в доме родителей жены или в доме родителей мужа. Это говорит о равнозначности системы родства. Однако большее число брачных запретов все же относилось к отцовской линии, а это означает, что кланы были главным образом патрилинейные. Хавиланд полагает, что двойной счет происхождения вели только представители знати, которых на Юкатане называли *альмехен* (тот, у кого есть мать и отец), но и это считает в конечном счете сомнительным.

Экзогамия⁷⁰ проявлялась в табу на брак между лицами, имеющими одну и ту же фамилию, даже если они и не были связаны кровным родством, так как одна фамилия указывала на принадлежность к одному и тому же клану, то есть на происхождение от общего, предка. Поэтому эндогамный⁷¹ брак рассматривался как форма кровосмешательства. Это табу еще существует у групп цельталей и лакандонов.

Что касается вероятного тотемического происхождения кланов, то о нем можно судить по многочисленным еще бытующим фамилиям которые соответствуют названиям животных. Видимо, во многих случаях общим предком считалось какое-либо животное. Среди фамилий этого рода напомним следующие: Балам (ягуар), Чан (змея), Май (оленок), Печ (клещ), Ук (вошь), Пек (собака).

Следы родового строя, сохранявшиеся в классическом обществе майя, не исключают возможности одновременно существовавшего разделения его на классы с различными антагонистическими интересами. Историческая информация хронистов XVI–XVII вв., исследования документов гражданских или приходских архивов, археологические свидетельства и иконографический анализ подтверждают наличие такого деления. Ясно, что на вершине общества майя находилось меньшинство, обладавшее экономической, социальной, религиозной и политической властью и экономически паразитировавшее на огромном большинстве населения.

---

⁷⁰ Экзогамия — запрещение брачных связей внутри рода, т.е. коллектива кровных родственников (Примеч. ред.).

⁷¹ Эндогамный брак, т.е. брачное общение внутри рода (Примеч. ред.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЖРЕЧЕСКАЯ, СУДЕБНАЯ И ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

МЕЗОАМЕРИКАНСКИЕ ИМПЕРИИ⁷²

При изучении истории главных мезоамериканских народов некоторые исследователи пришли к выводу, что отдельные из них достигли уровня настоящих империй. Так, говорят об ольмекской, теотиуаканской, тольтекской и ацтекской империях. Для того чтобы говорить об империи, необходимо наличие нескольких факторов, среди них — господство какой-либо метрополии над обширной территорией (и даже над удаленными районами), занятой государствами, потерявшими свою независимость полностью или частично, особенно в политическом, военном и экономическом отношениях. Империя подразумевает существование достаточно сильного и организованного войска для завоевания новых земель и для контроля над уже завоеванными. Господство над народами, этнически и лингвистически отличными от народа метрополии, — еще одна черта империи. Торговля с удаленными землями, приобретение «экзотических» продуктов и навязывание религии и стилей искусства имперского центра — это дополнительные особенности, характеризующие империю.

Несмотря на то что эти признаки неприменимы к государству майя, еще задолго до того, как стали говорить об ольмекской, теотиуаканской, тольтекской и ацтекской империях, выдвигались предположения о существовании даже не одной, а двух майяских империй, различавшихся своим географическим положением, временем существования и культурой. «Древняя империя» располагалась в нынешнем департаменте Петен, в Гватемале и в долинах рек Усумасинты и Мотагуа. «Новая империя» находилась на полуострове Юкатан и появилась в результате слияния майяской и тольтекской культур. Перенесение на район майя представлений о Древнем и Новом царствах Египта — это фикция Морли, которой ее автор придерживался до конца своей жизни, несмотря на появление все более многочисленных археологических свидетельств, отрицающих ее. Эта версия все еще сохраняется не только в многочисленных популярных работах, но и — подспудно — даже в умах и писаниях некоторых современных исследователей. Тем не менее ясно, что империи майя никогда не существовало.

АВТОНОМНЫЕ ГОСУДАРСТВА

Из исторических источников мы знаем, что в момент испанского завоевания область майя была занята несколькими самостоятельными государствами. Нам известны названия тех из них, которые располагались на полуострове Юкатан и на Гватемальском нагорье, и можно предположить, что в классический период ситуация была более или менее сходной. Если рассматривать область майя целиком, то можно заметить, что в одну и ту же эпоху центры с одинаковым техническим и культурным уровнем, имевшие общие математические, астрономические и календарные знания, иероглифическую письменность, верования и обряды, проявляли свой творческий дух в искусстве столь различно, что невозможно приписать храм из Тикаля строителям Паленке, и наоборот, или перепутать стелу из Копана со стелой из Пьедрас-Неграс или Йашчилана. По всей вероятности, это стилистическое разнообразие, свойственное отдельным районам центральной зоны, отражало территориальное разделение на провинции или автономные государства.

Данные, имеющиеся у нас о политической организации на Юкатане, относятся, естественно, к моменту прихода конкистадоров, то есть к периоду, который мы называем по-

---

⁷² В Мезоамерике в доиспанскую эпоху настоящих империй, по-видимому, не было. С большой натяжкой о начале формирования государства имперского типа можно сказать для ацтеков Центральной Мексики. Подробнее см.: *Гуляев В.И. Типология древних государств Мезоамерики. — Сб.: Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985 (Примеч. ред.).*

стклассическим. Как мы уже говорили, для классического периода у нас нет исторической информации⁷³, и мы можем делать выводы лишь на основе изучения археологических источников. Типы поселений, разнообразие или одинаковость видов жилищ на различных уровнях сельских, полугородских и городских коллективов, различные типы погребений и другие данные археологических раскопок могут в определенной степени помочь в схематической реконструкции политической системы, в которой функционировало классическое общество майя.

Без сомнения, завоеватели (чонтали, тольтеки, пипили, ацтеки) в постклассический период внесли изменения в общественную и культурную жизнь майя, однако не следует забывать, что эти пришлые народы сами были носителями мезоамериканской культуры и имели в основном те же государственные системы, идеи и формы жизни. Пожалуй, можно сказать, что в постклассический период, с расширением масштабов завоеваний и увеличением торговли жизнь общества стала более сложной, чем в классическом периоде, хотя и в пределах структурных моделей, общих для Мезоамерики.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Согласно исторической информации, относящейся к Юкатану, каждое местное государство управлялось *халач-виником*, «настоящим человеком», называвшимся также *ахав* (господин) и принадлежавшим к знати. Его должность была наследственной. После его смерти ему наследовал старший сын, а при отсутствии мужских потомков или если они не достигли соответствующего возраста трон переходил к старшему брату. *Халач-виник* имел обширные полномочия как в гражданской сфере, так и в религиозной и опирался на помощь государственного совета, называвшегося *ах куч каб*, в котором были представлены жрецы и высокопоставленные сановники. В зависимых городах правил *батаб*, назначаемый *халач-виником* и часто находившийся с ним в родстве. *Батаб* исполнял гражданские, судебные и военные функции: собирал дань для своего правителя, вершил суд и был пожизненным военным вождем в данной общности. При нем действовал местный совет, также называвшийся *ах куч каб*, состоящий из вождей фратрий. В его услужении находилось несколько *ах кулело-обов*, в обязанности которых входило управление *паполной* (народным домом), местом, где собирались мужчины для обсуждения своих дел, где готовились к проведению церемонии, ритуальных танцев и песнопений; *ах хольпооб* был мастером пения, руководителем музыкантов и отвечал за музыкальные инструменты; *тупиль*, низший в этой бюрократической иерархии, отвечал за исполнение распоряжений, исходивших от стоящих выше его. Несмотря на то что *батаб* обладал военной властью, в случае войны реальное командование войсками осуществлялось *накомом* — человеком, опытным в военных делах.

Предполагали, что в классический период концентрация власти была большей, чем в постклассический, так как в процессе все более сложного развития общества стало необходимым определенное разделение в управлении гражданскими, религиозными, военными, судебными и торговыми вопросами, хотя, разумеется, оно продолжало существовать в строгих рамках единовластного правления. То, что важные персонажи, представленные на стелах, притолоках и панелях классических памятников майя, держат в руках предметы религиозного значения (скипетр со змеевидной рукояткой, увенчанной маской божества, возможно, бога дождя; ритуальная полоса со знаками, представлявшими небесные тела, заканчивавшаяся с двух сторон головами змей и, как считается, символизировавшая небо; круглый щит с чертами солнечного бога)⁷⁴, указывает, видимо, на то, что правители исполняли также жреческую функцию, то есть их политическая власть проистекала из их духовного сана. На прекрасном скульптурном монументе, стеле 11 из Йашчилана, эта двойственность власти правителя майя

⁷³ Такая информация у нас уже есть. См. упомянутые в предисловии работы Ю.В.Кнорозова и Г.Г.Ершовой по чтению иероглифических текстов на керамике 1-го тысячелетия н.э. (*Примеч. ред.*).

⁷⁴ О назначении упомянутых А.Русом атрибутов власти подробнее см.: Гуляев В.И. Атрибуты царской власти у древних майя. — Советская археология, 1972, №3 (*Примеч. ред.*).

выражена вполне ясно: возвышаясь перед несколькими коленапреклоненными подданными или вассалами, вождь прячет свое лицо за маской солнечного бога. Персонаж, демонстрирующий свою власть в этой сцене, является подлинным богом для индивидов, стоящих ниже его.

ЖРЕЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Довольно высокий статус жреца в структуре власти, даже в дни, предшествовавшие конкисте, подтверждает хронист Диего Лопес де Когольудо, когда пишет, что «жрецы считались господами, главами, превосходившими всех, и именно они наказывали и поощряли, и им подчинялись с большим старанием». Поле деятельности жрецов было шире, разумеется, чисто религиозного и охватывало политическую и судебную функции. Кроме того, жречество монополизировало научные знания (астрономия, математика, календарь, письменность, история), поэтому его господство над личностью и коллективом было абсолютным. Информация, оставленная Ландой, относится к Юкатану поздней эпохи, но, по всей вероятности, жреческая организация в других районах зоны майя и в классический период не сильно отличалась от той, что описана хронистом. У майя очень важную роль играл культ Солнца. Общим термином *ахкин* (во множественном числе — *ахкинооб*), что означает «человек Солнца», называли всех жрецов, а когда пришли испанцы, майя стали так называть монахов.

Верховный жрец, по Ланде, назывался *Ахав Кан Май*. Но вполне вероятно, что его информация не совсем точна и скорее связана с каким-то конкретным человеком по фамилии Май. Эта фамилия до сих пор часто встречается у майя. Титул *Ахав Кан* означает «господин змея». Скипетр со змеевидной рукояткой у многочисленных персонажей на монументах классического периода заставляет предположить, что этот титул был весьма распространен на большей части территории майя (Петен, Усумасинта, Мотагуа) в указанный период.

Из хроник мы знаем, что в зависимости от выполняемых функций жрецы занимали те или иные должности. Кроме того, в духовной и гражданской иерархии существовали разные уровни, зависевшие от степени важности того или иного центра. Самой значительной была функция *чилама* — пророка или предсказателя, очень почитаемого народом. Его носили на плечах, когда он присутствовал на общественных церемониях. Знатор и толкователь книг, содержащих записи о важнейших исторических событиях и особо интересных природных явлениях (астрономических, метеорологических и др.), *чилам* мог предсказывать их повторение в соответствии с цикличностью календарных периодов.

Другая важная должность, хотя и не очень уважаемая в народе, называлась *наком*; *наком* отвечал за совершение человеческих жертвоприношений. Предполагается, что *наком* избирался пожизненно, но должность его не передавалась по наследству, как остальные жреческие должности. При обычном жертвоприношении, когда вскрывалась грудь и извлекалось сердце жертвы, *накому* помогали четверо почтенных старцев, выбиравшихся для каждой церемонии. Они должны были держать руки и ноги жертвы, лежавшей на жертвенном камне. Этим старцев называли *чаакообами* (от имени бога дождя *Чаака*). *Чаакообы* помогали также в проведении других церемоний праздников и обрядов, например в церемонии нового огня в месяце *Поп*, с которого начинался гражданский календарь, в пчеловодческих обрядах и т.д.

На самом низком уровне жреческой иерархии находился *ахмен* — «тот, кто знает», более других имевший контакт с народом, так как он принимал участие в обязательных земледельческих обрядах, когда проводился сев и сбор урожая или когда длительные засухи вынуждали просить дождя у бога *Чаака*. *Ахмен*, кроме того, был колдуном и знахарем, то есть обладал способностью «насылать» болезни и причинять вред, но также и избавлять от них. Из различных религиозных должностей до наших дней сохранилась только одна — именно *ахмен*.

СУДЕБНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Хроники, относящиеся к Юкатану, единодушны в том, что майя были миролюбивы и «управлялись с помощью законов и хороших обычаев», с чем мы легко можем согласиться, поскольку известно, что современное юкатанское население уважает законы и обладает глубоким чувством справедливости. Труднее принять утверждение Ланды о том, что «эти люди жили так спокойно, что не было никаких споров». Хронист противоречит сам себе, так как в другом месте говорит о преступлениях, приводя, кроме того, перечень соответствующих наказаний.

Мы уже говорили, что военные вожди и жрецы обладали одновременно и судебной властью. Но из хроник явствует, что у майя были и настоящие судьи и чиновники «для выслушивания тяжб». Когольодо уточняет, что «назначались другие исполнители, которые были вроде альгвасилов⁷⁵ и всегда приходили вместе с судьями». Можно предположить, что существовали различные функции и различные уровни судебной системы. В качестве вознаграждения за исполнение своих обязанностей судебные чиновники получали подарки от тяжущихся сторон.

Четко различались преступления непреднамеренные и преднамеренные. Среди первых указываются случайные убийства, самоубийство мужчины или женщины по вине одного из супругов, случайный поджог домов, ульев и зернохранилищ, что бывало довольно часто, когда лес сжигали перед посевом. Во всех этих случаях суд проявлял достаточно терпимости, и если виновный сам не имел средств для возмещения ущерба, его друзья и родственники могли оказывать ему помощь.

Наоборот, «другие обиды, — уточняет Ланда, — нанесенные со злым умыслом, смывали всегда кровью или кулаками». Некоторые примеры подтверждают, что суд древних майя был строг, непреклонен и его решения не подлежали апелляции. Убийство, любое — преднамеренное или случайное — каралось смертью или уплатой рабом за умершего в зависимости от требований его родственников. Если убийцей был несовершеннолетний, он становился рабом. Воровство, даже незначительное, наказывалось рабством, длительность которого определялась ценностью украденного. Если вор не мог оплатить всю стоимость украденного, он оставался рабом навсегда.

За супружескую неверность также сурово наказывали. Если оскорбленный муж прощал виновного, тот оставался свободным человеком. Если же оскорбление не прощалось, виновного ждала позорная смерть — его поражали стрелами, раздавливали голову тяжелым камнем или «приказывали вытащить кишки через пупок». Неверную жену могли приговорить к смерти, но обычно ограничивались тем, что подвергали ее общественному позору. Изнасилование девственницы или замужней женщины также каралось смертью. Содомия среди шивов считалась тяжелым преступлением, и виновных сжигали на костре; мы не знаем, были ли такие же наказания у других групп майя. Ланда утверждает, что на Юкатане он не нашел такой практики.

Предавший своего господина, а также виновный в преднамеренном пожаре наказывался смертью. Если должник умирал, не оплатив долга, это должны были сделать его жена и дети, иначе они становились рабами до полного возвращения задолженности.

Кажется странным, что в общих рамках классового общества, в котором правящее меньшинство (сановники, жрецы, богатые торговцы, чиновники, военные вожди) пользовалось экономическими, политическими и социальными привилегиями, согласно утверждениям хронистов, суд вершился одинаково строго по отношению как к знати, так и к бедноте. Ланда объясняет, что аристократам, виновным в каком-либо преступлении, татуировали обе щеки от подбородка до лба, чтобы они навсегда сохраняли этот позорный знак. Даже если их проступок или преступление заслуживали смертного приговора, он исполнялся неизменно.

---

⁷⁵ Альгвасил (исп.) — мелкий полицейский чиновник (*Примеч. ред.*).

Если эта информация верна, то можно говорить о глубоком чувстве равенства, присущем майя Юкатана.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В течение длительного времени некоторые ученые, идеализируя древних майя, утверждали, что они были довольно миролюбивым народом, а военные конфликты — это следствие иноземных вторжений, исходивших главным образом из Центральной Мексики в постклассический период. Однако совершенно очевидно, что народы майя и до этого знали войну, оружие, тактику боя, правила нападения и защиты и некоторую форму военной организации, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные памятники классического периода, особенно из района Усумасинты (стелы, притолоки, панели, настенные росписи), изображающие вооруженных вождей и боевые сцены. Конфликты могли случаться между враждующими группами майя из-за земельных границ или из-за эксплуатации природных ресурсов; между майя и соседними, этнически чуждыми общинами — из-за того, что они оказывали давление на майя или из-за попыток экспансии какой-либо группы самих майя. Нельзя отрицать использование войск для сохранения внутреннего порядка, для защиты режима, включая вероятное подавление мятежей и восстаний, как это было предположено Алехандро Липшуцем при описании сюжетов настенных росписей Бонампака.

Когда испанцы вторглись в область майя, они вынуждены были вступать в бои с местными жителями, которые в ряде случаев наносили им серьезные поражения. Согласно информации хронистов, *батаб* помимо своих гражданских и судебных функций был руководителем вооруженных сил в подчиненных ему землях; его должность была пожизненной и наследственной. Однако на время войны избирался настоящий военачальник *наком* (хотя его и называли так же как и человека, осуществлявшего человеческие жертвоприношения это были разные лица), который находился на своем посту три года. Все это время военный вождь был обязан вести аскетический образ жизни, включая половое воздержание и очень строгий режим питания. В его распоряжении были наемные воины *хольканы*, которые получали вознаграждение лишь во время войны. В зависимости от военных потребностей *наком* мог набирать воинов среди местного населения.

Резюмируя данные, имеющиеся у нас, о политической, жреческой, судебной и военной организации, можно утверждать, что у древних майя (как в постклассический период, о котором говорят колониальные источники, так и в классический, согласно археологическим и иконографическим свидетельствам) существовала государственная организация, соединявшая гражданскую, религиозную, судебную и военную власть и функционировавшая через бюрократическую систему, разделенную по горизонтали в соответствии с видами занятий и по вертикали — по иерархическим ступеням. О ее эффективности мы можем судить, учитывая века очевидной социально-политической стабильности классического периода.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВА МАЙЯ

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И СВОЕОБРАЗИЕ

Пытаясь охарактеризовать древнее общество при отсутствии письменных источников о нем или когда эти источники не имеют достаточно полной информации, исследователь может поддаваться соблазну стать на одну из двух противоположных позиций: или включить это общество в целом в универсальную историческую модель, опустив частности, или считать его уникальным и полностью отрицать возможность его включения в общие рамки человеческой истории. По нашему мнению, обе позиции ошибочны и грешат излишним упрощением сложной проблемы.

С одной стороны, бесспорно, что трудно найти два абсолютно одинаковых человеческих общества, поскольку все они являются производными от бесконечного числа причин (этнических, географических, экологических, технических, временных, исторических и идеологических), обусловленных внутренними силами развития и внешними влияниями.

С другой стороны, все человеческие общества должны были разрешать одни и те же фундаментальные проблемы: адаптация к определенным природным условиям, использование животных, растительных и минеральных ресурсов для своего существования и развития; создание технических средств для господства над природой; организация человеческих групп для обеспечения их существования; объяснение сил и явлений природы (солнечные затмения, землетрясения и т.п.); поиски лучшего способа использования для своего блага этих сил и явлений; совершенствование социальных институтов по мере того, как общества прогрессировали в материальном отношении и становились более сложными по своим функциям, и т.д.

Обобщения на чисто технической основе приводят к неприемлемым выводам, как было бы в случае, если бы культуру майя определили как неолитическую в соответствии с так называемой схемой «трех веков», поскольку майя не знали ни бронзы, ни железа и не вышли за пределы техники полированного камня. Бесспорно, что в некоторых аспектах культура майя является составной частью того периода, что мы называем цивилизацией, но, по Л.Г.Моргану, цивилизация должна включать изобретение письменности с фонетическим алфавитом, использование металлов, применение колеса в средствах транспорта и употребление плуга — все это знания, которых не достигли ни майя, ни остальные народы Мезоамерики⁷⁶. Отсюда опасность обобщений на всемирном уровне. Однако сравнение одного общества с другими, более изученными и имеющими сходные черты не только в технологическом отношении, но и в основах экономической и социально-политической жизни и даже в идеологических концепциях может помочь объяснить явления, трудно понимаемые в рамках данного специфического общества.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БАЗИС

Мы считаем, что для реконструкции облика любого общества необходимо исходить из того, *что* ему позволило стать таким, каким оно было: из его экономического базиса и его социальной структуры. Рассматривать лишь технические, научные, религиозные и эстетиче-

---

⁷⁶ Автор не прав, отбрасывая по отдельным формальным признакам всю схему А.Г.Моргана и отрицая ее значимость для изучения древних майя. Ведь в основу развития у североамериканского этнографа положены изменения в производственной сфере, определяющие в свою очередь перемены в культуре и жизни данного общества. К тому же следует помнить, что в 60–70-х годах XIX в. наука почти не располагала сведениями о древней египетской, индийской и других, в том числе и майяской, цивилизациях. Раскопки начали проводиться лишь с конца прошлого века (*Примеч. ред.*).

ские элементы какой-либо культуры без попытки объяснить сущность самого общества, их создавшего, это все равно что описывать одежду какого-то человека, игнорируя его самого.

Относительно общества майя мы можем сказать, что исследователи-майянисты проявили мало интереса к его экономическим проблемам, а что касается социальной и политической организации майя, большинство ученых ограничились повторением того очень немногочисленного, что содержится в исторических источниках. С.Г.Морли не рассматривает в своих трудах ни одного социального аспекта; Э.Томпсон не характеризует должным образом экономическую жизнь и приписывает все успехи, достигнутые древними майя, только их духовным ценностям. Дж.Брейнерд пытается связать интеллектуальные и художественные творения с экономическим развитием, но только для того, чтобы прийти к заключению, что феномен майя является уникальным в мировой истории, поскольку религия достигла здесь большего развития, чем экономика, а интеллектуальный прогресс не был вызван соответствующими условиями, как в Старом Свете.

ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ БАЗИСОМ И НАДСТРОЙКОЙ

Дж.Брейнерд и другие майянисты указывают на явное противоречие между низким техническим и экономическим развитием и впечатляющими культурными достижениями народа майя. Некоторые исследователи (Сандерс, Прайс, Вольф и Палерм), не только майянисты, но и те, кто рассматривал с социологических, экологических и экономических позиций проблему мезоамериканских обществ (и среди них майя), полагают, что это произошло потому, что земледелие майя основывалось не на примитивной подсечно-огневой системе земледелия, неспособной произвести излишки, необходимые для поддержания сложной социальной структуры, а на использовании крупных гидравлических сооружений, о которых к настоящему времени археология располагает изолированными и немногочисленными свидетельствами.

Гусман и Герберт в своей социально-исторической интерпретации доиспанского гватемальского общества обращаются больше не к классической эпохе, а к постклассической и, кроме того, преувеличивают некоторые черты — развитие частной собственности, наличие рабства и господство военной касты. Они также считают «чрезмерным утопическим социализмом» утверждение о том, что у майя имелись «коллективные формы землевладения и землепользования», и определяют их общество как в основном торговое и в высокой степени цивилизованное, несмотря на то что в техническом отношении оно попадало в «верхний неолит» и в некоторых отношениях продолжало оставаться «примитивным из-за пороков родовой организации».

Совершенно очевидно, что нелегко понять, как общество типа майя, выросшее на слабом экономическом базисе, зависевшем от самой примитивной техники, смогло достичь впечатляющего интеллектуального прогресса — в сферах математики, астрономии, календаря, письменности и искусства. Объяснение этого прогресса предполагаемым господством духовных ценностей над материальными соображениями и потребностями, как это делает Томпсон, не убеждает, так как остается необъяснимым, как смогли развиваться эти духовные ценности и почему только незначительное меньшинство обладало и пользовалось ими.

Мы ставим перед собой те же вопросы, отказываясь при этом принять идею о предполагаемой уникальности общества майя среди других древних обществ мира. Мы убеждены, что история народов, их экономическое, социальное и политическое развитие реализуются не случайно, а следуют общим законам исторического развития. Хотя мы признаем, что некоторые субъективные факторы (например, отдельные лица, стоящие у власти) могут в определенный момент придать различное направление событиям, временно ускорив или затормозив их ход, мы подчеркиваем, что никакое историческое лицо не может изменить объективных законов исторического развития общества.

АЗИАТСКИЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА

В современных схемах эволюции докапиталистических обществ мы находим ответ на вопрос относительно противоречия между экономическим базисом и культурной надстройкой общества майя. Этот ответ содержится в комплексе понятий, составляющих теорию «азиатского способа производства», намеченную в нескольких работах К.Маркса. Этот способ производства характеризуется сосуществованием сельских общин и зачаточного государства, объединявшего в своих руках экономическую, политическую и духовную власть. Его называют также деревенско-деспотическим, общинно-деспотическим и с недавнего времени данническим. Попытаемся кратко изложить отличительные черты азиатского способа производства.

Относительно высокая производительность труда у майя при низком уровне развития техники объясняется его хорошей организацией. Труд по большей части коллективный с централизованным руководством. Под контролем находится рабочая сила, используемая не только для земледельческих работ (валка и выжигание лесов, севооборот и пары, гидравлические работы), но и для важных общественных работ (ритуальные центры, дороги, защитные сооружения).

Преобладает общинная собственность на землю, хотя могут существовать ростки частной собственности, появившиеся в результате вероятных дарений земель высшим чиновникам, аристократам и отличившимся воинам. Права индивида на землю осуществляются в форме пользования ею через сельскую общину.

С сельскими общинами сосуществует более высокое, государственное объединение, которое ими управляет и эксплуатирует их, налагая дань натурой или используя труд их членов под предлогом «оплаты услуг».

Присвоение прибавочного продукта, произведенного сельскими общинами, осуществляется посредством многоступенчатого бюрократического аппарата в пользу представителей государства. Производители благ сохраняют лишь самое необходимое для собственного (и своей семьи) существования. Эксплуатация человека осуществляется при неполной частной собственности эксплуатирующего класса на землю.

Огромное большинство населения живет в разбросанных земледельческих деревнях. Города не играют важной экономической роли⁷⁷.

Государственную власть осуществляет меньшинство, состоящее из представителей высшей общины, включающей несколько соподчиненных групп в зависимости от их функций (гражданские, религиозные, административные, военные), географического положения (региональные, локальные группы) и уровней важности; все они действуют между собой согласованно. Таким образом, привилегированное меньшинство эксплуатирует всю совокупность общин; это так называемое всеобщее рабство, противоположное индивидуальному рабству рабовладельческого способа производства.

Азиатский, или даннический, способ производства представляет собой переходную форму от доклассового общества к классовому. Сначала государственная власть выступала только как средство реализации общественно полезных функций (экономических, политических, религиозных), но постепенно она превращалась в эксплуататорскую власть, не теряя при этом своего функционального характера.

Носитель верховной власти обеспечивает функционирование социального организма посредством традиционных институтов на всех ступенях. Вокруг него вращается весь многослойный и разветвленный бюрократический аппарат, а сам он предстает перед народом как

---

⁷⁷ Автор не совсем прав, полностью отрицая экономическую роль города у древних майя. В действительности майяские города — столицы небольших государств были местом концентрации и перераспределения прибавочного продукта; здесь сосредоточивались также различные виды ремесла, обслуживавшего потребности правящей элиты; и, наконец, города были центрами торговли — в большей степени внешней (дальней) и в меньшей степени внутренней. — См.: *Гуляев В.И.* Города-государства майя. М., 1979, с. 44–73 (*Примеч. ред.*).

высшее существо, наделенное властью от бога и олицетворяющее единство сельских общин⁷⁸.

Для поддержания у людей веры в единство и постоянство их общины, которая, как считалось, имеет божественное происхождение, периодически совершаются обряды, проводятся празднества, строятся монументальные сооружения для восславления богов и их представителей на земле, то есть правящей элиты. Однако лишь самые высокие слои общества имеют доступ в храмы, где проводятся священные церемонии. Неизменность порядка, царящего в космосе и на земле, подтверждает незыблемость построенного общества, в котором человек лишен какой-либо значимости.

В целом азиатский способ производства соответствует эпохе металлов: господство человека над природой, изобретение новых форм возделывания земли, развитие архитектуры, использование счета и письменности, торговля и употребление денег, применение права и т.д.

СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА У МАЙЯ

Итак, по нашему мнению, у древних майя существовал так называемый азиатский способ производства. Мы упоминали уже о низком технологическом уровне общества майя. Они не знали металлов, колеса, плуга, упряжных или вьючных животных, и их единственными орудиями, используемыми в земледелии, были каменный топор для вырубki леса и палка-копалка для посева. Однако, как мы уже говорили, производительность земледелия при этом должна была быть достаточно высокой, чтобы обеспечить пропитание не только класса производителей, но и групп населения, непосредственно не производящих сельскохозяйственной продукции.

Мы знаем, что многие земледельческие работы осуществлялись коллективно и жречество, владея календарем и зная примерную дату начала сезона дождей, управляло сроками посева, а значит, и сроками других работ общественного характера.

В классический период преобладала общинная собственность на землю, а не частная⁷⁹. В частном владении находились обычно участки, занятые такими ценными сельскохозяйственными культурами, как какао, хенекен или в некоторых случаях плодовые. Крестьянин пользовался землей, принадлежавшей общине. В постклассический период в результате прихода чужеземных завоевателей частная собственность на землю расширилась, но и тогда большая часть земель все еще оставалась в руках общин.

Хронисты ясно говорят об уплате дани не только натуральными продуктами, но и услугами в виде обязательного участия тысяч людей на работах в церемониальных центрах. Ясно, что, несмотря на то что правящий класс не имел полной собственности на землю или имел ее частично, ему удавалось присваивать излишки производимой продукции. Это присвоение благ осуществлялось через специализированную и многоступенчатую бюрократию, о чем также сообщают хроники.

Земледельческое население, составлявшее большинство в обществе майя, жило в разбросанных деревеньках, селениях и городках, окружавших церемониальные и административные центры. В последние годы представление о ритуальном центре изменилось, в значительной мере после раскопок в Тикале и Цибилчальтуне. Ныне многими исследователями признается, что процесс развития городов у майя происходил главным образом на протяжении позднего классического периода, когда к церемониальному центру присоединялись не только жилища правителей и их слуг, но и, вероятно, жилища торговцев, чиновников раз-

---

⁷⁸ Подробный критический разбор аргументации сторонников «азиатского способа производства» (как советских, так и зарубежных) можно найти в книге В.Н.Никифорова «Восток и всемирная история» (М., 1977) (*Примеч. ред.*).

⁷⁹ Вопрос о характере землевладения у майя в классическом периоде нам совершенно не известен из-за отсутствия каких-либо надежных источников. Определенную перспективу открывает здесь чтение иероглифических надписей I-го тысячелетия и. э., начатое недавно Ю.В.Кнорозовым (*Примеч. ред.*).

личных рангов и профессиональных ремесленников, образуя комплекс, похожий на тот, что описал Ланда (видимо, Майяпан).

Правящий класс с *халач-винником*, *батабами* в селениях, их советниками *ах-пополообами*, *тупилообами* и другими гражданскими и религиозными чиновниками, с судебной системой, армией и администрацией образует настоящую государственную организацию, централизованную и многоступенчатую, где функции ее членов, занимающихся специфическими делами, разделены и охватывают все социальные потребности и все уровни.

С позднего доклассического периода, то есть за несколько веков до и несколько веков после начала нашей эры, на монументах майя изображаются персонажи, являющиеся не божествами в образе людей, а, вероятно, жрецами-правителями. Эти изображения уже отражают существование политически влиятельных личностей, располагающих материальными и людскими ресурсами для самовосславления.

В рамках этого строя верховный жрец был в то же время верховным правителем с абсолютной властью⁸⁰, хотя и имевшим советников.

Большое число божеств, частое проведение церемоний и религиозных праздников, наличие многочисленных ритуальных центров говорят о том, что религия служила одновременно и цементирующей силой общества майя, и орудием господства в руках высшего класса. Индеец майя, как индивид и как член общины, от рождения до самой смерти находился в плену у мира, воспринимаемого только через религию. Отсюда его полная покорность религии и безоговорочное подчинение жрецам.

Согласно представлениям майя, все в космосе и на земле мудро управлялось божествами: движение небесных светил; повторение времен года, где следовали один за другим сезоны засухи и дождя; фазы жизни растений, животных и людей; последовательность земледельческих работ; смена поколений; восшествие и смерть правителей. Все функционировало благодаря богам, и все должно будет функционировать в будущем, если люди будут почитать богов и служить им. Человек сам по себе не представлял никакой ценности.

Чтобы завершить сравнительную характеристику азиатского способа производства и способа производства у майя, напомним, что наибольшее различие заключалось в отсутствии у майя колеса, плуга и металлов, которые появились лишь в постклассическом периоде и использовались почти исключительно для изготовления украшений. Тем не менее майя смогли своей высокой организованностью и усилиями всего народа преодолеть недостатки имеющейся у них техники. Математические, астрономические и календарные знания майя, письменность, разнообразие и степень развития искусства ставят их цивилизацию на уровень самых высоких культур древнего мира.

Итак, мы считаем, что предполагаемое противоречие между низким техническим уровнем развития общества майя и их высокими научными и культурными достижениями является в конечном счете следствием способа производства, при котором большие массы трудящихся, не имея передовой техники, своими усилиями и жертвами были способны производить блага, необходимые для того, чтобы аристократическое меньшинство, управлявшее ими и эксплуатировавшее их, получило возможность создавать художественные ценности, которые теперь так нас удивляют.

Яркость цивилизации майя — не чудо и не дар богов. Ее оплатил народ майя своей нищетой, голодом, своей многовековой агонией.

---

⁸⁰ Большинство советских исследователей отрицает наличие теократической формы государственности у майя классического периода. — См.: *Кинжалов Р.В.* Культура древних майя. Л., 1971; *Кнорозов Ю.В.* Иероглифические рукописи майя. Л., 1975, комментарии; *Гуляев В.И.* Проблема становления царской власти у древних майя. — Сб.: Становление классов и государства. М., 1976. Кроме того, есть прямое свидетельство Диего де Ланды о четком функциональном разделении власти халач-винника и верховного жреца (*Примеч. ред.*).

НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ МАЙЯ

Разрабатывая эту тему, большинство авторов ограничивается изложением успехов майя в астрономии, математике, календаре и письменности, не заботясь об объяснении условий, которые позволили майя достичь таких успехов, и не разясняя, как создаваемые блага распределялись внутри общества. Кроме того, многие майянисты сильно идеализируют культуру майя, заметно преувеличивая уровень их научных знаний и забывая при этом об успехах, достигнутых другими народами древности как в Америке, так и в Старом Свете.

Вспомним, например, что Морли квалифицирует цивилизацию майя как «самую блестящую на планете» и утверждает, что какой-то гениальный ум изобрел однажды в Петене сложный календарь, основываясь (это действительно так) на многовековых астрономических наблюдениях. Город Копан тоже упоминается как место, где был изобретен календарь. В этих категорических утверждениях упускается из виду наличие в Мезоамерике стел, датированных на несколько веков ранее, чем майяские. Их мы относим к ольмекской и сапотекской культурам.

Мы не хотим преуменьшать заслуг древних майя, которые, без сомнения, еще раз открыли астрономические и математические законы, изобрели иероглифическую письменность, разработали сложный календарь, совершенствуя математические и астрономические знания других народов Мезоамерики. Тем не менее нельзя ставить их в научном отношении на более высокий уровень, чем халдеев, китайцев, египтян и греков, которые достигли знаний, сходных и даже более высоких, за много столетий и даже тысячелетий до появления цивилизации майя.

ПОТРЕБНОСТЬ В НАУЧНЫХ ЗНАНИЯХ

Основные научные знания майя в астрономии, математике, письменности и календаре тесно связаны между собой, как они были связаны и у других развитых народов древности. Вероятно, еще в очень отдаленные времена люди, наблюдая дневное и ночное небо, обращали внимание на движение Солнца, фазы Луны и положение некоторых звезд. Такие наблюдения могли быть очень полезны для кочевых народов и мореплавателей в открытом море.

Но бесспорно, именно земледельческие народы систематизировали наблюдения, повторяли их, записывали и учитывали во многих сферах своей материальной и духовной жизни, хотя и не знали причин, вызывающих эти явления. Халдеи с первой половины 3-го тысячелетия до н.э. регистрировали астрономические наблюдения (включая солнечные затмения), на основе которых они вычисляли свою астрологию. У египтян иероглиф года изображался в виде молодого прорастающего побега пшеницы, так как год исчислялся не длительностью солнечного цикла, а временем, необходимым для созревания пшеницы.

Астрономические наблюдения, зарегистрированные письменами и связанные в своей последовательности и периодичности математикой, позволяли предвидеть положение некоторых светил в определенные даты. У египтян урожай зависел от разлива Нила, и они заметили, что воды реки начинали подниматься тогда, когда Сириус после длительного исчезновения показывался опять на короткое время на востоке как раз перед восходом Солнца. Длительное наблюдение за совпадением этих явлений привело египтян к мысли о связи между ними, и день появления звезды был выбран днем начала Нового года.

Исходя из потребностей земледелия и настоящей необходимости точно знать самое выгодное для посевов время, земледельческие народы обратили внимание на последовательность времен года и связали их с движением небесных тел, которое можно было проследить и отметить. Астрономия была для них первым шагом в научном познании мира, а необходимость накапливать знания, измерять периодичность годовых изменений и совпадающий с ними ритм движения небесных светил привела их в область математики. Затем уже они создали календарь, вероятно, сначала лунный (поскольку фазы Луны легко наблюдать), а за-

тем солнечный. Изучение и регистрация небесных явлений и связь их с календарем подразумевали употребление символов, то есть письменности.

Этот этап развития научного познания, соответствующий эпохе, в которую начинается организованное земледелие — основа оседлого и стабильного общества, Бертелло назвал астробиологией. Она представляет собой систему идей, заключающуюся в том, что движение светил и рост растений подчиняются общим законам. Иначе говоря, законы земной природы и законы вселенной, космоса взаимосвязаны. Как говорит Бертелло, «в астробиологии есть взаимопроникновение идеи астрономического закона и идеи растительной или животной жизни. С одной стороны, все есть живое, даже небо и звезды, и, с другой стороны, все подчинено числовым, периодическим законам, которые, одновременно являясь законами необходимости, гармонии и стабильности, управляют периодическим движением небесного свода, регулярной сменяемостью времен года, ежегодным воспроизводством растений». Согласно тому же автору, эта концепция родилась в Халдее, затем перешла на восток в Китай и на запад в Грецию, внося свой вклад в рождение математической науки пифагорейской школы и медицинской науки гиппократовской школы. Астрология была известна и древним цивилизованным народам Америки, то есть мезоамериканским и андским.

АСТРОНОМИЯ

Средства, используемые древними майя для проведения астрономических наблюдений, были в высшей степени примитивными; их невозможно сравнить даже с теми, что применялись в Месопотамии, Египте, Китае и Греции за много веков до нашей эры. В самом деле, мудрецы Старого Света пользовались гномоном (солнечными часами) и клепсидрой; первый служил для определения на горизонтальном плане солнечного азимута, то есть высоты Солнца в соответствии с направлением и длиной тени, отброшенной на плоскость вертикальным стилетом; второй аппарат представлял собой настоящие водяные часы, которые позволяли с большой точностью определять время дня и ночи.

Возможно, майя могли определять проход Солнца через зенит, следуя тому же принципу, на котором основан гномон, — посредством палки, поставленной вертикально, которая не отбрасывает никакой тени, когда Солнце проходит над ней. Они, видимо, также пользовались двумя перекрещенными палочками или нитками для того, чтобы проводить визуальные линии в направлении интересующих их астрономических точек (восход или заход Солнца, Луны и Венеры в различные периоды года). Эта процедура представлена в миштекских кодексах — лицо или глаз позади скрещенных палочек в интерьере схематизированного храма.

Несколько зданий, построенных в зоне майя, были предназначены для астрономических наблюдений. Среди них — так называемый Караколь⁸¹ из Чичен-Ицы и такая же постройка из Майяпана, еще не исследованная. Здание в Чичен-Ице имеет в верхней части помещение для наблюдений, куда ведет узкая винтовая лестница, начинающаяся на вымостке свода внутренней концентрической галереи, что обеспечивало астроному уединенность, необходимую для его работы. Наличие маленьких окон, открывающихся на четыре стороны света и на промежуточные направления, также указывает на то, что это была обсерватория. Это подтверждается и многочисленными астрономическими наблюдениями, проведенными специалистами в наши дни.

Возможно, что для тех же целей использовалась башня «Дворца» в Паленке. Внутренняя лестница башни «Дворца» в Паленке, ведущая на последний этаж, начинается не с уровня основания башни, а с высоты второго этажа. Значит, как и в Чичен-Ице, астроному, чтобы подняться в наблюдательное помещение, нужна была переносная лестница, которую можно было бы ставить и убирать по желанию. С верхнего этажа этой башни можно обозревать горизонт приблизительно на 180°.

В Вашактуне комплекс построек группы «Е» также считается предназначенным для астрономических наблюдений. Он состоит из пирамиды E-VII и удлиненной платформы, на

---

⁸¹ Caracol — по-испански «улитка».

которой покоятся основания трех храмов. Визирные линии, направленные от точки на оси лестницы к центру центрального храма (Е-II), на северо-западный угол храма, расположенного севернее (Е-I), и на юго-западный угол южного храма (Е-III), указывают соответственно истинный восток, то есть точку восхода Солнца в дни весеннего и осеннего равноденствия, восход Солнца в день летнего солнцестояния и восход Солнца в день зимнего солнцестояния. От 12 до 18 подобных обсерваторий было найдено в различных городах области майя.

В Копане стелы 10 и 12 стоят одна против другой на расстоянии более 6 км; первая — к западу от церемониального центра, вторая — к востоку, и обе на возвышенностях, окружающих долину. Было замечено, что если 12 апреля и 7 сентября наблюдать за Солнцем от стелы 12, то оно заходит точно за стелой 10. Первая дата совпадает с началом выжигания участков леса перед посадками — одной из самых важных работ в земледелии. Это дает основание предположить, что расположение стел не случайно. Использование естественных неровностей рельефа, как точек отсчета движения определенных светил (Солнца, Луны и Венеры) вдоль линии горизонта, должно было служить частным проявлением астробиологической системы, распространенной у майя.

При помощи этих простых способов жрецы майя определяли с удивительной точностью циклы Луны, Солнца и Венеры и сопряжения небесных тел, которые их наиболее интересовали. Достигнутые результаты могут быть объяснены только проведением повторяющихся день и ночь наблюдений, сделанных несколькими поколениями астрономов, тщательно записанных и исправленных, когда распознавались ошибки, то есть технические недостатки преодолевались неустанной, постоянной и чрезвычайно тщательной работой, осуществлявшейся с самоотдачей и строгостью, которые могут быть определены как научные.

Среди астрономических знаний, приобретенных майя, упомянем определение солнечного года, который, согласно календарным исправлениям, зарегистрированным на некоторых надписях, должен соответствовать 365,2420 суток, в то время как наш григорианский календарь состоит из 365,2425 суток, а в действительности он равняется 365,2422 суток. Эти подсчеты показывают, что оценка солнечного года, достигнутая астрономами майя, имела расхождение лишь 0,0002 суток в год вместо 0,0003 суток нашего календаря, то есть их приближение было более точным и сводилось к ошибке в одни сутки на каждые 10 тыс. лет.

Их оценка лунного месяца, рассчитываемого по различимым новолуниям, должна была состоять (согласно таблицам Дрезденского кодекса) из 29,53086 суток. По современным подсчетам, лунный месяц в среднем соответствует 29,53059 суток. При точном определении средней величины разница не накапливается и по истечении тысячи лет. Поэтому оценка астрономами майя лунного цикла может считаться правильной.

По страницам 24-й и 46-й Дрезденского кодекса известно, что майя имели представления о периоде движения Венеры, очень сходные с нашими. Они определяли его в 584 суток, хотя на самом деле периоды обращения этой планеты меняются (580, 581, 583 и 587 суток); средняя продолжительность периода — 583,92 суток.

В действительности майя знали, что период полного оборота Венеры не был равен точно 584 суткам, и по уточнениям, отмеченным в названном кодексе, видно, что они его считали немного меньшим 583,935 суток вместо 583,920 суток. Дж.Типл считает, что они старались, чтобы фазы их деления приближались к 8,3 и 8,5 лунных месяца плюс еще 8 дней и чтобы произошло совпадение начала года Венеры с началом солнечного года, состоящего из 365 суток, рассчитывая, что 5 циклов Венеры = 8 солнечным годам = 2920 суткам. Поэтому можно утверждать, что определение цикла Венеры астрономами майя было очень точным.

Вполне вероятно, что майя знали другие планеты и отмечали их синодические обороты. Э.Фёрстеманн, Р.Уилсон и некоторые другие астрономы пытались интерпретировать отдельные таблицы из Дрезденского кодекса как расчеты, связанные с Марсом, Юпитером и Сатурном. Однако их выводы не совпадают между собой, и поэтому мы отвергаем их точку зрения. Тому же Дж.Типлу, который с большим усердием изучил астрономические записи в кодексах и надписях на монументах, удалось доказать наличие таких расчетов.

Из некоторых сообщений в исторических источниках видно, что майя интересовались многими звездами и созвездиями. Среди них Полярная звезда, называемая *Шаман Эк* — «Великая звезда», которая у майя, как и у народов Старого Света, была путеводной звездой путешественников и странствующих торговцев. Плеяды, которые они называли *Цаб* — «Бубенчики», так как в их контурах находили определенное сходство с погремушками хвоста гремучей змеи; Близнецы назывались ими *Ак* — «Черепаша», возможно, также из-за сходства их очертаний. Высказывалось мнение, что, возможно, майя имели некоторое представление о зодиаке и прибегали к нему в астрологической практике; некоторые представления о нем, возможно, отражены на страницах 23-й и 24-й Парижского кодекса в виде нескольких фигур животных, свисающих с неба.

Изучение таблицы, расположенной на страницах 51–58-й Дрезденского кодекса, проведенное учеными-астрономами, показало, что речь идет о записи 405 последовательных лунных месяцев, расположенных в 69 группах из 5–6 лунных месяцев каждая и охватывающих период в 33 года. По мнению некоторых ученых, порядок этих групп предполагает намерение составить таблицу эклиптических периодов. Типл считает, что эта таблица является не просто записью затмений, случившихся ко времени выработки кодекса, а представляет собой предсказание возможных затмений. При сравнении таблицы майя со списком затмений Оппольцера видно, что разница в датах затмений никогда не превышает одних суток, кроме единственного случая, когда, вероятно, Оппольцер не отметил затмение, которое, видимо, не было полным ни в одной части земного шара.

Из 69 затмений, объявленных в кодексе, лишь 18 могли наблюдаться с территории майя, но факт составления таблицы предсказаний, видимо, указывает на то, что астрономы майя заметили, что траектории Солнца и Луны пересекались в небе два раза в год, и, возможно, интуитивно полагали, что временное затемнение светила в определенные даты было связано с этим пересечением («узлом», как говорят современные астрономы).

Солнечные затмения, особенно полные, вызывали у майя суеверный ужас. Умея предсказывать наступление затмения и делая вид, что они могут его контролировать, жрецы тем самым использовали свои знания для того, чтобы держать простой народ в страхе и повиновении.

Подводя итоги, мы можем повторить слова Дж. Типла о достижениях древних майя на поприще астрономии, в которых просвечивает его легкая ирония по отношению как к майя, так и к обитателям Старого Света: «Этот аппарат астрономических сведений, пожалуй, слишком необычен для того, чтобы им обладали 1000 или 1500 лет назад какие-то дикие индейцы, целиком изолированные от цивилизаций Старого Света; по правде говоря, возможно, это было что-то более передовое, чем то, что имели в это время наши благородные предки».

МАТЕМАТИКА

Насущные потребности повседневной жизни заставляли людей даже на самых ранних стадиях развития человеческого общества обращаться к счету, то есть к азам математики. За несколько тысяч лет до нашей эры в Индии, Китае, Месопотамии и Египте применялись различные типы вычислений, при помощи которых проводились простейшие арифметические действия. А греки еще за 600 лет до н.э. рационализировали математические знания, воспринятые из Азии и Египта, и ввели дедуктивный метод, в силу чего математическая наука достигла высокого развития. Представителями этого метода были Фалес, Пифагор, Гиппократ Хиосский, Эвклид и Архимед. Позднее (300–1200 гг. н.э.) индийцы и арабы усовершенствовали математику и изобрели «ноль», перешедший от первых к последним, которые в свою очередь передали его западной цивилизации и создали труды по алгебре и тригонометрии.

Сравнивая майя с другими американскими народами, Морли назвал их «греками Америки». Нужно сказать, что Морли явно преувеличивал культурные и научные достижения майя, приписывая им изобретения, сделанные раньше другими народами. Это относится и к математике.

Каковы же в действительности были их математические знания? Числовая система двадцатиричной основы, искусная в своей простоте, в которой величина знаков зависела от их позиции, с одним специальным знаком, соответствующим нашему «нолю» для указания на нехватку единиц в том или другом порядке. Но мы не должны забывать, что за несколько веков до майя народы с побережья Мексиканского залива — ольмеки и жители горной Оахаки (Монте-Альбан) — сапотеки применяли в надписях ту же систему при регистрации дат. Различие между ними заключается в том, что в надписях майя опознается знак «ноль», в то время как в надписях ольмеков и сапотеков такой знак неизвестен, хотя числовая система с позиционной величиной числительных подразумевает необходимость символа, который указывал бы на отсутствие единиц в определенной позиции.

Для написания чисел майя использовали несколько систем. Самой простой была та, которую они унаследовали именно от ольмеков и сапотеков: нумерация черточками и точками (со значением 5 и 1 соответственно), к которой они добавили «ноль», обозначенный маленькой морской раковиной на рисованных рукописях и подобием четырехлепесткового цветка или мальтийского креста на каменных монументах. Этими тремя знаками они могли отмечать величины, достигавшие миллионов единиц, легче, чем с применением римской нумерации с ее семью буквами. Посредством точек и полос они также осуществляли такие действия, как сложение, вычитание, умножение. Относительно легко эта система применялась и для деления.

В другой системе записи чисел использовалось изображение человеческих голов с некоторыми деталями, по которым их различали. Символом цифры «10» служило изображение черепа. Варианты изображения голов соответствовали определенным божествам — покровителям ноля и первых 12 чисел. Однако эта система использовалась реже, чем система точек и черточек.

В чрезвычайных случаях майя изображали числа посредством человеческих фигур, у которых на какой-либо части тела был нанесен символ, обозначающий цифру.

Поскольку основа счисления двадцатиричная, то, когда число переходило с одной позиции на следующие, его величина умножалась на 20. Однако в календарном счете третья позиция по отношению ко второй означает увеличение в 18 раз с целью приближения единицы к длительности года в 365 дней ($1 \times 20 \times 18 = 360$ дней).

В надписях порядок чтения величин — слева направо и сверху вниз, при этом большие величины находятся в начале надписей, а следующие за ними имеют меньшее значение. Часто встречается расположение в двойной колонке, в этом случае горизонтальное чтение охватывает лишь знаки двух столбцов и затем переходит на знаки ближайшего нижнего ряда и т.д.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Мы полагаем, что древние майя разработали самую передовую систему письменности во всей доиспанской Америке. Начальным стимулом для них должно было служить наличие зачаточной письменности на более древних скульптурных монументах в области майя и в соседних землях (побережье Мексиканского залива, Оахака), и даже вполне вероятно, что некоторые иероглифы майя происходят от ольмекских или сапотекских знаков. Но тексты, открытые в Мезоамерике вне области майя, не выходят за простую пиктографическую форму для выражения некоторых фактов и понятий (даты, личные имена, топонимы, завоевания, рождение, брак, смерть, жертвоприношение, семейные предки или потомки, обряды и т.д.). Известно, что пиктография не исключала употребления некоторых знаков с фонетическим значением, как это было в ацтекской «письменности». Вне Мезоамерики была развита другая письменность, которую едва только начали опознавать и изучать в последние годы и которая все еще плохо известна, — это письменность перуанской цивилизации, представленная на бобах фасоли, тканях и чашах.

Знания, имеющиеся сейчас о письменности майя, происходят в конечном счете от двойной информации, оставленной нам хронистом Диего де Ландой. В самом деле, в его ценном «Сообщении» он утверждает, во-первых, что майя обладали книгами, «написанными знаками или буквами», и дополняет свое утверждение изображением 27 знаков, которые он назвал «их алфавитом». Во-вторых, Ланда дал развернутое описание календаря из 365 дней, соответствующего, кажется, 1553 г., в котором он указывает названия и иероглифы 20 повторяющихся дней и 18 двадцатидневных месяцев плюс еще 5 дополнительных дней, что все вместе и составляет целый год.

Что же касается «алфавита», то Филипп Валентини показал, что в действительности то, о чем писал Ланда, было не алфавитом майя, а приближенной знаковой транскрипцией испанского алфавита, в которой информатор пытался представить посредством знаков, в самом деле имевшихся в письменности майя или в пиктограммах, фонетическое значение испанских букв. Поэтому для буквы «а» он нарисовал голову черепахи (*ак*); для «б» — след ноги, обозначающий путь (*бэ*); для «с» — знак месяца *Сек*; для «л», вероятно, лист (*ле*); для «н» — хвост обезьяны (*не*) и т.д. Очевидно, что если бы 27 знаков Ланды действительно составляли алфавит майя, то в надписях и кодексах не было бы никаких других знаков, кроме этих. На самом же деле некоторые из этих предполагаемых букв никогда не встречаются в иероглифических текстах майя, с другой стороны, известно несколько сот знаков, которые совершенно не содержат элементов, указанных хронистом⁸².

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Информация Ланды породила то, что мы можем назвать «фонетической школой», которая берет свое начало со времени опубликования «Сообщения о делах в Юкатане» и продолжает существовать до наших дней. Мы назовем лишь некоторых лиц, следовавших этому направлению исследований. Первым был аббат Брассер де Бурбур, открывший рукопись Ланды и поспешивший воспользоваться названным «алфавитом» для интерпретации Мадридского кодекса, также им открытого. Он считал, что в этом документе рассказывалось об исчезновении Атлантиды (очень модная тема во второй половине прошлого века), но когда несколькими годами позже посредством изучения календаря, сопровождавшего текст, удалось установить порядок чтения кодекса, стало ясно, что аббат «прочитал» его наоборот.

Некоторые исследователи, главным образом французы, заинтересовались эпиграфическим изучением и попытались расшифровать иероглифические тексты кодексов и некоторых надписей на монументах (особенно в Паленке), собранные разными путешественниками XIX в. (Г.Дюпэ, Ф.Вальдек, Д.Шарнэ и др.). В своих исследованиях они пытались использовать «алфавит» Ланды и приписать иероглифам фонетическое значение. Некоторые интуитивно чувствовали, что в кодексах тексты должны быть связаны с иллюстрациями, и попытались, иногда успешно, опознать иероглифы, соответствующие определенным конкретным изображениям — таким, как некоторые животные (индюк, гуакамайя и др.), или таким определенным понятиям, как страны света и связанные с ними цвета. Среди главных представителей этой школы упомянем Л. де Рони, Г.Шаранси, Ф.-А. де Ларошфуко, Х.Крессона и С.Томаса (два последних — из США). До настоящего времени некоторые из толкований, полученных в тот период (вторая половина прошлого века), сохранили свое значение.

Часть этих работ появилась после публикации Валентини, уточнившего неалфавитный характер знаков, представленных Ландой. В течение XX в. «фонетическая школа» продолжала проявлять активность, за исключением сорокалетнего периода (1893–1933) «спячки». В некоторых случаях удалось установить, что не все знаки Ланды были на самом деле буквами, но что они могли быть ассоциированы с фонемами языка майя. Бенджамин Уорф, исходя из этой посылки, сделал попытку идентифицировать глагольные иероглифы, которые могли бы соответствовать действиям, изображенным на сценах, сопровождающих тексты, и получил ограниченные результаты, которые не нашли признания.

---

⁸² Подробнее об истории изучения письменности майя см.: *Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М. — Л., 1963, с. 34–47 (Примеч. ред.)*.

В других случаях некоторым иероглифам было совершенно произвольно приписано фонетическое значение, и авторы этих предполагаемых «ключей» для расшифровки письменности майя самым дерзким образом, ничем не сдерживая своего воображения, «прочитали» кодексы, получив «результат», который и следовало ожидать. Именно так Вернер Вольф использовал иероглифы 20 дней ритуального календаря, решив, что язык майя обладал лишь 20 фонемами и что они представляли первую букву названия каждого дня. Он отобрал на свой вкус названия этих дней в разных майяских языках. В тексте, «прочтенном» Вольфом, несколько раз появляется слово «ацтек», которое едва ли могли знать майя — авторы кодексов XI или XII в. н.э.⁸³

Позднее Эктор Кальдерон, основываясь на «алфавите» Ланды и учитывая статистику встречаемости испанских фонем в названиях иероглифов дней и месяцев календаря майя, обнаружил в этих знаках «намерение... придать им пиктографическое изображение, более или менее соответствующее форме рта в момент их произношения». Например, звук «а» будет представлен открытым ртом, как, по мнению Кальдерона, он изображен и в «буквах» Ланды; с огромной натяжкой он «опознает» в известных иероглифах названия с фонемой «а» (Акбаль, Кан, Маник, Ламат, Кабан, Эцнаб, Кавак, Ахав и др.). Поскольку иероглифы дней и месяцев наверняка являются идеограммами и не состоят из фонетических элементов (сложное название месяца Йашкин — исключение), автору приходится избытком фантазии компенсировать отсутствие научной серьезности в своей гипотезе.

Другой «открыватель» несуществующего ключа письменности майя — Вольфганг Кордан считает, что сотня «слов-ключей» позволяет расшифровать тысячи иероглифов. Он, разумеется, смог «распознать» значение этих «слов-ключей», используя словари почти всех майяских языков и манипулируя по своей прихоти большим числом значений, даваемых словарями для каждого слова, и выйдя даже за пределы майяистики. В. Кордан считал, что письменность майя «в высшей степени фонетическая», а содержание кодексов тесно связано с концепциями эпоса «Пополь-Вух». На основании этого он «доказывал», что кодексы могут читаться «почти единственно с помощью какчикель-испанского словаря»... Следует напомнить, что в районе расселения какчикелей не найдено ни одной иероглифической надписи.

По скользкому пути дешифровки «ключа письменности майя», основанной на фантазии, пошел и Антуан Леон Вольмер, который утверждает, что, показав чрезвычайную многозначность иероглифов майя и детально обосновав их фонетическую природу, он «прибавляет теперь последний ключ, позволяющий сказать с обычными в таких случаях оговорками, что письменность майя практически дешифрована». Его работа полностью лишена какой-либо научной ценности.

СОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Среди работ по дешифровке письменности майя особого внимания заслуживают труды советских исследователей. Если до этого мы говорили о попытках, осуществленных с благими намерениями самоучками или просто шарлатанами, то здесь речь пойдет о настоящих ученых, хотя и не обязательно лингвистах или эпиграфистах.

Много надежд пробудило в научном мире известие о том, что советский этнолог Юрий Кнорозов смог найти «ключ к письменности майя». Этот автор указывал, что письменность майя содержала идеографические, детерминативные и главным образом фонетические иероглифы. Идеографические иероглифы соответствуют словам, детерминативные — понятиям и фонетические — звукам. Кроме того, Кнорозов считает, что знаки Ланды действительно имеют фонетическую значимость, которую тот им приписывал, хотя это ни в коей степени не означает, что данные знаки не могут иметь никакого другого смысла или что письменность майя была целиком фонетической. На этой основе автор представил свою интерпретацию слов из кодексов, а позже и целых фраз, стараясь, чтобы смысл читаемых слов был подтвержден сопровождающими текст иллюстрациями.

---

⁸³ А. Рус имеет здесь в виду тот факт, что ацтеки впервые появились в долине Мехико лишь в XIII в. (Примеч. ред.).

С большим оптимизмом он утверждал, что в будущем эта работа не будет сводиться только к дешифровке и что благодаря открытию им ключа к письменности майя история народов Центральной Америки может изучаться по их письменным источникам. Но к сожалению, прошло уже более 20 лет, а его система достигла не слишком многого⁸⁴.

Работа Кнорозова подверглась сильной критике в основном со стороны Э.Томпсона, который нашел в его чтении повторы дешифровок отдельных слов, представленных в конце прошлого века сторонниками «фонетической школы» (Сайрус Томас и французы). Э.Томпсон осуждал его более всего за чрезмерный упор на фонетическое значение майяских иероглифов, так как это значение Ю.Кнорозов приписывал не только гласным знакам, но и согласным; ему ставили также в упрек различный порядок прочтения элементов в сложных иероглифах и изобретение предполагаемых значений слов майя, которые, если и не были целиком неправильными, едва ли сохраняли связь с реальным их значением. Кнорозова критиковали также за недостаточность использованных лингвистических источников.

Однако Дэвид Келли (США) во многом поддерживает и общий метод советского исследователя, и некоторые его интерпретации, но упрекает Кнорозова за недостаточную эрудицию и, кроме того, за то, что он представил предполагаемое открытие в слишком полемичной форме по отношению к тем, кто внес или пытался внести что-либо в решение этой важной проблемы до него. Чтение некоторых слов, предложенное Кнорозовым, иногда упоминается в эпиграфических работах, но его исследования не продвинули сколько-нибудь заметно дешифровки письменности майя⁸⁵.

В Советском Союзе приблизительно через 10 лет после известия об открытии Кнорозова появилось еще одно сообщение, связанное с той же темой и вызвавшее сильное возбуждение среди майянистов. В самом деле, мировая пресса объявила тогда (1961 г.), что математики из Сибирского отделения Академии наук (Е.В.Евреин, Ю.Г.Косарев и В.А.Устинов), используя электронно-вычислительные машины, дешифровали большую часть трех кодексов майя. Программа была основана на фонетическом подходе, при этом в машину были заложены иероглифы из кодексов, многие слова из майя-испанских словарей и документов, написанных на языке майя буквами испанского алфавита, а также элементы изображений из упомянутых кодексов. Устанавливая совпадения между иероглифами и словами майя, известными по текстам колониальных времен, и компонентами иллюстраций, связанных с глифическими текстами, машины выдали предполагаемое прочтение кодексов, которое на первый взгляд было довольно логичным.

Мексиканский лингвист, высший авторитет в области языка майя, Альфредо Баррера Васкес, раскритиковал полученные результаты, считая, что письменные и изобразительные источники были недостаточны и неточны, значение многих слов плохо истолковано, а их состав не только неправилен, но и невозможен для языка майя. Но самая суровая критика была высказана Кнорозовым, который, хотя и признал перспективность использования вычислительных машин для лингвистических работ и попыток дешифровать письменность майя, пришел к категоричному заключению, что его сибирские коллеги не продвинулись ни на шаг в изучении этой письменности⁸⁶.

КАЛЕНДАРНАЯ ШКОЛА

Если «фонетическая школа», возникшая на «алфавите» Ланды, дала начало многочисленным попыткам дешифровки письменности майя, в которых воображение сыграло более важную роль, чем научная строгость, а результатом явилось множество предполагаемых «ключей» и малоприемлемых прочтений, то «календарная школа», основанная на информации хрониста о последовательности месяцев и дней солнечного года, состоящего из 365

⁸⁴ Автор здесь совершенно не прав. См. Предисловие (*Примеч. ред.*).

⁸⁵ Вывод, абсолютно не соответствующий реальной действительности. См. Предисловие (*Примеч. ред.*).

⁸⁶ См. об этом: Кнорозов Ю.В. Машинная дешифровка письма майя. — Вопросы языкознания, 1962, №1, с. 91–99 (*Примеч. ред.*).

дней, наоборот, оказалась очень плодотворной и привела к более или менее исчерпывающему знанию о счете времени у древних майя.

В своем сообщении Ланда смешивает элементы двух календарей, добавляя через каждые 20 дней ритуального календаря название и иероглиф одного месяца светского календаря. В действительности он не понял механизма того, что сам назвал «громоздким счетом». Эрнст Фёрстеманн в конце прошлого века не только объяснил наличие и взаимосвязанное функционирование двух летоисчислений, но понял и объяснил серию циклов, образующих то, что мы называем «Длинным счетом», а также высчитал начальную дату этой серии. В Дрезденском кодексе он опознал таблицы Венеры и лунные серии и разобрался в роли так называемых вторичных серий в надписях. Он распознал знаки, которые в кодексах и на монументах соответствуют «нолю», а также числовое значение иероглифа луны и значения других знаков в кодексах (*виналь*, *тун*, *катун*) и в надписях на памятниках (*бактун*). В итоге Фёрстеманн объяснил многие из основных аспектов календарной системы майя и в то же время дешифровал хронологические иероглифы.

В те же годы и, видимо, пользуясь в значительной мере работами Фёрстеманна, Дж.Т.Гудмэн отождествил ряд других календарных знаков, как тех, что указывают $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ *катуна*, так и почти всех числительных в форме человеческих голов. Кроме того, он составил хронологические таблицы, очень полезные для календарных подсчетов, и предложил первую корреляцию между майяским и христианским календарями. С небольшими модификациями она все еще считается большинством исследователей пригодной для употребления.

В начале нашего века Чарльз Баудич прочитал хронологические надписи на монументах в нескольких городах майя, уточнил значение знака «ноль» и проанализировал знаки, связанные с так называемыми датами завершения периодов. Он представил также краткое изложение известных к тому времени сведений о нумерации, календаре и астрономии майя.

В дешифровку письменности важный вклад был сделан Германом Байером. Он объяснил значение изменяющегося элемента, содержащегося во вводимом иероглифе, который указывает первую дату начальной серии или «Длинного счета»; этот элемент в самом деле обозначает месяц, на который падает дата. Он опознал иероглиф «восьмого властелина ночи» в дополнительных сериях (знак G_8) и доказал использование лунного иероглифа как числа во вторичной серии. Кроме того, он проанализировал применение аффиксов в иероглифах и дал истолкование комплекса сокращенных дат в Чичен-Ице.

Уильям Гэйтс проявил интерес к собиранию многочисленных рукописей, грамматик и словарей, относящихся к мезоамериканским культурам, и особенно к майя. Он также сделал копии трех кодексов майя, хотя и изменил при этом написание иероглифов, сделав их начертание геометрически единообразным. Он представил исследование Парижского кодекса и опубликовал первый словарь иероглифов майя.

В рамках хронологической интерпретации очень интересные данные предложил Р.Лонг. Он уточнил смысл некоторых знаков, объяснил даты, содержащиеся в «Анналах Как-чикелей», и календарное содержание фресок Санта-Риты.

Без сомнения, огромные достижения в области исследования археологии и эпиграфики майя принадлежат Сильванусу Грисвольду Морли. Он открыл и опубликовал большое число монументов с иероглифическими надписями, в которых он интерпретировал только их календарное содержание, считая, что все тексты имели исключительно хронологический и астрономический характер и были связаны с религиозными представлениями древних майя. Его личный вклад в дешифровку письменности майя состоял в подтверждении идентификации иероглифов, указывающих на $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ *катуна* (*хотун* и *лахунтун*), предложенных ранее Гудмэном. Кроме того, он уточнил значение знака конца *туна* и в сотрудничестве с Р.К.Морли и Робертом У.Уилсоном подтвердил по преимуществу лунный характер вспомогательных серий.

Герберт Дж.Спинден сначала изучал искусство майя, но затем особенно увлекся хронологией и астрономией. Он интерпретировал многие надписи и представил корреляцию,

отличавшуюся от корреляции Гудмэна, удревнив все даты почти на 260 лет. Его корреляцию некоторые исследователи предпочитают использовать до сих пор.

Джон Э.Типл, не будучи по профессии астрономом, посвятил много времени изучению астрономии майя, открыв точное значение различных знаков лунной серии. Таким образом удалось подсчитать возраст Луны в определенное время, то есть знать, на какой месяц полугодия она падает, идет ли речь о месяце в 29 или 30 дней и сколько дней прошло с последнего новолуния.

Исследованием хронологических иероглифов занимались такие исследователи, как Эдвард У.Эндрюс, Энрике Хуан Паласьос, Сесар Лисарди Рамос, Генрих Берлин, Линтон Саттертуэйт, но самый большой вклад в изучение письменности майя, бесспорно, внес Джон Эрик Томпсон. Так как его интересы охватывали и религиозную сферу, и хронологию, то он исследовал и отверг интерпретации, сделанные другими авторами (среди них был и Э.Зелер), относительно значения названий дней и месяцев. Э.Томпсон объяснил функцию иероглифа *G* в «дополнительной серии», символизирующего один из «девяти владык ночи», связанных с каждым днем. Опознал знаки, стоящие перед «вторичной серией», которые сам он называет «числами-расстояниями»; эти иероглифы указывают, должен ли период, подразумеваемый в таких «числах-расстояниях», прибавляться к непосредственно предшествующей дате или вычитаться из нее, то есть нужно ли считать вперед или назад во времени. Э.Томпсон открыл также в надписях майя наличие хронологического цикла ритуального характера из 819 дней, видимо получившегося в результате комбинации $13 \times 7 \times 9$, где числа соответствуют — в таком порядке — небесным, земным и подземным божествам. Несмотря на то что он высказался против фонетической интерпретации знаков, Томпсон допускал возможность истолкования некоторых иероглифических комплексов из кодексов (там, где речь идет о прогнозах: хороший или плохой урожай, засуха или обильные дожди, болезни, возможные эпидемии) по фонетическому значению тех слов, которые их обозначают. «Иероглифическая письменность майя: введение» и «Каталог майяских иероглифов» подводят итоги его исследований и служат широкой и серьезной основой для дальнейших эпиграфических работ.

«ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА»

Работы, связанные с хронологическим содержанием письменности (те, что мы относим к «календарной школе»), можно было бы обозначить как «идеографические», поскольку иероглифы дней, месяцев и остальных календарных периодов не созданы на фонетической основе, а каждый из них представляет понятие, которое в одних случаях выражается комбинацией нескольких знаков (Йаш-кин) с идеографическим или смешанным, то есть фонетическим и идеографическим (ка-тун) значением. Некоторые исследователи работали над идеографическим аспектом письменности, не касаясь хронологического; Томпсон, наоборот, охватил обе этих сферы.

Среди первых мы назовем Пауля Шелльхаса, который в начале нашего века идентифицировал богов, представленных на изображениях в кодексах, взяв за основу информацию хронистов о функции каждого божества, рисунки и связанные с ними иероглифы в тексте, сопровождающем изображенные фигуры. Он смог таким образом узнать знаки, которые, безусловно, соответствуют каждому богу, но высказал лишь осторожное предположение о том, каким могло быть имя каждого бога, если судить по данным, содержащимся в исторических источниках. Кроме того, П.Шелльхас предпочел обозначить этих богов буквами латинского алфавита. Полвека спустя после начала своих исследований он выразил глубокий пессимизм относительно изучения письменности майя, считая, что дешифровать ее невозможно.

В течение многих лет с письменностью майя, и в особенности с кодексами, работал Гюнтер Циммерманн, пытаясь найти и иногда действительно находя значение некоторых вариантов иероглифов божеств. Кроме того, он разработал гораздо более сложный каталог майяских иероглифов, чем Уильям Гэйтс, с тщательной их классификацией, где основные знаки отделены от аффиксов и каждый несет номер, облегчающий любую ссылку.

В последние годы мексиканские ученые из Национального института антропологии и истории и Центра по изучению майя также исследовали некоторые аспекты дешифровки письменности майя: структуру блока «пакетов» (изображений в рамках) и иероглифические фразы (Роберто Эскаланте, Хуан Хосе Рендон), связь между текстами и рисунками в кодексах (Марисела Айала) или между колониальными и иероглифическими текстами (Мария Кристина Альварес).

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НАДПИСЕЙ

Чрезвычайно важным шагом в истории дешифровки письменности майя было признание того, что содержание многих надписей на монументах носит исторический характер. Это опровергает мнение, будто в них шла речь лишь о календаре и связанных с ним астрономических явлениях и религиозных верованиях. Начало было положено, когда Генрих Берлин в 1958 г. высказал предположение, что в каждом городе в надписи включались какие-то связанные с этим центром иероглифы; они обозначали либо его название, либо божество — покровителя этого места, либо имя правящей династии. Эти знаки Берлин назвал «иероглифом-эмблемой» из-за невозможности определить более точно их настоящее значение. Затем он истолковал как именные те иероглифы, которые были найдены на боковых сторонах большого саркофага в Паленке вместе с изображениями людей, которых он считал родственниками умершего. Позже он обнаружил на одной из плит в Паленке вероятные имена различных правителей, исторически связанных, должно быть, с этим городом. Тем самым была разрушена версия, существовавшая почти столетия, согласно которой майя никогда не включали в надписи имена каких-либо конкретных лиц.

Идя по тому же пути, Татьяна Проскуракова (США) тщательно проанализировала надписи из Пьедрас-Неграс и Йашчилана и смогла объяснить смысл некоторых иероглифов, касающихся жизни разных правителей упомянутых городов: рождение, восхождение на трон, захват и принесение в жертву пленников и имена реальных людей. Анализируя сцены, изображенные на памятниках, она смогла установить династическую историю некоторых из них, опираясь на даты, связанные с их жизнью (от рождения до смерти) и отмечающие приход к власти, борьбу с врагами, вероятные династические браки, упоминание предков и потомков и т.д.

Дэвид Келли представил информацию о некоторых правителях Киригуа и о женщинах — их супругах, а также другие данные, например о возможной политической зависимости этого города от Копана. Э.Томпсон, который в течение всей своей жизни не соглашался с тем, что надписи майя могут содержать исторические данные, в последние годы предположил, что календарный иероглиф *синактли* по происхождению науа, изображенный на одной из стел Сейбаля вместе с персонажем немайяской внешности, может означать имя кого-либо из членов семьи *Синаке*, которая, согласно историческим источникам, правила в районе, где жили путуны — вероятные разрушители городов Петена в конце классического периода.

Лично я интерпретировал надпись, высеченную на боковых сторонах плиты, покрывающей саркофаг в Паленке, в историческом смысле. В ней упоминаются, видимо, некоторые биографические данные захороненного там лица: дата его рождения и ее календарное название, даты восхождения на трон и получения некоторых иерархических титулов, возможно, имя его предшественника, его вступление в брак и, по-видимому, родовое имя его жены, упоминание вероятных родственников и связей с другой династией (из Йашчилана?) вплоть до даты его смерти, которая, по моей интерпретации, точно соответствует определяемому возрасту скелета, найденного в той же гробнице⁸⁷.

Ясно, что, пытаясь исторически истолковать надписи, исследователи должны всячески сдерживать свое воображение и не впадать в фантастические выдумки, как это случилось в связи с открытием «человека из Паленке», о котором я только что упоминал. Ему ничтоже

---

⁸⁷ О прочтении иероглифических надписей на крышке саркофага в «Храме Надписей» советскими учеными см.: *Ершова Е.Е.* Майя: формула возрождения. — Латинская Америка, 1984, №5, с. 126–129 (*Примеч. ред.*).

сумняшеся приписывается весьма гипотетическое имя. Не менее странно описываются возраст, в котором он умер, болезнь его ноги и крохотный рост, никак не соответствующие его скелету. Для объяснения же предполагаемой анатомической деформации пускается в ход необоснованное утверждение о кровосмесительных браках среди членов правящей династии Паленке. Следуя по опасному пути голой фантазии, можно легко скатиться к версии, что похороненный в саркофаге человек был «внеземным существом» и его изобразили на могильной плите следящим за приборами в кабине космического корабля⁸⁸.

Резюмируя, мы можем сказать, что письменность майя, будучи иероглифической, включает знаки, представляющие предметы, действия, исторические имена (людей, городов, династий), имена божеств, небесные тела, календарные периоды, математические знания, религиозные обряды и церемонии, предсказания, важные события из жизни правителей, упоминание ритуальных концепций и т.д. Эти знаки могут быть идеографическими или фонетическими. Думается, что полная дешифровка письменности майя зависит не от неожиданной находки предполагаемого «ключа», а от длительной и кропотливой работы (которой не всегда сопутствуют удачи), направленной на лингвистические исследования, сравнение иероглифических и литературных текстов, анализ структур индивидуальных иероглифов и целых их комплексов, на использование техники статистических подсчетов. На основании всего этого когда-нибудь мы достигнем точного понимания всех надписей майя, как уже достигли целостного понимания других систем древнего письма, например египетской и шумерской.

КАЛЕНДАРЬ

ПРЕДПОСЫЛКИ

Свойственные земледельческим народам потребности предопределяют, что в ходе своего культурного развития они вынуждены изобрести или заимствовать календарную систему. Исходя из периодичности земледельческих циклов и желая точно знать время, когда следует сеять, чтобы воспользоваться сезоном дождей, люди с давних времен вели наблюдения за небесными светилами.

Майя, когда закладывали начала собственной культуры, четко отличавшейся от остальных мезоамериканских культур, унаследовали календарные знания, приобретенные другими народами за несколько веков до этого, и дополнили их новыми идеями и изобретениями, разработав таким образом весьма сложную календарную систему.

Строители Монте-Альбана и так называемые ольмеки с побережья Веракруса и Табаско записывали на камне даты, которые позволяют утверждать, что между 500 г. до н.э. и началом нашей эры использовались два календаря, воспринятых майя в конце III в. н.э., а именно календарь в 260 дней и другой — в 365 дней.

Ниже мы кратко расскажем о различных механизмах, составляющих систему вычисления времени у майя: о календарях в 260 и 365 дней, «календарном круге», «дополнительной серии», «лунном счете», ритуальных циклах «девяти господ» и 819 дней, «Длинном счете», «финалах периодов» и «Коротком счете».

РИТУАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Можно предположить, что первым календарем, изобретенным мезоамериканскими народами, был лунный, поскольку фазы нашего спутника довольно легко наблюдаемы. Однако ни в ольмекских, ни в сапотекских надписях нет ни малейшего следа его использования.

Наоборот, видимо, с древнейших времен использовался календарь в 260 дней. Как известно, этот календарь является результатом комбинаций 20 названий и числительных от 1 до 13. Значения названий в различных культурах частично совпадают и охватывают названия

---

⁸⁸ См. Предисловие (*Примеч. ред.*).

животных (ягуар, змея, собака, обезьяна, ящерица, кролик, олень, орел), растений (цветок — без уточнения, маис, сорняк), явления природы (ветер, ночь, дождь, землетрясение, смерть) и некоторые материальные предметы (дом, кремневый нож). Если сравнить, например, ритуальный календарь ацтеков и так называемый *цолькин* майя, видно, что приблизительно половина названий у них совпадает.

Неоднократно предпринимались тщетные попытки объяснить этот календарь в рамках какого-то природного цикла. Например, упоминалось возделывание маиса (от момента подготовки земли посредством выжигания до окончания сбора урожая) или период беременности женщин.

Существовала также идея приписать этому календарю астрономическое происхождение. Типл после утверждения о том, что «числа 13, 20 и 260 целиком произвольны, поскольку не имеют связи ни с каким природным явлением», заявляет, «что два *цолькина* (520 дней) почти равны трем эклиптическим периодам», но считает это совпадение случайным.

На самом деле функция этого календаря была исключительно «астрологической», хотя движение светил не повлияло, видимо, на его создание. Им манипулировали жрецы, обращаясь к нему, чтобы дать новорожденному его первое имя — имя соответствующего дня — и установить то, что сейчас назвали бы его гороскопом. Некоторые книги «Чилам-Балам» содержат предсказания, связанные с каждым из 20 дней, следующих друг за другом с различными числами, пока не завершится весь цикл вынашивания ребенка. Таким образом, как бы предсказывался характер еще не родившегося человека: он будет мудрым, убийцей, плохим, назойливым, бесчестным, мучителем своих детей и жены, прелюбодеем, глупым, разумным, щедрым, вором, отважным, мечтательным, благородным, нерешительным, похотливым и т.д. Кроме того, от дня рождения зависело, будет ли благоприятным будущее человека или нет. Поскольку большая часть дней оказывалась неблагоприятной, при желании можно было договориться со жрецами, чтобы они фиксировали не день рождения, а день принесения ребенка в храм.

СОЛНЕЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Этот календарь из 365 дней, или *хааб*, — астрономического характера. Он связан с сельскохозяйственными работами, то есть он изобретен оседлыми сельскохозяйственными народами. Наблюдение за восходом Солнца на горизонте, за смещением точки восхода с севера на юг, а затем обратно, за летним и зимним солнцестоянием позволило уточнить длительность солнечного цикла. Исходя из 365 дней, протекающих между двумя последовательными повторениями одного и того же крайнего положения точки восхода Солнца, древние мезоамериканцы изобрели гораздо более логичное деление этого промежутка времени, чем наше: 18 месяцев по 20 дней и еще 5 «лишних» дней, считавшихся неблагоприятными, вместо наших месяцев из 30 и 31 дня, которые должны чередоваться, но не делают этого два раза в год, и одного странного месяца из 28 дней, который каждые четыре года имеет 29 дней.

Майя знали, что длительность солнечного цикла была больше 365 дней, но не уточняли свой календарь посредством добавления одного дня каждые четыре года. В момент регистрации даты в какой-либо надписи они объясняли, что к этой дате нужно добавить определенное количество лет, месяцев и дней, чтобы компенсировать ежегодное накопление доли дня, не учтенное с даты, когда был изобретен календарь, до этого момента («вторичная серия»). Согласно подсчетам специалистов, коррекция календаря, сделанная майя, была на одну десятитысячную долю дня в год точнее, чем коррекция нашего календаря с добавлением високосного месяца.

«КАЛЕНДАРНОЕ КОЛЕСО»

Мудрецы майя заметили, что можно совместить религиозный календарь из 260 дней и светский из 365, так как $73 \text{ цолькина} (260 \times 73)$ давали то же число дней, что и $52 \text{ светских года} (365 \times 52)$, или 18 980 дней. Нужно было, чтобы истек этот период для того, чтобы соответствие между определенным днем *цолькина* и определенным днем в одном из месяцев *хааба* повторилось. Название, которое было у этого периода, неизвестно, но мы, майянисты, назы-

ваем его «календарным колесом». Другие мезоамериканские народы, в том числе ацтеки, считали его своим наибольшим циклом, полагая, что когда этот цикл закончится, может наступить конец света.

Но сами майя имели относительно времени представление, весьма отличающееся от короткого периода из 52 лет. Они могли вообразить циклы в тысячи и миллионы лет благодаря использованию системы, которую мы называем «Длинным счетом». Возможно, что эту систему они унаследовали от других, так как на стеле «С» из Трес-Сапотес в ольмекской зоне отмечена дата «Длинного счета», которая более чем на три века предшествует дате на самой древней стеле майя (стела 29 из Тикаля), имеющей ту же форму записи времени.

«Длинный счет» образован серией временных циклов, основной единицей которой является, естественно, день (*кин*).

<i>Виналь</i>	=	20 <i>кинам</i> ,	т.е.	20 дням
<i>Тун</i>	=	18 <i>виналям</i> ,	т.е.	360 дням
<i>Катун</i>	=	20 <i>тунам</i> ,	т.е.	7 200 дням
<i>Бактун</i>	=	20 <i>катунам</i> ,	т.е.	144 000 дням
<i>Пиктун</i>	=	20 <i>бактунам</i> ,	т.е.	2 880 000 дням
<i>Калабтун</i>	=	20 <i>пиктунам</i> ,	т.е.	57 600 000 дням
<i>Кинчильтун</i>	=	20 <i>калабтунам</i> ,	т.е.	1 152 000 000 дням
<i>Алавтун</i>	=	20 <i>кинчильтунам</i> ,	т.е.	23 040 000 000 дням

Алавтун включает в себя приблизительно 63 млн. лет. Ясно, что его использование могло относиться лишь к мифологическим периодам. Все даты, записанные «Длинным счетом», соотносятся с датой-эрой, отмечающей начало календаря. При наиболее общепринятой исследователями корреляции этого календаря с нашим она будет соответствовать 12 августа 3113 г. до н.э. (13.0.0.0, 4 Ахав 8 Кумху)⁸⁹. В надписях «начальные серии» (этим термином обозначаются часто даты «Длинного счета» из-за их положения в начале иероглифического текста на памятниках) обычно не отмечают периоды большие, чем *бактун*.

«ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ СЕРИЯ»

За «начальной серией» обычно следует различное количество иероглифов (максимально восемь), составляющее то, что мы обычно называем «дополнительной серией» и обозначаем следующими буквами: *G, F, E, D, C, X, B, A*. Они представлены в указанном порядке, хотя иногда некоторой части их может и не хватать. «Дополнительная серия» включает ритуальный цикл и «лунный счет».

Иероглиф *G*, имеющий девять форм (с некоторыми вариантами каждая из них), которые называются *G₁, G₂, G₃, ..., G₉*, соответствует ночному божеству, покровительствующему записываемому дню. Эта серия из девяти символов должна быть эквивалентом серии из девяти божеств, сопровождающих дни в мексиканских календарях (*тональпоуальи*). Как полагают некоторые ученые, эти божества являются «Девятью владыками ночи». Каждое божество влияет на предсказания, связанные с его днем. Девять знаков следуют один за другим, в одном и том же порядке и без перерыва — как семь названий дней нашей недели. Неизвестно точное значение иероглифа *F*, который следует непосредственно за *G* и часто с ним сливается. Вероятно, они дополняют друг друга, чтобы уточнить значение функции ночного «сопровождающего» (А.Касо называет его «сопровождаемым») каждого дня.

«Лунный счет» выражается посредством нескольких знаков, из которых с уверенностью интерпретируется значение главных. Говоря об астрономических знаниях майя, мы напоминали, что, согласно таблицам Дрезденского кодекса, промежуток времени между двумя последующими новолуниями был определен ими в 29,53086 дня. Эту свою оценку мы вывели уже в наши дни, но на практике подсчет лунного цикла производился очень просто. По-

⁸⁹ См.: Кнорозов Ю.В. Комментарии к Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М. — Л., 1955, с. 73–75 (Примеч. ред.).

сколько его длительность немногим более 29 с половиной дней, майя чередовали месяцы с 29 и 30 днями, а когда они видели, что высчитанная дата не совпадала с реальной фазой Луны, они ставили подряд два месяца по 30 дней. «Лунная серия» записывалась следующим образом: иероглиф *D* использовался с коэффициентом до 19, пока возраст Луны в пределах текущего месяца не достигал 20, затем вместо него использовался иероглиф *E* с коэффициентом от 0 до 9 для величины, большей 20 дней. Знаком *C* (возможное числовое значение от 2 до 6) указывались лунные месяцы, истекшие в полугодии, так как лунный год был разделен на два полугодия и каждый месяц отсчитывался начиная с новолуния. Иероглиф *A* (с числовым значением от 9 до 10) служил для указания, имеет ли данный месяц 29 или 30 дней. Что касается иероглифов *X* и *B*, представляется несомненным, что они связаны с «лунным счетом», но их специфическое значение неизвестно.

ЦИКЛ ИЗ 819 ДНЕЙ

Э.Томпсон, проанализировав многие памятники с иероглифическими надписями, признал наличие ритуального цикла из 819 дней. Происхождение этого цикла можно связать с верой майя в семь земных божеств, девять божеств подземного мира и 13 небесных божеств. Если перемножить эти цифры ($7 \times 9 \times 13$), то получится 819. Этот цикл мог служить для определения совместных влияний божеств в данный день.

«ФИНАЛЫ ПЕРИОДОВ»

Даты, отмеченные на монументах, могут быть представлены в укороченной форме «Длинного счета». Эти даты известны как «финалы периодов». Когда указано, что речь идет о конце *катуна*, числительное которого упомянуто, и что его сопровождает «календарное колесо» записанного дня, то ясно, что такая дата наступит только после того, как пройдут 949 *бактунов*, то есть около 375 тыс. лет. Если в дате окончания катуна не уточняется его число, то есть его положение в «Длинном счете», повтор будет через 949 *катунов*, то есть приблизительно 19 тыс. лет. Как можно оценить, эти даты окончания периодов, хотя и укороченные, обладают большой точностью для размещения событий в рамках истории древних майя.

«КОРОТКИЙ СЧЕТ»

В конце IX в. отмечаются самые поздние даты по системе «Длинного счета». С этого времени начинается закат культуры майя в центральной зоне и вторжение иностранных захватчиков. Теряются многие знания, относящиеся к сложной календарной системе. Мы не имеем записей дат в течение почти шести веков, хотя жрецы майя продолжали подсчитывать прохождение времени в очень укороченной форме, как об этом говорят книги «Чилам-Балам», сообщения Ланды и другие документы XVI в. Мы называем «Коротким счетом» систему, которую майя называли *У Кахлай Катуноб*, то есть «счет катунов». Катунический цикл, или «колесо», состоял лишь из 13 *катунов*, в силу чего определенная дата повторялась по истечении этой серии из 13 *катунов*, или немногим более 256 лет. *Катун* именовался по дню Ахав, в котором он заканчивался.

КОРРЕЛЯЦИЯ КАЛЕНДАРЕЙ МАЙЯ И ХРИСТИАНСКОГО

«Длинный счет» перестал использоваться за несколько веков до испанской конкисты, что затруднило возможность точно соотнести календарь майя с нашим. В самом деле, некоторые факты, упомянутые в «Сообщении» Ланды и в других колониальных документах, связаны с датами майя в рамках системы «Короткого счета», а в некоторых случаях упоминается христианский год. Кроме того, определенные противоречия в некоторых источниках еще более затрудняют решение проблемы. Было предложено несколько корреляций между двумя календарями. Наиболее широко используется майянистами до настоящего времени корреляция, учитывающая исторические данные и возможные астрономические ассоциации. Она была предложена Гудмэном, а затем усовершенствована Мартинесом Эрнандесом, и довел ее до окончательного вида Э.Томпсон. Однако другие исследователи предпочитают ту систему,

которую поначалу предложил С.Г.Морли и позднее развил Спинден. Между двумя корреляциями есть разница во времени примерно в 260 лет, в силу чего возможная проверка даты посредством анализа сопровождающих органических материалов на C-14 (проверка, подразумевающая колебания в ± 50 –100 лет) не может быть решающей. Поэтому при датировке нескольких деревянных притолок храма №4 из Тикаля, имеющих календарные даты мая, первый образец подтверждал правоту корреляции Спиндена, в то время как некоторое время спустя десяток проб от притолок того же храма дал совпадения с системой Гудмэна — Мартинеса — Томпсона.

Достойно сожаления, что проблема корреляции до сих пор не решена достаточно надежно и даты мая, такие точные в их календаре, не могут разместиться с подобной точностью в нашем.

ИСТОРИЯ

Сложность календаря мая, его невероятная точность, его возможность считать на тысячи и миллионы лет в прошлое, привели исследователей к заключению, что они имеют перед собой изобретение, уникальное в истории народов.

В начале века Чарльз Баудич, изучая надпись на стеле №1 из Йашчилана, высказал догадку, что ее содержание должно быть историческим и что в надписи приведены данные о жизни изображенного там персонажа — дата рождения, восхождение на трон и другие очень важные этапы его правления. С.Г.Морли со своей стороны, когда начинал дешифровать надписи мая, считал, что их содержание было главным образом историческим и что большая часть дат должна соответствовать реальным фактам. Однако, сумев дешифровать лишь календарные даты, он круто изменил свое мнение, утверждая, что надписи мая никогда не сообщали об исторических событиях.

Из-за того, что большинство ученых смогли разобрать лишь календарный аспект надписей, и возникла идея, что у древних мая все было связано с течением времени и они имели единственную в своем роде философию времени. С.Г.Морли подчеркивал, что надписи «не содержат прославления какой-либо личности... не упоминают истории реальных завоеваний, не отмечают успехов какой-то империи, не восхваляют и не превозносят никого: они так безличны и неиндивидуальны, что в них никогда не было упомянуто ни одного имени мужчины или женщины». Г.Спинден, исходя из тех же критериев, утверждал, что «не было с определенностью опознано и переведено ни одного названия места или имени человека. Мы не знаем — среди сотен иероглифов Копана и Паленке — настоящих названий этих городов или хотя бы их символов». Э.Томпсон, разработавший идею философии времени у мая, говорил, что, «насколько мы знаем, в надписях на памятниках мая речь идет исключительно о ходе времени, о Луне, планете Венера, календарных подсчетах и о богах и обрядах, связанных с этими проблемами». И, чтобы все было более понятно, Томпсон объяснял, что это «как если бы мы возводили памятник каждые пять или десять лет и отмечали на нем соответствующую дату, например воскресенье 31 декабря 1950 г., суббота 31 декабря 1951 г. и т.д., с информацией о положении Луны и о соответствующих божествах».

При идеализации мая, когда им приписывался специфический культ времени, отрицалось, что они имели историческое сознание, то есть заботились о записи фактов, которые считали важными в своей жизни. Однако в изобилии имеются свидетельства, подтверждающие иную точку зрения. Испанские хронисты (Ланда, Лопес Медель, Сьюдад-Реаль, Лисана, Когольюдо и др.), упоминая «книги» мая, написанные буквами или знаками, уточняют, что эти «книги» среди прочего содержали «их истории». И хотя содержание трех кодексов (уцелевших, несмотря на религиозный фанатизм Ланды) имеет ритуальный, календарный и астрономический характер, утверждение хронистов, конечно, соответствует истине. Это подтверждается хрониками, написанными уже после конкисты на нескольких языках мая образованными людьми, которых монахи научили испанскому алфавиту. А в некоторых случаях, как, например, в «Пополь-Вух», автор уточняет, что то, что он рассказывает, «было в подлинной книге, написанной в древности, но вид которой сокрыт от исследователя».

Именно так в книгах «Чилам-Балам» из Мани, Тисимины и Чумайеля очень тщательно, с хронологическими указаниями отмечаются факты, связанные с захватом Юкатана чужеземцами. Счет ведется по катунам, которые удалось соотнести с нашим календарем. История Шивов охватывает два с половиной века (849–1106). История Ицев немного более подробна и простирается почти на шесть веков (415–897); в ней рассказано о присутствии Ицев в Бакаларе, об основании Чичен-Ицы и жизни в ней, об уходе из этого места в Чакалпутун и возвращении опять в Чичен-Ицу. Из последующего периода (987–1520) упомянута предполагаемая «Майяпанская лига» между Шивами из Ушмаля, Ицами из Чичен-Ицы и Кокомами из Майяпана, а также борьба между этими группами, приведшая к разрушению Чичен-Ицы, а позже и Майяпана. Сообщается о появлении испанских конкистадоров, принесших народу майя горе и угнетение. Об этом авторы документов пишут со справедливым гневом. Некоторые события колониальной эпохи были отмечены майя и позже. Последнее из них относится к 1610 г.

Хроника Ошкуцкаба, хотя и написана в 1685 г. членом семьи Шивов, является, как заявляет автор, копией «старой книги, написанной главным образом знаками, которые называются Анарес» (правильнее Анальтес — так назывались кодексы). Историческая информация, привязанная к датам календаря майя и нашему календарю, рассказывает о событиях, происходивших в поселении Ошкуцкаба, таких, как болезни, ураганы, а также об основании Мерида, битвах против испанцев, принятии христианства и т.д.

В «Пополь-Вух» после мифологических рассказов о сотворении первых четырех людей упоминаются их потомки, основание новых селений, столкновения с другими народами, могущество майя-киче, имена и должности главных вождей и происхождение правителей киче по родам, включая тех, что правили в момент прихода испанцев, и тех, кто позднее стали носить испанские имена и фамилии. Список этих сеньоров для потомков Балам Кицэ доходит до четырнадцатого поколения. Исторические события не увязаны с хронологическими датами.

Большая часть «Мемориала из Сололы», или «Анналов Какчикелей», рассказывает об истории этого народа. Рукопись повествует о миграциях, упоминает многие места, по которым прошли какчикели, имена царей и вождей, собственных или иноземных, соперничество и войны с киче и другими народами, завоевания, восстания киче, эпидемии, смену правителей, прибытие испанцев, убийство испанцами местных владык, грабежи и жестокости конкистадоров и окончательное завоевание страны. На протяжении более чем одного века (с конца XV до начала XVII в.) события датированы по какчикельскому календарю (название дня) и по дню, месяцу и году, соответствующим нашему календарю. Информация, относящаяся к последним 50 годам, имеет каждый раз все более локальный и семейный характер, ограничиваясь упоминанием браков, рождений, смертей, происшествий, споров между соседями и даже прелюбодеяний и пьянок с соответствующими наказаниями.

В хрониках майя, написанных после конкисты, упоминается бесконечное число фактов, имен людей и названий мест, а иногда и дат. Ясно, что они не могли сохраниться до того времени лишь в устной форме. Скорее всего они были записаны еще в доиспанские времена, как об этом говорят некоторые авторы, в рисованных книгах и на скульптурных монументах. Поэтому нам кажется невероятным, что столько времени отрицалось историческое содержание надписей.

Рассматривая проблему дешифровки письменности майя, мы показали, как эта догма была разрушена Генрихом Берлином, Татьяной Проскуряковой, Дэвидом Келли, автором этих строк и другими.

Существование у древних майя настоящего исторического сознания подтверждается и тем, что мы знаем о других мезоамериканских народах. Упомянем каменные плиты из Монте-Альбана, где сообщается об исторических событиях, возможно, о завоевании каких-то селений местными жителями. В некоторых миштекских кодексах из Оахаки также рассказывается (при помощи пиктографических рисунков с точными датами) история нескольких династий на протяжении десяти веков, указываются дата рождения, имена родителей и потомков,

браки, политические союзы, битвы, завоевания, дата и обстоятельства смерти. У ацтеков известна так называемая Лента странствий с указанием места происхождения и этапов ацтекской миграции до прихода в Чапультепек.

Пристрастие майя к регистрации хода времени не имело метафизического характера. Они не намеревались поклоняться самому времени. Но они действительно хотели (и добились этого) построить систему, которая обеспечила бы максимальную точность в подсчете времени, с тем чтобы факты их истории были зафиксированы в такой точной форме, какая не оставила бы ни малейшей возможности ошибки.

В комплексе этого мировоззрения ход светил по небесному своду, жизненное развитие растений, существование человека и исторические события подчиняются извечным ритмам. Если какие-либо неблагоприятные события, затрагивающие общину, повторяются в точные периоды календаря, то, чтобы избежать их, нужно стараться своевременно умилистить богов. В роли посредников между богами и простым народом выступали жрецы. Людям казалось, что с их помощью можно как-то воздействовать на события, predeterminedенные ходом времени. Поэтому возникала настоятельная потребность определить дату их наступления, а для этого надо было точно знать, когда они происходили в прошлом. Сочетание календарей астрономических (солнечного, лунного и Венеры) и ритуальных (*цолькин*, серия из «Девяти владык ночи», цикл из 819 дней), «Длинного счета» и позже «катунного круга» должно было дать жрецам хронологические и ритуальные элементы, необходимые для предсказания тех или иных событий, которые они могли «сделать» по возможности менее пагубными для населения.

МЕДИЦИНА

Для древних майя причины заболевания могли быть естественными или сверхъестественными. В первом случае лечение осуществлялось посредством применения имевшихся у них эмпирических знаний о лечебных свойствах растений. Но если заболевания были вызваны «плохими ветрами», или насланы врагами, или вызваны нарушениями религиозных предписаний, или имели любое другое «чудесное» происхождение, считалось, что излечить их может только колдовство.

Ланда заметил эту двойственность, но не смог выявить различия между «научной» и магической сферами, смешивая обе. Он упоминает «хирургов, лучше сказать, колдунов, которые лечат травами и многими суевериями», а также «жрецов, лекарей и колдунов, что одно и то же». Хронист пишет также о практике кровопускания на больных частях тела, которая все еще применяется современной медициной, об использовании массажей и паровых ванн, сообщает о некоторых рецептах лечения на основе напитка из коры дерева бальче, разных трав, листьев, фруктов, соков растений, а также упоминает о лекарствах животного происхождения, таких, как жир некоторых птиц и экскременты игуаны.

Известны многие трактаты на эту тему, относящиеся к XVIII–XIX вв., но некоторые из них, должно быть, поздние копии более древних документов. Так называемые книги «Чилам-Балам» из Ишиля и Кауа включают медицинские тексты. Несколько рукописей целиком посвящено описанию рецептов лекарств, и, хотя здесь уже заметно европейское влияние, большая часть рецептов — индейского происхождения. Испанцы даже удивлялись эффекту воздействия некоторых растений и ввели многие из них в европейскую фармакопею.

Среди главных текстов вспомним некоторые, упомянутые А.Тозером, — известная «Книга Иудея», приписываемая Рикардо Оссадо, который, как полагают, написал также «Травы и волшебства Юкатана»; «Рукопись Видалеса», являющаяся, видимо, самой древней из известных (XVII в.); другие тексты анонимны — «Книга Иудея» из Сотуты, «Медицина майя», «Тетрадь из Теабо», «Известия о разных растениях» и «Книга врачей». Важна также рукопись Пио Переса, называемая «Рецепты индейцев на языке майя. Согласованные указатели медицинских растений и заболеваний».

Особого упоминания заслуживает «Ритуал Бакабов» (текст майя и английский перевод рукописи). Ральф Ройс, опубликовавший рукопись, полагает, что она относится к концу XVII в., а может быть, к еще более раннему времени. В работе подтверждается двойственное представление древних майя о заболеваниях и, следовательно, о способе их лечения. В тексте смешаны магические формулы и медицинские предписания, которые образуют при этом «эмпирическую и магическую терапию».

Из всей этой литературы становится ясно, что знахари установили настоящую симптоматику болезней, согласно которой они предписывали средства растительного или животного происхождения, готовившиеся в форме настоев, отваров, припарок и мазей и эффективность которых была доказана эмпирически.

Знахари применяли часто терапевтический метод, основанный на элементарном принципе: лечить сходное сходным. Но сходство для майя было поверхностным, потому что на самом деле речь шла о попытке сравнить цвет, связываемый с симптомом, с цветом растения, предназначенного для лечения. Например, желтые цветы использовались против желтухи или разлития желчи, а красные — против кровохарканья или дизентерии. Некоторые способы лечения, применяемые в настоящее время и описываемые Ройсом в его очень важной книге «Этноботаника майя» (с 437 названиями лекарств и их соответствующим применением), должны быть доиспанского происхождения. Среди них такие, как использование размятых осиных гнезд против некоторых кожных сыпей, похожих на укусы осы, или применение лозы со свернутыми побегими, напоминающими змей, против змеиных укусов. Работа Ройса дополняется списками названий растений и животных на языке майя и их эквивалентами в научной номенклатуре.

Среди знахарей доиспанских времен, как и среди современных, имелась некоторая профессиональная дифференциация. Костоправы лечили все виды растяжений, вывихов и переломов. Хирурги, которых Ланда уподоблял знахарям, были способны осуществить, хотя и не всегда успешно, судя по археологическим свидетельствам, такие трудные операции, как трепанация черепа.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

За исключением медицины, все науки майя, монополизированные правящим классом, служили в конечном счете орудием господства этого класса над темным и бесправным народом. Все научные знания, записанные в иероглифических текстах, могли быть истолкованы лишь избранными специалистами — жрецами. Жрецы «знали» все, что случалось раньше и что еще должно случиться.

Знание календарной системы и умение пользоваться ею предоставляли жреческому классу неограниченную власть. Они могли сеять и надежду и страх, подчинение народа было поистине абсолютным.

РЕЛИГИЯ МАЙЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Если в нашем XX в., несмотря на поразительные научные достижения, религия еще продолжает играть немалую роль в жизни некоторых народов, легко понять, каково было ее значение в ту эпоху, которую мы можем считать донаучной.

Несомненно, что майя умели рассчитывать циклы обращения светил, но для них светила были божествами, так же как и различные явления природы, например дождь и ветер. Кроме того, сама земля, растения, что они возделывали, животные, на которых они охотились или которых приручали, тоже имели божественное происхождение.

Религия майя, как и следовало ожидать, имела много общего с религией остальных мезоамериканских народов, так как все они являлись частью одной и той же культуры и находились на более или менее одинаковом уровне развития. Общность верований этих народов касалась не только их религиозных представлений, но и отдельных божеств и обрядов. Так, все или почти все они имели пантеон, состоявший из многочисленных богов; одни из них были благосклонны к человеку, другие враждебны, при этом дуализм мог существовать в одном и том же божестве. Различение сторон света предопределяло возможное разделение одного и того же божества как бы на четыре его подобия, каждое из которых ассоциировалось с определенным цветом, свойственным конкретной стороне света. Эта цветовая ассоциация не всегда совпадала в различных культурах. Силы природы, очевидно одинаковые для всех этих народов, олицетворяются сходными божествами с аналогичным культом и иногда даже с одинаковыми изображениями. Наличие богов — покровителей основных занятий — другая общая черта мезоамериканских религий. Однако нет сомнения, что религия майя имела свои особенности.

Религия, которую вырабатывает какой-либо народ, отражает не только окружающую природную среду, но и ту социальную среду, в которой он рождается и живет. В предыдущих главах мы подчеркивали классовый характер общества майя. Упрощая картину, можно рассматривать у майя два главных социальных слоя: основную массу производителей («свободные» и рабы) и знать (аристократы и жрецы). И религия майя также имеет как бы две стороны: одна — для простого народа, другая — для правящего класса.

БОЖЕСТВА ПРОСТОГО НАРОДА

Крестьянин верил в многочисленных богов, олицетворявших основные элементы его существования. Земля представлялась божеством с лицом, ассоциировавшимся со смертью, как и у народов Мексиканского нагорья. Ее ужасный вид объяснялся тем, что в ее лоне находился подземный мир, в котором покоились не только тела умерших, но также и светила — Солнце после заката и Луна и звезды после рассвета. Э.Томпсон считает, что в кодексах Земля представлена богом, которого П.Шелльхас обозначил буквой *F*, а сам Томпсон — буквой *R*. Он считает также, что этому божеству соответствует божество числительного 11, так как оба имеют на лице знак в виде завитка, характерного также для иероглифа дня *Кабан*, символа Земли. На скульптурных памятниках богом Земли является, вероятно, тот, кто изображен в нижней части стелы 40 из Пьедрас-Неграс принимающим зерна маиса, которые ему бросает жрец. Именно его маска служит в Паленке пьедесталом для фигур из штука в колоннах фасада «Храма Надписей», а также для крестовидного изображения на панелях «Храма Креста» и «Храма Лиственного Креста».

Солнце — *Ах Кин*, или *Кинич Ахав* («Господин лицо», или «Солнечный Глаз»), или также *Кинич Какмоо* («Солнечное лицо Гуакамайя — Огня») — представлено, вероятно, в кодексах богом *G* по П.Шелльхасу; это также божество числительного *A* в иероглифах вариантов голов. Его символ — четырехлепестковый цветок. Рисунок цветка божество может

иметь на лбу; обычно цветок сопровождает его в иероглифических текстах кодексов. На памятниках его изображение часто украшает щиты, которые несут важные лица. Божество имеет лицо старца с большими овальными или квадратными глазами, зрачки которых иногда размещены во внутренних, верхних или нижних углах глаза; верхние резцы — единственные зубы, сохранившиеся у него в силу преклонного возраста, подпилены в форме иероглифа дня *Ик*; спираль на носу и нечто, похожее на крючок или спираль в уголке рта, дополняют характерные черты солнечного бога. В некоторых случаях он может быть представлен также молодым человеком, персонифицируя иероглиф дня *Ахав*. Хотя он и почитался как существо, от которого зависел рост растений, похоже, что его больше боялись, чем любили, так как засухи, которые он мог вызвать, были губительными для урожая.

Для крестьянина майя дождь был жизненно важен, особенно в северной области, где сезон дождей непродолжителен и недостаточен по количеству осадков. Именно поэтому изображение бога *Чаака* наиболее часто встречается в кодексах и на монументах Юкатана. По П.Шелльхасу, это бог *В*, имеющий в кодексах такие характерные черты, как длинный висящий нос, глаз, обведенный спиралью, зрачок в форме запятой и завиток над носом, рот, беззубый или с одним верхним резцом и часто с одним крюком, выходящим из видимого уголка рта вперед, при этом лицо изображено в профиль. Он может быть изображен стоящим в потоках дождя или плавающим в небольшом челноке или опорожняющим сосуд с водой. Обычно в руке он держит каменный топор или факел. На нескольких памятниках центральной области он представлен на скипетрах (как символ высокого положения) у знатных персонажей (Паленке, Йашчилан, Тикаль, Шультун, Киригуа и др.). В зданиях на севере области майя его маска с большим носом, похожим на знак вопроса (который путешественники прошлого века путали с хоботом слона), с угрожающими клыками, со зрачком, обрамленным квадратным глазом, и с богатыми ушными подвесками является постоянным и часто единственным мотивом декорации зданий. В некоторых случаях (Кабах) фасад украшают сотни масок солнечного бога; в других (стили Рио-Бек и Лос-Ченес) огромная маска занимает центральную часть фасада, и ее пасть служит входом в храм⁹⁰.

Такие животные, как лягушка и черепаха, были связаны с богом дождя; первая потому, что ее кваканье предвещает дождь, а вторая — потому, что ее плач якобы вызывает дождь. Майя верили, что на небе обитал один бог *Чаак* в четырех ипостасях, по одной для каждой стороны света. Майя Юкатана считали, что бог дождя жил на дне сенота, поэтому, чтобы добиться его благосклонности, они бросали в колодец различные приношения и людей (предпочтительно детей, плач которых ассоциировался с дождем). Другим магическим средством, якобы вызывающим дождь, служил густой черный дым, образующийся при сжигании каучука или специального порошка и напоминающий темные дождевые тучи. В горных районах Чьяпаса и Гватемалы считали, что бог дождя и его слуги, молния и гром, жили в горных пещерах.

В классический период на памятниках некоторых крупных центров (Тикаль, Капан, Ушмаль) появляется изображение бога дождя *Тлалока*. Но это теотиуаканское влияние ограничилось лишь жреческими кругами и не дошло до широких народных масс.

Природные явления, связанные с дождем, — ветер, молния и гром — также были почитаемы у майя. Некоторые исторические источники упоминают о божествах *Павахтун*ах, насылавших ветры с четырех сторон света, при этом каждый был связан с цветом, соответствующим его направлению (*Чакпавахтун*, красный — с востоком; *Канпавахтун*, желтый — с югом; *Экпавахтун*, черный — с западом; *Сакпавахтун*, белый — с севером). Эти сверхесте-

---

⁹⁰ А.Рус не совсем прав, считая бога дождя Чаака у юкатанских майя XVI в. полной аналогией богу «В» майяских кодексов XII–XV вв. и богу скипетров 1-го тысячелетия н.э. Можно сказать, что это лишь функциональное совпадение, да и то частичное, упомянутых божеств. Начать с того, что в кодексах бог «В» носит название *К'ашиш* — и это не бог дождя, а бог ветра, иногда несущего с собой дождевые тучи (см.: *Кнорозов Ю.В.* Иероглифические рукописи майя. Л., 1975, с. 231). Бог скипетров классического периода — это покровитель шестого яруса небес, бог-громовик, олицетворяющий плодородие, и т.д. (см.: *Гуляев В.И.* Атрибуты царской власти древних майя. — Советская археология, 1972, №3) (*Примеч. ред.*).

ственные существа обитали под землей; они скорее напоминали слуг бога дождя — *Чаакобов*, чем самостоятельных божеств.

Похоже, что у майя не было особых божеств молнии и грома; видимо, они считались силами, происходящими от *Чаакобов*, или просто их орудиями. Топор, который в кодексах очень часто сжимает *Чаак*, мог символизировать гром (из-за удара, производимого при работе им) и молнию — из-за искр, высекаемых при ударе о другой камень. Барабан, на котором иногда в кодексах играет *Чаак*, также, вероятно, напоминает гром.

Важное место по многозначности функций и по связи с жизненными аспектами деятельности людей в пантеоне майя занимает богиня *Иичель*. Главным образом она представляет Луну, называвшуюся на языке майя Юкатана «У». В календарных надписях это, видимо, молодая богиня числа «1». Известно о существовании святилища этой богини на острове Косумель.

Интерес к Луне определялся не только характером сверкающего светила, но и ее предполагаемым влиянием на рост растений и здоровье людей. Поэтому она считалась богиней — покровительницей медицины. Идол, ее изображающий, помещался под циновку роженицы, чтобы облегчить роды. Кроме того, она покровительствовала ткачеству. *Иичель* может в целом считаться богиней, покровительствующей женщине и ее главным занятиям.

В «Ритуале Бакабов», текст которого датируется колониальной эпохой и, вероятнее всего, основывается на информации, собранной вскоре после конкисты, содержатся доиспанские представления майя. В нем упоминаются четыре богини *Иичель*, связанные с четырьмя цветами стран света. Э.Томпсон считает, что богиня самоубийц *Иитаб* — «хозяйка веревки», изображенная повешенной на таблицах затмений Дрезденского кодекса, могла быть не отдельным божеством, а ипостасью *Иичель*.

Очевидно тесное родство богини майя *Иичель* с мексиканской богиней *Гласольтеотль* (*Тоси*): обе они связаны с Луной, «медициной, ткачеством, беременностью и родами, то есть комплексом представлений, наверняка очень древних в религиозном мезоамериканском мышлении.

Другая богиня, которая, по Э.Томпсону, называется *Ии Чебель Яи* и находится в тесном родстве с *Иичель*, судя по ее изображению в кодексах и функциям, — это богиня *О* по классификации П.Шелльхаса. У нее тот же иероглиф, что и у *Иичель*, за исключением того, что ее лицо в морщинах и у нее иногда лишь один зуб, что указывает на ее старость. По мнению Шелльхаса, она является супругой *Ицамны* и матерью *Иичели*. Она также связана с *Чаакообами*, поскольку ее нередко изображают льющей воду из сосуда. Как и *Иичель*, она, видимо, была покровительницей ткачества, живописи и вышивки. На последней странице Дрезденского кодекса она представлена со злобным выражением лица, с когтями на ногах, юбкой, украшенной скрещенными костями, и со змеей, свернувшейся на голове. Знак *Кабан* в ее иероглифе, как и в иероглифе *Иичели*, указывает на то, что обе богини связаны в некотором роде с Землей.

У майя издавна обожествлялся маис — основа их питания и, согласно «Пополь-Вух», плоть людей, сотворенных богами. В кодексах ему соответствует бог *Е* (по П.Шелльхасу), представленный красивым молодым человеком, голова которого заканчивается в виде початка или окружена листьями маиса. Часто он изображен совершающим какую-либо земледельческую работу. Хотя несколько авторов дали божеству маиса имя *Юм Кааш* (господин леса), Э.Томпсон сомневается в правильности этого имени и утверждает, что, согласно некоторым источникам, бог назывался *Ах Мун* (маис). В хрониках даются и другие названия этому растению, например *Кавиль*, что Томпсон интерпретирует как «изобилие еды». Это божество считается покровителем числительного «8». День *Кан* также связан с этим растением, так как его название обозначает «зрелый маис» и иероглиф этого дня считается его символом⁹¹.

У майя, как и у народов Мексиканского нагорья, обряд человеческого жертвоприношения путем обезглавливания также связан, видимо, с культом маиса. Об этом пишут хрони-

---

⁹¹ Согласно переводу Ю.В.Кнорозова, это божество носит в кодексах имя *Ум-вишл* (бог изобилия) (Примеч. ред.).

сты. На одной из сцен Дрезденского кодекса изображено, как воздается культ именно голове бога *E*; отсеченные головы вместо початков помещены среди листьев маиса на крестообразной фигуре в Паленке, известной как «Лиственный Крест» и находящейся в храме того же названия.

БОЖЕСТВА ЭЛИТЫ

Другим обожествляемым растением было какао. Как известно, бобы какао использовались в качестве монеты, и, видимо, его выращивание было в какой-то степени монополизировано. Бог какао *Эк Чуах* изображался расписанным черной краской, с красным ртом и длинным носом, с поклажей на спине и посохом в руке, так как он был богом — покровителем торговли. Культ его почитался, по всей видимости, лишь хозяевами плантаций какао и богатыми торговцами.

В различных упоминаниях, содержащихся в колониальных источниках, подтверждается важность культа бога *Ицамны*.

Он почитался как творец вселенной и мог быть самым *Хунаб Ку* или, как считают некоторые авторы, его сыном. Для жрецов высокого ранга в течение постклассического периода *Хунаб Ку* — «единственный бог» — был, видимо, скорее метафизическим понятием, чем конкретным божеством, так как, по сообщениям хронистов, в его честь не возводился ни один храм и ему не воздавали никаких почестей, что было ошибочно истолковано как тенденция к монотеизму. Э.Томпсон полагает даже, что на эту интерпретацию могло оказать свое влияние христианство, начиная с момента конкисты и позднее.

Ицамна был по преимуществу богом неба. Он олицетворял небеса в их безграничности и вечности, небо дневное и ночное. Его имя переводится как «дом игуан» («*ицам*» — это игуана). По Э.Томпсону, толкующему расширительно значение слова «игуана», оно обозначает вообще небесных чудовищ и таких пресмыкающихся, как ящерицы и змеи. От *Ицамны* зависело все, что было связано с небом: солнечный свет, лунные влияния, дождь и как производное всех этих природных сил урожая.

Как небесный бог и творец, он изображался беззубым старцем, а как божество, дарующее жизнь растительности, — иероглифом в виде листьев, растущих из его лба. В Дрезденском и Мадридском кодексах *Ицамна* изображен в виде двуглавой змеи, так же как и на монументах Паленке (панель из «Храма Креста», могильная плита в «Храме Надписей»). На классических монументах Копана, Йашчилана и Наранхо встречается геометрическая стилизация этих же двуглавых змей, известная как «ритуальная полоса», по которой отличают важных персон. По мнению Э.Томпсона, изображениями *Ицамны* являлись также полосы со знаками небесных тел (Солнца, Луны, Венеры и, возможно, других планет), обрамляющие фигуры людей или сцены, вылепленные из штука на нескольких зданиях Паленке. Каждое такое обрамление должно было, во-первых, символизировать идею неразделимости земли и небес, а во-вторых, ограничивать квадратное помещение «дома игуан». Тот же автор рассматривает двуглавого ящера алтаря Копана как натуралистическое изображение *Ицамны*, считая ящера разновидностью игуаны.

Ицамне приписывались многочисленные свойства, поэтому к нему часто обращались по различным поводам — и чтобы предотвратить коллективные бедствия, например засуху, и чтобы испросить хорошего здоровья. В колониальных источниках этот бог называется многими именами, отражающими его универсальные функции.

Небесный пантеон майя включал и других богов, о которых не всегда можно с точностью сказать, почитались ли они правящим классом или народом в целом. Один из них — бог *Чикчан* (бог *H*, по П.Шелльхасу), покровитель числительного «9», иероглиф которого изображает молодого человека (в кодексах он представлен также как женщина) с чертами, свойственными кошачьим (пятна у рта, усы ягуара). Это божество ассоциировалось с дождем, то есть оно было родственником *Чаакообам* или подчинялось им. Поэтому скорее всего

его культ был народным, как им до сих пор остается культ богов *Чикчанов* — змей, вызывающих дожди, согласно верованиям чорти.

С большей уверенностью можно считать божеством, почитаемым жреческим классом, *Лахун Чана* (бог неба), который олицетворял планету Венеру. Похоже, что в действительности было пять богов, соответствующих Венере, и *Лахун Чан* был лишь одним из них. В Дрезденском кодексе это божество связано с таблицами, касающимися Венеры, когда, по Э.Томпсону, она вновь показывается на небе после нижнего сопряжения с Солнцем. Божество изображено агрессивным существом, вооруженным дротиком и щитом; его жертвы — боги *K* и *E*, ягуар и черепаха, приносящие благополучие человеку, которому угрожает появление Венеры, выходящей из мира мертвых; сопутствующий иероглифический текст включает, согласно Э.Томпсону, неблагоприятные предсказания.

Другое божество — это бог *C* (по П.Шелльхасу), часто изображаемый в кодексах и надписях на монументах, хотя и нельзя с точностью объяснить его первоначальное значение. В самом деле, его функции разнообразны. С.Г.Морли называет его *Шаман Эк* — именем Полярной звезды, возможно, из-за ассоциации его с севером, но Шелльхас считал, что речь скорее могла идти о Малой Медведице, полагая при этом, что ее иероглиф — плоское лицо обезьяны. Майя могли представлять себе созвездие в виде фигуры обезьяны, чей цепкий хвост захватывал полюс, позволяя таким образом созвездию вращаться вокруг твердой точки, которой являлась бы Полярная звезда. В таком случае бога *C* должны были почитать торговцы. Э.Томпсон допускает связь этого бога с севером, но напоминает, что он может быть представлен знаками четырех сторон света, что делает более сомнительной интерпретацию, связывающую его исключительно с севером. В календарных надписях он первый спутник (иероглиф *G₁* из серии «Девяти владык ночи») и, кроме того, является частью знака *X* «лунного цикла». В других иероглифических контекстах бог *C* ассоциируется, видимо, с водой и Солнцем.

Напомним также о существовании в пантеоне майя *Ошлахун-ти-ку* — «13 богов», занимающих, видимо, 13 слоев, на которые делилась у майя небесная сфера. Э.Томпсон считает, что эти боги были покровителями числительных от 1 до 13 в ритуальном календаре, функция которых свидетельствует об их важности. Возможна также их связь с 13 основными числительными в виде вариантов голов. Допустимо предположить, что почитание этих 13 небесных богов было ограничено жреческим классом, так как, если судить по функции, связанной с математикой и религиозным календарем, по мифическому характеру этих богов и их участию в космогонических битвах, они должны были быть далеки от забот народа.

Их антагонистами были *Болон-ти-ку* — «9 богов», живших на 9 уровнях, составлявших подземный мир, в котором обитали враги человека, насылавшие болезни и вызывавшие смерть; там же находили пристанище умершие. Вредоносное влияние этих богов на жизнь и поступки человека проявляется в календаре посредством серии «Девяти владык ночи», изображенных различными иероглифами *G*. В книгах «Чилам-Балам» соперничество между *Болон-ти-ку* и *Ошлахун-ти-ку* закончилось победой первых, которые вызвали катастрофу, в итоге чего погиб один из родов людей, последовательно создававшихся богами. Как и в случае с 13 небесными богами, почитание девяти подземных богов было заботой лишь жреческой верхушки, манипулировавшей космогоническими верованиями.

СВЯЗЬ БОЖЕСТВ И ПРЕДСКАЗАНИЙ С КАЛЕНДАРЕМ

Говоря о некоторых божествах, мы упоминали о возможной ассоциации их с числительными и днями. Э.Томпсон лучше всех уточнил эти связи, основываясь частично на работе других исследователей.

Мы уже говорили, что в ритуальном календаре каждому дню соответствовало предсказание для родившегося в этот день, предопределявшее его будущие качества, а также род предстоящих ему занятий и его судьбу. Основываясь на содержании разных хроник, А.Баррера Васкес и С.Рендон дают перечень названий животных, растений и других атрибутов,

связанных с 20 днями религиозного календаря, помимо предсказаний для каждого из этих дней. Из их данных мы здесь изложим лишь предсказания, связанные с днями.

Согласно верованиям майя, влияние дней ритуального календаря сказывалось на судьбе не только отдельной личности, но и коллектива людей, то есть одни знаки были благоприятны, а другие, наоборот, опасны для определенных занятий. Кроме того, жрец, занимавшийся этими предсказаниями, учитывал влияние — хорошее, плохое или индифферентное — числительного, сопровождавшего каждый день, которое в зависимости от обстоятельств могло бы изменить (в лучшую или худшую сторону) судьбу, зависящую от названия дня.

(по Э. Томпсону)

Числительные	Названия дней	Имена богов	Ассоциирующиеся понятия
1	<i>Кабан</i>	<i>Иичель (I)</i>	Луна, Земля
2	<i>Эцнаб</i> ⁹²		Человеческое жертвоприношение
3	<i>Кавак</i>	<i>Ицамна (K)</i>	Ветер, дождь
4	<i>Ахав</i>	<i>Ах Кин (G)</i>	Солнце, день
5	<i>Имиш</i>	<i>Мам (N)</i>	Земля
6	<i>Ик</i>	<i>Чаак (B)</i>	Дождь, растительность
7	<i>Акбаль</i>	<i>Ягуар</i>	Ночь, подземный мир
8	<i>Кан</i>	<i>Ах Мун (E)</i>	Маис
9	<i>Чикчан</i>	<i>Чикчан (H)</i>	Змея
10	<i>Сими</i> ⁹³	<i>Юм Симиль (A)</i>	Смерть
11	<i>Маник</i>	<i>(R)</i>	Гора, олень, охота
12	<i>Ламат</i>	<i>Лахун Чан</i>	Венера
13	<i>Мулук</i>		Змея, вода
14	<i>Ок</i>		Собака преисподней
15	<i>Чуэн</i>		Обезьяна, ремесло
16	<i>Эб</i>		Вредоносный дождь
17	<i>Бен</i>		Маис, еда
18	<i>Иш</i>		Ягуар
19	<i>Мен</i>	<i>Иш Чебель Яш (O)</i>	Луна, ткань, олень
20	<i>Сиб</i> ⁹⁴		

<i>Кан</i>	Богатый, мастер во всех ремеслах, мудрый
<i>Чикчан</i>	Из огня его душа, плоха его судьба, убийца.
<i>Сими</i>	Убийца, очень плоха его судьба.
<i>Маник</i>	Кровавы его когти, также плохой.
<i>Ламат</i>	Пьяница, назойлив, болтун, бесчестен в разговоре, сеятель раздора.
<i>Ок</i>	Прелюбодей, безрассуден, также сеятель раздоров, непонятливый.
<i>Чуэн</i>	Искусник дерева, искусник в ткачестве, мастер во всех ремеслах, очень богата его жизнь, очень хороши все дела, что он делает, рассудителен.
<i>Эб</i>	Богатый, чье богатство — община, хороший богач, общинное — его богатство, щедрый, хороший человек, не будет вздорным, очень хороший.
<i>Бен</i>	Жалкий, плебей, бедный.
<i>Иш</i>	Храбрый ягуар, кровав его рот, кровавы его когти, кровожаден, пожиратель мяса, убийца.

⁹² У Ю.В.Кнорозова — Эсаноб (Примеч. ред.).

⁹³ У Ю.В.Кнорозова — Кими (Примеч. ред.).

⁹⁴ У Ю.В.Кнорозова — Киб (Примеч. ред.).

<i>Мен</i>	Мастер во всех ремеслах, очень хороший, заговорит скоро.
<i>Сиб</i>	Вор, характер охотника, храбрый, также убийца, без хорошей судьбы, плохой.
<i>Кабан</i>	Мудрый и благоразумный торговец, пускатель крови и знахарь, хороший, рассудительный.
<i>Эцнаб</i>	Пускатель крови при лихорадке, пускатель крови и знахарь, здоровый, храбрый.
<i>Кавак</i>	Очень мечтательный, благородный.
<i>Ахав</i>	Богатый, благоразумный, храбрый, хороший.
<i>Имиш</i>	Похотливый грешник, бесчестный, самый скверный человек, нерешительный, сомнительный.
<i>Ик</i>	Бесчестный, человек очень похотливый, плоха его судьба.
<i>Акбаль</i>	Жалкий плебей без будущего, бедный, охотник.

Но воздействие времени на людей и события не ограничивалось днем. Все календарные периоды вносили свою лепту в плетение сложнейшей сети, которой была опутана судьба каждого и всех.

День ритуального календаря (в нем было 260 дней), который совпадал с днем начала гражданского года, насчитывающего 365 дней, был чрезвычайно важен для определения характера грядущего года. Этот день, который на протяжении времени мог быть лишь одним из четырех (*Акбаль*, *Ламат*, *Бен* или *Эцнаб*), бесконечно сменявших друг друга, назывался майя *ах куч хааб* — «носитель года». По причинам, которые нам неизвестны, этих «носителей» заменили, и к моменту испанского завоевания ими были *Кан*, *Мулук*, *Ии* и *Кавак*.

Финальные дни *тунов*, *катунов* и *бактунов* также имели значение для обоснования жрецами своих пророчеств. Самым важным был день, на который падал конец *катуна* и по которому он назывался; этот день обязательно был *Ахав*, и его числительное менялось по нисходящей линии (13, 11, 9, 7, 5, 3, 1, 12, 10, 8, 6, 2, 13, 11 и т.д.). Книги «Чилам-Балам» дают нам серию двадцатилетий с соответствующими предсказаниями, которые не всегда понятны, так как они выражены языком метафор, часто употреблявшимся жрецами. Помимо нескольких благоприятных *катунов* большая их часть провозглашала несчастья: засухи, эпидемии, нищету, войны, плотский грех, бесчестие и т.д.

БОЖЕСТВО СМЕРТИ

Мы попытались разделить божества на народные и элитарные. Но существовало одно божество, которое вызывало общее чувство отвращения и страха у всех без исключения социальных групп, — это божество смерти. Оно наиболее часто изображается в кодексах и представлено также на многих памятниках. Это бог *Н* (по классификации П.Шелльхаса). В различных исторических источниках он известен под разными именами: Сисин, что Э.Томпсон интерпретирует как «смрад», но что, по мнению лингвиста Марии Кристины Альварес, скорее могло бы этимологически означать «положить хорошо натянутым»; *Вак Митун Ахав* — «господин седьмого круга», которого упоминает Ланда. Та же М.К.Альварес предполагает, что речь идет об одном из кругов подземного мира, однако Э.Томпсон полагал, что хронист неверно записал его имя, которое должно писаться как *Чак Митун Ахав*, что означало бы, по Томпсону, «великое адское гниение»; *Хун Ахав*, календарное имя «1 Ахав», с которым часто упоминается планета Венера, считавшаяся опасной для всех, когда она выходила из мира мертвых после отсутствия на небе в течение определенного времени и была, по мнению Ланды, «владыкой всех демонов»; *Ах Пуч*, чье настоящее имя могло быть *Ах Пукух* — «господин преисподней» на языках цельталь, цоциль и тохолобаль, по Томпсону; наконец, *Юм Симиль* — «господин смерти», имя, которым этого бога все еще называют на Юкатане.

В кодексах он обычно изображается в виде скелета. Среди элементов его убранства наиболее постоянны бубенчики, похожие на металлические бубенчики, найденные в сеноте Чичен-Ицы, которые он мог носить на голове, на шее, на щиколотках или на кистях рук. Ушным украшением ему служит длинная кость. Когда на нем есть какая-либо одежда (юбка,

плащ), она украшена скрещенными костями. Божество связано с числительным 10 и со днем *Сими*, означающим «смерть»; в обоих случаях иероглиф воспроизводит лицо умершего, лишенное плоти и нередко имеющее на щеке знак, напоминающий «%». Иногда этот знак заменяется изображением черепа. В одном случае (Дрезденский кодекс) божество — женского рода.

В кодексах это божество часто связано с богом, которого П.Шелльхас обозначил как *F*; оно ассоциировалось с войной и насильственной смертью при жертвоприношении. Для Томпсона это был бог Земли, он обозначен им буквой *R*. Бога смерти иногда сопровождает собака, которая, согласно мезоамериканским верованиям, помогает умершему в путешествии в подземном мире, и сова, чей ночной крик всюду считается плохим знамением. На страницах кодексов он изображен за различными занятиями: ткёт на ручном станке или на станке, прикрепленном к дереву; подносит змеобразному божеству обезглавленную птицу и зерна маиса; возлежит на иероглифе Кабан (Земля) и курит; рубит дерево топором; держит голову умершего; смачивает кончик палки в сосуде, возможно содержащем краску; сжигает пчелу или угрожает горящим факелом оленю. Упомянутая нами связь его с богом войны и смерти при жертвоприношении проявляется в присутствии обоих богов в одних и тех же сценах, иногда они при этом сидят друг против друга, и в одном случае они присутствуют при жертвоприношении, в другом — бог смерти связан с четырьмя изображениями бога *F*, держащими бога *K*; на другой сцене бог *F* наряжен как бог *A* и разрушает храм. Нам известна также сцена, в которой бог смерти под дождем несет бога *B* (*Чаака*), сидящего на троне.

На монументах майя изображения смерти или бога, ее символизировавшего, встречаются не часто, за исключением календарных надписей, в которых, как мы уже сказали, один из дней цолькина — *Сими* (смерть) и числительное 10 применяются часто, особенно второе, которое помимо собственного числового значения входит в состав цифр от 13 до 19 в изображениях вариантов голов. Мы должны упомянуть также иероглиф-эмблему Паленке — это череп, представленный почти во всех иероглифических надписях этого города.

Мы можем вспомнить лишь несколько изображений смерти: Алтарь 5 из Тикаля, где между двумя жрецами, стоящими на коленях, расположен алтарь с несколькими берцовыми костями, на которых покоится человеческая челюсть, поддерживающая череп животного; Монумент 1 из Бильбао, где смерть представлена в связи с игрой в мяч и человеческим жертвоприношением путем обезглавливания, что изображено также на Монументе 3 того же памятника, хотя в несколько отличной форме, и, может быть, на монументе 13; фигуры Креста и Лиственного Креста в Паленке, на которых маска бога Земли и смерти поддерживает центральный элемент композиции, крестовидную фигуру, образуя таким образом символ Земли — маис или смерть — возрождение; сходный мотив, хотя и более вычурный, — маска, на которой лежит, как будто упав на спину, человек, изображенный на могильной плите склепа «Храма Надписей» в Паленке.

Бог смерти, по верованиям майя, проживал на самом нижнем уровне подземного мира — *Шибальба*, или *Метналь*, у разных групп. Второе название должно быть поздним, так как оно происходит от искаженного слова *Миктлан* (на языке науа). Он представлялся как темное место, куда прибывали души умерших после длинного и трудного пути, полного опасностей. Мы не знаем, как майя классической эпохи воображали потусторонний мир⁹⁵, а историческая информация, которой мы располагаем, не совсем применима к ним. Картина, описанная хронистами, вероятно, подразумевает результат двойного воздействия: верований науа начиная с X в. и христианской религии шесть веков спустя. С тольтекскими завоевателями могло прийти представление о рае для принесенных в жертву, а с испанцами — о небесах для хороших и преисподней для злодеев. Что касается предполагаемогорая для воинов,

---

⁹⁵ Благодаря последним исследованиям М.Д. Ко (США) и Ю.В.Кнорозова в настоящее время картина «потустороннего мира» в представлениях майя 1-го тысячелетия н.э. выявлена достаточно полно. — См. об этом: *Сое М.Д.* Maya scribe and his world. New York, 1973; *Кнорозов Ю.В.* Иероглифические рукописи майя. Л., 1975, с. 249–250; *Ершова Г.Г.* Формула возрождения. — Латинская Америка, 1984, №5; 1985, №6 (*Примеч. ред.*).

убитых в бою, и женщин, умерших при родах (эти представления рассматриваются некоторыми известными майянистами как привнесенные науа), то мы не нашли ни в одном историческом источнике какой-либо информации, подтверждающей их существование.

БОЖЕСТВА — ПОКРОВИТЕЛИ ПРОФЕССИЙ

У майя существовали многочисленные божества, покровительствовавшие земледельцам (Земля, Вода, Солнце, Луна, Ветер, Дождь, Маис и т.д.). Остальным занятиям также покровительствовали особые боги. Так, охотники почитали *Сина* (оленя); рыбаки — *Как Нешока* (акулу с огненным хвостом); пчеловоды — *Хобниля*; ткачи — *Иичель*; торговцы и хозяева плантаций какао — *Эк Чуаха*; знахари — *Иичель* и *Кинич Какмоо*, а воины — *Сит Чак Коха* (отца — красную пуму) и *Какупаката* (огненный взор).

Почитались и некоторые животные, связанные с религиозными, мифологическими и астрономическими представлениями майя. Они выступали в роли божества или их представителей. Эти животные служили также для приношения богам искупительных жертв или использовались как знаки-символы в иероглифической письменности. Среди главных назовем: ягуар, змея, сова, кецаль, летучая мышь-вампир, индюк, цапля, собака, обезьяна, олень, пекари, пума, броненосец, ящерица, лягушка, игуана, черепаха, рыба, двустворчатый моллюск, улитка, скорпион, пчела и бабочка.

КОСМОЛОГИЯ

По представлениям майя XVI в., существовало 13 небес, или небесных сфер — «слоев неба», и 9 подземных миров. Мир считался плоским и квадратным по форме. По четырем его углам: на востоке, западе, севере и юге росли «мировые деревья», которые соответственно назывались Красное, Белое, Черное и Желтое. В центре мироздания находилось Зеленое дерево — «*Иаш-че*», часто ассоциирующееся с сейбой. Здесь же стояли четыре гигантских кувшина с водой: когда боги лили из них воду, на земле шел дождь. На небесах в тени ветвей Зеленого дерева, находился рай с богиней Иштаб, а в подземных мирах — ад. Майя считали, что мир пережил несколько эр, каждая из которых заканчивалась потопом.

С небом и подземным миром были связаны соответственно идеи о добре и зле, с другой стороны, небеса рассматривались как мужское существо, а земля относилась к женскому роду.

КОСМОГОНИЯ

Если сравнить данные индейских и испанских хроник XVI в. относительно представлений майя о сотворении Земли, небесных тел и появлении человека с данными исторических источников других мезоамериканских народов, например ацтеков, то можно заметить явное культурное родство, существовавшее между ними. Многие из этих представлений дошли до нас через мифы.

Хотя и с некоторыми вариантами, версии сотворения Земли и человека, даваемые «Пополь-Вух» киче, «Анналами Какчикелей» из Солоты и книгами «Чилам-Балам» юкатеков, достаточно сходны. Последовательные попытки богов создать существа, способные прокормить и почитать их, были безуспешными до тех пор, пока не появился маис. Только из маисового теста творцы смогли создать человечество, которое отвечало их задачам. Люди могут жить и размножаться по мере того, как они будут исполнять свои обязанности, то есть снабжать богов пищей, почитать их, отдавать им собственную кровь или кровь принесенных в жертву и подчиняться представителям богов на земле, то есть жрецам. Открытие маиса породило также сходные мифы: маис, скрытый под камнем, был известен лишь муравьям, которые по трещинам добирались к зерну, пока одна лисица не узнала об их тайне; позже ее раскрыли другие животные и, наконец, человек.

Рождение Солнца, Луны и Венеры и их приключения составляют большую часть мезоамериканской мифологии. Солнечное светило предстает как герой, участвующий в борьбе против сил зла и смерти. Он умирает, возрождается и, наконец, превращается в Солнце.

РИТУАЛ

По сообщениям хронистов и по изображениям в кодексах и на монументах, а также по археологическим находкам мы можем до некоторой степени восстановить ритуал, через который проявлялись религиозные верования майя. Известно, что больше всего майя были озабочены добыванием пищи и продлением жизни. Они считали, что в этом им могут помочь различные обряды, индивидуальные или коллективные. К их числу относились посты и воздержания; молитвы; приношения, возлагаемые перед изображениями божеств и состоявшие из цветов, плодов, пищи растительного или животного происхождения, живых или только что принесенных в жертву животных; возжигание душистой смолы-копала; жертвенные кровопускания, когда человек извлекал из своего тела капли крови, главным образом из ушей или из языка; человеческие жертвоприношения. Приношение в жертву осуществлялось разными методами, известными также и в остальной Мезоамерике, в частности в Центральной Мексике, такими, как расстреливание из луков, обезглавливание, сдирание кожи, сбрасывание в пропасть, в сенот или в озеро, вырывание сердца из груди.

Церемонии религиозного характера сопровождали все важнейшие моменты коллективной и индивидуальной жизни. Например, одни обряды сопровождали земледельческие работы (сжигание леса, сев, сбор урожая), другие были связаны с жизненным циклом человека (рождением, совершеннолетием, вступлением в брак и, наконец, смертью).

В похоронных обрядах отмечают различия в отношении к телу умершего в зависимости от социальной категории данного лица: кремация правителей и важных лиц, пепел которых хранился в глиняных урнах или деревянных статуях; простая яма под хижинкой или рядом с ней — для простых людей. Археологи со своей стороны определили, что в зависимости от социального положения усопшего захоронение могло быть простой ямой, вырытой в земле, ямой, изнутри обложенной камнями и закрытой сверху плитой, камерой с каменными стенами и сводчатым потолком. Захоронение могло находиться под полом хижины, внутри платформы гражданской или религиозной постройки, в кургане, насыпанном с похоронными целями; некоторые гробницы украшались настенной живописью. Оно могло быть индивидуальным или коллективным, в последнем случае легко опознаются останки, соответствующие главному лицу, и останки сопровождавших его людей, принесенных в жертву для служения ему на том свете. Количество и качество предметов, положенных как приношения, также варьировались. Самая большая могильная конструкция, известная на всем Американском континенте, — это, без сомнения, склеп, построенный внутри «Храма Надписей» в Паленке. В склепе находится огромный каменный саркофаг, покрытый барельефами, рассказывающими о жизни правителя, похороненного в нем. Богатство архитектурного ансамбля гробницы и приношений иллюстрирует политическую, социальную и религиозную значимость, которую имел этот человек при жизни.

Во время религиозного праздника начала Нового года изображение бога — покровителя ушедшего года заменялось изображением покровителя начинающегося года. Каждый месяц устраивались праздники в честь богов — покровителей некоторых профессий (лекари, жрецы, охотники, рыбаки, пчеловоды, воины и т.д.). Конец некоторых больших периодов (например, *катунов*) отмечался особенно пышно.

* * *

Итак, совершенно очевидно, что религия у древних майя играла огромную роль. Она регулировала не только все стороны социальной жизни, но и личную жизнь любого индивида, члена этого общества. Жречество, осуществлявшее это всестороннее регулирование, всемерно использовало свою неограниченную власть над простым народом и держало его в полном повиновении.

ИСКУССТВО МАЙЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Искусство — это всегда сложный продукт сочетания исторических, социальных, культурных и географических факторов, к тому же зависящий от свойств каждого определенного народа. Индивидуальный вклад художника в искусство, его творческая воля тоже в конечном счете обусловлены обстоятельствами, в которых художник вынужден жить.

Различные факторы, определяющие то или иное эстетическое явление, не действуют на одном и том же пространственном и временном уровне. Например, в определенную эпоху вдруг возвращаются к формам, заимствованным из прошлых веков, которые копируются или синтезируются. Географическая среда лишь непосредственно предоставляет художнику материалы и иногда пейзаж, флору и фауну (в качестве модели) или климатические условия, способствующие появлению определенных художественных образов. Нет сомнения, что исторические условия влияют на художественное творчество больше, чем географические.

ИСКУССТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ

Искусство прежде всего — общественный продукт, на который воздействует все общество через экономические, политические, религиозные и культурные институты. В то же время искусство само оказывает определенное влияние на общество, в котором оно развивается. Индивидуальное произведение искусства имеет смысл и действенность лишь в определенном социальном контексте, но это не означает, что его возникновение объясняется лишь социальными условиями, что игнорируются исторический момент, географические особенности и творческий импульс художника.

Тесно связанное с обществом, искусство всегда выражает интересы определенных классов. Только в обществе, в котором еще не было социального расслоения, оно могло отражать интересы общества в целом. Таким являлось палеолитическое наскальное искусство, в котором магические верования людей находили свое выражение в картинах охоты и изображениях зверей, поскольку от удачной охоты зависело существование всего общества.

ИСКУССТВО НА СЛУЖБЕ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА

В более развитом в социально-экономическом отношении обществе, в котором существуют антагонистические классы и большинство населения должно содержать меньшинство, которое управляет этим большинством и эксплуатирует его, искусство будет носить классовый характер.

Мы говорили, что общество майя можно рассматривать как переходное между общинной организацией, сохранявшейся у крестьянского населения, и организацией с определенными классами, в которой уже имелась централизованная аристократическая власть, одновременно господствовавшая в экономической, политической, социальной, религиозной и культурной сферах. Эта власть находилась в руках жречества, возможно в абсолютной форме, в течение длительного периода; позже, по мере того как коллектив людей увеличился в числе и становился более неоднородным, вероятно, она делилась между жрецами и гражданскими вождями, тесно связанными между собой по социальному происхождению и интересам.

Таким образом, правители майя являли собой теократию, к которой относились как религиозные, так и светские властители, при этом считалось, что их авторитет исходит прямо от богов. Культ богов и правителей был практически один и тот же. В церемониальных центрах возводились храмы и дворцы для одних и для других. Здания украшались для того, чтобы снискать расположение одних и возвеличить других. Поэтому искусство майя одно-

временно и религиозное и светское. Для изображения правителей существовали определенные каноны, призванные прославить и возвеличить правящий класс.

Легко себе представить чувства обычных людей, оказавшихся в ритуальном центре, которых духовно подавляли внушительность архитектуры, богатство орнамента и яркость красок. Все это должно было убеждать простой народ в божественной сущности тех, кто ими правил, и подчеркивать никчемность их собственной жизни.

Влияние социально-политического фактора было определяющим не только в тематике, навязываемой художнику правящим классом, но и в самой форме искусства. Необходимо было следовать традиции, установившейся в главных центрах различных государств, где создавались настоящие региональные школы. Эстетический консерватизм был настолько очевиден, что теперь нам намного легче классифицировать искусство майя по региональным стилям, чем по хронологическим этапам. Каждый из этих стилей вырабатывал собственный эстетический язык и жесткие каноны, которые доминировали на протяжении веков.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Совершенно очевидно, что для объяснения зарождения и развития искусства майя нельзя обойтись без учета исторического фактора. До того как сложилась цивилизация на протяжении доклассического периода, в эту зону проникали различные влияния с юга Веракруса и севера Табаско, приписываемые культуре ольмеков; среди них — возведение стел, связь стел и алтарей, мотив ягуара. Вероятно, из Оахаки на территорию майя распространились за несколько веков до классического периода практика хронологических записей, идея иероглифической письменности и ее использования для фиксирования исторических событий. Позже в центральную зону и на север полуострова Юкатан пришли мотивы, связанные с теотиуаканской религией, в частности образ бога *Тлалока* и так называемый знак года, хотя, кажется, это нововведение не оказало глубокого влияния на эстетические взгляды и, вероятно, на сущность местной религии и культуры. Наоборот, в южной зоне, и особенно на важном памятнике Каминальгую, наличие теотиуаканских технических приемов, мотивов и стилей настолько заметно и постоянно, что заставляет предположить присутствие вождей родом из Теотиуакана, расположенного на Мексиканском нагорье, или по крайней мере их политическое, экономическое и идеологическое господство.

По тем же причинам исторического характера искусство майя постклассического периода подверглось иноземным влияниям, проявившимся сначала в появлении чуждых персонажей на типично майяских скульптурных изображениях, например путунских вождей в Сейбале, а затем в полном его использовании захватчиками (тольтеками, пипиль, ацтеками) для выражения концепций и тем, чуждых культуре майя.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Мы уже говорили, что географическая среда давала художнику лишь материал, в котором он себя выражал, и иногда мотивы вдохновения, которые он черпал в родном пейзаже. Однако фактор природной среды может действовать и опосредованно. Так, например, в классическом декоративном искусстве севера Юкатана обилие масок бога дождя *Чаака* на монументах объяснялось безводностью этого района.

МАЙЯСКОЕ И МЕЗОАМЕРИКАНСКОЕ ИСКУССТВО

Искусство майя не может быть отделено от искусства Мезоамерики. Оно не родилось и не развивалось изолированно от внешнего мира, как считал С.Г.Морли. Майяское искусство — это часть мезоамериканской культуры, и как таковое оно выражает общие концепции и отражает социальные и политические условия, существовавшие в той же или подобной форме у других народов.

Но также очевидно, что искусство майя имеет свои характерные черты и легко отличимо от искусства остальных народов Мезоамерики. Мы постараемся, исследуя архитектурные, скульптурные и живописные формы, кратко изложить элементы, составляющие своеобразие в множественности стилей, характерных для искусства различных районов области майя.

АРХИТЕКТУРА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Основные принципы архитектуры майя проистекают из принципов устройства жилища крестьянина, которое существенно не изменилось за тысячи лет. Хижина возводится на низкой платформе, предохраняющей ее от затопления в сезон дождей; несколько ступеней ведут от поверхности земли к полу хижины. Пол может быть просто из утоптанной земли или покрыт штукатуркой. Хижина обычно прямоугольна в плане, но на Юкатане может быть эллипсовидной; она имеет одну дверь на переднем фасаде, у нее нет окон и отверстия в потолке. Стены — из столбов и веток, скрепленных лианами; они обмазаны глиной и часто побелены известью изнутри и снаружи. Крепкий каркас из стропил, жердей и слег держит кровлю из листьев пальмы. Крыша имеет два продольных ската с углом немногим более 60° и два ската еще более отвесных на торцевых сторонах, которые имеют полуконическую форму, если план жилища эллипсовидный. Внутри помещения темно и тесно, но так как хижина сделана из естественных материалов, то вентилируется она достаточно хорошо. Крыша из пальмовых листьев или из травы хорошо пропускает воздух, но задерживает влагу.

Первые постройки майя, возведенные с ритуальными целями или как жилища жрецов и вождей, представляли собой простые хижины разных размеров, стоящие на платформах различной высоты, облицованных камнем и штукатуркой. В поздний доклассический период основания превратились в ступенчатые пирамиды в результате наложения одна на другую нескольких платформ. Пирамида «Е-VII» из Вашактуна, несмотря на богатое украшение из алебастровых масок, несла на себе храм, который был простой хижинкой.

Позже, когда строители майя научились делать стены из камня, но еще не знали свода, они продолжали использовать пальмовые кровли, как это удалось установить при исследовании постройки «К-5» в Пьедрас-Неграс.

МАЙЯСКИЙ СВОД

Пальмовая крыша была заменена каменной только с изобретением свода, который получил название ложной арки, или майяского свода. Подобные своды были известны некоторым народам Старого Света на несколько тысячелетий раньше (микенцам), другим — несколькими веками позже (кхмерам), чем майя.

Майяский свод возводился посредством сближения стен, начиная с определенной высоты (сразу под притолокой двери), при этом ряды камней накладывались один на другой так, чтобы каждый выступал над предыдущим, до тех пор пока в верхней части не оставалось небольшое отверстие, которое закрывалось плитой. Сооружение такой конструкции представляло определенные трудности, так как, если наклон был чересчур сильным, свод мог рухнуть под собственной тяжестью. Длительное время (большую часть раннего классического периода) майя строили своды с помощью накладываемых одна на другую длинных плит. Они надежно вмуровывались в стену, из которой выступала лишь их часть. Но со временем майя стали использовать более короткие плиты, затем слегка обработанные каменные блоки и в конце концов — достаточно небольшие тесаные камни.

Свод, построенный таким способом, походил изнутри на кровлю хижины. В поперечном разрезе он имел форму треугольника или трапеции. Но фантазия архитекторов майя привела их к изобретению таких вариантов кровли, как криволинейный свод, который в некоторых случаях почти приближается к романскому, свод в форме бутылки и др.

Здесь следует напомнить, что, хотя применение свода в храмах и дворцах майя знаменует начало классического периода, известны случаи использования этого строительного приема несколькими веками ранее. Только тогда перекрывалось узкое пространство (50–60 см), легко закрывавшееся тремя или четырьмя рядами плит. Но тем не менее это были попытки, основанные на том же принципе.

Майяский свод, неизвестный другим мезоамериканским народам, был, без сомнения, наиболее подходящим архитектурным решением, так как он прочнее, чем плоская земляная кровля на балках, к тому же дерево не может сохраняться долгое время во влажном тропическом климате и не выдерживает разрушительной деятельности термитов. Кроме того, большая высота внутреннего пространства и толщина кровли обеспечивали помещению достаточную прохладу.

Недостаток майяского свода состоял в том, что он позволял перекрывать только узкие пространства и не годился для больших помещений. Однако в некоторых исключительных случаях такие своды были возведены в могильном склепе «Храма Надписей» в Паленке и в поперечных коридорах, разделяющих центральное здание «Дворца правителя» и боковые пристройки в Ушмале.

ПИРАМИДА

Мы упоминали уже о переходе от простой платформы к так называемой пирамиде, образованной наложением одна на другую нескольких платформ, то есть к усеченной пирамиде. При этом никогда не достигался действительно пирамидальный геометрический объем, известный в Египте. Для майя природная возвышенность, холм было местом обитания дождя, ветров, рек, то есть обожествляемых ими сил природы. Чем выше холм, тем ближе к небу, поэтому основная функция майяской пирамиды — служить основанием храму, поднимая его как можно выше к небу. Но пирамида имела и погребальное значение, правда, второстепенное по важности и более позднее по происхождению, хотя в «Храме Надписей» в Паленке пирамида была превращена во впечатляющий мавзолей и одновременно служила основанием для храма.

ХРАМ

Храм был квадратным в плане, имел вертикальные стены с одним, тремя или пятью входами, которые вели в одно или несколько помещений; вход мог быть прямым или через портик, если было несколько дверей. Входы закрывались пологими или циновками, привязанными внутри к вмонтированным в стену «кольцам», по три с каждой стороны. Храмы обычно не имеют окон, но в некоторых случаях могут иметь маленькие отверстия-вентилы. Внутреннее пространство храмов сильно варьировало — от крошечных святилищ Петена до обширных помещений Паленке.

Элементом, свойственным архитектуре майя, был «кровельный гребень». Он представлял собой высокую конструкцию, возведенную на крыше храма, подчеркивавшую вертикальность ансамбля пирамида-храм и идею приближения к небу. «Кровельный гребень» нес большую часть, а иногда и весь комплекс символических декоративных элементов. Внутреннее очень тесное пространство было обусловлено толщиной стен, так как они должны выдерживать огромный вес массивного «кровельного гребня», имевшего большую высоту и широкое основание. Если же «кровельный гребень» состоял из одной или двух стен, покрытых известкой, то его вес был значительно меньше, стены делались тоньше, и поэтому внутреннее пространство заметно увеличивалось.

Когда в храме за портиком имелось несколько помещений, то центральное служило святилищем, а боковые были, вероятно, кельями жрецов. В некоторых районах в центральном помещении возводилось небольшое святилище со стенами, кровлей и входом, и таким образом подчеркивалось большое значение центральной части, сердцевины храма, где на барельефах изображалось божество.

ДВОРЕЦ

Нельзя с уверенностью определить назначение светских построек, называемых общим словом «дворцы». Скорее всего они служили жилищем для жрецов, знати и, может быть, для высших чиновников и важных торговцев; вероятно также, что некоторые постройки использовались как административные помещения и торговые лавки. Обычно они располагались на платформах и могли состоять из одного или нескольких длинных помещений, разделенных поперечными стенами на удлиненные комнаты. Некоторые постройки имели несколько этажей.

Вместе с жилыми помещениями или отдельно располагались паровые бани и туалеты.

ПЛОЩАДКИ ДЛЯ ИГРЫ В МЯЧ

Большая часть памятников майя имела одну или несколько площадок для игры в мяч. В классический период игра проходила на площадке, располагавшейся между параллельными платформами; скульптурные элементы (диски или головы животных), возможно, служили целью, до которой нужно было дотронуться мячом. Появление колец, видимо, было связано с тольтекским влиянием. Внутренняя наклонная сторона платформ имела подобие скамей.

ОБСЕРВАТОРИЯ

В нескольких центрах существовали обсерватории в форме башен, круглых или квадратных в плане, снабженные внутренней лестницей, ведущей в комнату для наблюдений. Лестница могла подниматься в форме спирали, как в Чичен-Ице и Майяпане, или в виде прямых прогонов, как в Паленке. Расположение нескольких зданий группы «Е» в Вашактуне наводит на мысль об использовании их для определения визирных линий, направленных к точкам на горизонте, где встает Солнце в дни солнцестояния и равноденствия.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА

Погребальная архитектура включает следующие варианты: яма неправильной формы, выложенная грубыми камнями (циста) без перекрытия; прямоугольная яма, обложенная плоскими камнями и прикрытая одной или несколькими плитами; камера со стенами и сводчатыми перекрытиями, обычно украшенная настенными росписями и рельефами из штука; курган, явно насыпанный для укрытия одного или нескольких захоронений названных выше типов; необычный ансамбль гробницы храма-пирамиды в Паленке.

ОРИЕНТАЦИЯ

Ориентация построек майя в классическую эпоху имеет тенденцию к совпадению со странами света, но в пересеченной местности расположение архитектурных сооружений зависело и от рельефа.

КЛАССИЧЕСКИЕ СТИЛИ

Как уже говорилось, разнообразие стилей, процветавших одновременно в области майя в разных районах, апогей развития которых приходился на поздний классический период, вероятно, было следствием территориального деления на провинции или автономные государства⁹⁶. Считается, что в течение указанного периода памятники майя центральной и северной зон могут быть сгруппированы по стилям в следующие районы: Петен, Мотагуа, Усумасинта, Паленке, Рио-Бек, Ченес и Пуук.

---

⁹⁶ Здесь автор несколько прямолинейно увязывает локальные стили архитектуры и искусства с территориально-политическими делениями (государствами) в зоне майя. В действительности картина была гораздо более сложной (*Примеч. ред.*).

ПЕТЕН

В этом районе, расположенном на севере Гватемалы и простирающемся до южных границ мексиканских штатов Кампече и Кинтана-Роо, находятся многочисленные памятники, среди которых выделяются следующие: Уканаль, Йашха, Волантун, Наранхо, Накум, Тикаль, Хольмуль, Вашактун, Шультун, Ла-Онрадес, Наачтун, Балакбаль, Ушуль, Эль-Пальмар и Калакмуль. Некоторые из них существовали еще в доклассическом периоде и в течение раннего классического, но самая блестящая их пора приходится на поздний классический период. Их столицей мог быть Тикаль, в котором находятся самые высокие храмы и пирамиды всей области майя; для него характерны большие группировки зданий, обширная территория и полугородской тип расселения.

Например, храм IV в Тикале от основания пирамиды до вершины «кровельного гребня» имеет 70 м, что немногим более высоты «Пирамиды Солнца» в Теотиуакане и Главного храма в Чолуле. В то же время крутизна наклона пирамиды, поддерживающей храм IV, больше, так как сторона ее основания имеет лишь 59 м, а пирамиды Теотиуакана и Чолулы — 225 и 320 м соответственно. Лестницы храмов Петена также были очень крутыми, превышая, например, в храме V 60°.

Для поддержания массивных «кровельных гребней», располагавшихся на задней половине храмов, сооружались стены необычной толщины — до 7 м. Поэтому для внутреннего помещения святилища оставалось минимальное пространство, иногда не более 1 м шириной — пространство, совершенно непропорциональное общему объему постройки. Это была архитектура, которую можно назвать фасадной. Она преследовала цель произвести впечатление на народ, собиравшийся у подножия храмов, но никогда не входивший в них.

Архитектуре Петена свойственны определенные характерные детали: утопленные углы пирамид, стены храмов с выступающими и углубленными секциями, профиль пирамиды, образованный небольшим откосом у основания, узким свободным пространством и большим откосом сверху.

МОТАГУА

Главные памятники этого района — Копан в Гондурасе и Киригуа в Гватемале, центры, относящиеся к одному времени и, возможно, политически связанные, при этом второй был зависим от первого.

Местная архитектура заметно отличается от архитектуры Петена, так как в ней нет высоких пирамид и высоко вознесенных храмов с огромными «кровельными гребнями». Однако Копан производит впечатление огромного акрополя, состоящего из нескольких пирамид, платформ, террас, храмов и дворов, расположенных группами и явившегося результатом многочисленных перестроек и стилистических наслоений. В акрополь вела широкая лестница храма 11 и лестница из 63 скульптурных ступенек, имеющая около 2500 иероглифов.

Любопытно, что в стиле некоторых построек проявляется сходство со стилем Пуук на севере Юкатана, например использование в стенах и сводах тщательно обработанных камней, а также масок бога дождя, расположенных на углах Храма 22 и вмурованных в каменную кладку.

В маленьком комплексе для игры в мяч в Копане головы попугаев-гуакамайо, вмурованные в откосы платформ, возможно, служили метками при игре. Под видимой постройкой были найдены две другие, более древние. Одна из них датирована началом VI в., другая, вероятно, относится к V в. и является наиболее древней конструкцией для игры в мяч в зоне майя, известной до настоящего времени.

Постройки Киригуа, видимо, относились к тому же стилю, что и постройки Копана, хотя они меньших размеров и скромнее украшены. Вместе с тем их внутреннее пространство более обширно, чем в Петене.

УСУМАСИНТА

Бассейн реки Усумасинты, простирающийся более чем на 400 км с юго-востока на северо-запад, был, вероятно, разделен между несколькими автономными государствами, центрами которых могли быть Чинкультик, Сейбаль, Алтар-де-Сакрифисьос, Ла-Мар, Бонампак, Пестак, Чиникиха, Чуктиепа, Эль-Тортугеро, Реформа, Баланкан, Хонута и многие другие.

Что касается архитектуры, то, видимо, район Усумасинты подвергался влияниям стиля Петена, в то же время один из этих центров, Паленке, распространял далеко вокруг свое собственное влияние. В Пьедрас-Неграс, например, отметим следующие черты петенского стиля: пирамиды с утопленными внутрь углами; профиль пирамиды с одним откосом поменьше и другим побольше; массивные «кровельные гребни» и необычайная толщина стен при малом внутреннем пространстве, предназначенном для святилища. Однако эти черты могут сочетаться с портиком с тремя входами, который характерен для Паленке. В Йашчила-не элементы стиля Петена почти исчезают и появляются черты, больше свойственные Паленке: гребни очень небольшие, покоящиеся на средней части кровли, что давало возможность увеличить внутреннее пространство даже маленьких храмов. Однако строители Йашчилана в некоторых постройках допустили ошибку, разместив гребни в центре свода в конструкциях лишь с одним пролетом, что вынудило их ставить внутри храма дополнительно мощные колонны для сдерживания нагрузки в наиболее слабой точке перекрытия.

ПАЛЕНКЕ

Хотя Паленке и относится к бассейну Усумасинты, мы считаем, что он заслуживает специального рассмотрения как центр, в котором развилась архитектура с очень своеобразными чертами. Ее влияние распространилось от реки Усумасинты на востоке до Грихальвы на западе.

Основные черты этой архитектуры таковы: наличие портика с тремя и в исключительных случаях пятью входами, образованными посредством возведения широких колонн; небольшое святилище внутри центрального заднего помещения, являющее собой особую архитектурную единицу, со своими стенами, входом и кровлей, функцией которого было хранить символ того культа, которому был посвящен храм; небольшие параллельные комнаты, использовавшиеся, вероятно, как кельи для жрецов; наклонная кровля; далеко выступающий козырек, защищающий от дождей рельефы из штука на фасадах; «кровельные гребни» из двух стен, украшенные накладными или вмурованными рельефами из штука; отверстия-вентилы разнообразных форм (трапециевидные или в форме трилистника) в сводах для лучшей вентиляции внутренних помещений; обильное применение штукowych рельефов в декоре зданий.

РИО-БЕК

Это название получил район, расположенный на юге штатов Кампече и Кинтана-Роо, по имени одного из входящих в этот район центров. Другие важные города — Бекан, Чиканна, Кохунлич, Шпухиль, Кулукбалом, Пайан, Печаль. В силу географического положения этот район испытывал влияния и с юга (Петен) и с севера (Ченес).

Характерные черты архитектуры Петена следующие: массивные «кровельные гребни» на задней части храма; внутренние стены, сделанные из грубых плит; крутые лестницы. Храмы Петена нередко имитируют некоторые детали храмов Тикаля, в частности формы массивных башен, расположенных по краям фасада, или иногда весь фасад.

Влияние архитектуры Ченеса проявилось в использовании хорошо обработанных камней при кладке внешних стен, а также в применении отдельных элементов украшения фасада, встречающихся именно в области Ченес. Другие черты архитектуры, свойственные одновременно и Рио-Бек и Ченесу, происходят из района Пуук — это колонны и столбики, которые служат опорами или декоративными элементами.

ЧЕНЕС

Происхождение названия этого района связано с тем, что многочисленные поселения здесь носят названия, заканчивающиеся словом «чен», что означает «колодец». Это говорит о существовании колодцев в зоне, где вода встречается на достаточно больших глубинах. Район расположен между штатами Кампече и Юкатан и включает наряду с другими такие центры, как Хочоб, Цибильнокак, Эль-Табаскеньо, Санта-Роса-Штампак и Цехкабтун. Географическое положение района объясняет взаимосвязь между характерными элементами архитектурных стилей этого района и района Пуук, хотя и невозможно проследить направления влияния ввиду того, что обе культурные зоны существовали одновременно.

Среди черт архитектуры Ченес назовем редко встречающиеся гребни; стены, построенные из хорошо обработанных камней; колонки в цоколях построек, хотя колонна как опора или часто встречающийся мотив декора неизвестна. Наиболее яркая особенность — это центральная дверь храма в форме пасти маски — черта, появившаяся, вероятно, именно в этом районе и достигшая, с одной стороны, области Рио-Бек, а с другой — района Пуук.

ПУУК

Это название означает на языке майя «холмистая местность». Область Пуук охватывает территорию, расположенную между штатами Юкатан и Кампече. Вот некоторые из главных центров района: Эцна, Ушмаль, Кабах, Сайиль, Лабна, Шлабпак, Чакмультун, Холактун, Шкулок, Кивик.

Стиль, характерный для этой области, по-видимому, развивался на протяжении нескольких веков. Первый этап (VII в. н.э.) мог соответствовать Эцне и самым древним постройкам Ушмаля, Сайиля, Лабны, Кабаха, в которых гребни расположены на центральной стене или являются продолжением фасада и слабо декорированы. Затем (VIII–IX вв.) наступает расцвет стиля; для этого периода характерно появление богатого декора на фризах и исчезновение «кровельных гребней», и, наконец, в X в. появляются некоторые тольтекские декоративные элементы.

Архитектуре Пуука свойственны следующие черты: постройки, в которых горизонтальные линии преобладают над вертикальными; стены из хорошо обработанных и пригнанных камней, неглубоко проникающих в тело бутовой кладки и образующих подобие облицовки; стены с гладкими фасадами, где декор ограничивается фризами; цоколь, окружающий фундамент здания, часто украшенный столбиками; использование колонны, монолитной или из составных секций, с капителью квадратного сечения для разделения входных проемов и образования портиков.

Стиль Пуук не был ограничен одноименным районом, так как здания с некоторыми из указанных черт одновременно встречаются в Чичен-Ице (Акаб-Циб, «Храм трех притолок», Чикчан-Чоб, «Женский Монастырь», «Иглесиа»), Цибилчальтуне и имелись в Майяпане до расцвета в позднем периоде.

ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ СТИЛИ

В X в. в область майя вторглись завоеватели. В северном районе в первой половине века это были путуны или чонтали с побережья Мексиканского залива, а в конце века — тольтеки. В южном районе — сначала пипили, носители тольтекской культуры, а позднее — ацтеки. Эти вторжения наложили свой отпечаток и породили гибридную культуру, характерную почти для шести веков, предшествовавших испанской конкисте. Мы коротко остановимся на результатах этих влияний на архитектуру майя, сосредоточив наше внимание на нескольких главных центрах, в которых оно наиболее заметно: Чичен-Ица, Майяпан, Тулум.

ЧИЧЕН-ИЦА

Если первые волны чужеземцев, нахлынувшие на полуостров Юкатан (шивы, ица или путуны), несли с собой только символы своей религии или изображения фигур своих воинов,

что нашло отражение на фризах Ушмаля и в архитектуре некоторых зданий Кабаха (возможно даже, они построили Караколь в Чичен-Ице), то большая волна захватчиков, прямо или косвенно происходивших из древнего Толлана (ныне Тула в штате Идальго), значительно трансформировала на протяжении XI–XII вв. архитектуру майя.

Новые строительные приемы, концепции и формы были привнесены тольтеками, и архитекторы майя, вероятно, применили их к собственным идеям, добившись чрезвычайно плодотворного слияния. Среди новых элементов назовем следующие: ориентация зданий под углом 17° на восток от астрономического севера; использование откоса и панели для украшения оснований построек и пирамид; расположение на кровлях украшений, неудачно названных «зубцами»; вестибюли из колонн у подножия пирамид, образующие параллельные галереи со сводчатой кровлей, покоящейся на деревянных балках, подпираемых колоннами или столбами; внутренние колонны, также в сочетании с майяским сводом и колоннами и балками, которые в Центральной Мексике служили для поддержки плоской кровли; комплекс для игры в мяч, закрытый на торцах и имеющий кольца; расширенное основание стен, образующее откос; скамьи и алтари с наклонной облицовкой, украшенной карнизом; квадратные платформы с лестницей на каждой стороне, облицовка которых образует откос и панель; круглые здания; план главного храма в Туле, воспроизведенный в «Храме Воинов».

Продолжали сохраняться майяские приемы строительства стен из хорошо вырубленных и подогнанных камней и арок из отесанных камней.

МАЙЯПАН

Во второй половине постклассического периода (XIII–XIV вв.), после апогея Чичен-Ицы, расцветает Майяпан, где воспроизводятся тольтекские конструкции Ицы. Но, хотя форма сохраняется и даже точно копируется, техника строительства становится гораздо хуже.

Окруженный стеной протяженностью более 8 км, Майяпан был настоящим городом. В нем располагалось около 4 тыс. построек (по описанию Ланды). Из них около 2 тыс. составляли хижины простых обитателей, немногим меньше — каменные постройки (дома знати и лиц с определенным положением) и около сотни зданий предназначалось для культа. Двадцать сенотов обеспечивали потребности в воде 11–12 тыс. обитателей. Неровные дорожки и узкие мощеные улицы служили для передвижения и вели к храмам. Как подражание постройкам Чичен-Ицы назовем сооружение, вероятно бывшее главным храмом и ныне известное под названием Кастильо, как и то, что послужило ему образцом. Пирамида имеет то же число ярусов, по одной лестнице с каждой стороны, и план храма, просматривающийся, несмотря на то что здание разрушено, в точности совпадает с планом постройки в Чичен-Ице. В Майяпане есть также круглое здание, видимо сходное с «Обсерваторией» (Караколь) Чичен-Ицы, и несколько круглых молелен. Порттики с колоннами напоминают колонные галереи так называемого «Рынка».

Однако использование плохих материалов, несовершенной техники обтесывания камня и посредственного раствора из известнякового песка (саскаб) привело к низкому качеству строительства. Его изъяны были скрыты под толстыми слоями штука, но сейчас они бросаются в глаза, так как облицовка исчезла. Например, плоские сечения колонн — это плиты, которые не имеют даже округлой формы и едва обработаны. Кровли были почти все плоские и, разумеется, исчезли уже давно. Чтобы справедливо оценить состояние, в котором находится Майяпан, следует вспомнить, что он был разрушен в 1441 г.

ТУЛУМ

Город Тулум, находящийся на восточном побережье полуострова Юкатан, также обнесен стеной, но значительно меньшей протяженности. Стена окружает городище с трех сторон, а четвертую образует береговой обрыв; размеры памятника: 380 м с севера на юг и 165 м с востока на запад.

Тулум — современник Майяпана, и его стиль тоже включает подражания майя-тольтекскому стилю Чичен-Ицы; тем не менее он, как и другие памятники побережья, имеет

собственный стиль и, так же как и они, отличается от тех памятников, до которых дошло влияние из Центральной Мексики.

Его архитектуре присущи следующие особенности: сосуществование плоских кровель и сводов, часто имеющих форму бутыли и берущих, вероятно, начало от основания стены; углубленные притолоки; фризы, ограниченные плоскими карнизами, хотя иногда могут встретиться скошенные карнизы, как в стиле Пуук; фриз, укороченный на половину высоты плоским карнизом; стены, преднамеренно отклоненные наружу и трапециевидные входы; маленькие святилища внутри постройки, сделанные, как в Паленке; домики, должно быть служившие святилищами, в которых хранилась скульптура (последней, видимо, поклонялись снаружи, так как размеры конструкции не дают возможности доступа людям внутрь); портики с колоннами, сложенными из бутовой кладки и покрытыми штукатуркой.

ЮЖНАЯ ОБЛАСТЬ

Многие майянисты, среди которых находятся А.В.Киддер и С.Г.Морли, не относят горную Гватемалу и Тихоокеанское побережье к области собственно майя, так как там не было элементов, которые, по их мнению, были характерны для майя, а именно развитый календарь, иероглифическая письменность и применение свода, называемого ступенчатым, «ложным» или просто майяским.

Что касается меня, то я разделяю более широкий подход Эрика Томпсона и не исключаю южную область из исследования. Действительно, в течение веков культура правящей верхушки, развивавшаяся в этих районах, никогда не имела упомянутых признаков, так как территория майя, вероятно, находилась под господством чужеземцев — носителей различных культур: ольмекской, теотиуаканской, тотонакской, тольтекской и ацтекской. Но мне кажется нелогичным исключать из области культуры майя те народы, которые не только говорили на майяских языках, но и оставили такие ценные для понимания философии майя культурные свидетельства, как «Пополь-Вух» и «Анналы Какчикелей».

В том, что касается архитектуры, напомним, что в доклассический период здесь процветали такие значительные центры, как Каминальгую в горной Гватемале, Монте-Альто, Бильбао и Абах-Такалик на тихоокеанском побережье той же страны, Исапа и Чьяпа-де-Корсо в штате Чьяпас (Мексика). Архитектура включала погребальные холмы, удлиненные платформы, платформы-алтари, пирамидальные основания для храмов, сделанных из непрочных материалов. Ядро построек делалось из земли и булыжника, покрытие — из глины. В верхнюю часть зданий поднимались по пандусам или лестницам.

В раннеклассическом периоде некоторые из этих центров продолжали сохранять свое значение (Исапа, Чьяпа-де-Корсо, Каминальгую). Особенно важную роль должен был играть Каминальгую, расположенный в окрестностях города Гватемала на Гватемальском нагорье. В нем имелись платформы и пирамиды, облицованные адобой или пемзой; профиль облицовки в некоторых случаях был почти идентичным профилю классической теотиуаканской комбинации откоса и вертикальной панели, последняя при этом обычно покрывалась каким-либо расписным орнаментом; могильные курганы, сооруженные из земли, вулканической пыли и песка; храмы со стенами из адобы и, возможно, из камня, но с кровлей из листьев пальмы.

Для постклассического периода известны многочисленные памятники на Гватемальском нагорье, содержащие элементы архитектуры Центральной Мексики (Тула, Шочикалько, Тенайюка, Теночтитлан-Тлателолько). Для них характерны пирамиды с двойными храмами, снабженные двойной лестницей; лестницы с балюстрадами; использование столбов и колонн; стены с основанием в форме откоса; храмы с плоской кровлей из балок и земляного покрытия или с пальмовыми крышами; удлиненные здания с многочисленными входами, образованными колоннами; комплексы для игры в мяч, закрытые с одного или двух концов.

Как можно заметить, архитектура южной области содержит много элементов, происходящих с Мексиканского нагорья, и абсолютно отличается от классической архитектуры майя.

СКУЛЬПТУРА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Если архитектура дает нам достаточно информации о структуре общества, в котором она зародилась и развилась, то пластические искусства, в особенности скульптура, позволяют нам яснее понять и глубже проникнуть в различные сферы общества майя. Пластические искусства дают нам серию достоверных образов, через которые раскрывается панорама жизни того общества.

ТЕХНИКА

Майя знали и применяли в большей или меньшей степени все скульптурные приемы: резьбу, барельеф и горельеф, круглый и моделированный объем. Для изготовления мелких предметов применяли обсидиан, кремень, нефрит и другие твердые или мелкозернистые камни, а также раковину и кость. В крупных скульптурах использовали главным образом известняк и иногда дерево. Их орудия изготовлялись из твердых пород камня; при их помощи они резали, ваяли, сверлили; полирование достигалось посредством каменной пыли, песка и воды. Многие, если не все скульптуры раскрашивались в различные цвета; следы такой росписи иногда встречаются до сих пор.

Скульптура могла украшать детали зданий (панели, плиты, притолоки, косяки, колонны, лестницы), могла быть элементом, функционально связанным с постройкой (алтари, святилища, троны), или являться частью таких архитектурных комплексов, как площади, платформы и храмы.

ТЕМЫ

Скульптура, как и искусство в целом, должна была воплощать темы, способствующие упрочению существующей системы: жизнь божеств, создавших эту систему и следивших за ее правильным функционированием, и власть тех, кто считался представителями этих божеств на земле.

Боги — абстрактные существа — изображались символически: в виде человека, животного, растения, а также геометрически, иероглифически или путем сочетания элементов разных форм. Одной из наиболее частых форм изображения была маска, в которой сливались черты человека и животного. Маски делали из камня или чаще из штука. Они были частью орнамента храмов и размещались в тех местах, где были наиболее заметны: на гребнях, фризах, углах фасадов, над входами. Но они встречаются и на алтарях, на основаниях стел, на надписях, а также украшают одежду и атрибуты изображенных лиц.

Если на монументе изображался лишь один персонаж, то обычно черты его лица были идеализированы и он всегда был пышно одет. Если же в сцене участвовали несколько персонажей, то правитель располагался выше других; часто он стоял или восседал на ком-либо из подданных или пленников, а его поза демонстрировала его превосходство.

Занимаясь восславлением правящего класса в целом, древние скульпторы обычно не стремились к индивидуализации изображаемых лиц. Однако мы полагаем, что многие персонажи имеют портретное сходство с действительно существовавшими правителями и жрецами. Что же касается простых людей, рабов и пленников, то скудость и простота их одежды, а также поза, приданная им скульптором, без всякого сомнения, указывают на их низкое положение.

КЛАССИЧЕСКИЕ СТИЛИ

Двойственный характер искусства майя, отражавший социально-политическую структуру общества, в котором правила теократия, соединявшая гражданские и религиозные полномочия, а также специфика географических, исторических и политических факторов, в особенности территориальное разделение на автономные государства, объясняют различие сти-

лей, развившихся в области майя. В этих стилях в зависимости от региональных традиций преобладали статичное или динамичное, символическое или реалистическое, божественное или человеческое начала.

При изучении скульптуры мы будем придерживаться деления, аналогичного использованному для архитектуры: для классической эпохи в центральной и северной зонах стили Петен, Мотагуа, Усумасинта, Паленке, Рио-Бек, Ченес и Пуук; затем мы рассмотрим постклассические стили северной зоны и отдельно, из-за ее специфических условий, южную зону.

ПЕТЕН

С конца доклассического периода нам известна в Петене постройка E-VII в Вашакту-не, лестничные блоки которой были украшены маслами из штука, символизировавшими, в форме голов змей и ягуаров, некоторые божества. На протяжении всего классического периода сюжеты орнаментов фризов и гребней из штука всегда носили религиозный характер.

С начала этого последнего периода правители Петена изображались в торжественной позе, пышно одетыми и с тщательно детализированными элементами их одежды и атрибутами высокого ранга. На самых древних стелах в профиль изображалось все тело, позднее только ноги и лицо и, наконец, только лицо. Сюжеты резных деревянных притолок главных храмов отражают ту же тему восславления правителей. Фигуры сопровождаются иероглифическими надписями, в которых, вероятно, указаны имя, титул, дата рождения и важнейшие события, происшедшие за время правления этих лиц. Некоторые теотиуаканские мотивы, такие, как лицо бога *Тлалока* и «знак года», появляются в V или VI в. в качестве украшений. Названия главных центров Петена мы упомянули, когда речь шла об архитектуре.

МОТАГУА

Среди различных стилей майя классического периода стиль долины Мотагуа особенно отличается от остальных. Наиболее многочисленные скульптурные монументы, почти целиком относящиеся к позднему классическому периоду, сохранились в Копане.

Анализируя монументы Копана, многие из которых датированы календарными надписями, Татьяна Проскурякова проследила эволюцию стилей искусства на различных этапах. Но, несмотря на эту эволюцию, в скульптуре Копана заметно сильное влияние традиций, поддерживавшихся на протяжении веков. Эволюция затронула только технику исполнения, но не изменила тематику и не нарушила основных характеристик стиля.

Персонажи, изображенные на стелах, вероятно, представляли самую высокопоставленную группу общества. На их монотонно повторяющихся лицах застыло выражение торжественности и спокойного безразличия. Тем не менее многие из них, по-видимому, имеют портретное сходство с реально существовавшими людьми. Их статичные позы, вероятно, соответствуют существовавшим канонам, так же как и изображение тела, представленного во фронт, в пышных одеждах, оставляющих открытыми лишь ноги и лицо.

Самое значительное изменение заключается в переходе от барельефа к горельефу. На стелах более позднего времени персонажи выглядят как бы прислоненными к каменному блоку, поэтому их можно видеть как в профиль, так и анфас. Делались даже попытки изобразить ноги в наклонном положении. Руки сложены на груди, при этом в более древних скульптурах предплечья даны почти в вертикальном положении, а позднее — в горизонтальном. В руках персонаж всегда держит иерархический атрибут в виде «ритуальной полосы» (символа неба), завершающейся на обоих концах змеиной головой. На самых древних стелах этот атрибут располагался вертикально; позднее он стал занимать горизонтальное положение.

Одежда необычайно богата, и скульптор точно воспроизводит ее самые мелкие детали. Бросаются в глаза огромные головные уборы, украшенные маской какого-то животного из семейства кошачьих или несколькими масками, наложенными одна на другую. Всевозможные дополнительные элементы этого убора выполнены с невероятной тщательностью, с каким-то страхом перед пустым пространством. Часто стелы покрыты изображениями со

всех четырех сторон — персонажи на больших поверхностях и иероглифические тексты на боковых гранях камней.

Многочисленные зооморфные алтари (змеи, хищники семейства кошачьих, черепахи, головы мифических животных) и мотивы, являющиеся частью архитектуры, дополняют богатую копанскую скульптуру. Теотиуаканский элемент маски бога *Тлалока* может в некоторых случаях украшать головной убор или свисать с набедренной повязки.

В Киригуа, городе, вероятно зависимом от Копана, развивался стиль, напоминавший копанский по крайней мере в тематике и композиции, но не в технике, так как она была ограничена барельефом (за исключением лиц важных персонажей). В Киригуа не было попыток получить круглый объем, за исключением зооморфных алтарей. «Ритуальная полоса» целиком заменена скипетром бога дождя и солнечным щитом. Примечательны зооморфные изображения и некоторые связанные с ними алтари, богатый декор которых отличается заметным динамизмом.

УСУМАСИНТА

В долине Усумасинты в скульптуре появляется новый элемент батального характера.

По-видимому, этот район, расположенный на западной границе области майя, чаще других подвергался нашествиям чужеземцев. Но войны могли быть и следствием междоусобиц или внутренних беспорядков. Эти различные альтернативы кажутся одинаково вероятными. Во всяком случае в скульптуре часто встречаются сцены войны, выполненные в реалистичной и динамичной манере.

У изображенных персонажей, несмотря на их богатую одежду, просматривается силуэт тел. Они оживленно разговаривают с равными себе или отдают распоряжения подчиненным, угрожают, борются, захватывают пленников на поле брани, судят их или убивают, показывают атрибуты своего высокого ранга вассалам, которые демонстрируют им свое смирение, председательствуют на советах, получают какие-то предметы из рук их жен, совершают ритуальное кровопускание, то есть предстают перед нами живыми людьми, наделенными высокими полномочиями.

Применяемая техника — это всегда барельеф. Рисунок сделан уверенно и энергично, тела хорошо прорисованы, пропорции их более или менее естественны, композиции групп очень удачны, движение иногда лишь намечено, но нередко выражено со всем доступным им реализмом.

Пьедрас-Неграс, Йашчилан, Бонампак, Хонута, Баланкан, Моралес, Эль-Карибе, Ла-Амелия, Ла-Флорида, Ла-Мар, Алтар-де-Сакрифисьос, Сейбаль — основные памятники, относящиеся к этому району. В некоторых из них теотиуаканские элементы (маски *Тлалока* и «знак года»), указанные нами для Петена и Мотагуа, представлены также в качестве украшений головных уборов, щитов, набедренных повязок. В Сейбале чужое присутствие проявляется на некоторых поздних стелах, на которых физический тип персонажей уже не майяский, хотя их одежда и сохраняет прежний характер; мексиканский календарный иероглиф *Сипактли*, связанный с одним из персонажей, предполагает имя семьи Сипаке, правившей, согласно историческим источникам, в чонтальском районе, откуда вышли группы со смешанной майя-мексиканской культурой, наводнившие большую часть области майя в конце классического периода.

ПАЛЕНКЕ

Как мы сказали в разделе об архитектуре Паленке, этот центр, несмотря на то что он находится в бассейне Усумасинты, создал очень своеобразное искусство, отличающееся во многих аспектах от того, что развилось в остальном районе — как в скульптуре, так и в архитектуре. Поэтому мы его и рассматриваем отдельно.

Художники Паленке обрабатывали известняк плоским неглубоким рельефом и, кроме того, имели особый интерес к формованию штука, очень пластичного материала, особенно соответствовавшего их утонченному вкусу. Они совершенно не воспринимали круглый объем, о котором мы знаем лишь по редким фрагментам предметов как в камне, так и в штука.

Их также не волновало возведение стел и других монументов, таких, как алтари, кроме небольшого числа прямоугольных или округлых столов. Их каменные барельефы образуют панели, полосы, плиты, вмонтированные в конструкции, главным образом во внутренние стены зданий. Изделия из штука также являются частью построек, украшая снаружи их основания, колонны, фризы, гребни, а внутри стены. Маленькие плиты, прекрасно гравированные острым, вероятно из обсидиана, резцом, несут образы божеств и иероглифические надписи, тонко прочерченные легкими линиями.

Тело из штука моделировалось обнаженным, одежда, едва его прикрывавшая, и украшения накладывались позже; наконец, они раскрашивались в разные цвета, следы которых кое-где сохранились до сих пор: красный — для тела и лица, черный — для волос и голубой — для украшений и атрибутов.

Основными разрабатываемыми темами были композиционные группы, хотя встречаются и отдельные персонажи на колоннах, и головы внутри медальонов. Сцены изображают восхождение повелителя на трон, почитание важных персонажей или религиозных символов, целую иерархию вассалов, ритуальные танцы, человеческие жертвоприношения, символические композиции, подразумевающие смерть и возрождение, религиозные и астрономические мотивы, иероглифические тексты календарного и исторического содержания. Головы из штука, украшающие фризы, гребни и стены, отразили, без сомнения, с поразительным реализмом черты тех людей, которые господствовали в политической и религиозной жизни Паленке.

Паленкские скульпторы отличались высоким техническим мастерством, тонкостью восприятия, строгостью и элегантностью стиля. Их искусство значительно отличается от искусства Копана, Петена и даже остального района Усумасинты. Человеческое тело изображалось почти нагим, в различных положениях (в рост, сидя, на коленях, на корточках); в профиль давалось все тело или только лицо. Убранство персонажей обычно состояло из простой набедренной повязки, элегантного головного убора (в виде плюмажа или короны из цветов), слабо обработанных ожерелий, ушных украшений и браслетов. Некоторые правители были одеты в плащи из перьев или из нефритовых пластинок, в юбки, украшенные едва намеченными ромбовидными мотивами, но тело всегда было видно почти целиком, что придавало естественность персонажам и сценам, в которых они участвовали.

При изображении черт лица заметно стремление к передаче портретного сходства, но одновременно можно увидеть и следование определенным канонам, которое проявляется, скажем, в деформации головы и в превращении складки от нахмуренных бровей в искусственную линию носовой дуги, продолжающуюся на части лба. Фигуры людей изящны, пропорциональны, и даже в самых статичных сценах положение рук, некоторая гибкость, легкий наклон головы создают ощущение естественности.

В целом можно сказать, что искусство Паленке отличается равновесием, естественностью, реализмом, сдержанным динамизмом, строгостью и утонченностью.

РИО-БЕК — ЧЕНЕС

В главе об архитектуре мы рассматривали эти районы в отдельности. Однако что касается скульптуры, то можно сказать, что они входят в один и тот же стилистический район.

Обоим районам свойственно почти полное отсутствие отдельно стоящих скульптур. Мы находим лишь ссылки на пять или шесть стел из Рио-Бек, Насьон-дель-Кристо и Печалы, сильно разрушенных и по стилю, видимо, испытавших влияние традиций Петена.

С другой стороны, скульптура функционально была связана с архитектурой. В чрезмерно перегруженном декоре фасадов храмов использовалось сочетание камня и штука. При этом толстый слой штука не только покрывал каменный каркас здания, но и добавлял детали, придававшие ему окончательную форму.

Основной мотив — маска бога дождя, наличие которой на фасадах тесно связано с отсутствием поверхностных вод и скудостью дождевых осадков. Маска может занимать большую часть фасада по его вертикали, при этом ее широко раскрытый рот соответствует входу.

Большие глаза, нос, свисающий поверх притолоки, клыки, спускающиеся вертикально, параллельно косякам дверного проема, производят устрашающее впечатление.

Декор состоит из масок, выполненных анфас или в профиль и расположенных на колоннах по углам, а также из стилизованных змей, волют, решеток, столбиков, изображений крестьянских хижин и иногда фигурок людей.

Элемент маски, закрывающей весь фасад, пасть которой служит входом в храм, известен нам особенно в стиле Пуук (Ушмаль и Чичен-Ица) и в Копане.

ПУУК

Район, носящий это название, занимает западную половину штата Юкатан и северную половину штата Кампече. Он включает многочисленные центры, из которых наиболее важны такие, как Эсна, Ушмаль, Кабах, Сайиль, Лабна, Шлабпак, Шкалумкин, Шкулок, Ошкинток, Чакмультун.

В Пууке продолжала существовать традиция воздвигания стел, в то время как в Рио-Беке и Ченесе, как мы уже говорили, она была отвергнута. На этих памятниках, главным образом в середине и конце позднего классического периода, изображались какие-то знатные, пышно одетые персонажи. Т.Проскуракова выдвинула предположение о возможном существовании регионального слабо исследованного стиля. Многие предметы были найдены в плохой сохранности, разрушенные природными стихиями или применением подсечно-огневого земледелия.

Кроме стел скульптурной резьбой покрывались колонны, опорные столбы, косяки и притолоки, главным образом барельефами, сюжеты которых прославляли правителей. Самые поздние монументы обнаруживают стиль, находящийся уже в упадке, — фигуры на них грубо прочерчены, непропорциональны и анатомически искажены; композиция жесткая или грубо выполненная в тех случаях, когда скульпторы намеревались показать движение. Рисунок неуверенный, и многие мелкие детали одежды обозначены нарезными линиями, а не рельефом, с преобладанием прямых линий над кривыми. В Ушмале и Кабахе тольтекские черты являются свидетельствами первых вторжений чужеземцев в IX в.

Традиция отдельно стоящей скульптуры не характерна для стиля Пуук; особый отпечаток стилю этого района придает архитектурная скульптура и конкретно — орнаментация фриза фасада. Если в других районах (Петен, Усумасинта, Паленке) на фризе обычно располагалось лишь несколько масок из штука, то в Пууке он превращается в богатейший каменный орнамент, контрастирующий с гладкими стенами. Сделать такую работу можно было только с помощью многочисленных каменщиков. Это была коллективная творческая работа, выполняемая для всей общины, так как ее целью было не прославление отдельных лиц из правящего класса, а восславление бога дождя *Чаака*, особенно почитаемого в этих безводных местах.

Изображение *Чаака* в виде маски, многократно повторенной с минимальными вариациями, достигает своего апогея в одном здании Кабаха, фасад которого целиком покрыт сотнями его образов от цоколя до карниза.

Дополняют орнаментацию только геометрические мотивы: решетка, простой или ступенчатый меандр, барабанчики, гладкие или с перевязями колонки, ломаные и зубчатые полосы, иногда образующие ромбы, змееобразные волнистые полосы. Эти элементы, гармонично сочетаясь, служат фоном, на котором эффектно выделяется изображение бога дождя. Изображения людей редки, за исключением тех, что появились в более поздний период под чужеземным влиянием.

Стиль Пуук встречается и за пределами этого района, на севере полуострова Юкатан (Цибилчальтун и Чичен-Ица). В ту же самую эпоху, в поздний классический период, этот стиль продолжал существовать и в Майяпане.

Подытоживая, мы можем сказать, что скульптурное искусство Пуука, являющееся составной частью архитектуры, имеет абстрактное содержание и геометрическую форму вы-

ражения. Это искусство, несомненно, религиозное, в котором человеческая личность уступает место божеству.

ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ СТИЛИ

Мы уже говорили о нашествии в область майя чужеземцев в конце XI — начале XII в. Этому вторжению предшествовала еще одна волна, следы которой были обнаружены в Ушмале и Кабахе. Культура, которую принесли завоеватели, была, несомненно, тольтекской. Ее слияние с майяской культурой привело к созданию майя-тольтекского стиля, дожившего до прихода испанцев, хотя и растворившегося со временем в местной культуре. Кратко рассмотрим скульптуру трех памятников в постклассический период, располагавшихся в северной части Юкатана. Это Чичен-Ица, Майяпан и Тулум.

ЧИЧЕН-ИЦА

В скульптуре еще в большей мере, чем в архитектуре, прослеживается захват Чичен-Ицы в середине XIII в. носителями тольтекской культуры. Нельзя утверждать, что в скульптурном искусстве все майяское исчезло — происходило не замещение одних стилей другими, а их слияние. Некоторые специфические детали были выявлены Т.Проскураковой; они напоминают детали монументов классического периода, особенно то, что она относит к «школе Ошкинтока» (например, некоторые типы плюмажей). Наличие на тольтекских зданиях масок *Чаака*, идентичных маскам стиля Пуук, говорит о политической ситуации, когда пришедшее меньшинство, захватившее власть, было вынуждено уважать символ веры огромного большинства поработанного народа.

Независимо от того что темы, представленные в Чичене, имели тольтекское происхождение, в них видна рука выполнившего их майяского художника, отразившего в своей работе бесспорное превосходство над скульптором из Тулы. То же самое изображение (ягуар, орел, чакмооль или воин) приобретает в Чичен-Ице благодаря более совершенной технике и более утонченному вкусу такое совершенство, которого не было у тольтеков. Особенно сильно это проявляется в некоторых скульптурах воинов, изваянных на косяках «Храма Ягуаров» в комплексе для игры в мяч. Их лица высечены с таким мастерством, какого никогда не достигали в тольтекской Туле.

Одна из характерных черт майя-тольтекского стиля, отличающая его от стилей центральной зоны, — это замена индивидуального изображения персонажей групповым.

Главные мотивы тольтекской культуры, привнесенные в Чичен-Ицу, следующие: пернатые змеи, украшающие основания и платформы зданий; колонны в виде гремучей змеи с головой на земле, поднятым телом и «погремушкой» хвоста, согнутой для поддержания притолоки; фигуры единичных воинов на опорах и косяках или целые процессии на «банкетах» и алтарях; процессии ягуаров; атланты, поддерживающие плиты алтарей; знаменосцы; орлы и ягуары, пожирающие сердца; мотив «человек — птица — змея»; статуи лежащих людей, неудачно называемые «чакмоолями»; фигуры богов *Кецалькоатля*, *Тескатлипоки*, *Тлалока*, *Тлалчитонатцуха*; сцены жертвоприношения посредством вырывания сердца; использование гравировки в форме барельефа или горельефа в зависимости от назначения монумента.

Майя-тольтекское искусство Чичен-Ицы воспроизводит многие новые концепции, навязанные завоевателями. Оно религиозного характера и отражает чуждую культуру, насильственно привитую на ствол майяской культуры. И тем не менее это искусство несет на себе неизгладимый след художественного гения майя.

МАЙЯПАН

Хотя все здания, остатки которых сохранились в Майяпане, относятся к позднему постклассическому периоду (XIII–XIV вв.), там прослеживается и более раннее искусство, современное стилю Пуук (VIII–IX вв.) — по наличию нескольких масок *Чаака*. Первоначально они украшали постройки того же стиля, но, после того как эти здания были снесены, маски были неумело восстановлены на постклассических постройках; многочисленные фрагменты

масок и других мотивов с фризмов стилия Пуук использовались как простой строительный материал для забутовки стен.

Некоторые стелы по своим надписям или стилю соответствуют концу позднего классического периода и демонстрируют родство со стелами Пуук или с теми, которые Т.Проскуракова связывает со «школой Ошкинтока». Они грубы по исполнению, и элементы одежды и головных уборов выполнены не рельефом, а нарезкой. Встречаются стелы, у которых пространство квадратной формы, подготовленное для иероглифического текста, не было проработано; некоторые памятники (более 25) остались гладкими. Можно предположить, что они были целиком или частично раскрашены по слою штука или какие-то важные события помешали их закончить. Некоторые фигуры имеют сходство с рисунками из Парижского кодекса.

Большую часть скульптурного материала из Майяпана дает архитектурная орнаментация: змеевидные колонны, в которых гладкий ствол был, видимо, покрыт штука и раскрашен; хвосты гремучих змей, согнутые под прямым углом для поддержания притолок, выполненные в камне, как и головы змей, были найдены у подножия платформ или на верхних платформах. Все эти архитектурные детали имитировали змей Чичен-Ицы.

Типичны также человеческие фигуры в натуральный рост, сделанные в горельефе из штука и прислоненные к колоннам. Некоторые фигуры и человеческие головы были снабжены шипами для крепления. Встречаются элементы, выполненные в стиле майя классического периода. Изображения таких животных, как обезьяны, ягуары, собаки, ящерицы, украшали косяки и колонны. Небольшие алтари имели форму черепахи с человеческой головой. Мотивы черепахи, нанесенные краской на слой штука, дополняли декорацию зданий. Скульптурное искусство Майяпана, как и всего Юкатана, было религиозно-символическим. Оно, как и архитектура, несло следы эпохи упадка, когда пытались копировать тольтекское искусство, в то время как еще сохранялась майяская классическая основа. В стиле Майяпана отчетливо видно родство со стилем восточного побережья Юкатана.

ТУЛУМ

На восточном побережье полуострова Юкатан находятся многочисленные памятники. Назовем некоторые из них, перечисляя с севера на юг: Эль-Меко, Нисукте, Плайя-дель-Кармен, Пальмуль, Акумаль, Шельха, Танках, Тулум, Шкарет, Пунта-Солиман, Чакмооль, Ичпаатун, помимо тех, что расположены на островах Мухерес, Канкуне и Косумеле. Они имеют общие характерные черты, и мы ограничимся лишь самым известным и исследованным — Тулумом.

В этом районе известно мало отдельно стоящих скульптурных монументов. Некоторые из них находятся в Тулуме. Стела 1 имеет дату VI в. н.э., в то время как керамика определенно датирует этот памятник поздним постклассическим периодом (XIII–XV вв.); мы считаем, что стела была первоначально поставлена в другом центре, возможно, в Танкахе, который был обитаем с более раннего времени и находится едва ли в 5 км севернее Тулума. По своей композиции она связана с классической скульптурой майя: богато одетый персонаж, тело которого изображено во фронт, лицо — в профиль; длинная юбка, похожая на юбки некоторых паленканских жрецов; «ритуальная полоса» из гибкого материала, висящая на груди, как на самых древних стелах Копана. Остальные образцы каменной скульптуры, вероятно, все современны Майяпану.

Характерным для скульптуры Тулума и в целом для всего побережья является широкое использование штука и его включение в архитектуру. Главные формы скульптуры, все достаточно грубо реализованные в штука, таковы: змеевидные колонны, у которых штука облицовка была раскрашена, голова находилась на полу, а «погремушки» хвоста были приподняты и держали притолоку; человеческие фигуры, стоящие или сидящие в нишах над входами; «ныряющее» божество с головой, направленной вниз, ногами, разведенными вверх, с ладонями, соединенными над лицом, с руками и плечами, снабженными крыльями (вероятно, это изображение мексиканского мотива заходящего солнца); маски в барельефе, рас-

положенные на углах фриз между двумя горизонтальными багетами и иногда разрезанные ими; человеческие головы в барельефе или горельефе на внутренних стенах; падающий человек, схваченный перевитой полосой; статуя типа «чакмооль», найденная на одном памятнике с этим названием; головы змей для украшения балюстрад, найденные в Нисукте.

Скульптура восточного побережья имеет религиозно-символический характер. Она обладает чертами, позволяющими говорить о региональном стиле, достаточно близком майя-япанскому в том, что касается тольтекских имитаций, но по технике исполнения она стоит ниже, чем классическая скульптура майя.

ЮЖНАЯ ЗОНА

Южная зона сыграла очень важную роль в формировании цивилизации майя, так как она была связующим звеном между ней и ольмекской культурой, от которой она, как и остальные культуры Мезоамерики, частично происходит.

В течение доклассического периода были обитаемы памятники Тихоокеанского побережья, Гватемальского нагорья и Чьяпаса — Бильбао, Исапа, Каминальгую и Чьяпа-де-Корсо. Сцены, выгравированные на камнях до 6 м высотой, а также типично ольмекские фигурки из нефрита найдены на побережье современного штата Чьяпас (Пихихиапан, Окосокоаутла).

В конце того же периода (поздний доклассический и протоклассический) из больших блоков высекались колоссальные головы, более грубые, чем в Ла-Венте и других ольмекских памятниках. Стал развиваться так называемый стиль Исапы, тоже прибрежного памятника (на границе Чьяпаса с Гватемалой). Известны многочисленные стелы, происходящие по большей части из самой Исапы, а также из Санта-Маргариты, Сан-Исидро-Пьедра-Парада, Бильбао, Эль-Бауль, Эль-Хобо, Монте-Альто, Абах-Такалик, Чокола и из высокогорных Чьяпа-де-Корсо и Каминальгую. Этот стиль очень сходен с Ла-Вентой и Монте-Альбаном-1, в силу чего его ольмекское происхождение и установлено. В то же время он содержит черты, которые позднее станут классическими в скульптуре майя.

Темы, представленные на стелах, имеют мифологический характер и включают человеческие фигуры, реальных и мифологических животных, растения, геометрические и символические мотивы, большое число волют. Наиболее широко применявшаяся техника — барельеф, но есть также алтари и другие монументы, выполненные в круглом объеме. Обычна связь стелы и алтаря. Тематика богата по разнообразию композиций: человек, который, видимо, ловит рыбу или несет воду (мотив воды изображается постоянно); «ныряющие» фигуры; «древо жизни» в мифологическом комплексе; антропоморфный бог в сопровождении змеи; ягуар, подвешенный над огнем; персонажи вокруг жаровни; человек, падающий головой в воду; крокодил, стоящий перед человеком, держащим птицу; лежащий скелет, из живота которого выходит пуповина, поддерживающая крылатую фигуру; сцены обезглавливания. В некоторых случаях два человека, сидящие один против другого, разделены колонной с иероглифами. Стела №1 из Эль-Бауля изображает персонаж, связанный с древней датой (36 г. н.э.), то есть эта стела старше первой, наверняка майяской стелы более чем на 260 лет. Другая стела того же центра изображает игрока в мяч, соответственно одетого и со звериной маской. Стела №11 из Каминальгую представляет какое-то высокопоставленное лицо, пышно одетое и вооруженное, на основании чего мы можем думать, что уже с позднего доклассического периода правящий класс прославлял себя с помощью скульптурных монументов. Какое-то божество с крючкообразным носом, связанное с водой, вероятно, было предшественником майяского бога дождя.

Ранний классический период проявляется в южной зоне в том, что продолжают существовать такие центры, как Исапа, Чьяпа-де-Корсо и Каминальгую; этот последний испытал на себе сильные теотиуаканские влияния в основном в архитектуре и керамике. Что касается позднего классического периода, для него характерен своеобразный стиль района Санта-Лусия-Коцумальхуапа, который процветал в самой Санта-Лусии и в многочисленных местах нынешнего департамента Эскуинтла в Гватемале: Бильбао, Эль-Бауль, Пало-Гордо и др. В

этом стиле просматриваются классические майяские, теотиуаканские, тотонакские и тольтекские элементы. Скульптурные монументы включают стелы, огромные обработанные камни с использованием барельефа и горельефа, а также круглого объема. Последней техникой выполнены головы людей, мифических существ и животных (змеи, попугаи, ягуары, обезьяны); все они снабжены выступами-шипами для вмуровывания в постройки. Содержание скульптуры — религиозно-символическое, с многочисленными повествовательными сценами, иногда достаточно сложными, в которых участвуют несколько персонажей: игра в мяч, игроки, соответственно одетые и с каменными «ярмами» в качестве поясов; человеческие жертвоприношения путем обезглавливания или вырывания сердца, связанные с этой игрой; частое изображение мотива смерти в виде скелетов, черепов, людей с обнаженными ребрами; человеческие фигуры, сидящие на троне, вероятно, портреты сановников; грузные и толстощекие люди; человеческие головы в змеиной пасти; солнечный диск и «ныряющий» бог, объятый пламенем, представляющий, вероятно, солнце; звери и мифологические существа — змеи, хищные птицы-сопилоты, олень-кошка, человек-рак, человек-орел и т.д. В комбинации с этими темами часто встречаются своеобразные иероглифы, отличные от той системы, которую использовали майя классического периода, на этих иероглифах опознаются знаки двадцати дней мексиканского религиозного календаря. Добавим, что в этом регионе найдены многочисленные предметы, относящиеся к тотонакской культуре, так называемые ритуальные топоры и «ярма», гладкие или резные.

Постклассический период в южной зоне представлен очень скудно как в количественном, так и в качественном отношении. Из немногих экземпляров скульптуры, которые мы можем назвать, несколько были найдены при раскопках помещений, предназначенных для игры в мяч: «метки» в форме человеческих голов в пасти змеи (Мишко-Вьехо), круглые головы ягуаров с шипами, как и упомянутые «маркеры» (Чальчитан), плита с грубым барельефом в центральной части одной из боковых стен комплекса для игры в мяч (Чичен). Антропоморфная фигура из штука, найденная в другом комплексе (Уиль). Кроме того, известны несколько алтарей и одна стела из Тахумулько с изображениями ягуаров, орлов, солнечных дисков и грубых человеческих фигур, говорящих о явном вырождении стиля Коцумальхуапы. «Мексиканское» влияние в этих районах Гватемальского нагорья проявляется довольно ярко.

Скульптура южной зоны ясно отражает те влияния, которые в различные периоды оказали свое воздействие на сферу искусства майя: ольмекские, теотиуаканские, тотонакские, тольтекские, ацтекские; кроме того, она показывает, что классическая майяская скульптура доклассического периода выросла на традициях ольмекского искусства.

ЖИВОПИСЬ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Живопись с ее богатством цветовой гаммы и возможностью изображать сцены с многочисленными участниками еще более, чем скульптура, позволяет нам увидеть жизнь народа майя и глубже проникнуть в нее. Она запечатлела сцены из жизни майя как бы в движении: одни — как ленты мультипликаций, другие — как настоящие цветные документальные фильмы.

ТЕХНИКА

До сих пор не удалось точно определить, какую технику применяли майя для настенной живописи: фреска ли по слою еще влажной штукатурки или темпера по уже сухой поверхности. Возможно, что использовались оба этих метода. При анализе некоторых настенных росписей можно убедиться, что вначале какой-либо светлой краской (в Бонампаке — красной) намечались контуры фигур и основные внутренние линии; затем накладывались различные цвета, каждый на определенном участке; обычно они покрывали внутренние линии, которые затем вновь прочерчивались разведенной черной краской, чтобы подчеркнуть

дополнительные детали. Одни части тел закрашивались темнее, другие — светлее, но, видимо, различиями в тональности не стремились получить трехмерный эффект. Не заметно также попыток представить перспективу в тех сценах, которые имеют несколько планов. Интерес художника сосредоточен на линии, и действительно рисунок выявляет большое мастерство живописца.

Краски применялись растительного и минерального происхождения. Цвета охватывают широкую гамму: красный, розовый, оранжевый, желтый, зеленый, голубой и синий, фиолетовый, сепия, кофе, помимо белого и черного. Смешивание цветов и их большая или меньшая концентрация давали богатейшую палитру.

ТЕМЫ

К несчастью, очень немногие настенные росписи устояли перед непогодой и неумолимым временем, и только некоторые из них удалось найти и скопировать. Часть росписей пропала уже после их открытия, в последние десятилетия. Вероятно, большинство храмов имели росписи с историческими, религиозными и орнаментальными мотивами. Мы ограничимся кратким обзором наиболее значительных, открытых на следующих памятниках: для классического периода — Вашактун и Бонампак в центральной зоне, Чакмультиун и Мульчик в северной; для раннего постклассического — Чичен-Ица и для позднего постклассического — Санта-Рита и Тулум, все в северной зоне.

ВАШАКТУН

Участок стены с росписью был открыт в одной комнате постройки «В-ХIII», возведенной в раннем классическом периоде, вероятно, в V в. н.э. На ней представлена церемония, видимо, светского характера, в которой участвуют разделенные на два ряда важные лица, из которых одни имеют более высокий ранг, чем другие, о чем можно судить по их убранству и расположению в общей композиции. Очень схематично показано помещение, где разворачивается действие. На этой картине, до настоящего времени самой древней в области майя, уже вполне проявляется умение художника строить композицию сцены, уверенность рисунка и способность придать движение участникам сцены, чтобы подчеркнуть достоверность изображаемого события. Иероглифы, возможно именные, дополняют этот рисованный рассказ.

БОНАМПАК

Открытие в Бонампаке в 1946 г. здания с целиком расписанными внутренними стенами (от уровня скамей до вершины свода) дало наилучшее представление о том, каким было живописное искусство майя в классическом периоде. Три помещения этого здания, вероятно, были расписаны в конце VIII в. н.э. Относительно хорошее состояние росписей позволило их скопировать и детально проанализировать.

Картины Бонампака помимо их бесценного художественного значения очень важны с исторической точки зрения, так как они изображают какой-то момент, критический для цивилизации майя. Было предложено несколько интерпретаций содержания картин: а) встреча между владельцами Бонампака и какого-то соперничающего центра; б) набег, осуществленный людьми Бонампака на соседнее поселение для захвата пленников и их ритуального принесения в жертву; в) подавление крестьянского восстания. Мы полагаем, что первые два варианта могут быть отброшены по следующим соображениям: 1) враги, убитые, раненые или пленные, не имеют оружия и богатых одежд, то есть это не господа; 2) пленников пытаются перед тем, как умертвить, что противоречит всему, что мы знаем об уважительном отношении, оказывавшемся пленникам перед принесением их в жертву; кроме того, рейд с целью захвата людей, предназначенных для принесения в жертву, не должен был иметь особого значения и вряд ли заслуживал того, чтобы его запечатлели для истории. В противоположность этому третья альтернатива нам представляется вероятной или по крайней мере оправданной самим содержанием росписей: враги властителей Бонампака легко побеждаемы, они простые люди, и, прежде чем их убить, их наказывают пытками, вырывая ногти, согласно тому что можно рассмотреть. По времени росписи были сделаны в конце позднего классиче-

ского периода, то есть как раз незадолго до того, как неожиданно закатилась цивилизация майя в центральной зоне, прекратилась культурная деятельность и физически исчезло жречество. Кроме того, если предположить, как Э.Томпсон и некоторые другие исследователи, что крестьянские мятежи действительно положили конец этой цивилизации, то совершенно очевидно, что первые попытки освобождения могли быть неудачными и правящий класс решил увековечить расправу над восставшими низами для устрашения всех недовольных.

По тематике эти картины расположены в следующей последовательности:

1. В восточной комнате под покровительством божеств, расположенных в верхней части свода, халач-виник, члены его семьи и его три *батаба* сначала готовятся, а затем присутствуют в сопровождении самых высокопоставленных лиц двора Бонампака на процессии музыкантов и танцоров; на средней полосе — торговцы или слуги подносят им изделия из нефрита и шкуры ягуаров; другая полоса содержит иероглифическую надпись, которая должна дополнять изображенное повествование.

2. В центральной комнате боги частично заменены человеческими фигурами, одетыми в балахоны (есть предположение, что это могли быть художники), которые стоят среди пленников и животных; почти вся поверхность занята изображением битвы, суда, пыток и смерти пленников.

3. Божества опять занимают всю верхнюю часть свода, в то время как *халач-виник*, его семья, *батабы* и остальные высокопоставленные лица наблюдают за танцем, исполняемым на ступенях платформы, в благодарность богам за счастливое завершение социального конфликта⁹⁷.

Очевиден исторический характер события, отраженного в росписях стен в Бонампаке. Стиль росписей реалистичен и динамичен. Он с подлинной естественностью передает ту драматическую напряженность, которую испытывают все участники изображенных событий — и господа, и крестьяне, каждый в той роли, которую ему суждено было сыграть.

ПАЛЕНКЕ

В нескольких зданиях Паленке были открыты следы настенных росписей, большей частью в очень плохом состоянии. В так называемом здании «Е» фасад был расписан от основания до уровня притолок. Ознаны 75 декоративных мотивов геометрического характера из общего предполагаемого числа около 150, определенного по оставшимся следам. Удалось установить, что в северо-западном внутреннем углу той же постройки существовала ныне целиком разрушенная роспись, включавшая человеческую фигуру. Северный вход сохраняет часть того, что образовывало внутреннее обрамление; боковые мотивы могли изображать символическую полосу воды или тело змеи в сопровождении рыб.

В здании «С» современный художник Вильягра на основе немногочисленных опознаваемых элементов предположительно восстановил сцену приношения, сходную со сценой на панели «Дворца» и «Панели Рабов». В северной галерее он скопировал рисованную иероглифическую надпись, нанесенную на полосу, образовывавшую угольник, к несчастью очень разрушенную. Фрагмент возможной календарной надписи был найден также на последнем этаже башни.

ЧАКМУЛЬТУН

Несмотря на то что этот памятник района Пуук находится более чем в 300 км от Петена, он сохраняет росписи, родственные тематически и стилистически росписям Вашактуна, от которого его хронологически отделяют два века. Ясно, что традиция исторической живописи имела широкое распространение в классическом периоде, как в центральной, так и в северной зоне. В некоторых комнатах зданий Чакмультауна, построенных в позднеклассический период, были расписаны внутренние стены и своды. Там было изображено несколько разделенных на секции сцен, по-видимому, светского характера. В них участвуют многочис-

---

⁹⁷ Есть и иные интерпретации сюжетов, запечатленных на фресках Бонампака. — См. об этом: Кинжалов Р.В. Культура древних майя. Л., 1971, с. 210–214 (Примеч. ред.).

ленные персонажи, изображенные на фоне силуэтов архитектурных построек (платформа, лестница, храм или жилище с пальмовой кровлей). За исключением головных уборов, достаточно разнообразных, на персонажах мало одежды; у них есть оружие, зонтики и другие предметы. Одни стоят неподвижно, другие идут, поднимаются на ступени, несут оружие, отдают распоряжения. Одноплановая композиция хорошо организована.

Очевидно сходство с живописью майя классического периода. Однако движения здесь подчеркнуты несколько наивно, а стиль достаточно провинциален, что, впрочем, естественно, если учесть место этого памятника в тех политических рамках, к которым он относился. И тем не менее эти росписи являются хорошим образцом классического живописного искусства в северной зоне.

МУЛЬЧИК

В то время как живопись Чакмультуна достаточно близка к живописи Вашактуна, росписи Мульчика, небольшого памятника района Пуук недалеко от Ушмаля, напоминают, хотя и отдаленно, росписи Бонампака, которые были более или менее им современны.

Темы достаточно похожи, так как они главным образом повествуют о сражении и приношении в жертву пленников. Однако некоторые отличия заставляют думать, что военный конфликт здесь мог иметь иные причины, чем в Бонампаке. В схватке участвуют только простые люди, почти обнаженные, без каких-либо атрибутов, которые могли бы обозначать их высокое социальное происхождение. Бой между двумя группами людей происходит без применения какого-либо другого оружия, кроме больших круглых камней. Убитые лежат на земле; рядом изображены повешенные. Над сражающимися виден какой-то человек, выкрашенный в черное и держащий нож. По обе стороны от этой сцены находятся несколько персонажей в больших и богатых головных уборах, отделанных перьями (как в Ушмале), с маской, изо рта которой выходит змея, и с многочисленными украшениями и лентами на руках и ногах. Неизвестно, каковы были отношения между этими важными господами и сражающимися простыми людьми, но в сцене на противоположной стене изображены два палача, раскрашенные в черное, вооруженные большими ножами и готовые умертвить двух человек высокого ранга, лежащих на полу.

В качестве гипотезы можно предположить, что историческое событие, которое хотели увековечить, было не крестьянским восстанием против местных правителей, как в Бонампаке, а выступлением *батабов* Мульчика против правителей Ушмаля, более крупного центра, от которого зависел Мульчик. В бою не участвовали господа обоих поселений, но вожди неудавшегося восстания были принесены в жертву.

Перед нами опять картина, запечатлевшая, видимо, важный исторический момент. Использованные здесь художественные средства значительно скромнее, чем в Бонампаке. Тем не менее создателям этой композиции удалось передать весь драматизм событий.

ЧИЧЕН-ИЦА

Переход от классического периода к постклассическому означал для Юкатана замену майяского правящего класса иноземными правителями, которые были носителями тольтекской культуры, известной нам по Туле, или Толлану, как его называли в древних исторических источниках. Захватчики навязали помимо политического господства новые верования и новых божеств, свои художественные вкусы и технические приемы, которые постепенно слились с традициями майя. В живописи эти изменения отразились так же, как и в архитектуре и скульптуре.

За исключением редких образцов, открытых в «Женском Монастыре», все остальные настенные росписи относятся к раннему постклассическому периоду (XI–XIII вв.) и явственно проявляют тольтекское происхождение, хотя некоторые детали композиций отдельных сцен и техническое мастерство заставляют нас предположить, что многие из этих картин выполнены майяскими художниками. Ниже мы рассмотрим основные росписи, найденные в двух постройках «Храма Воинов», расположенных одна над другой, и в «Храме Ягуаров», являющемся частью комплекса для игры в мяч.

Постройке, найденной под «Храмом Воинов», было дано имя «Храма Чакмооля». Росписи, сохранившие свою яркость, были обнаружены на отдельных камнях из упавших стен. Эти росписи были скопированы. Затем частично удалось определить их первоначальный порядок, что позволило восстановить сцены, которые были когда-то составлены из них. Камни являлись частью облицовки скамей, расположенных вдоль стен и окружавших алтарь. На них изображены две группы людей, в основном смотрящих на алтарь. Четырнадцать персонажей, находящихся с южной стороны (вероятно, жрецы), сидят на скамьях, покрытых шкурами ягуара; их костюмы роскошны и включают сложные головные уборы с плюмажем, маски, из пасти которых выходит змея, длинные юбки, короткие плащи; изображены щиты, змеевидные скипетры и подношения, лежащие на блюдах. Люди, сидящие с противоположной стороны, — воины, вооруженные дротиками и щитами; они представлены в профиль на тронах в виде ягуара. У воинов и жрецов не майяские черты лица.

Теперь мы коснемся «Храма Воинов», расположенного над «Храмом Чакмооля» и по времени сооруженного позднее, чем он. Камни, найденные в строительном мусоре от разрушившихся стен, сохранили следы краски. В результате удалось восстановить несколько сцен эпического и исторического содержания. Спасенные элементы западной части стены, разделяющей храм на два помещения, содержат следующие мотивы: а) водная поверхность, окруженная каменной полосой, где идет носильщик, и где сражаются несколько воинов, тела которых раскрашены горизонтальными красноватыми линиями; здесь же изображены храм и лодка, вероятно захваченная воином; б) хижины деревни и храм атакуют воины, тела которых также покрыты линиями; в) шествие обнаженных, раскрашенных полосами пленников со связанными руками, которых ведут воины, раскрашенные черным; в нижней части этой сцены изображен пернатый змей. Внутри святилища расписанные камни составляют сцену, разделенную горизонтально на две части, образующие единый тематический комплекс. Здесь сделана попытка выразить какие-то реальные события: внизу находится море, по которому плывет несколько лодок с двумя воинами в каждой; их тела раскрашены в цвет темного кофе; они вооружены дротиками, копьеметалками и щитами, то есть оружием, характерным для тольтеков; у одного воина тело светлое; в верхней части сцены изображена деревня, расположенная на берегу моря, обитатели которой заняты своей повседневной работой; пальмовые крыши нескольких хижин и храм объята пламенем, из храма появляется пернатая змея. Эти фрагменты свидетельствуют о том, что тема большой настенной росписи была связана с завоеванием севера Юкатана тольтеками. На нескольких камнях изображено человеческое жертвоприношение; человек со светлой кожей, удерживаемый двумя людьми, выкрашенными в черный цвет, ожидает удара в грудь, который ему должен нанести *наком*, также с черным телом; жертва лежит на изгибе пернатой змеи, служащей жертвенным камнем. На внешнем северном откосе того же здания изображено шествие человеческих фигур, лишенных плоти и несущих ножи, отрубленные человеческие головы и пылающую жаровню.

Маленький храм, возвышающийся на восточной платформе комплекса для игры в мяч, получил название «Храма Ягуаров» из-за изображения процессии ягуаров в декоре фасада. Храм состоит из двух помещений; внутреннее, видимо, было расписано целиком. К сожалению, росписи сильно повреждены. Наиболее сохранившаяся и известная изображает сражение, в котором участвует свыше 100 персонажей. Верхняя часть росписи рисует нам картину мирной жизни деревни майя; затем следует сцена нападения на нее чужеземных воинов. Хотя и в малом масштабе, в битве показаны многочисленные воины, вооруженные копьями, дротиками, копьеметалками и щитами, и неразбериха сражения выражена самыми различными приемами, например скрещенными копьями; все это передано в очень динамичном ритме. В другой секции той же комнаты представлена сцена человеческого жертвоприношения, где группа воинов, присутствующая при этом ритуальном акте, танцует вокруг пленника. На другой стене можно различить большую красную лодку с воинами. Росписи в Чичен-Ице имеют повествовательный характер там, где отражены сцены повседневной жизни, и религиозно-символический — там, где представлены смерть или жертвоприношение. Художники, тольтекские или майяские, стремились, особенно в батальных сценах, просла-

вить военную касту завоевателей и оставить для потомков описание ее подвигов. О творческой манере художников Чичен-Ицы можно сказать, что они добились своей цели, используя скупые средства художественной выразительности, ограничиваясь лишь самым существенным и не вдаваясь в излишнюю детализацию.

САНТА-РИТА

В конце прошлого века недалеко от Коросаля, в Белизе, было обнаружено несколько искусственных холмов. В одном из них находилось здание, на внешних стенах которого сохранились росписи. Они были скопированы, но вскоре погибли. Настенная живопись Санта-Риты переносит нас в художественный мир, совершенно отличный от того, с которым мы имели дело до сих пор. Здесь не пытались увековечить исторический факт или восславить правителей. Здесь представлен тот мифологический мир, который описан во многих доиспанских кодексах. Под символическим небесным «поясом», похожим на «пояс» из миштекских кодексов, по полосе земли, также условной, украшенной стрелами, жертвенными ножами и языками пламени, шествует ряд персонажей в сложном убранстве, включающем звериные шлемы, маски, несколько одежд одна поверх другой; эти люди совершают действия, которые с трудом могли бы быть интерпретированы в реальном, историческом контексте. Вероятно, это божества, участвующие в процессии; одни соединены веревками, другие сидят и разговаривают, их тела и лица раскрашены. Наиболее понятная сцена изображает двух человек, разделенных барабаном, украшенным человеческим черепом, который, должно быть, поет, судя по двойной струе завитков-слов, выходящей из его рта; поверх барабана расположен солнечный диск с треугольными лучами, глазами-звездами и головой пресмыкающегося, очень похожий на тот, что известен нам из мексиканских или миштекских кодексов. Лицо персонажа, играющего на барабане, закрыто маской, изображающей череп, на нем плоский головной убор, завершающийся плюмажем и змеей; его тела не видно, как и у большинства фигур, из-за невероятно пышных одежд, атрибутов власти и украшений. Другой персонаж, также в пышных одеждах и сложном головном уборе, держит перед барабанщиком две отрубленные человеческие головы. Эти изображения сопровождаются календарными иероглифами майя, в которых преобладает знак *Axav* вместе с числительными из точек и полос.

Росписи религиозно-мифологического содержания из Санта-Риты были выполнены в поздний постклассический период в стиле, очень сходном со стилем миштекских кодексов, стилем Кодекса Борджиа, а также со стилем миштекских росписей Митлы. Для художника человеческие тела не имели значения; особое внимание должно было уделяться одежде, атрибутам власти, раскраске лица, всем элементам, характеризовавшим божества.

ТУЛУМ

В нескольких зданиях этого города сохранились фрагменты картин, покрывавших ранее большую часть фасадов и внутренних стен (это храмы, известные под названиями «Ныряющий бог», «Храм Фресок» и «Кастильо»). Вновь перед нами религиозно-мифологические темы, выраженные, как и в Санта-Рите, стилем, очень сходным со стилем кодексов. Мотивы включают сценки с одним-тремя участниками-божествами, среди которых преобладает богиня растительности и бог дождя; кроме того, есть старое божество, которое может быть *Ицамной*. Богиня растирает зерна маиса на метате; жрец в маске из бирюзы и перламутра, в головном уборе, украшенном раковинной, держит сумку с благовониями (копалом). Центральная тема — это, видимо, тема зависимости растительности от дождя и напоминание об обрядах, необходимых для обеспечения хороших урожаев. Фигуры менее статичны и не так перегружены деталями, как в Санта-Рите. Используемые цвета: белый, черный, синяя бирюза и очень редко красный.

Настенные росписи Тулума относятся к позднему постклассическому периоду (XIII — конец XV в.). Это настоящие страницы кодексов, воспроизведенные на стенах. И хотя в них заметны чуждые влияния (тольтекские, ацтекские, миштекские), все-таки они стоят ближе к майяской культуре.

КЕРАМИКА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Когда какой-то народ переходит к земледелию, он начинает нуждаться в емкостях для варки растительных продуктов. Кроме того, земледельческий народ располагает свободным временем, которое он может использовать для изготовления полезных предметов. Не случайно, что на всех широтах земледелие, оседлая жизнь и изготовление предметов из обожженной глины развивались одновременно⁹⁸.

Большая часть этих предметов — утилитарного характера и служит для варки зерновых или овощей, для хранения жидкостей и т.д. Формы сосудов функциональны и очень сходны во всех частях света, так как они отвечают одинаковым потребностям и изготавливаются из того же материала; они включают прежде всего горшки, вазы, миски, тарелки, разнообразные по форме, пропорциям и размерам. Помимо керамики для домашнего обихода изготавливалась посуда лучшего качества, предназначенная для приношений в некоторых обрядах, таких, как освящение или открытие какого-либо здания, оказание почестей божествам или жрецам, посмертный подарок усопшему.

Обычно мастера майя использовали местную глину, но если ее не хватало, то привозили из других районов. Чтобы уменьшить избыточную пластичность глины и избежать ее растрескивания при обжиге, добавлялись частицы обезжиривателя, которые могли быть минерального происхождения (песок, фрагменты вулканических пород, кварц, кальцит, слюда или вулканическая пыль), растительного (семена, волокна) или животного (более или менее измельченная раковина). Ремесленники майя не знали гончарного круга, известного в других культурах, хотя, вероятно, они использовали, как используют до сих пор в некоторых районах Мексики, два блюда, соединенные выпуклыми донцами. При этом верхнее вращалось на нижнем, находившемся в перевернутом положении, — таким образом получался очень простой гончарный круг. Древние керамические печи должны были походить на те, которые применяются в настоящее время.

ТЕХНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СТИЛЬ

Изучение керамики во времени выявляет логическое развитие от самых простых форм и самых элементарных декоративных приемов раннего доклассического периода до наибольшего разнообразия в рисунках, отделке и орнаментальных мотивах позднего классического периода. На протяжении доклассического периода (1500 г до н.э. — 150 г. н.э.) обычные формы таковы: шаровидные горшки с шейкой или без нее, простые или на трех ножках; миски с отогнутыми наружу стенками; глубокие тарелки с отогнутыми стенками или с венчиком, обращенным наружу. Изделия покрыты слоем ангоба, полученного из той же разведенной глины, они одноцветны — серые, черные, кремовые, оранжевые, красные. Орнамент, если он есть, обычно наносился на свежую глину до обжига тиснением ткани, шнура, шагающим штампом, царапаньем раковинной, насечкой ногтями или острием какого-нибудь предмета, гравировкой, аппликацией. Мотивы зависят от материала, которым произведены тиснение и нарезка. В протоклассическое время (150–300 гг.) появляются такие усложненные формы, как четырехногие тарелки с подставками в виде женской груди и с двуцветной раскраской (красная по желтому или оранжевому), с простыми геометрическими мотивами (меандры) или стилизованными изображениями животных.

В течение раннего классического периода (300–600 гг.) местная керамика подверглась сильному теотиуаканскому влиянию, главным образом в южной зоне, но также и в центральной. Оно выразилось в появлении цилиндрических трехногих кубков и ваз с плоскими подставками, часто снабженных круглой крышечкой. Очень характерен для этого периода такой

---

⁹⁸ Фактически проявление всех трех названных элементов культуры совпадает во времени далеко не всегда. Известны случаи изготовления керамики у племен с охотничье-рыболовческо-собираТЕЛЬСКИМ хозяйством и отсутствие глиняной посуды у земледельцев-скотоводов (*Примеч. ред.*).

элемент, как утолщение стенок сосудов в их нижней части в виде выступа. Орнамент может быть гравирован или нарисован перед обжигом или после него; предпочтение отдавалось красному и черному цветам по оранжевому, использовались также кремовый, кофе, бежевый, розовый, серый и зеленый цвета. Декоративные мотивы в основном геометрические (черточки, треугольники, кривые и волнистые линии), символического характера, а также стилизованные змеи и другие животные.

Поздний классический период характеризуется в керамике, как и в других художественных формах, необычайным техническим и стилистическим разнообразием. Среди главных форм сосудов назовем следующие: миска с ручками, кувшины, тарелки без поддона или на трех ножках; блюда с вертикальными, отогнутыми или сужающимися стенками; цилиндрические кубки с высокими стенками, слегка выгнутыми, яйцевидной формы, с подставкой; жаровни или урны с пышной моделированной орнаментацией. К цветам, упомянутым нами для предыдущего периода, можно добавить следующие: пурпурный, синий, желтый, бледно-розовый. Мотивы очень разнообразны и включают геометрические символы, параллельные штрихи или полосы, точки, диски, иероглифы, изображения животных, растения, божества, персонажей различного социального положения. Фигуры могут быть искусно стилизованы или, наоборот, натуралистичны, сцены изображены с большим реализмом. Расписные тарелки и кубки найдены по всей территории майя; среди наиболее ценных с эстетической точки зрения выделяются сосуды из нескольких памятников Гватемальского нагорья: Каминальгую (явно теотиуаканские), Чама, Небах, Ратинлиншуль, Чипаль, Уэуэтананго, Сакулеу. Основные темы росписей на керамике таковы: ритуальное кровопускание у жрецов, обряд охоты на оленя, принятие подношений высокопоставленными лицами, божество — летучая мышь с иероглифами, важный сановник, принимающий подданных, богатый торговец на носилках, охотники в засаде и т.д.

Первая фаза постклассического периода (1000–1250 гг. н.э.) отмечена влияниями, привнесенными на Юкатан захватчиками-тольтеками. Появляется несколько видов керамики, очень распространенной в эту эпоху, хотя и малоупотребительной в Туле: так называемая тонкая «Х» и «свинцовая» или с металлическим отливом. Первая из них, по-видимому, производилась на побережье Мексиканского залива, а вторая — на Гватемальском нагорье. Формы оранжевой керамики — это в основном высокий цилиндрический кубок (шоколадница) с поддоном, грушевидный бокал на трех ножках или на поддоне; трехногие тарелки, блюда и горшки. Они могут быть расписаны черными геометрическими или зооморфными мотивами или волютами; применялись также аппликации уже смоделированных элементов (голова человека или животного). Наиболее общие формы «свинцовой» керамики — чаши и блюда на трех ножках и сосуды в виде животных. Типичным памятником, где встречается эта керамика, является Чичен-Ица.

Гончарные изделия последнего этапа постклассического периода демонстрируют технический и стилистический упадок, тольтекское влияние и возвращение к некоторым традиционным формам посуды майя. В Майяпане, Тулуме и Чампотоне большая часть найденной керамики относится к этому периоду. Помимо некоторых классических форм (тарелка, блюдо или бокал без подставки или на трех ножках) и других, относящихся к периоду тольтекского влияния (чаша или грушевидный бокал, цилиндрический или яйцеобразный), основные формы следующие: высокие цилиндрические или шаровидные кубки с высоким поддоном, глубокие миски и высокие кружки с ручками; сосуды с ручками в виде фигурок животных, многочисленные тарелки или блюда на трех ножках с антропо- или зооморфными подставками; курильницы, цилиндрические или шаровидные на высоком колоколовидном основании, в форме песочных часов, антропоморфные (фигура может быть прикреплена к емкости или располагаться на ее крышке); кадила, состоящие из тарелки с дырочками и рукоятки; фигурные сосуды — от простых или трехногих стаканчиков с масками божеств или в форме животных (черепаха, птица, ягуар) до больших урн с прикрепленной к ним объемной фигурой. Орнамент может быть одноцветным (черный по сероватой или белесой глине с нанесением точек или вертикальных полос), но наиболее часто применявшейся техникой была ап-

пликация из глиняных полос со следами пальцев или вдавливаний от концов трубочек, а также небольших дисков, шариков или конусов. Многоцветные фигуры, выполненные в круглом объеме с присоединенными частями тела, образующие часть жаровен или урн, являются наиболее характерной чертой керамики этого последнего периода. Изображенные мотивы — по преимуществу божества, как майяские (*Чаак, Ицамна*), так и мексиканские (*Тлалок, Эхекатль, Шине-Тотек, «Ныряющий бог»*). Паста грубая, крупнозернистая, плохого обжига; поверхность мало или плохо лощенная, стиль фигур реалистичен, хотя их исполнение часто грубое и никогда не достигает того совершенства, которое известно нам, скажем, по сосудам с налепными украшениями позднего классического периода, найденным в Паленке, Теапе и Тапихулапе.

ГЛИНЯНЫЕ ФИГУРКИ

С раннего и среднего этапов доклассического периода (1500–300 до н.э.) в области майя изготавливались грубые фигурки из глины, черты лица которых обрабатывались посредством моделирования, нарезки, сверления и аппликации, как и в других мезоамериканских культурах. Фигурки из Ла-Виктории, хотя и отличаются по стилю, но по грубой манере исполнения и назначению, несомненно, родственны фигуркам других культур. Их использование было, вероятно, связано с первичной фазой развития верований, когда преобладал магический характер объяснения явлений природы и культ как таковой еще не имел общественного звучания, а ограничивался семейным уровнем и воздавался в уединении жилища, на возделываемых участках и во время похорон. Как земледельческий народ, майя непосредственно связывали плодородие земли с плодотворностью женщины. Поэтому огромное большинство фигурок — женские, и найдены они на возделываемых полях-мильпах среди остатков жилищ или в могилах. Их исчезновение на протяжении позднего доклассического периода, их абсолютное отсутствие в раннем классическом периоде наверняка отражает важные изменения в процессе становления религии. Анимистические верования⁹⁹ превратились в настоящую теологическую систему, объединявшую многочисленные божества, для почитания которых были построены церемониальные центры, где ритуалами руководило специальное жречество.

Появление фигурок в позднем классическом периоде говорит нам об эволюции, которую претерпело общество майя с раннего доклассического периода. Фигурки уже не воплощают элементарную магическую идею, связывающую женщину с землей, а процесс воспроизводства людей — с развитием растений. Постепенно социальная структура усложнялась, началось социальное расслоение; в глиняных фигурках отражен и этот процесс изменения в обществе и верованиях. Когда изображаются силы природы, то воспроизводится условный образ божества или добавляется какой-либо атрибут, его символизирующий. Форма большинства женских фигурок воспроизводит одно и то же движение (поднятые руки) и одну и ту же одежду. Вероятно, это изображение богини *Ишчель* — покровительницы размножения, зачатия, родов, а также медицины. Маска *Тлалока*, как нагрудное украшение-пектораль или элемент орнамента одежды, имеет очевидную связь с богом дождя в его центрально-мексиканской ипостаси; большие глаза некоторых фигурок позволяют узнать в них солнечного бога, а череп других — бога смерти.

Но большая часть статуэток изображает не религиозные концепции или божества, а людей различных социальных уровней с различными физическими чертами, различными занятиями. Изображенные мужчины — это обычно высокопоставленные лица, стоящие или сидящие на своих тронах, жрецы, воины, ряженные танцовщики, игроки в мяч, люди-совы, старики, юноши, толстяки, горбатые, изуродованные физическими недостатками или болезнями. Женщины — важные матроны-жрицы, престарелые или в зрелом возрасте, девушки в одежде с глубоким вырезом, ткачихи со своими станками; их может сопровождать ягуар или

---

⁹⁹ Анимизм (от лат. *anima, animus* — душа, дух) — вера в сверхъестественные существа, заключенные в какие-либо тела (души) или действующие самостоятельно (духи) (*Примеч. ред.*).

ребенок. Есть также фигурки животных: ягуара, собаки, обезьяны, оленя, птицы, черепахи и пр.

Фигурки могут быть вылеплены, сделаны в форме или выполнены в смешанной технике — тело вылеплено, а голова сформована — или иметь наклепные украшения и детали. Все они, вероятно, были многоцветными. Многие изделия — полые внутри — служили погремушками или свистульками; некоторые из них — флейтами. Анатомические пропорции и лица в лепных фигурках очень реалистичны; в формованных — размер головы преувеличен, а черты более условны. Многие лепные фигурки, видимо, указывают на стремление к индивидуализации и на попытку сделать настоящий портрет изображаемого, хотя, может быть, и несколько идеализированный. Тела и нижние конечности обычно проработаны слабо; наиболее совершенно художник пытался выполнить голову.

Почти все фигурки были найдены в захоронениях; они известны в основном с острова Хайна, из церемониальных центров Петена, из Копана, Паленке, Хонуты, Каминальгую, Ла-Виктории. Наличие изображений богини *Иичель* в могилах, вероятно, символизирует будущее возрождение; портретные статуэтки, видимо, связаны с теми людьми, с которыми они были положены; кроме того, должно быть, существовал набор фигурок различных типов, из которых родственники выбирали экземпляры, наиболее подходящие для своих усопших. Возможно, что фигурки ставились также на семейные алтари и использовались при некоторых обрядах в храмах, судя по сотням головок и обломков туловищ, конечностей и некоторых целых изделий, найденных у подножия пирамиды «Храма Надписей» в Паленке, куда они, вероятно, были сброшены с храма после какой-то церемонии.

ОБРАБОТКА КАМНЯ

За века до того, как майя изготовили свои первые поделки из нефрита, создатели ольмекской культуры уже были опытными камнерезами, как об этом свидетельствуют находки, сделанные в Ла-Венте, относящиеся к среднему доклассическому периоду (800–300 гг. до н.э.).

Нефрит (жадеит) — очень твердый материал, который обрабатывался очень простыми приемами, так как металл появился в Мезоамерике очень поздно (XII или XIII в. н.э.). Не отрицая возможного применения твердых пород камня, мы полагаем, что орудия труда, которыми пользовались майя, были в основном из дерева (молоты, сверла, ножи), кости (сверла); шнуры-пилы — из хенекена. Эти орудия применялись для разбивания, резки, гравирования и сверления; их должным образом покрывали абразивами (песок, пыль твердых минералов или того же нефрита), приклеенными каким-либо растительным клеем. Обсидиановыми наконечниками можно было наносить рисунок и получать легкую нарезку; полирование могло проводиться лощилами из нефрита или другого твердого камня или ножей с добавлением абразивов.

С помощью этих простых орудий майя сделали тысячи предметов, выполненных в барельефе или горельефе и в круглых объемах. Большая их часть предназначалась для украшения костюмов важных лиц или служила приношениями, которые закапывали в зданиях, в могилах или в других местах, как, например, в сенотах Юкатана, где, как считалось, тоже обитали божества. Предметы, входившие в состав украшений высокопоставленных лиц, включали в себя диадемы из дисков, маленькие трубочки для разделения волос на локоны, ушные украшения из нескольких элементов, украшения для носа, украшения для губ, ожерелья, браслеты, кольца, пекторали, украшения для церемониального пояса и коротких плащей; сферические, цилиндрические, трубковидные и в форме цветов и плодов подвески, мозаичные маски; головки и фигурки. Мотивы изображения могут быть геометрические, в виде цветов, животных (змея, ягуар, черепаха, птица и т.д.) или в виде человеческой фигуры. На гравированных пластинах, употреблявшихся как нагрудные украшения, воспроизводились сцены с несколькими персонажами, разговаривающими или совершающими жертвоприношение.

Вот основные памятники, где найдены предметы из нефрита: Каминальгую и Небах на Гватемальском нагорье; Вашактун и Тикаль в Петене; Копан в районе Мотагуа; Паленке, Хайна и особенно «Священный Колодец» в Чичен-Ице. В этом последнем месте были найдены тысячи предметов, от раннеклассического периода до постклассического, среди которых легко опознаются по теме и стилю предметы, сделанные во время тольтекского нашествия.

В постклассический период помимо нефрита камнерезы обычно включали в мозаику фрагменты раковин и пирита, а также бирюзу или делали из тех же материалов нагрудные украшения.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПЕРЬЕВ

По изображениям важных персон, известным в скульптуре, живописи и поделках из камня, видно, что предметы из перьев занимали у древних майя важнейшее место, может быть, даже еще более значительное, чем украшения из нефрита. Изделия из перьев, о которых с восхищением говорили хронисты, применялись для подчеркивания пышности убранства, но этим их роль не ограничивалась. Головные уборы могли состоять из одного большого пера или из пышного плюмажа; перья дополняли тюрбан или сложную отделку. Мы видим знатных персонажей или танцовщиков, за спинами которых находятся плюмажи, похожие на огромные крылья. Для изготовления небольших накидок, бахромы, кистей использовались маленькие перышки. Перьями обшивались щиты, украшались копья и скипетры, из перьев делали веера, зонтики и балдахины для тронов правителей. Перья вплетались в хлопковые ткани, нашивались на них или наклеивались при помощи клея на деревянную или плетеную основу.

Обилие и большое разнообразие птиц, как наземных, так и водоплавающих, давали достаточно материала не только для потребностей аристократии майя, но и для экспорта в другие области, где не было подобного богатства. Более всего ценились перья кецаля, особенно хвостовые, которые наравне с нефритом являли собой наивысшую ценность для мезоамериканских народов. Большим спросом пользовались перья попугаев из-за их яркой окраски; перья индюка и фазана — из-за их переливающегося блеска и сочетаний цветов; голубиные — из-за их нежности, и некоторых уток, разводимых в ряде районов, — из-за белизны их оперения.

РАБОТЫ ПО МЕТАЛЛУ

Единственные металлические предметы, найденные у майя классического периода, — две ножки статуэтки из тумбаги (сплав золота и меди). Но эти ножки, хотя и находились в земляном заполнении одного ящичка для приношений, связанного со стелой в Копане, имеющей майяскую дату, соответствующую 782 г. н.э., были положены позже. Другие предметы из металла были найдены на Гватемальском нагорье (Тахумулько и Небах) и в долине реки Мотагуа (около Киригуа) вместе с керамикой, называемой «свинцовой», характерной для эпохи тольтекского вторжения в конце X в.

Наибольшее число металлических предметов, найденных в области майя, происходит из «Священного Колодца» в Чичен-Ице. Они включали главным образом предметы из золота, меди, тумбаги и позолоченной меди. Для их обработки применялиськовка, отливка в форме, сварка, золочение, покрытие одного металла другим, чеканка. Предметы включали гладкие или обработанные золотые диски; свернутые пластинки, образующие трубки, которые могли покрывать ручки вееров, скипетров, копьейметалок и других предметов; сандалии, ушные украшения, подвески, диски и кольца, кубки, маски, бесчисленные бубенчики — простые, антропо- и зооморфные или в виде свернутой проволоки; фигурки людей и животных.

Все предметы, найденные в колодце и изготовленные литьем, — иноземного происхождения, главным образом из Панамы, Коста-Рики, с Мексиканского нагорья и из области

Миштека (в Мексике); в меньшем количестве — из Гватемалы и Гондураса. Самые древние из них не старше конца X в., то есть времени, когда произошло вторжение тольтеков. Их наличие в Чичен-Ице, видимо, объясняется торговлей. Однако чеканные золотые диски, на которых представлены сцены сражений и человеческих жертвоприношений с участвующими в них майя и тольтеками (последние всегда изображены как победители или как приносящие жертву), были, вероятно, изготовлены в самой Чичен-Ице, может быть, ремесленниками майя под руководством тольтеков; при этом использовался металл из импортированных вещей, расплюснутых и отчеканенных в Чичене. Иероглифы, числительные и другие элементы письменности майя, обычно сопровождавшие рисунок, к тому времени, вероятно, утратили свое значение и использовались как простые украшения.

МУЗЫКА, ПЕНИЕ, ТЕАТР И ЛИТЕРАТУРА

МУЗЫКА

Помимо сообщений хронистов о присутствии музыкантов в церемониях и на празднествах и упоминаний инструментов, на которых они играли, мы находим в рисунках (настенные росписи, кодексы, керамика) реальное подтверждение этой информации. Археологи обнаружили многие из инструментов, хотя, естественно, не хватает тех, которые были сделаны из непрочных материалов.

Среди ударных инструментов назовем *тункуль*, горизонтальный барабан из полого дерева; был еще один барабан, *паиш*, который нигде не описан; известен также большой вертикальный барабан, майяское название которого не сохранилось. Были также глиняные тамбурины шарообразной и цилиндрической формы, маленькие или средних размеров, простые или сдвоенные, переносные или устанавливавшиеся на земле; некоторые из них похожи на те, что у современных лакандонов называются *каюм* — «поющий бог».

У всех этих барабанов или тамбуринов мембрана сделана из кожи обезьяны. Как погремушки использовались большие тыквы, к которым приделывалась деревянная ручка или пустые глиняные фигурки, внутрь которых насыпались мелкие семена, глиняные шарики или камешки; в позднюю эпоху были известны золотые или медные бубенцы. Назовем также панцири черепах, по которым ударяли оленьими рогами. В барабаны били ладонями или пользовались длинной палочкой, на конце которой крепился шарик из каучука.

Среди духовых инструментов назовем большие трубы, изображенные на фресках Бонампака, которые изготовлялись из каких-то непрочных материалов (дерева, коры дерева или тростника) и на конце иногда имели тыкву для усиления резонанса; флейты из тростника, кости или глины, простые и с несколькими отверстиями, из двух или более трубочек; глиняные свистки, антропо- или зооморфные (они составляют большую часть фигурок).

ПЕНИЕ

Пение, с музыкальным сопровождением или без него, было частью многих религиозных церемоний. Хронисты упоминают песнопения во время обрядов, проводившихся в связи с началом Нового года.

В некоторых случаях распевались, иногда под бой барабана, также «их сказки и старинные предания». Некоторые песни были записаны в кодексах. До нас дошли, хотя и без музыки, песни солнцу, «черным» дням, богу *Кукулькану*, *катунам* и *тунам* календаря, цветку как символу женского целомудрия и т.д.

В каждой общине один из чиновников, *ах-хольпон*, был главным певцом или человеком, который обучал музыке и пению; в его обязанности входил уход за музыкальными инструментами, он управлял также *пополь-на* — общинным домом, в котором давались представления для развлечения народа.

ТАНЕЦ

Обычно музыка и пение сопровождали танец. Наиболее важными на Юкатане к моменту испанского завоевания считались четыре дня: *Кан*, *Мулук*, *Иш* и *Кавак*, как дни, отмечавшие начало солнечного года, состоящего из 365 дней. В зависимости от дня менялся характер танцев и богиня — покровительница этого дня, но сам ритуал заметно не изменялся. Среди танцев, связанных с этими церемониями, назовем: танец воинов *холан окот*, в котором участвовали более 800 человек и который длился целый день; танец, исполнительницами которого были старые женщины; танец, который Ланда называет танцем «грязных женщин», называемый также танцем демона, во время которого сжигали большое количество дров, а затем по углям проходили танцоры; танец, в котором участники неподвижно стояли на высоких ходулях.

В месяце *Сиб* охотники отмечали праздник, посвященный их профессии, и танцевали танец *окотуиль*; танцем также сопровождалось жертвенное расстреливание человека из луков, песня о котором включена в «Песни из Цитбальче». Была известна танцевальная игра, сопровождавшаяся музыкой, *коломче*, когда один танцор бросал палки в другого, а тот старался отклонить их также при помощи палки. Устраивались также танцы, связанные с животными, — вероятно, религиозно-символического характера. Ланда упоминает танец *нау-аль*, в котором участвовали мужчины и женщины и который он назвал «не очень скромным».

ТЕАТР

Помимо танцевальных представлений ритуального характера существовали и другие, носившие лишь развлекательный характер, хотя, вероятно, они имели определенное этическое значение. Хронисты были поражены, увидев некоторые из них; Ланда их считал «очень изящными», а актеров называл «комедиантами, которые играют с большим изяществом». Словари XVII в. дают различные наименования актерам в зависимости от их роли: «благородные», «кавалеры», «шуты» и «маги». Например, *эсиах* выступал в роли иллюзиониста. Инсценировались также легенды и древние истории, были и настоящие фарсы, в которых майя блистали остроумием, рассказывая забавные истории. Мирской характер этих комедий подтверждается хрониками, где говорится, что они ставились «для удовольствия народа». Некоторые представления, кажется, даже грешили вульгарностью.

Ланда упоминает две платформы в Чичен-Ице, называемые теперь «Платформой Лунны» и «Платформой Орлов и Ягуаров», которые, по его сообщению, были «двумя небольшими каменными театрами с четырьмя лестницами, покрытыми сверху плитами, где, говорят, представляли фарсы и комедии».

В общинном доме *пополь-на* вместе с названным выше мастером пения *ах-хольпоном* трудился театральный «директор» *ах-куч-цублаль*, который готовил представления и руководил ими. Привязанность к театру сохранилась у майя, как и у остальных мезоамериканских народов, и после конкисты, но тогда им уже руководили главным образом монахи, и, разумеется, с целями наставления в вере.

«Словарь из Мотуля» упоминает майяские названия некоторых очень популярных в XVII в. представлений, имеющих, вероятно, доиспанское происхождение. В переводе Барреры Васкеса они будут называться следующим образом: «Небесная скамья», «Продавец диких индюков», «Продавец горшков», «Тот, кто продает перец», «Тот, кто управляет Сьеррой-Альта», «Гуакамайя с белым ртом, или Обманщица», «Белоголовый мальчик», «Возделыватель какао»...

Среди сценических представлений доиспанского происхождения, переживших века и запреты колониального режима, важное место занимает «Рабиналь-Ачи», драма-балет майя-киче, в которой повествуется о подвигах одного воина, его пленении, суде над ним и принятии в жертву. Это представление развертывается до полного завершения судьбы, которую человек сам себе создал своей деятельностью. Оно идет в медленном темпе, чрезмерно длинные монологи неоднократно повторяются, но, несмотря на эту монотонность, интерес к действию сохраняется и даже растет вплоть до фатальной развязки.

ЛИТЕРАТУРА

Нам трудно оценить литературу майя так, как мы смогли это сделать с остальными искусствами. Дошедшие до нас доиспанские тексты (кодексы, надписи) выполнены иероглифами, которые лишь частично дешифрованы. Они скорее всего являются не литературой в собственном смысле слова, а кратким изложением, записанным идеографическими и фонетическими знаками, данных, которые нужно было запомнить жрецу для проведения церемоний, получения календарных дат, предвидения затмений и предсказаний благоприятных или неблагоприятных времен.

То, что нам известно как литературные тексты майя, — это документы, написанные на нескольких майяских языках вскоре после испанского завоевания, когда образованные люди из местного населения научились у монахов писать на своем собственном языке, используя испанский алфавит. Отражая свое время, они содержат европейские представления, смешанные с идеями майя, и рассказывают о событиях, где сливаются воедино и действительное доиспанское, и то, чему научили индейцев испанские монахи. Однако, если снять по мере возможности европейские наслоения, эти документы являют собой уникальные примеры литературы майя. Вначале некоторые из них были, возможно, записаны в кодексах, но более вероятно, что они переходили от поколения к поколению в устной форме до тех пор, пока их не переписали в колониальную эпоху.

В одной из первых глав, упомянув местные источники, мы немного говорили о содержании книг «Чилам-Балам», «Рукописи из Чичикастенанго» («Пополь-Вух») и «Мемориала из Сололы» («Анналы Какчикелей»). Кроме этих значительных документов нам известны песни, молитвы, пророчества и заговоры, которые, несомненно, являются частью устной литературы и происходят главным образом от юкатанских майя, лакандонов, цоцилей и киче.

Эти тексты имеют очень разнообразное содержание — религиозное, магическое, пророческое, мифологическое, историческое, эпическое, и, хотя их создавали не для специальных литературных целей, в действительности они представляют собой ценнейший образец литературы майя.

В этой литературе бросается в глаза своеобразное мышление, ставящее религиозно-магические представления выше холодного разума. Поэтому она трудна для нашего понимания, а иногда и вовсе не доступна; но несомненно, что эта литература не только содержит важную информацию по истории и культуре майя, но и переносит нас в мир, который можно назвать поэтическим. Нет никакого сомнения, что искусство играло в обществе майя жизненно важную роль.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ МАЙЯ

РАННИЙ ДОКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (1500–800 гг. до н.э.)

Случайные находки каменных орудий доземледельческого времени обнаружены в очень немногих местах области майя; но вероятно, что в раннем доклассическом периоде медленно, но неуклонно охота, рыбная ловля и собирательство стали дополняться и частично замещаться земледелием. Наиболее древние следы земледельческой культуры в области майя найдены в Ла-Виктории, гватемальской деревне близ мексиканской границы на берегу Тихого океана. Можно считать, что первые оседлые поселения, такие, как в Ла-Виктории, образовались именно на побережье океана и на берегах рек, где можно было заниматься традиционным хозяйством и дополнять его возделыванием маиса. Затем медленно, на протяжении семи веков, отводимых этому периоду, экономическая база, основанная в значительной мере на охоте, рыболовстве и собирательстве, изменилась. Главным занятием стало производство продуктов питания.

Население было все еще малочисленным, а применяемая техника — очень неразвитой, что отражается на керамике (этапа Окос и Куадрокс) — одноцветной, простых функциональных форм, с гладкой или пластической орнаментацией (отпечатки ткани, шнура, раковин или пальцев на сырой глине) и в изделиях из камня, главным образом оббитых. Для поддержания своего существования население использовало богатства моря и плодородие прибрежных земель. Это были маленькие, самообеспечивающиеся общины, функционировавшие при помощи простой организации семейного характера, в которой все члены вместе были заняты производительным трудом и одинаково разделяли между собой его плоды. Анимистические верования и простые магические обряды, их сопровождавшие, давали людям надежду на завтрашний день. Важную роль в верованиях и обрядах играли грубые глиняные женские фигурки, так как майя непосредственно связывали плодородие земли с плодотворностью женщины. Практиковался также культ мертвых.

СРЕДНИЙ ДОКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (800–300 гг. до н.э.)

В течение среднего доклассического периода, вероятно, еще без значительных технических изменений, достаточно увеличились производительные силы благодаря росту численности населения и развитию земледелия. С одной стороны, выращивание маиса (урожайность которого увеличивалась благодаря естественному генетическому улучшению его свойств по мере возделывания растения) и других культур (фасоли, тыквы, стручкового перца) стало основным средством пропитания населения, дав ему постоянную и более разнообразную пищу. С другой стороны, огромная территория майя предоставляла неограниченное пространство для растущего населения. Поэтому данный период характеризуется началом мощной экспансии, охватившей земли от побережья Тихого океана до севера Юкатанского полуострова.

В то же время начала трансформироваться социальная структура. Магические обряды, связанные с народными верованиями, стали осуществляться исключительно одной группой людей, якобы наделенных сверхъестественными силами (волшебники, колдуны). Мало-помалу эта группа стала отдаляться от процесса производства пищи и заниматься деятельностью менее обременительной и более выгодной и престижной. В селениях и деревнях в центре группы жилищ стали строить хижину больших, чем другие, размеров, возведенную на более высокой платформе. Она предназначалась для обрядов, которые прежде проводились дома и на мильпе. Тем не менее с магическими целями продолжали делать глиняные женские фигурки.

В середине этого периода в область майя проникли влияния ольмекской культуры, исходившие с побережья Атлантики. Через перешеек Теуантепек они достигли Тихоокеанского побережья и Гватемальского нагорья. Эти влияния затронули, вероятно, правящую группу; править стали чужие люди, которые принесли новые знания (календарь, «Длинный счет», зачаточную письменность, божество-ягуара, гигантские скульптурные головы) и использовали их для укрепления своего господства. Но жизнь народа майя оставалась в целом прежней; майя работали на самих себя и на касту, которая ими управляла, была ли она ольмекской, как в южной зоне (Каминальгую и Тихоокеанское побережье), или майяской, как в центральной (Алтар-де-Сакрифисьос, Сейбаль, Вашактун и Тикаль) и северной (Цибилчальтун) зонах.

ПОЗДНИЙ ДОКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД **(300 г. до н.э. — 150 г. н.э.)**

В поздний доклассический период большая часть территории майя была уже заселена, площади возделываемых земель значительно расширились и производство продуктов увеличилось. Мы не думаем, что это произошло благодаря техническому прогрессу; вполне возможно, что все потребности покрывались при помощи того же набора примитивных земледельческих орудий.

Социальная дифференциация, начавшаяся в предшествующий период, еще более возросла. Правящий класс (отдаленный потомок «корпорации» колдунов предшествующих веков) из обычного посредника между народом и силами природы превратился в господствующее организованное меньшинство, эксплуатировавшее простой народ.

Церемониальные центры стали заметно выделяться среди основной массы хижин общины. Здания, предназначенные для культовых целей, уже не стояли на простой платформе, для них строились пирамиды. Правда, на этих пирамидах все еще стояли храмы-хижины, но они уже были богато орнаментированы масками из штука. Возводились каменные блоки, стелы и алтари, на которых появлялись не только лики богов, но и скульптурные портреты правителей, а также письма, включавшие числа и календарные знаки.

В этот период процветали такие большие центры, как Исапа на Тихоокеанском побережье, где заметен переход от привнесенных элементов ольмекской культуры к тем элементам, которые в будущем образуют культуру майя. На этом же побережье успешно развивались такие центры, как Абах-Такалик, Монте-Альто и ЭльБауль. В этом последнем есть одна, почти майяская, стела с датой, относящейся к 36 г. н.э., с изображением человеческой фигуры и колонками календарных иероглифов. Прекрасным образцом развития, достигнутого обществом майя, может служить этап Мирафлорес крупнейшего центра Каминальгую на Гватемальском нагорье. В многочисленных могилах были открыты останки важных лиц, захороненных с богатейшими приношениями из нефрита и с принесенными в жертву слугами, которые должны были сопровождать их в мир мертвых. В Петене в тот же период сильно выросли такие центры, как Вашактун и Тикаль. Их строители открыли способ получения раствора из смеси извести, песка и воды, при помощи которого они стали возводить каменные стены и получать штук, очень нужный художникам для воспроизводства масок божеств. Тогда была построена знаменитая пирамида «E-VII» в Вашактуне, а также расписанные постройки и гробницы в Тикале. На севере Юкатана уже существовали Цибилчальтун, Акансех и Мани.

Появление на барельефах изображений богато одетых человеческих фигур, вероятно правителей, указывает на возрастание их власти. В то же время исчезновение глиняных фигурок, характерных для предшествующих периодов, говорит о важных изменениях в духовной жизни.

ПРОТОКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (150–300 гг.)

В так называемом протоклассическом периоде культура майя приблизилась к своему окончательному формированию, став целиком отличной от остальных мезоамериканских культур. В действительности для этого периода, еще до недавнего времени включавшегося в поздний доклассический период, характерны лишь количественные изменения. Эти изменения таковы: большее число ритуальных центров как следствие роста численности населения, увеличение строительства зданий, широкое применение каменной кладки и украшений из штука, стелы с иероглифическими надписями, датами и образами правителей, все более заметное социальное расслоение. Появилась, однако, новая керамика, полихромная и с более изысканными формами. Кроме того, некоторые простые могилы — обычные узкие ямы — стали перекрывать несколькими рядами каменных плит, которые, постепенно сходясь, закрывали углубление — так зародился ступенчатый майяский свод.

РАННИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (300–600 гг.)

В популярных работах по истории майя подчеркивается, что момент, когда выкристаллизовалась их культура, то есть начало классического периода, отмечен появлением первых дат на монументах, строительством зданий с майяским сводом и изготовлением полихромной керамики специфических форм. При чтении работ некоторых майянистов создается впечатление, что классическая эпоха майя представляет неожиданное чудесное явление, не имевшее прошлого. На самом деле это кульминация длительного процесса, который включает в себя намного больше элементов, чем те три, что обычно называются. Что же касается этих последних, то следует вспомнить, что монументы с календарными иероглифами, числительными из точек и черточек и с датами «Длинного счета» уже были представлены на памятниках Атлантического и Тихоокеанского побережий за несколько веков до самой древней, определенно майяской стелы (№29 из Тикаля), с датой 292. Вспомним также, что перекрытие в форме майяского свода появилось в некоторых гробницах на несколько веков ранее, чем на зданиях классического периода.

Таким образом, классический период не только характеризуется предполагаемым появлением некоторых новых черт, но и является логическим результатом технического, экономического, социального, политического, религиозного и художественного развития общества майя. В земледельческой технике не произошло заметного прогресса, и палка-копалка продолжала оставаться основным или даже единственным орудием труда; прогресс состоял в том, что начали возводиться земледельческие террасы в горных районах с целью задержания дождевых вод и предупреждения эрозии, а также в прокладке оросительных каналов, отводивших воду от естественных источников (озер, лагун, ручьев, рек) или даже искусственных водохранилищ (впадин, покрытых глиной, простых запруд). Эти сооружения часто встречаются на Гватемальском нагорье и в Белизе. В попытке достигнуть большей интенсивности земледелия, чем так называемое подсечно-огневое, удалось сократить время, при котором участки земли находились под паром.

В других сферах, наоборот, по сравнению с предыдущим периодом технические достижения очевидны и значительны. Строительство грандиозных церемониальных центров, успехи в области развития скульптуры, живописи, керамики, в обработке камня, в изготовлении изделий из перьев, выработка законченной иероглифической письменности, прогресс в астрономических и математических знаниях и составление календарной системы, более сложной и точной, чем календарная система других народов в предыдущие эпохи, — все эти интеллектуальные достижения в целом дают нам картину культуры классического периода, намного более широкою и яркою, чем в доклассическом периоде.

Экономическое развитие было определено не столько техническими успехами, сколько подлинным демографическим взрывом, отражение которого наблюдается в появлении большого количества новых церемониальных центров или в необычайном росте уже имевшихся. Увеличение населения стало возможным благодаря экспансии, начавшейся в предыдущие века и направленной на освоение свободных земель, удобных для возделывания, на обширных просторах области майя.

Экономическому толчку способствовало также расширение торгового обмена как внутри области майя, так и с внешними территориями. Однако помимо нескольких статей первой необходимости большая часть торгового обмена сводилась к обмену предметами роскоши (нефрит, перья кецаля, морские раковины), которые предназначались для правящего меньшинства. Поэтому мы считаем, что в тот период в развитии производительных сил фактор торговли играл второстепенную роль, сильно преувеличенную некоторыми авторами.

Необычайный рост ритуальных центров, возведение многочисленных стел, прославляющих отдельных правителей, помпезность, с которой изображены высокопоставленные лица на барельефах и некоторых стенных росписях, говорят о том, что в обществе майя классического периода происходило социальное расслоение. Это было общество, где незначительное меньшинство эксплуатировало основную массу населения от имени его богов, то есть являло собой теократию.

Возможно, что эта теократия зародилась еще в предыдущей форме правления, которую У.Сандерс и Б.Прайс называют «чифдом»¹⁰⁰. Она существовала, видимо, со среднего доклассического периода и наверняка сохранялась в позднем доклассическом и протоклассическом периодах. Эта политическая структура, вероятно, была переходной от организации общинного характера раннего доклассического периода к более сложной системе с классовым расслоением. В ней преобладали родственные отношения, унаследованные от первоначального клана, в рамках которого они выросли; затем, по мере социального расслоения, видимо, усиливалось преобладание отдельных родов, которые вначале исполняли функции, наиболее важные в гражданской, религиозной и военной сферах. С течением времени в связи с ростом населения и увеличением его потребностей эти роды усиливали свое влияние до тех пор, пока не навязали свое полное господство.

Это был период расцвета больших центров на всей территории майя. На юге при вероятном теотиуаканском господстве развивался Каминальгую (этап Эсперанса); иноземные правители возводили пирамиды, по стилю напоминающие пирамиды Теотиуакана.

На памятниках центральной зоны, таких, как Вашактун и Тикаль, правители майя возводили большие комплексы из пирамид, храмов и дворцов и ставили стелы и алтари, на которых их изображали в пышных одеждах. Настенные росписи украшали храмы и могилы, где останки правителей помещались вместе с ценными дарами и принесенными в жертву людьми. Было начато изготовление новых форм керамики и появились оригинальные декоративные мотивы; были также восприняты теотиуаканские образцы, привнесенные из южной зоны. Северная зона, хотя и менее интенсивно, следовала по тому же пути развития, о чем свидетельствуют находки в Цибилчальтуне, Ошкинтоке и Акансехе.

ПОЗДНИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (600–900 гг.)

В этот период культура майя достигла апогея; максимально развились и производительные силы. Скорее всего это объяснялось не техническим прогрессом, а ростом числа рабочих рук, как и в предыдущем периоде.

---

¹⁰⁰ Чифдом (chiefdom) (англ.) — «вождество», «правление вождей», термин, соответствующий в советской исторической литературе понятию «военная демократия»; в целом это последний этап в развитии первобытнообщинной формации, время ее разложения и гибели, появления зачатков социального неравенства и т.д. (*Примеч. ред.*).

В те века почти вся территория майя, вероятно, была уже практически занята. Некоторые районы были даже перенаселены. Эксплуатация земель достигла, видимо, своего предела, при этом использовалось подсечно-огневое земледелие и ирригация там, где это было возможно. Возросла интенсивность обработки земель. В этих условиях майя были вынуждены прибегнуть ко всем пищевым ресурсам, находившимся в их распоряжении, дополняя пищу из маиса и фасоли корнеплодами, овощами и мукой, получаемой из плода рамона. В пищу шли также продукты рыбной ловли и охоты.

Эксплуатация природы дополнялась сверхэксплуатацией человека. Этот период характеризуется настоящим расточительством производительных сил: природных ресурсов, человеческой энергии, технических и научных знаний и интеллектуальных и художественных способностей.

Процветание сотен ритуальных центров на Тихоокеанском побережье в Чьяпасе и на Гватемальском нагорье, а также в долине Мотагуа в Петене, в бассейне Усумасинты, на побережье Мексиканского залива и на всем Юкатанском полуострове говорит о необычайном росте численности населения в течение позднего классического периода.

Строительство тысяч огромных пирамид, храмов, дворцов, святилищ, комплексов для игры в мяч свидетельствовало о невероятном расточительстве времени и сил. Это напоминало эпохи возведения египетских пирамид, вавилонских зиккуратов или кхмерских храмов. Майя создали искусство, которое во многих аспектах является самым утонченным на всем Американском континенте.

КРИЗИС В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЗОНЕ

Блестящий апогей цивилизации майя в центральной зоне имел трагический и, вероятно, насильственный конец, о причинах которого высказывались многочисленные и противоречивые гипотезы. Выдвигались предположения о воздействии таких природных явлений, как изменения климата и землетрясения. Однако известно, что центральный и северный районы находятся вне зоны сейсмической активности, характерной для Гватемалы и Чьяпаса, а что касается предполагаемых катастрофически обильных дождей в Петене, которые будто бы мешали выжиганию подсеки и последующей обработке земли, то их воздействие не было доказано, как и предполагаемая массовая миграция населения, вызванная всем этим.

Другие гипотезы предполагают, что эпидемии желтой лихорадки и малярии так беспокоили майя, что они должны были покинуть низменные лесные районы Юга. Но существование этих болезней в доиспанские времена не доказано.

Многие авторы выдвигали гипотезу истощения почв из-за чрезмерного многовекового применения подсечно-огневой системы земледелия. Однако и эта теория не была доказана.

Выдвигалось также предположение об интеллектуальном и художественном упадке, вызванном проникновением «экзотических» идей извне, чуждых майя религиозных верований и концепций, воспринятых правящей элитой, но порицаемых народом, который остался верным прежним божествам и обрядам. Народное недовольство могло вызвать настоящие бунты против правителей. Но идеологические перемены и духовное несогласие масс не порождают социальных беспорядков, если нет материальных условий, благоприятствующих насильственным переменам.

Без сомнения, некоторые районы центральной зоны (Петен, Усумасинта, Паленке) подвергались вторжению чужеземцев, но обычно оно не было длительным, и последствия его исчезали довольно быстро. Однако мы не сомневаемся, что нашествие извне и в некоторых случаях приход к власти групп, чуждых в культурном отношении майя, способствовали распаду майяской цивилизации в центральной зоне.

По нашему мнению, причину трагического финала этой культуры следует искать в противоречии, присущем самому обществу майя, в изначальном антагонизме отношений, существовавших между его членами, одним словом, в свойственном этому обществу способе производства.

При попытках объяснить упадок культуры майя в центральной зоне следует иметь в виду два фактора:

1. В течение IX в. прекратилась всякая культурная деятельность, то есть строительство церемониальных центров и возведение пирамид, храмов, дворцов, комплексов для игры в мяч и остальных построек, предназначенных для обрядов или обитания; прекратилось также установление стел и других монументов с календарными отметками, иероглифическими надписями и изображениями важных персонажей, а также производство орнаментированной керамики и предметов из нефрита, то есть всего имеющего отношение к жреческим занятиям и потребностям правящего класса.

2. Простое население продолжало жить в населенных пунктах центральной зоны, занимая, как и в Паленке, ритуальные постройки или ближайšie к ним участки. К приходу испанцев коренное население во многих районах было еще значительным. Как утверждает Э.Томпсон, в некоторых местах оно могло быть достаточно многочисленным и сохранять при этом централизованную авторитарную политическую организацию (Потончан и побережье Табаско, Нито, Нако и зоны, прилегающие к Гондурасскому заливу, а также Копан, зона Акалан-Тишчель, Тайясаль и берега озера Петен-Ица). В других местах, наоборот, население могло быть рассеяно в маленьких деревнях с простой организацией общинного уровня, где единственным зданием, отведенным для культа, была хижина, несколько большая, чем остальные (районы, населенные индейцами чоль, мопан, лакандонами).

Исходя из этого, можно прийти только к одному выводу: в результате социального конфликта произошло исчезновение правящей верхушки майя или же она была заменена иноземными правителями. После чего жители селений заняли церемониальные центры и обитали в них до тех пор, пока наступающая сельва не заставила их покинуть эти места. Затем они обосновались в рассеянных поселках с замкнутой системой хозяйства и общинным типом организации. Иностранное господство могло быть свергнуто в короткое время, как в Паленке или Сейбале, или сохраняться до испанского завоевания, главным образом в прибрежных районах полуострова Юкатан от Табаско до Гондурасского залива.

РАННИЙ ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (1000–1250 гг.)

Когда в конце IX — начале X в. в центральной зоне цивилизация майя испытывала кризис, а затем столь драматически прекратила свое существование, в остальных зонах она продолжала развиваться, хотя и испытывала влияние немайяской культуры. Чужеземцы стали проникать сюда с X в. На Юкатанский полуостров первые захватчики пришли, по-видимому, из района, занятого чонтальями и путунами, которые населяли земли вокруг Лагуны-де-Терминос и низовья Грихальвы и Усумасинты. Их культуру можно назвать науамайяской, так как эти народы занимали периферийное положение в области майя и пограничное по отношению к народам языковой группы науа. Согласно Э.Томпсону, именно путунские группы, следуя по течению Усумасинты и ее притоков, принесли чуждые культурные влияния в Сейбаль, Алтар-де-Сакрифисьос и в некоторые другие в конце классического периода. При этом они подчинили район и в политическом отношении. Ица, по мнению того же автора, имевшие тоже путунское происхождение, заняли Чичен-Ицу в 918 г., придя с восточного побережья полуострова Юкатан, которого они достигли ранее морским путем. Другая, более поздняя волна, также ица по происхождению, прибыла в Чичен во главе с тольтекским вождем *Кецалькоатлем* (*Кукульканом*), которого сопровождали воины, жрецы и слуги после его изгнания из Тулы в 987 г. На высокогорьях Гватемалы и на Тихоокеанском побережье захватчиками были пипили, культура которых также имела тольтекское происхождение.

Приход к власти чужеземных правителей не отразился на развитии производительных сил майя. Земледелец продолжал заниматься своим трудом, только продукты его труда направлялись теперь к путунским, пипильским правителям или к ица. Тем не менее один важ-

ный фактор помогает объяснить взлет, который в то время испытала Чичен-Ица, где, как ни в каком другом месте, проявилась культурная трансформация.

Архитектурное богатство таких зданий, как «Кастильо», «Храм Тысячи Колонн», «Храм Воинов» и монументальный комплекс для игры в мяч, говорит о могуществе новых правителей.

Расширение торговли влияло на развитие ремесленного производства, продукция которого теперь большей частью представляла собой не предметы роскоши для господствовавшего класса майя, а товары повседневной необходимости для большинства населения. Возрос товарообмен между отдаленными областями. Первостепенную роль должны были играть торговцы, тесно связанные со знатью и иногда даже составлявшие ее часть. Многочисленные поселения на побережье служили портами, где шла оживленная торговля. Из некоторых районов майя — Кампече, Юкатана, Табаско — в Центральную Америку отправлялось сырье (соль, мед, копал, хлопок и какао). Вывоз рабов с Мексиканского нагорья также был частью торговых операций между страной майя и землями Мезоамерики. Развитие торговли способствовало росту экономического могущества нового правящего класса, опиравшегося на военную силу. Эксплуатация же и угнетение народа майя, вероятно, были еще большими, чем в предыдущий период. Время господства тольтеков на Юкатане было эпохой всеобщего рабства народа майя.

Неожиданный упадок Чичен-Ицы около середины XIII в. не был, по-видимому, связан исключительно с завоеванием ее Майяпаном, как это можно понять из исторических источников. Вполне вероятно, что сам народ майя, устав от эксплуатации и угнетения, сверг своих правителей, положив конец цивилизации майя классического периода в этом районе.

ПОЗДНИЙ ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (1250–1541 гг.)

Последний период доиспанской истории характеризуется процессом разложения в экономической, политической и культурной сферах. Падение Чичен-Ицы означало конец интенсивной торговли, организованной путунами и ица, торговли, которая на протяжении нескольких веков поддерживала связи между народами высокогорий, побережья Мексиканского залива и Центральной Америки. Начиная с этого момента политическая и экономическая гегемония перешла к Майяпану, торговые интересы которого были связаны, по-видимому, с восточным побережьем полуострова Юкатан.

После XIII в. социально-экономическая структура майя дала глубокие трещины. Землевладение в значительной мере изменилось, и многие общинные земли стали собственностью производителей какао, хлопка, хенекена и других важных культур. Земли в свое пользование получали также торговцы и воины. В отношениях между прежними государствами все чаще стали возникать пограничные конфликты. Войны ускорили распад жизненного уклада майя, что выразилось в упадке культуры, особенно архитектуры, скульптуры, живописи и керамики.

Этот процесс завершился новым народным восстанием в 1441 г., о котором говорится в исторических источниках. Оно привело к падению Майяпана и уничтожению правящей семьи Кокомов.

В последующие десятилетия экономический и культурный уровень сильно упал. Кроме того, болезни, эпидемии и ураганы, как говорят хроники, сделали условия жизни еще более тяжелыми.

Когда с Кубы пришли испанские галеоны под командованием Эрнандеса де Кордобы, а затем Хуана де Грихальвы и Эрнана Кортеса, они застали цивилизацию майя в агонии. После падения Теночтитлана конкистадоры завоевали земли майя. Для народа майя началась новая эра угнетения и страданий.

НАРОД МАЙЯ ОТ КОНКИСТЫ ДО НАШИХ ДНЕЙ

КОНКИСТА

ОТКРЫТИЕ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ

Вступив на землю майя, конкистадоры быстро убедились, что населявший ее народ не собирался легко покориться.

Франсиско Эрнандес де Кордоба, возглавлявший первую экспедицию (1517 г.), смог по достоинству оценить силу сопротивления местных жителей. На мысе Каточе он потерял в бою 26 человек, а еще через некоторое время в Потончане (Чампотоне) касик Моч Ковох и его опытные воины нанесли конкистадорам такое жестокое поражение, что они были вынуждены отступить. Разбитый, страдая от нехватки воды, отряд Кордобы вернулся на Кубу, где сам он вскоре умер от полученных ранений. «Бухтой неудачного сражения» назвали испанцы бухту Чампотон в память о постигшем их там несчастье.

Хуан де Грихальва, пройдя вдоль восточного и северного побережий полуострова Юкатан, высадился в 1518 г. в Кампече, чтобы пополнить запасы воды. Он также должен был выдержать ожесточенный бой с местными жителями. С испанской стороны был убит один человек и ранено сорок, но при этом погибло и большое число индейцев.

На следующий год к землям майя двинулся Кортес. У него не было помех при плавании вдоль побережья Юкатана до прибытия в устье Грихальвы. Там у Сентлы произошло кровавое сражение между конкистадорами и индейцами. В результате применения испанцами огнестрельного оружия и конных атак было убито 800 местных жителей.

Завоевание области майя началось через несколько лет после того, как Кортес овладел Теночтитланом и большей частью Мезоамерики. В декабре 1523 г. Педро де Альварадо отправился из Мексики в Гватемалу и по дороге разрушил Соконуско, столкнувшись с упорным сопротивлением местного населения. Затем он выступил против индейцев киче и в бою лично убил вождя Текун-Умана. Затем в Утатлане казнил правителей киче, разбил в Атитлане цутухилей и разрушил поселение Эскунтла. Силой оружия ему удалось за несколько месяцев овладеть Гватемалой и 25 июля 1524 г. основать новую столицу, названную Сантьяго-де-Кабальерос-де-Гватемала.

ПОПЫТКИ ЗАВОЕВАНИЯ ЮКАТАНА

Завоевание Юкатана началось в 1527 г., когда аделантадо¹⁰¹ Франсиско де Монтехо высадился на восточном берегу полуострова. Он был хорошо принят майя, но очень скоро испанцы заболели лихорадкой. Двадцать человек больных, оставленных Монтехо перед уходом в глубь полуострова, были вскоре умерщвлены индейцами. В то же время аделантадо потерял дюжину своих солдат в Чавак-Ха во время стремительной атаки майя. Несколько позже произошло сражение в Аке, где у испанцев было ранено несколько человек, но погибло большое число индейцев.

Первый этап конкисты закончился, не принеся испанцам заметного успеха, если не считать того, что было изучено побережье Юкатана до реки Улуа и основана маленькая крепость в Саламанке-де-Шаманха. Вторая попытка также не имела большого успеха. Правда, район Табаско, окрестности Лагуны-де-Терминос и провинция Акалан были покорены, и поэтому новое вторжение на Юкатан началось с крайнего юго-запада полуострова. Для этой цели Монтехо послал Давилу, чтобы тот пересек весь полуостров до его восточного побережья, что и было осуществлено без каких-либо столкновений с местным населением. Испанцы основали в Четумале поселение Вилья-Реаль, но им пришлось совершать частые рейды вокруг, чтобы сломить сопротивление местного населения. Чтобы устроить их, Давила напал на майя в Чекитакиле близ Четумала, где касик из Уаймиля, очевидно, при помощи Гон-

---

¹⁰¹ Аделантадо (исп.) — губернатор пограничной территории (*Примеч. ред.*).

сало Герреро, ставшего на сторону индейцев, готовился к войне против испанцев. Давила удалось разбить майя, но касик и Герреро скрылись. Скромная добыча, взятая при нападении, была послана Монтехо с несколькими вестниками, которые должны были сообщить о положении Давиды. Но посланные так и не достигли места назначения — в Чинанте (Ойя), селении кочвахов, они были перехвачены индейцами и убиты.

Некоторое время спустя Давила узнал, что в Чабле возводились укрепления и собирались воины; он неожиданно захватил крепость и оттуда смог углубиться на территорию кочвахов, но встретил такое сопротивление в том поселении, где были убиты его посланники, что вынужден был вернуться в Чаблу. При этом половина его отряда потеряла боеспособность. Майя ждали его, готовые к войне. Но Давила вернулся в Вилью-Реаль-де-Четумаль. Несколько месяцев испанцы провели там без запасов провизии, осажденные враждебно настроенным населением. Наконец, отчаявшись, они решили уходить по берегу к Гондурасу, куда и прибыли после трудного и опасного перехода, длившегося почти семь месяцев.

Сам Монтехо не очень преуспел в завоевании Юкатана из Кампече и Чампотона. Тем не менее, несмотря на растущую враждебность индейцев купулей, аделантадо и его сын решили основать Сьюдад-Реаль в Чичен-Ице. Они прошли вдоль северного побережья и были хорошо приняты местным населением. Однако, когда Монтехо Младший направился к Чичен-Ице, он подвергся нападению купулей. Касик Након-Купуль, вначале сердечно принявший испанского конкистадора, вскоре убедился в его захватнических намерениях и, воспользовавшись неосторожностью Монтехо, попытался его убить. Но в ходе стычки испанские солдаты убили касика.

Отец и сын Монтехо обосновались в Чичен-Ице, превращенной в Сьюдад-Реаль (1532–1533), и, считая, что местные обитатели покорно приняли испанское господство, начали раздавать поселения своим капитанам, назначая их в качестве помещиков-энкомендерос. Майя, казалось, принимали это нововведение спокойно, но на самом деле готовились к защите своей свободы, находившейся под угрозой. Одни поселения отказались платить дань, другие поднялись на открытую борьбу. Связь испанцев с внешним миром оказалась прерванной, не хватало продуктов. Каждая попытка выбраться из осады приводила к стычке с индейцами, в одной из них погибли 150 испанцев и сотни индейцев. Тогда испанцы пошли на хитрость. Чтобы усыпить бдительность индейцев, они однажды ночью посадили голодную собаку на цепь, которую привязали к колоколу, а недалеко от нее поставили еду, но так, чтобы собака не могла ее достать. Животное в течение нескольких часов рвалось к еде, звоня при этом в колокол. А испанцы тем временем под покровом темноты выбрались из осажденной крепости.

Изрядно потрепанному отряду конкистадоров удалось наконец достичь побережья, сесть на корабли и отплыть в Кампече, чтобы оттуда вернуться в Мексику. Таким образом, вторая попытка завоевать народ майя провалилась, как и первая.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

Начиная с 1535 г. на протяжении нескольких лет испанцы постепенно стали подчинять себе полуостров, используя главным образом бесспорное превосходство своего вооружения, в особенности огнестрельного. Настоящий ужас среди индейцев вызывали всадники. Внесли в конкисту свою лепту и монахи, которые начали проповедовать среди местного населения покорность захватчикам и обещать рай на небесах после рабской жизни. Но в Чампотоне, Теносике, Сихочаке, Тишпевале и Т'хо Монтехо и их военачальники все еще терпели поражения. Одни группы враждебных касиков объединились против испанцев, другие покорились. Наконец Т'хо был взят, и на его развалинах была основана Мерида (1542). Несмотря на отчаянное сопротивление, оказанное населением, готовым на все (майя опустошали собственные поля, покидали поселения, засыпали колодцы, укрывали продукты, убегали в леса), касикаты¹⁰² гибли один за другим.

---

¹⁰² Индейские государства, возглавляемые вождями — касиками.

Когда уже была захвачена большая часть их территории, майя сделали еще несколько попыток изгнать испанцев. Это были восстания купулей и тасов в Вальядолиде, в восточной части полуострова (1546–1547). Наконец с «замирением» района залива Дульсе (1547–1549) завоевание после жестокой борьбы, длившейся более 20 лет, было практически завершено. Однако группа ица, возглавляемая своим касиком Канеком, все еще противилась в Петене всем попыткам проникновения врага. Лишь в конце XVII в. (1697 г.) испанцы смогли взять индейскую столицу Тайясаль на берегах озера Петен-Ица. Там испанцы стали свидетелями коллективного самоубийства, когда индейцы, предпочтя смерть рабству, бросились в воды озера.

КОЛОНИЗАЦИЯ

ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Колониальный режим predetermined коренные перемены в экономическом базисе, на котором основывалось общество майя. Первый же удар по производительным силам привел к катастрофическим последствиям: смерть в боях тысяч мужчин, жестокие репрессии против гражданского населения за оказание сопротивления завоевателям, физическое уничтожение жителей целых поселений, бегство индейцев в глухие места и даже иногда коллективное самоубийство. Но еще большее опустошение сеяли вокруг новые болезни, принесенные конкистадорами. Эпидемии оспы, кори и заболевания дыхательных путей вызвали среди индейского населения огромные потери, практически уничтожив обитателей многих областей.

Эрик Томпсон, изучавший демографические проблемы майя в момент конкисты и после нее, нашел поразительные данные о запустении территории вследствие войн, восстаний и эпидемий. Большая часть зоны майя, особенно северо-восток Юкатана, все восточное побережье полуострова, район Акалан — Тишчель, Табаско, Тайясаль, центральная часть Петена и бассейн Усумасинты и ее притоков, потеряли приблизительно 90% обитателей. Многочисленные поселения на побережье Тихого океана, Гондурасского залива и в долине Мотагуа исчезли целиком менее чем за одно столетие.

Тем не менее производительные силы заметно возросли в других отношениях благодаря введению новых возделываемых культур и разведению домашних животных. Среди привезенных растений назовем цитрусовые, смоковницы, гранатовые, кокосовые, а также бананы, дыни, сахарный тростник; такие огородные культуры, как салат, капуста, репа, лук, огурец и редька, и, кроме того, пшеница. Что касается животноводства, было начато разведение лошадей, мулов, ослов, свиней, овец, коз, коров, а также кур. В качестве домашних животных испанцы привезли с собой кошек и новые породы собак, неизвестные здесь ранее.

Европейская технология изменила одни работы и ввела другие. Орудия из металла (железа, бронзы, стали) — топоры, мачете, кирка, лопата и плуг — заменили орудия из камня или дерева. Использование тягловой силы животных и колесных повозок пришло на смену труду носильщиков. Применение железного лома и пороха сделало возможным рытье глубоких колодцев. В некоторых случаях на них даже ставились подъемники. На верфях строились грузовые и рыболовные суда. Сооружались прессы (мельницы) для получения сока из сахарного тростника.

В колониальную эпоху было построено мало заводов. Это были главным образом предприятия по переработке хенекена и индиго, получению крахмала и дубильных веществ, мыловаренные заводы и т.д. Увеличилась добыча красильного дерева, кошенили, хенекена, копала, оленьих кож, меда и воска, соли. Возрос вывоз ценных пород деревьев. В XVIII в. стали разводить табак, уже известный майя, и рис.

В Гватемале и Гондурасе было положено начало горнорудной промышленности, в особенности добыче золота и серебра, которая строго контролировалась властями. Высокого уровня развития достигли обработка металлов, в частности серебра, а также некоторые виды ремесел, например шитье золотом по парче и скульптура, прославившие Гватемалу. С помо-

щью привезенных из Испании необходимых инструментов были созданы сапожные, швейные и столярные мастерские и кузницы.

В Испанию и ее антильские колонии вывозили хлопковые ткани, какао, индиго, мед, воск, красильное дерево и соль, оленьи кожи, мешки и веревки из хенекена, хенекен-сырец, ценные породы деревьев, соленое мясо и рыбу, а также обувь и шляпы. Из Европы ввозили пшеницу, сахар, растительное масло, вино, уксус, крепкие алкогольные напитки, одежду, мебель, бумагу, столовое серебро, фарфор, оружие и земледельческие орудия. Однако общий итог торговых операций был отнюдь не в пользу майя, так как торговля носила монопольный характер и ввоз преобладал над вывозом.

Изменилась и система землевладения, так как благодаря королевским пожалованиям конкистадоры получили в собственность значительную часть общинных земель. Хотя испанские законы защищали права индейских общин-эхидос на земли, находившиеся в общинном пользовании, эти законы на местах нередко игнорировались, и на землях общины испанцы разводили крупный рогатый скот, свиней, выращивали маис.

Производственные отношения тоже изменились, хотя для народа майя смысл этих отношений остался прежним, изменились только хозяева.

ПОДАТИ

В поместьях крестьянин был обязан отдавать хозяину половину урожая и бесплатно работать на него каждый понедельник. Кроме того, проводились еженедельные работы по уходу за главным домом, расчистке улиц и дорог, прополке и орошению огородов. Долги, действительные или мнимые, которые крестьянину никогда не удавалось погасить и которые становились наследственными, превращали его в настоящего раба.

Еще один институт — энкомьенда — обеспечивал полное отчуждение индейцев майя. Предполагаемое оправдание энкомьенды целиком лживо. Оно гласило, что «для того, чтобы обучить индейцев испанским манерам и обычаям и наставить в христианской вере, а также для того, чтобы они служили испанцам, как свободные лица, монахи, сопровождавшие все экспедиции, могут распределять индейцев между конкистадорами-поселенцами». В качестве платы за навязываемое им религиозное обучение индейцы должны были поставлять помещику-энкомьендеро маис, фасоль, перец, кур, воск, мед, кувшины, горшки, веревки и полотно, а также оказывать определенные услуги, которые включали в себя земледельческие работы, уход за скотом, общественные работы (строительство казенных зданий, церквей, монастырей, дорог), возведение частных домов, а также домашнее прислуживание.

Кроме того, существовала еще так называемая система репартимьенто, заключавшаяся в том, что крестьяне майя должны были за незначительную плату доставлять испанским властям, священнослужителям, энкомьендеро и торговцам некоторые продукты.

«Обвенсии» — подаяния, которые индейцы давали францисканским монахам для их пропитания в первые годы христианизации, постепенно стали обязательными и превратились в тяжкое бремя. Но и это еще не все. Индейцы платили также личную дань королю, церкви, Индейскому суду, Общинному фонду и Фонду защиты от пиратских нападений.

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Социальная структура представляла собой следующую картину; основную массу трудящихся (крестьян, ремесленников, соледобытчиков, рудокопов, рыбаков и т.д.) составляло коренное население. Средний класс, состоявший из метисов и мулатов, объединял служащих, мелких торговцев и представителей некоторых свободных профессий. Их влияние в обществе стало чувствоваться лишь в конце XVIII — начале XIX в. Высший класс, в большинстве своем состоявший из испанцев, был образован владельцами поместий, крупными торговцами, чиновниками, монахами, священнослужителями и военными.

Политическая власть на самом высоком уровне принадлежала королю Испании и кортесам. На местах она осуществлялась представителями королевской власти: вице-королями, губернаторами и генерал-капитанами. Те местные правители, которые подчинились испанцам и сотрудничали с ними, были, как правило, оставлены во главе поселений. Им предос-

тавлялись некоторые привилегии; с их помощью испанцам было легче подчинить себе местное население. Церковь имела собственную иерархию — от папы римского до самого скромного священника; высшей церковной властью на колониальной территории был епископ.

ДУХОВНОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ

Военное завоевание сопровождалось духовным порабощением народа майя. Первыми на Юкатан прибыли францисканцы, за ними последовали иезуиты. В Чьяпасе и Гватемале действовали главным образом доминиканцы и в меньшей мере иезуиты. Между монахами и священниками бывали частые распри из-за духовного контроля над той или иной территорией и, разумеется, из-за материальных выгод, которые давал такой контроль. Среди монахов встречались люди, пытавшиеся умерить алчность конкистадоров и обличавшие их произвол и преступления. Но подавляющее большинство духовенства было занято собственным обогащением.

Епископ Юкатана Диего де Ланда защищал юкатанских индейцев от произвола энкомендеро, а также от мирского духовенства и гражданских властей. Но прежде всего он посвятил себя борьбе против старых верований индейцев. Фанатизм епископа привел его к совершению преступного аутодафе в Мани, где тысячи людей были подвергнуты пыткам, при этом 150 из них умерли, и где он заставил вырыть из могил более 100 трупов предполагаемых идолопоклонников. Ланда велел разрушить тысячи идолов, алтарей и стел, сжечь более 20 рукописных старинных кодексов и множество других ценных предметов культуры майя.

Однако новая религия, насаждаемая огнем и мечом, так и не смогла окончательно уничтожить древние индейские верования. Майя продолжали тайно почитать своих богов.

НЕЗАВИСИМОСТЬ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

В конце XVIII — начале XIX в. этническая структура колониального общества претерпела частичные изменения. Численность коренного населения, понесшего большие потери во время конкисты, вновь увеличилась, хотя, вероятно, она не достигла прежнего уровня. Численность испанцев — уроженцев метрополии была относительно небольшой, норосло число креолов — испанцев, родившихся в колонии, а также метисов. Этническую картину дополняли ввезенные негры-рабы, мулаты и другие смешанные группы населения. По переписи 1790 г., население Юкатана насчитывало около 400 тыс. человек, примерно такова же была численность жителей Гватемалы (перепись 1788 г.).

Значительной частью общинных земель теперь завладели церковь, колониальные власти и латифундисты. Коренное население подвергалось жесточайшей эксплуатации. Во всех звеньях колониальной администрации процветали продажность и коррупция. Церковь облагала индейцев всевозможными поборами. Весь социальный механизм не мог функционировать надлежащим образом. В конце XVIII в. колониальное здание дало глубокие трещины. Свойственные системе противоречия достигли критической точки. Ограничения, наложенные метрополией на внутреннюю и внешнюю торговлю, тормозили экономическое развитие колонии. Монополия на порох затронула пиротехников, занятия которых были тесно связаны с религиозными церемониями народного характера. Монополия на выращивание и продажу табака вызвала большое недовольство у населения. Введение монополий на производство и продажу спиртных напитков сильно ударило по владельцам таверн и привело к подпольному производству и продаже алкоголя, следствием чего явилось значительное увеличение его потребления и общее распространение пьянства.

Рост налогов, препоны для развития внутренней торговли, общий кризис экономики в колонии привели к обнищанию не только простого народа, но и средних слоев населения и даже части креолов, проживавших на территории майя. Нарастало всеобщее недовольство.

Движению за освобождение от колониального господства способствовали и внешние факторы, среди которых следует отметить успешную войну США за свою независимость,

Великую французскую буржуазную революцию, влияние идеологии французских просветителей. Особую роль сыграли события в Испании, вызванные наполеоновским нашествием.

В начале XIX в. стало открыто проявляться недовольство колониальными порядками. Началась поляризация общественных сил: появились либералы — сторонники независимости и консерваторы — так называли защитников королевской власти Испании, противящихся каким-либо изменениям социально-экономического характера.

На дальнейший ход событий в Центральной Америке серьезное влияние оказала борьба за независимость в Мексике, начавшаяся в 1810 г. В 1821 г. Мексика провозгласила независимость от Испании.

В Гватемале колониальная администрация оказалась в крайне затруднительном положении, встав перед очевидным фактом развала испанской империи. Она была вынуждена принять Акт о независимости, чтобы не допустить народных волнений. В 1821 г. Гватемала была присоединена к мексиканской империи Итурбиде, но в 1823 г. эта империя пала. В городе Гватемала собралась Национальная учредительная ассамблея Центральной Америки, которая 1 июля 1823 г. приняла декрет об абсолютной независимости Центральной Америки как от Испании, так и от Мексики. Центральная Америка вступила в период своего независимого существования. Новое федеративное государство получило название Соединенные провинции Центральной Америки. Продолжавшиеся в федерации столкновения между либералами и консерваторами переросли в настоящую гражданскую войну, и федерация распалась на пять самостоятельных государств: Гватемалу, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рику.

Но жизнь индейцев майя осталась без изменений. Они по-прежнему были самой угнетаемой и бесправной частью населения.

ОТ ЗАВОЕВАНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

ПРОТИВОРЕЧИЯ И КРИЗИС В ГВАТЕМАЛЕ

Провозглашение политической независимости сопровождалось важными изменениями в экономической жизни общества. Эти изменения в целом развивались параллельно как в Гватемале, так и на Юкатане, но привели к совершенно различным результатам. Кроме того, Юкатан вошел в состав Мексики, поэтому мы рассмотрим их отдельно.

В Гватемале первая половина XIX в. характеризовалась катастрофическим положением в экономике. Земледелие находилось в упадке, внешняя торговля была почти парализована из-за нестабильности в стране. Пришедшие в 1844 г. к власти консерваторы отменили прогрессивные реформы, начатые либеральным правительством. Они всячески стремились сохранить неизменным социально-экономический строй, основанный на помещичьем землевладении. Отмена рабовладения и провозглашение индивидуальных свобод в действительности не изменили систему землепользования, при которой крестьянин был вынужден по-прежнему работать на латифундиста, не имея собственной земли. Экспроприация имущества духовенства, начатая либеральным правительством, при консерваторах была прекращена. Принятая в 1851 г. конституция укрепила власть крупных землевладельцев и высшего духовенства.

Во второй половине XIX в. в Гватемале стали создаваться плантации кофе, основывавшиеся на применении наемного труда. Расширились внешние экономические связи. Гватемала оказалась втянутой в мировой рынок. Однако господство консерваторов тормозило развитие капитализма в стране. В результате государственного переворота в 1871 г. к власти пришло либеральное правительство. Оно провело ряд реформ, стимулировавших экономическое развитие страны, и несколько ограничило власть церкви и латифундистов. Проведение широкой распродажи государственных земель привело к образованию прослойки мелких и средних хозяйств. Значительно возросла товарность сельского хозяйства. Экспорт в Европу кофе улучшил финансовое положение страны. В этот период было осуществлено строитель-

ство шоссейных и железных дорог. Однако экономическое положение страны зависело от цен на кофе на мировом рынке. Европейские иммигранты (особенно немцы) не замедлили стать хозяевами кофейных плантаций. Развитие новых видов хозяйства требовало рабочих рук. Но майя, обитавшие в основном на нагорье, не желали покидать родные земли и переселяться на влажное низменное побережье. С помощью различных уловок и прямого обмана их насильственно переселяли в новые места, где они превращались в сельскохозяйственных рабочих, фактически находившихся на положении рабов.

В начале XX столетия второй важнейшей экспортной сельскохозяйственной культурой в Гватемале становятся бананы. Их выращивание тесно связано с деятельностью могущественной американской компании «Юнайтед фрут», пользовавшейся неограниченной властью в стране. Она организовывала массовые убийства крестьян, рабочих, студентов. Каралась всякая попытка протеста или простого несогласия с существующим порядком. Слово «коммунист» стало применяться к любому, кто выступал против несправедливости и притеснения. Государственная законность перестала существовать. Страной правила «Юнайтед фрут компани».

Только после второй мировой войны правительствами Х.Аревало и затем Х.Арбенса были сделаны попытки демократизации, введения законодательства, которое обеспечило бы права трудящихся и участие оппозиционных партий в избирательном процессе и осуществило бы аграрную реформу. Незамедлительно эти правительства стали рассматриваться американскими монополиями и правительством США как прокоммунистические. Они подвергались нападкам со стороны США, против них строились заговоры. Президент Х.Аревало был вынужден изгнать из Гватемалы посла США. В 1954 г. правительство Х.Арбенса экспроприировало земли «Юнайтед фрут». В ответ на это империалистические круги США, опираясь на гватемальскую реакцию, при поддержке американских самолетов организовали вооруженную интервенцию в Гватемалу с территории Гондураса. Этой военной операцией руководил сам посол Соединенных Штатов.

Но народ Гватемалы не сложил оружия. На протяжении многих лет там ведется партизанская война.

ПРОТИВОРЕЧИЯ И КРИЗИС НА ЮКАТАНЕ

На Юкатане точно так же за независимостью последовал период экономического и политического кризиса. Отчуждение пустующих земель и имущества духовенства, рост общинных земель и формальная отмена рабства и податей благоприятно отразились на производстве и общественных доходах. Однако социальная структура осталась нетронутой. Крупное землевладение продолжало оставаться его основой, как и во времена колонии.

Индейцы, находившиеся вдали от политической борьбы белых, стремились к сохранению своих общинных земель. Они продолжали жить в тех же условиях, которые можно назвать почти рабством. Особенно нестерпимым их положение становилось тогда, когда из-за засухи начинался страшный голод. И тогда миролюбивые по природе майя начинали бунтовать. Самым мощным индейским движением этого периода была освободительная борьба майя на Юкатане, начавшаяся в 1847 г. Она получила название «войны рас». Поводом к ней явилось невыполнение властями обещаний улучшить положение индейцев. Некоторые индейские касики выдвигали требования национальной автономии Юкатана. «Война рас» характеризовалась дикой жестокостью с обеих сторон.

Восставшим индейцам удалось захватить почти весь полуостров, за исключением городов Мериды и Кампече. Однако из-за разногласий между касиками, из-за страха, что города окажут упорное сопротивление, из-за недостатка боеприпасов и, возможно, как предполагалось, из-за близости сезона дождей майя отошли на восток полуострова. После жестокого подавления восстания многие из его участников были проданы на Кубу в качестве рабов. Но отголоски этого восстания сохранялись вплоть до 1904 г. По окончании «войны рас» после некоторой стабилизации положения на Юкатане вновь развернулись выращивание и переработка хенекена. Увеличение спроса на внешнем рынке и появление более совершенной тех-

нологии его переработки стимулировало землевладельцев к расширению площадей под этой культурой. Начался «хенекеновый бум». На основании изданного в 1883 г. закона о пустующих землях общинные земли и индивидуальные участки крестьян объявлялись пустующими и изымались в пользу латифундистов и иностранных компаний.

Рост латифундий срочно требовал новых рабочих рук. В обход законов установилась система принудительного труда. На тех, кто работал лишь половину недели или меньше, падало обвинение в бродяжничестве, и как следствие их заставляли трудиться на плантациях. Заработная плата была очень низкой, рабочий день бесконечным. Применялись даже телесные наказания (колода и плети). Поденщик хенекеновых плантаций был на деле рабом.

Эта ситуация достигла апогея в период длившейся более 30 лет диктатуры Порфирио Диаса. Только мексиканская буржуазно-демократическая революция, которая в 1911 г. смела диктатуру П.Диаса, отменила все эти кабальные условия труда. Однако аграрный вопрос, являвшийся одним из важнейших вопросов революции, на том ее этапе остался нерешенным.

В ходе революции вооруженные крестьянские массы продолжали требовать проведения широкой аграрной реформы. Крестьяне выступали за решительное уничтожение латифундий. Во многих районах вооруженные крестьяне захватывали помещичьи земли. Наконец закон об аграрной реформе был принят. Но проводилась она непоследовательно и по существу открывала дорогу капитализму в мексиканской деревне.

На Юкатане только в 1937 г. по решению президента Ласаро Карденаса удалось осуществить передачу земель крестьянам-индейцам. Для коллективного пользования землями были образованы общины — эхидо, облегчено предоставление займов членам эхидо, улучшены санитарные условия их жизни. Правда, все это были лишь частичные меры, которые не могли коренным образом изменить тяжелую долю крестьянина майя. Тридцать лет спустя Ласаро Карденас признал, что крестьянин майя все еще остается нищим.

В летописи народа майя от конкисты до наших дней прослеживается некое постоянство судьбы. В различных географических условиях и в разнообразных исторических ситуациях его жизнь проходит под знаком эксплуатации и нищеты.

МАЙЯ СЕГОДНЯ

НАСЕЛЕНИЕ

Майя, говорящие исключительно на одном из майяских языков или еще и на испанском, насчитывают сейчас предположительно 1,5 млн. человек. Информация для мексиканской территории получена в Институте географии Национального автономного университета Мехико и соответствует переписи 1970 г.; информация о гватемальских группах дается по «Справочнику по центральноамериканским индейцам» и относится к переписям 1950 и 1960 гг. Однако лингвист Отто Шуман считает, что общая численность населения майя превышает 4 млн. человек.

Этнографическая информация выявляет большое разнообразие элементов культуры, определенное географической средой, уровнем экономического развития и историческими обстоятельствами, но очевидно также, что в основном у народа майя одинаковый образ жизни — как на нагорьях Чьяпаса и Гватемалы, так и в Петене, в бассейнах Усумасинты и Мотагуа и на полуострове Юкатан. Это относительное сходство образа жизни объясняется общим происхождением майяских групп, более или менее параллельным историческим развитием и слабодифференцированным современным экономическим и культурным уровнем. Варианты, наблюдаемые у различных майяских групп, вызваны главным образом степенью их интеграции национальными социально-экономическими системами. Ясно, что традиционные нормы жизни лучше всего сохранились у тех групп, которые живут в отдаленных, окраинных районах, куда труднее проникает современная цивилизация.

Поскольку культура майя имеет больше общего, чем различающихся, черт, мы даем ее изложение в целом, не забывая упомянуть основные региональные или локальные особенности.

ТЕХНОЛОГИЯ

Во всей области майя для земледельческих работ используются те же орудия: топоры, мачете и палки-копалки с металлическим наконечником. В горах пользуются также серпом и киркой, а на ровных участках, отведенных для выращивания пшеницы, используют простой плуг с парой быков.

В Гватемале и Чьяпасе, где ткачество на семейном уровне играет еще важную роль, продолжает применяться поясной станок, в то время как для промышленного производства работают на механических станках. На Юкатане есть примитивные аппараты для трепания хенекенового листа и получения волокна, из которого крестьянская семья делает гамаки или сети. Для выжимания сока из сахарного тростника используются простейшие прессы.

ПРОМЫСЛЫ

Производство некоторых предметов женской одежды, таких, как вышитые блузки-уйпили, в целом как на семейном, так и на мануфактурном уровне, предназначено для рынка. Некоторые предметы изготавливаются во многих районах майя, другие характерны лишь для определенных мест; есть деревни, специализирующиеся только на каком-либо одном виде продукции.

Текстильное производство особенно развито на нагорьях Чьяпаса и Гватемалы, где изготавливаются блузы и рубашки из хлопка и такие изделия из шерсти, как хоронго, чамарра и сарапе. Из волокон хенекена делают сумки, сети, веревки, пояса и гамаки.

Во многих местах, как в горах, так и на равнинах, из лиан плетут циновки, корзины и шляпы; юкатанские шляпы из листьев пальмы особенно изящны и ценимы. Очень распространено дубление кожи и изготовление сандалий. Подошвы обычно делают из старых шин.

Гончарное производство остается важным занятием населения, особенно в горных районах Чьяпаса и Гватемалы. Но по качеству современная керамика не идет ни в какое сравнение с керамикой классической эпохи. Почти вся она предназначена для домашнего использования. Орнаментация встречается редко. Кроме того, глиняная посуда все больше вытесняется металлической и пластмассовой.

На нагорье до сих пор делают зернотерки-метате, хотя их применение постепенно сокращается, так как их заменяют небольшими механическими мельницами или отвозят маис на мельницу, владельцем которой обычно является ладино.

Из сока сахарного тростника готовят темный, нерафинированный сахар в форме конических или пирамидальных головок, известных под названием «панела».

Жители лесных районов занимаются обработкой дерева. Делают мебель, сундуки для хранения одежды и в некоторых селениях — гитары.

На Гватемальском нагорье население занято изготовлением адобы для строительства домов, а в некоторых районах — черепицы для крыш. Очень распространено также выжигание древесного угля.

Юкатан и Кампече славятся ремесленными поделками из панциря морской черепахи и обработкой металла (украшения из золотой филигрانی).

Лакандоны продолжают делать луки и стрелы, которые, видимо, уже не используют на охоте, а продают туристам как сувениры.

ТОРГОВЛЯ

Часто этнографы описывают общины майя как целиком или почти целиком изолированные, как будто они исключены из жизни страны. На самом же деле индеец майя через торговлю втянут в региональную экономику и соответственно в национальную жизнь.

На индейских рынках в селениях майя продает то, что у него лишнее, и покупает то, чего ему не хватает, как это было и до конкисты, отличие лишь в том, что теперь оплата идет деньгами, а не товаром. На деньги, полученные от продажи маиса, кофе и какао, индеец покупает фабричные изделия — одежду и домашнюю утварь, соль и сахар.

Кроме того, излишки продукции у крестьянина или ремесленника скупают торговцы-ладино, которые везут этот товар в более крупные селения или в города. При этом крестьянин-индеец продает торговцу ладино продукты своего труда по низкой цене, а покупает у него необходимый товар по высокой цене. Следовательно, ладино всегда в прибыли. Кроме того, торговец дает иногда товары в долг, беря за это проценты. Согласно информации, получаемой от одного исследователя, заем маиса возвращается тем же количеством кофе, стоимость которого намного выше.

Совершенно очевидно, что в сложившихся торговых отношениях, с участием посредников-ладино, крестьянин майя всегда находится в самом неблагоприятном положении.

ТИПЫ РАССЕЛЕНИЯ

Наиболее частой остается разбросанная форма расселения, при которой крестьяне живут в деревнях или на хуторах, более или менее удаленных от муниципального центра. В муниципальном центре обычно рядом с главной площадью находятся кабильдо¹⁰³, церковь, торговые лавки и дома ладино. Иногда в пределах городского центра располагается несколько домов зажиточных индейцев. Такое селение называется свободным, так как большинство общинников не живут в нем, а приезжают сюда лишь на гражданские торжества, религиозные церемонии или ярмарки. Этот тип селений характерен для нагорий, но встречается, хотя и гораздо реже, на равнинах.

---

¹⁰³ Кабильдо (исп.) — городская управа (*Примеч. ред.*).

Наиболее простой тип поселений у лакандонов, живущих маленькими группами в «карибалих» — селениях, рассеянных по сельве и не имеющих никакого центра. В некоторых районах Юкатана отдельные семьи обычно группируются около колодца или сенота.

Главные поселения могут иметь более или менее современный вид в соответствии со степенью их религиозной и национальной интеграции. У чолей, например, дома ладино придают поселкам достаточно современный вид. У чонталей муниципальные центры целиком современны — с параллельными, перпендикулярно пересекающимися улицами и постройками, включающими церковь, муниципальный дворец, общественные здания, хорошие лавки и постоянные дворы; кроме того, в них есть водоснабжение, электричество, почта и телеграф. Поселения, стоящие на реках, обычно имеют одну-единственную улицу, тянущуюся вдоль берега реки, и группы разбросанных хижин.

Майя Кинтана-Роо живут в небольших разбросанных поселениях без улиц, в которых дома группируются по семьям; в них нет гражданского центра и лавок, и единственная постройка, отличающаяся от других, это «пополь-на» — дом, в котором проводятся заседания совета жителей и остальные общественные мероприятия. Муниципальный центр служит одновременно и религиозным центром; в нем располагается главный храм, жилище священника, общинный дом, казармы военных подразделений и несколько хижин.

Самый современный тип поселения находится в хенекеновой зоне Юкатана, то есть вокруг Мериды и вдоль дороги, соединяющей Мери́ду и Кампече. Там расположены компактные поселения с прямыми кварталами и улицами, в центре которых сосредоточены административные учреждения, церковь и торговые лавки. В том же районе часть населения продолжает жить в поселениях старого типа.

ЖИЛИЩЕ

Тип жилища варьируется в зависимости от степени аккультурации, от географической среды, экономического и социального уровня. К лучшему типу жилищ можно отнести дома с каменными стенами, черепичными крышами, несколькими комнатами и даже в два этажа. Такие дома имеются в наиболее значительных центрах на Гватемальском нагорье. Хижины лакандонов сделаны из тонких стволов деревьев и переплетенных веток; крыша из пальмовых листьев обычно спускается почти до земли.

Стены могут быть из щебня или адобы, покрыты слоем извести или без него, как в горных районах, или плетневые, как на Юкатане. В некоторых лесных и холодных районах стены делают из вертикально поставленных досок. Кровли, за исключением черепичных, бывают из пальмовых листьев или теперь все чаще — из оцинкованной жести.

Пол почти всегда из утрамбованной земли, в редких случаях покрыт слоем извести. План жилища прямоугольный или квадратный, за исключением Юкатана, где преобладает овальная форма. У жилища майя нет окон. Обычно жилища возводятся на невысокой платформе. Интерьер состоит из одного помещения, в котором живет вся семья (Юкатан), или же оно разделено на две части: одна служит кухней, а другая спальней. Иногда кухня пристроена к дому. Почти всегда в доме имеется настил, который служит для хранения различных предметов или маисовых початков. У чорти встречаются большие дома, где размещаются группы родственных семей, но, как правило, все же в доме живет одна семья.

Каждый дом имеет несколько хозяйственных построек, таких, как курятник, свинарник, загон для скота, амбар, и иногда паровую баню (темаскаль). На Юкатане нередко держат пасеки. Обычно при каждом жилище есть огород.

Как и в доиспанские времена, мебели в домах чрезвычайно мало: очаг из трех камней, метате на полу или на скамье (Юкатан), несколько скамеечек, столик и банкетка для приготовления лепешек. Для сна майя горных районов пользуются кроватью, сделанной из досок. На нее кладут циновку, а укрываются одеялом-сарапе. В жарких зонах кровать заменяет гамак, сделанный из хлопка или волокон хенекена или из брезента.

Мебель дополняется корзинами, деревянными ящиками или баулами для хранения одежды, а также одним-двумя небольшими стульями, плетенкой-чаролой, служащей для хранения продуктов и подвешиваемой к кровле, а также корытом для стирки белья (Юкатан).

В более современных поселениях можно увидеть антенну радио или телевизора, выступающую над крышей, велосипед, прислоненный к стене, и швейную машинку среди домашней утвари.

ОДЕЖДА

Нужно сказать, что наблюдается тенденция (за исключением наиболее изолированных и консервативных групп населения, как, например, лакандоны и майя Кинтана-Роо) к замене традиционной одежды одеждой фабричного производства. Со временем это, видимо, сделает одинаковым костюм всего майяского населения, особенно мужской его части. Мода на джинсы не обошла и область майя.

Разумеется, одежда неодинакова в прохладных и жарких районах. В прохладных носят шерстяные чамарры и пончо, а кроме того, мужчины носят шляпы, а в дождливое время — пальмовые плащи. В жарких районах достаточно рубашки и брюк из грубой хлопчатобумажной ткани, стянутых поясом красного цвета, пальмовой шляпы и кожаных сандалий. На Юкатане короткие штаны и передник исчезли почти везде, за исключением Кинтана-Роо. В праздник обычная рубашка заменяется гуаяберой, а простые сандалии — сандалиями с каблук и на толстой подошве.

Женщины носят юбки из шерстяной или хлопчатобумажной ткани в зависимости от климата и блузы различной длины, а также головные накладки; обычно они ходят босыми, за исключением Юкатана, где распространены босоножки без задника и каблука. Женщины любят стеклянные бусы (в горных районах) или украшения из золотой филигранны (на Юкатане).

ПИЦЦА

Пицца индейца майя обычно ограничивается маисом, фасолью и тыквой, приправленными стручковым перцем. Из маисовой муки пекут лепешки-тортильи или варят клецки-тамали. В жидком виде ее употребляют в форме посоля, атолеили просто «питья» с добавлением к нему какао. Мясо едят в редких случаях, самое большее один раз в неделю или только в праздничные дни. Однако майя иногда добывают немного мяса охотой (олень, кролик, броненосец, птица). На побережье важную часть пищи составляет рыба. Разумеется, в рацион входят и корнеплоды (сладкий картофель и маниок). Майя любят пить черный кофе, подслащенный домашним сахаром-панелой.

КАЛЕНДАРЬ

Доиспанский календарь, исчезнувший на равнинах, продолжает действовать в горных районах Чьяпаса и Гватемалы. Цоцили и цельтаталы пользуются календарем из 365 дней, разделенным на 18 месяцев по 20 дней, плюс еще пять лишних дней, считающихся опасными. Этот календарь служит для определения дат сельскохозяйственных работ, престольных праздников и религиозных событий, смены касиков, а также для определения времени созревания кофе на плантациях Тихоокеанского побережья, куда индейцы спускаются с нагорья целыми семьями для сезонных работ.

У разных групп (мам, канхобаль, чух, ишиль), живущих на Гватемальском нагорье, тот же самый календарь в 365 дней с мексиканскими названиями 18 месяцев продолжает использоваться для прорицаний и ритуальных действий. Как и в доиспанскую эпоху, смена «носителя года» (дня, с которого начинается Новый год) отмечается проведением особой церемонии. Что касается религиозного календаря из 260 дней (цолькина), то он сохранился лишь в немногих общинах.

ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

У майя до сих пор бытуют различные древнеиндейские верования, но самое большое распространение имеет нагуализм. Суть его такова.

Индейцы считают, что, когда рождается ребенок, одновременно на свет появляется какое-либо животное (кошка, собака, лиса, летучая мышь, ястреб и т.д.), которое будет его нагуалем, то есть его священным покровителем. Жизни их будут неразрывно связаны. Нагуаль может быть также каким-либо бесплотным существом или даже огненным шаром. Действуют они только ночью. Нагуали различных людей как бы соперничают между собой. Нагуаль набирает силу по мере того, как его хозяин поднимается по социальной лестнице. Индейцы верят, что все сведения о делах общины и их частной жизни касик получает от своего нагуаля. Нагуаль — могущественное существо, посылающее всевозможные беды на тех, кто отклоняется от общинных правил и совершает такие преступления, как воровство, убийство, или вступает в непозволительные половые связи. Рискованно пытаться как-то выделиться из общей массы, приобретая, скажем, мильпу, большую по площади, чем обычная, или земли, в которых нет нужды, строить дом больших размеров или более красивый, чем у других, или покупать лошадь. Нагуаль разоблачает также тех, кто имеет привычку злословить, чернить кого-либо из жителей или раскрывать интимные семейные отношения. Когда о нарушении этих правил становится известно индейским касикам, их нагуали посылают на виновных всяческие несчастья и болезни. Таким образом нагуализм действует как фактор контроля за поддержанием общественного порядка и уважением традиционных норм жизни.

Нужно сказать, что в последнее время деятельность медицинских бригад и консультационных пунктов постепенно ведет к уменьшению веры индейцев в то, что болезни вызываются колдовством.

Обычаи и церемонии, связанные с событиями, отмечающими последовательные фазы жизни человека, имеют сходство по всей области майя. Как бы процесс аккультурации ни стирал эти традиции, их устойчивость на протяжении веков выявляет глубоко консервативный характер индейского общества.

Как и все индейские народы, майя хотят иметь много детей, особенно мужского пола, чтобы иметь рабочие руки, которые в будущем помогут улучшить или по крайней мере обеспечить содержание семьи.

При родах обычно пользуются услугами повитухи. Нередко пуповину перерезают на початке кукурузы, зерна с которого потом сажают. Если родилась девочка, то пуповину кладут под очаг, хранительницей которого должна быть женщина. Если родился мальчик, то пуповину вешают на ветку дерева для того, чтобы он рос высоким и сильным, или закапывают на мильпе, чтобы он был хорошим земледельцем. Такие обычаи встречаются и у других народов.

С раннего детства родители заботятся не только о том, чтобы ребенок не пострадал физически, но чтобы он, как говорят майя, «не потерял душу». Считается, что здесь могут помочь только магические средства. С этой целью ребенку прикрепляют восковой шарик к голове или привязывают цветной шнурок на запястье (в Чьяпасе). В горных районах через три-четыре месяца после рождения ребенка устраивается церемония, во время которой его нарекают именем и как бы «представляют» тому святому, который считается его покровителем. На Юкатане до сих пор женщины носят ребенка, привязывая его шалью к своему бедру (при этом руки у женщины остаются свободными для работы). Там сохранился обычай отмечать особой церемонией момент, когда ребенка первый раз сажают на бедро. Обычно это бывает, когда ему исполняется три-четыре месяца. Тогда же ребенку показывают те предметы, которыми он будет пользоваться в жизни: мачете, топор, карандаш — мальчику; ножницы, иголки, метате — девочке.

Традиционный брак, как правило, оговаривается родителями или профессиональным посредником без консультации с заинтересованными сторонами. Однако среди наиболее образованных групп майя теперь нередко сами молодые люди принимают решение о своей

свадьбе или даже убегают, чтобы затем вступить в брак или жить в свободном союзе. Принято, что семья жениха одаривает семью невесты. У некоторых народов это приданое называется «ценой жены» и состоит главным образом из пищи и напитков (лепешки, яйца, мясо, фасоль, перец) или ювелирных изделий, тканей, шнурков, сигар, хлеба, шоколада и рома (на Юкатане).

Свадьба у майя — прекрасный повод для праздника, на который приглашают родственников и друзей и который заканчивается, как и все остальные праздники, всеобщим опьянением. В некоторых горных селениях этот праздник и вручение подарков повторяют через некоторое время до двух и трех раз. Как правило, у майя молодые около года живут в семье жены. В это время муж работает на родителей жены.

Лакандоны отмечают вступление в брак очень просто: молодых представляют богам, изображение которых вылеплено на жаровнях и которым подносят небольшие приношения. Этот обычай восходит, вероятно, к доиспанским временам.

Благодаря нагуализму случаи многоженства среди майя редки. Исключение составляют лакандоны, так как у них мужчин меньше, чем женщин. Так же редко встречаются разводы, хотя на Юкатане довольно часто супружеская пара расходится и каждый из супругов вступает в новый брак. Ланда наблюдал это явление в XVI в. и приписывал его раннему возрасту вступления в брак.

Некоторые народы майя рассматривают смерть не как естественное явление, а как кем-то посланное зло. Страх перед духом мертвых всеобщ: считается, что этот дух особенно опасен в тот момент, когда умирающий выпускает последний вздох (Юкатан), как для людей, так и для вещей, поэтому вещи выносят из помещения; в других районах считается, что опасность велика на протяжении нескольких дней.

Захоронение осуществляется в гробу, циновке или просто в куске полотна, при этом умершего одевают в его лучшие одежды и с ним кладут принадлежавшие ему предметы, которыми, как полагают, он будет пользоваться в загробном мире, пищу, в которой он будет нуждаться, и даже несколько монет. Присутствующие обычно не выражают своего горя, «чтобы не огорчать мертвого», но иногда родственники начинают кричать и плакать. Поминки часто сопровождаются музыкой, возжиганием копала и обильным возлиянием агуардъенте. В некоторых районах умершего хоронят под полом дома или возле хижины. Лакандоны помещают в каждом углу ямы сплетенную из пальмового листа фигурку собаки.

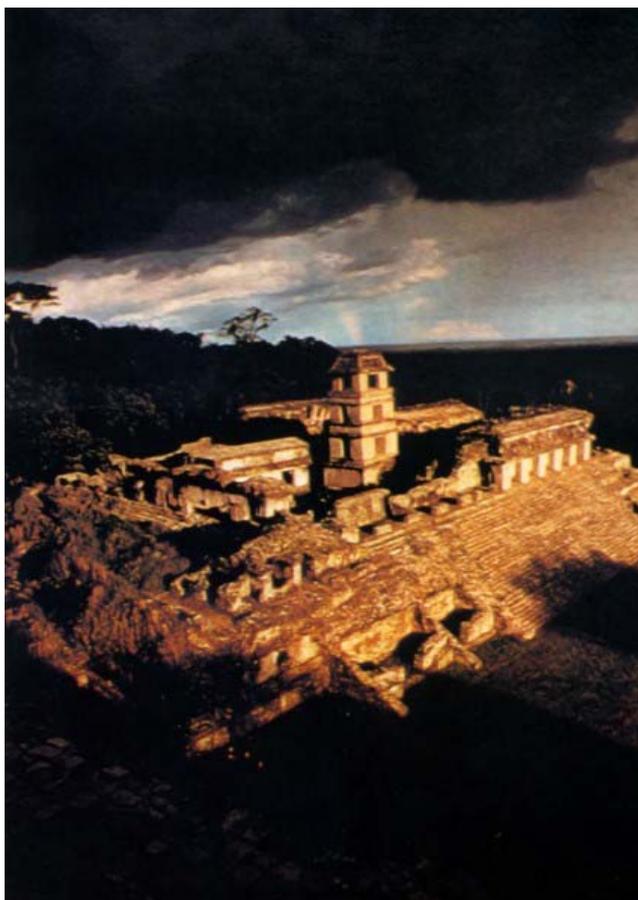
Цоцили верят, что души женщин, умерших при родах, идут в солнечный рай и сопровождают светило на всем его дневном и ночном пути. Остальные души идут в *Катибак* — подземный мир, куда они попадают, пересекая реку с помощью черной собаки; там они остаются некоторое время и подвергаются пыткам перед тем, как соединиться с родственниками в месте вечного упокоения.

Майя Юкатана полагают, что добрые души идут в рай, а плохие — в ад, где подвергаются пыткам, но в конце концов все возвращаются на землю, воплотившись в новорожденных детей, в животных, а также в воздушные вихри.

Таким образом, верования майя — это соединение элементов как христианской, так и индейской системы представлений.

* * *

Заканчивая нашу книгу о народе майя, мы можем сказать, что, без всякого сомнения, он является творцом одной из великих цивилизаций древности. И хочется надеяться, что народ с таким великим прошлым достигнет светлого будущего.

Дворец в Паленке

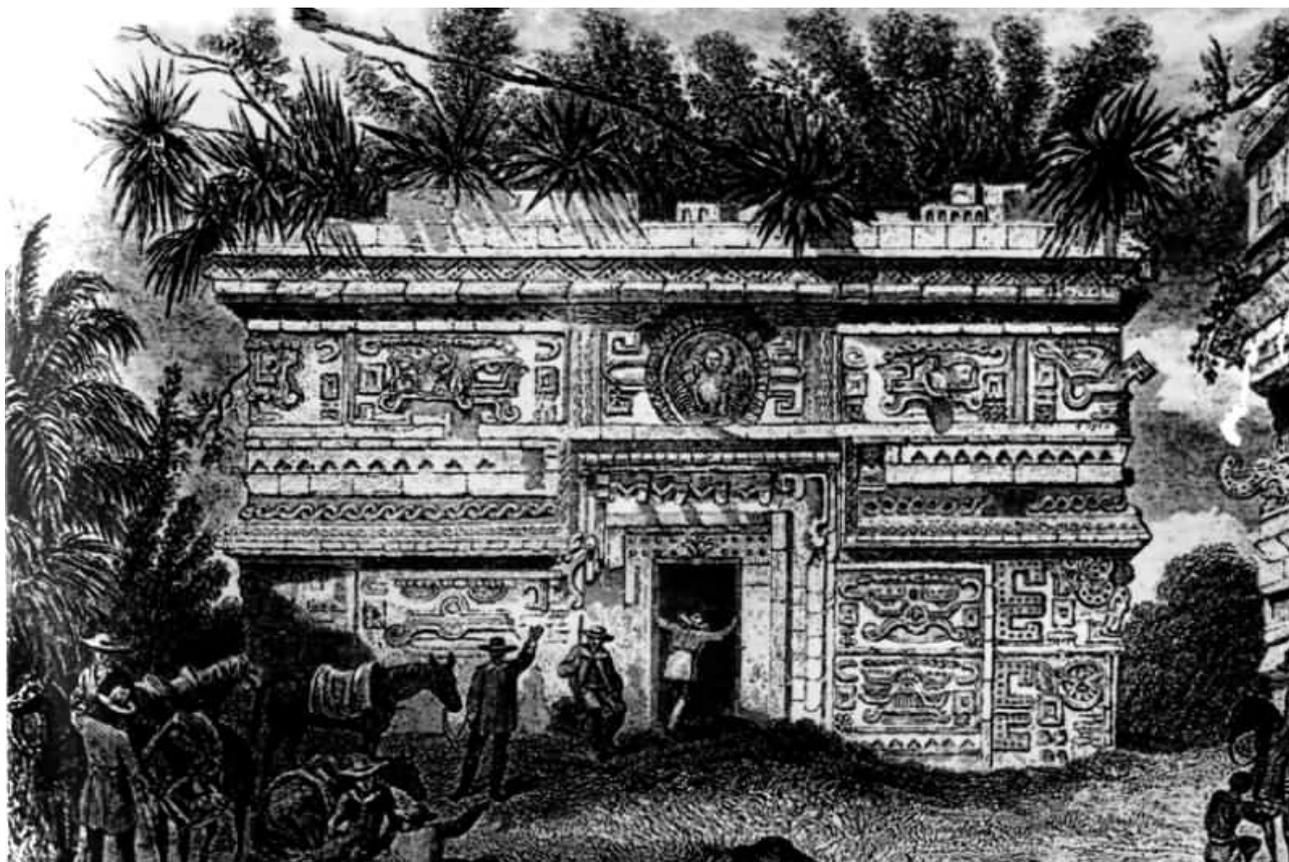
Общий вид «Пирамиды Прорицателя» и «Женского Монастыря» в Уимале

«Пирамида Кукулькана» в Чичен-Ице

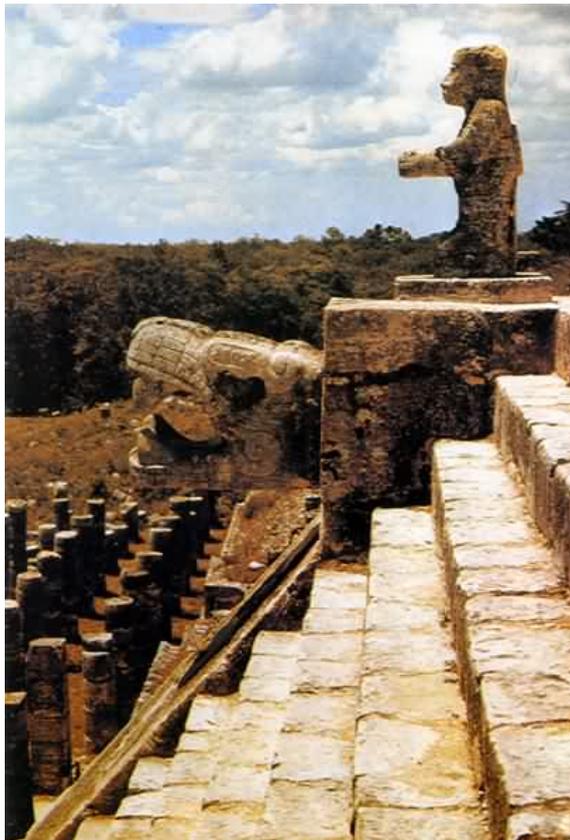
Арка в Лабне, одно из самых грандиозных сооружений майя 1-го тысячелетия н.э.

«Женский Монастырь» в Чичен-Ице (гравюра Обера XVIII в.)

«Храм Надписей» в Паленке

Лестница «Храма Воинов» в Чичен-Ице

Возделывание маиса было известно всем народам доколумбовой Мезоамерики. Зерна дикого маиса (теосинтле).

Початки дикого маиса (теосинтле).

Комплекс для игры в мяч в Копане.

Глиняный сосуд майя VI–IX вв.

Гробница и каменный саркофаг с захоронением правителя в «Храме Надписей» в Паленке

Страница Дрезденского кодекса майя, XII в.

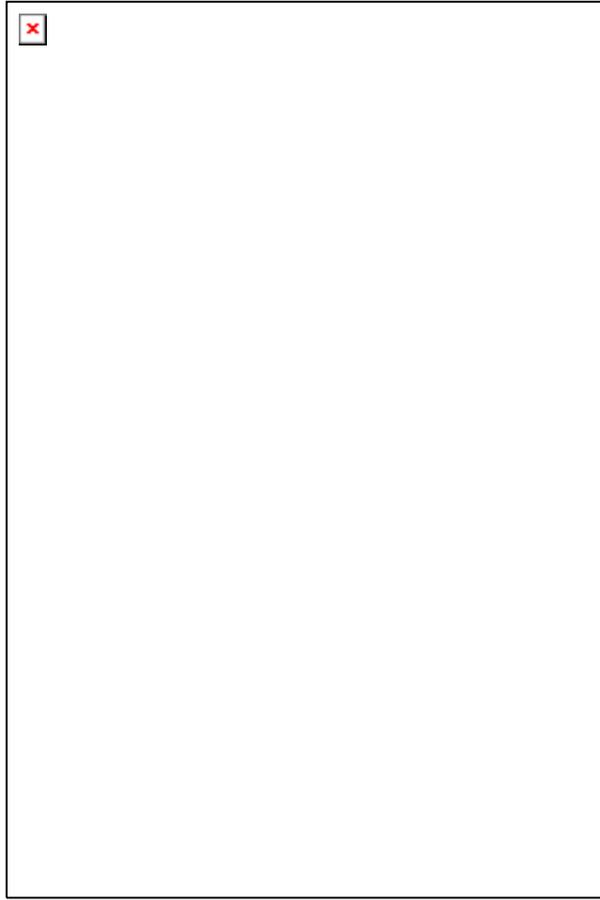
Страница Парижского кодекса майя, XV в.

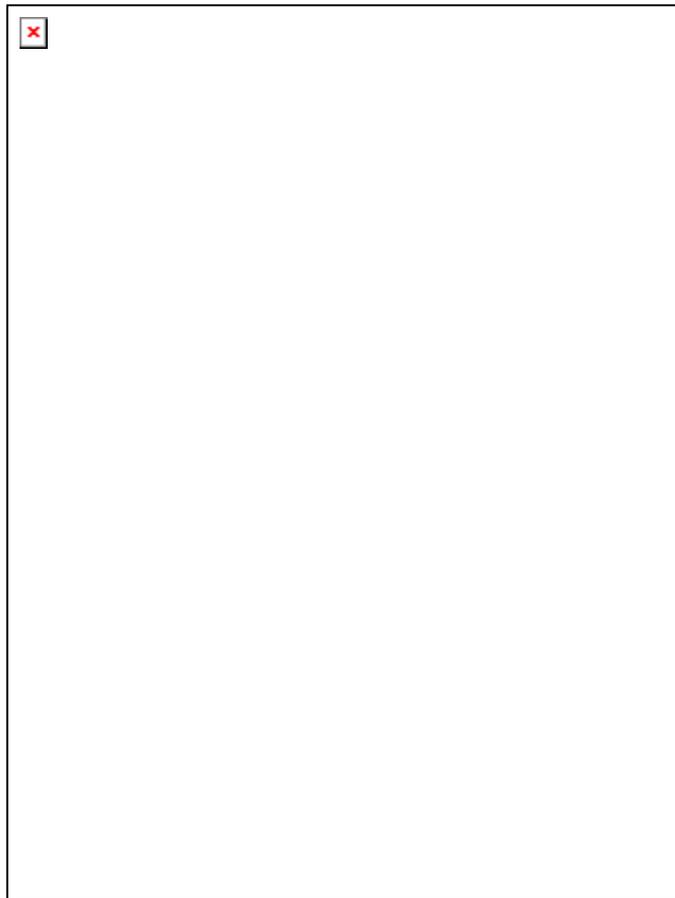
Эрнандес де Кордоба (1517 г.) и Хуан де Грихальва (1518 г.) — испанские мореплаватели, открывшие земли майя

Диск из Чинкультика, на котором изображен игрок в мяч (590 г.)

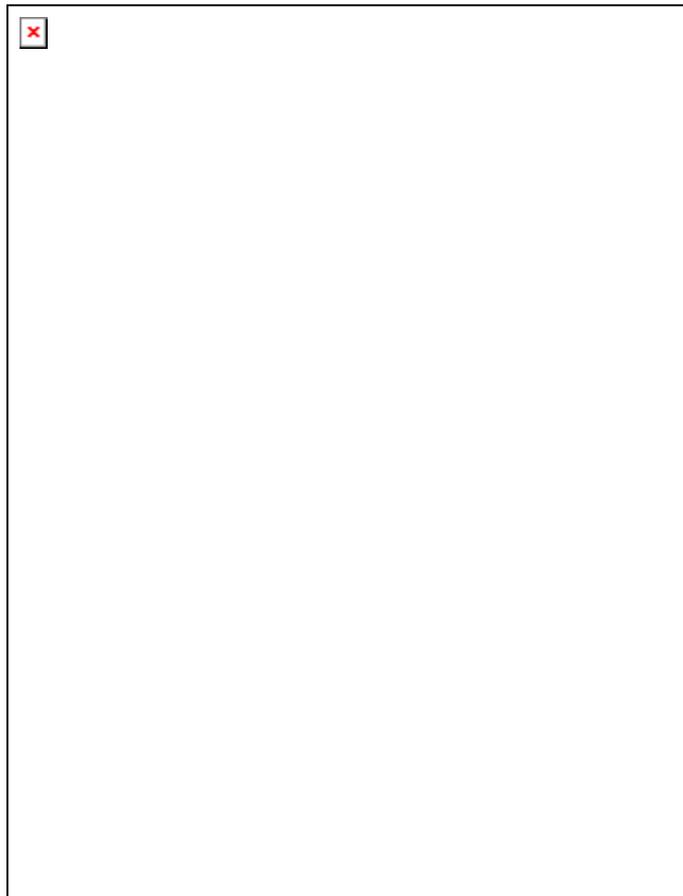
Женица цоциль из Ченалья (штат Чьяпас) в традиционном костюме

Поселок майя-киче в Гватемале

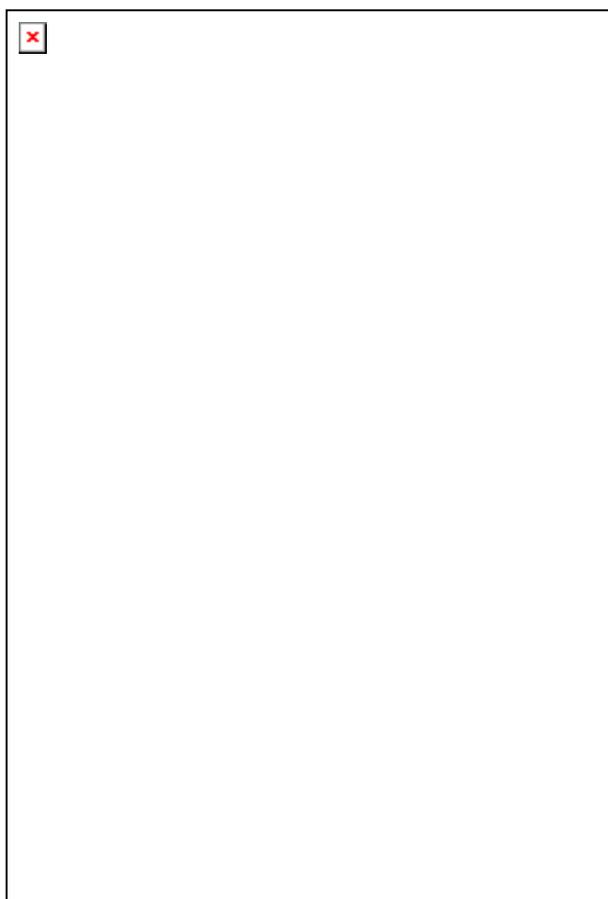
Маски бога дождя Чаака на древнем храме майя (Чиканна, Кампече)

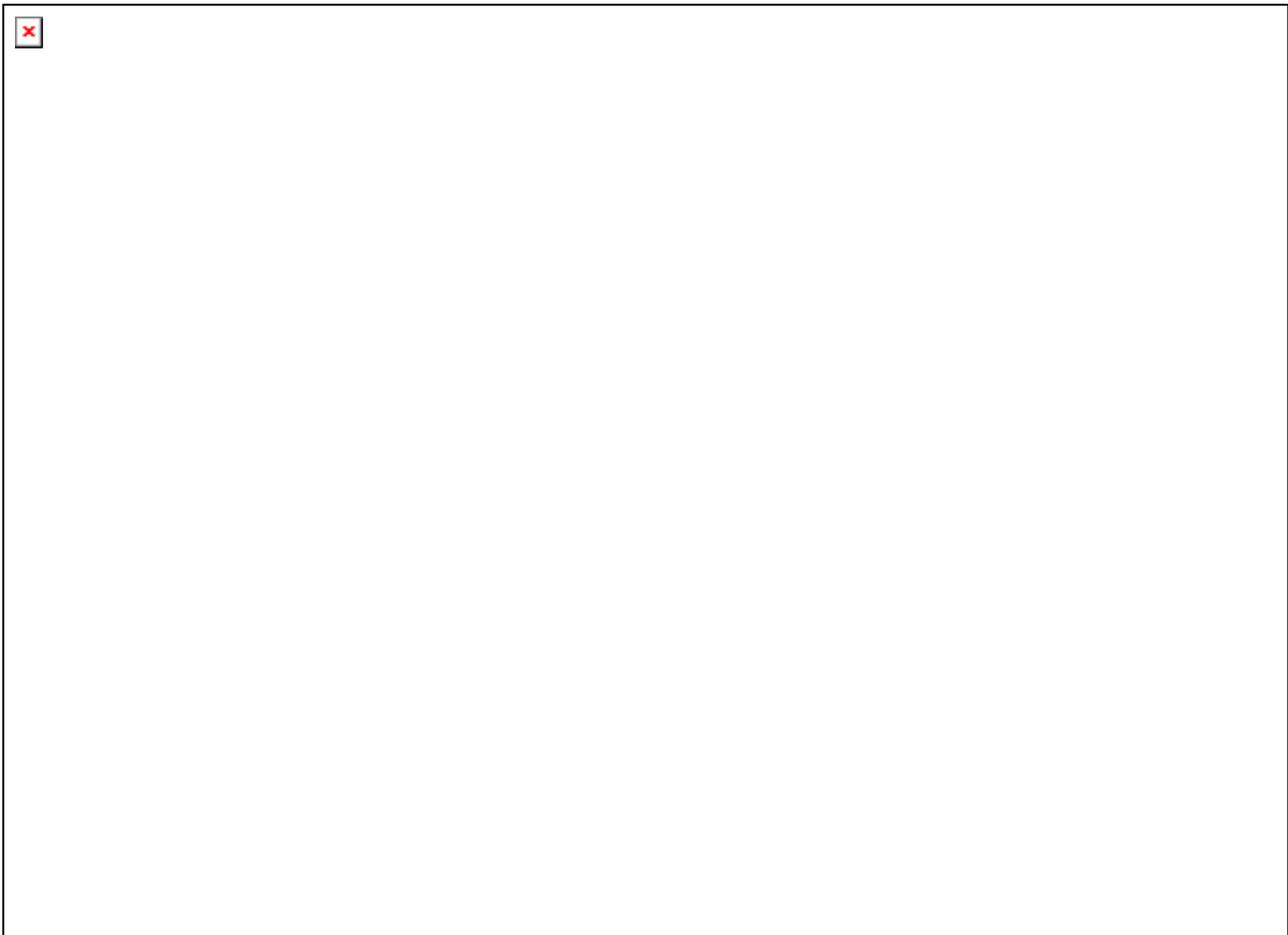
Стела «В» из Копана (культура майя, 1-е тысячелетие н.э., Гондурас)

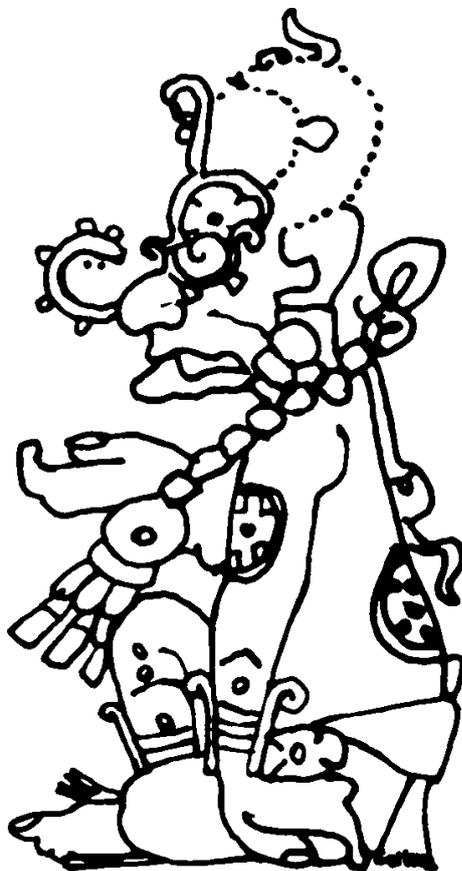
Ритуальный предмет из обсидиана (культура майя, 1-е тысячелетие н.э.)

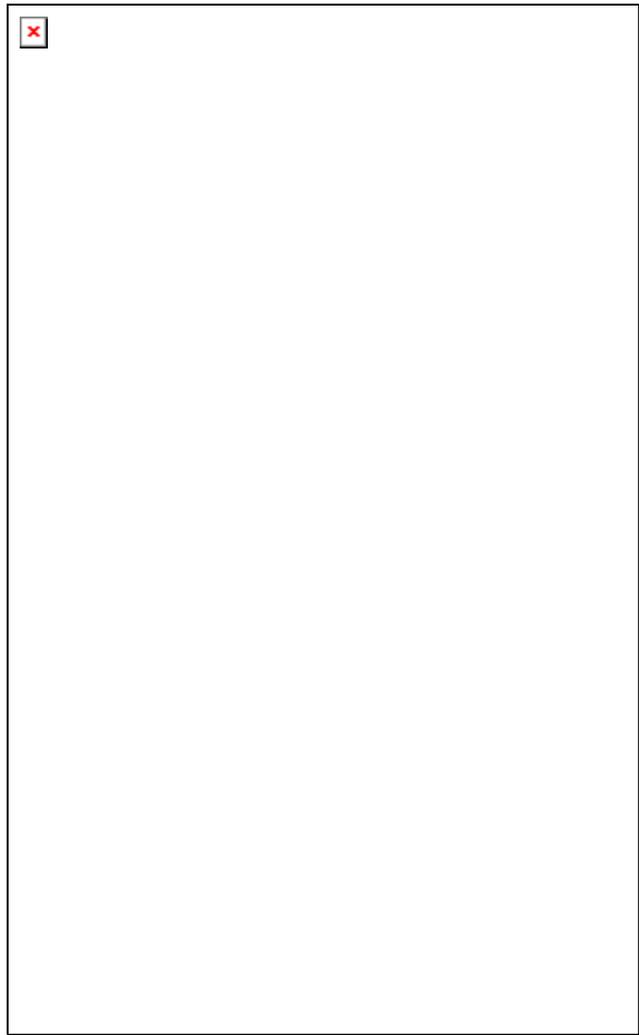
Торговля традиционными тканями на индейском базаре (Гватемала)

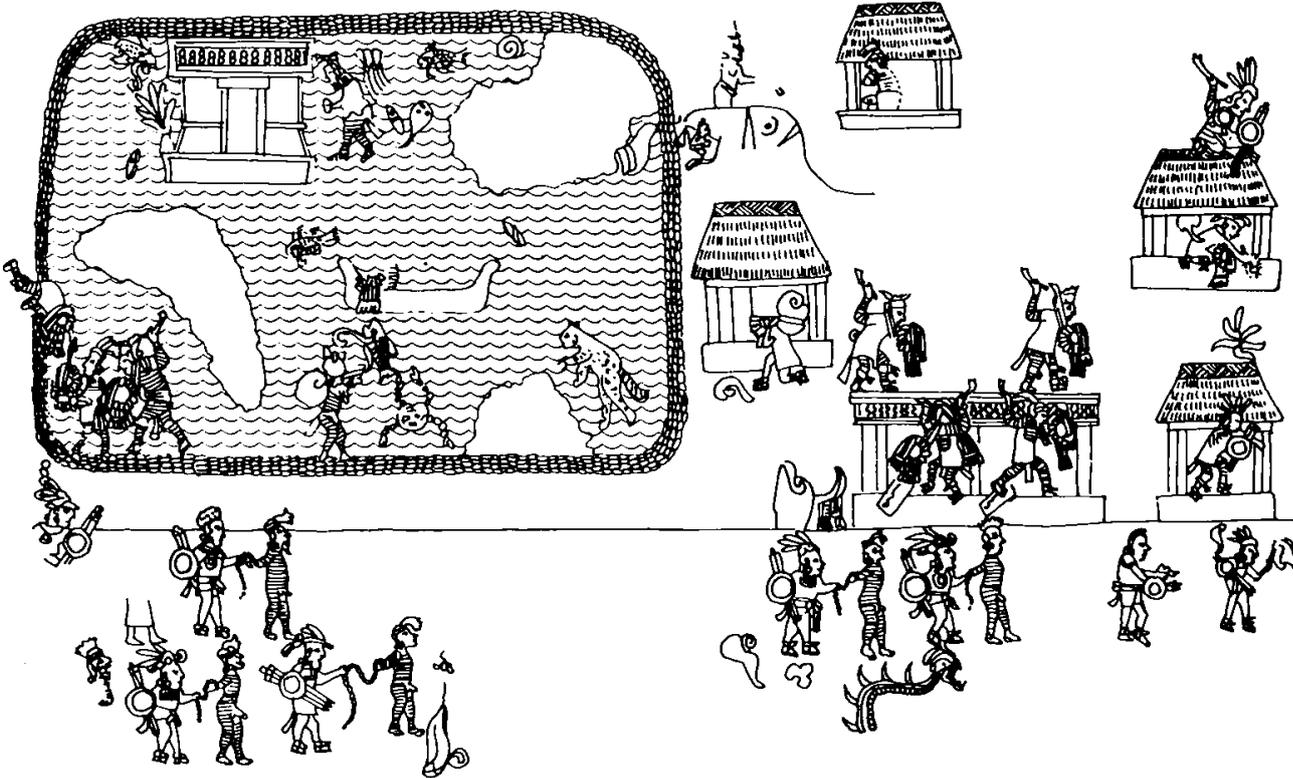
Женщины майя-киче (Гватемала)

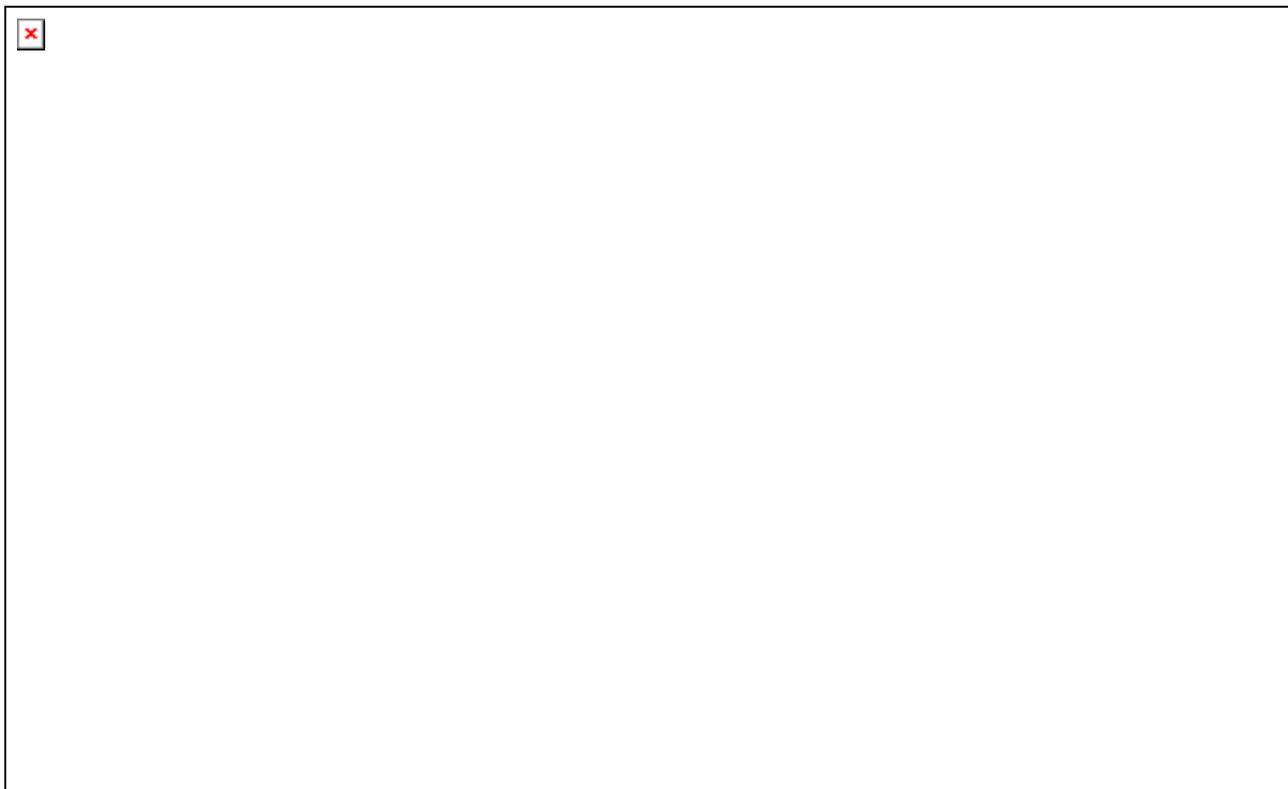
Бог «G» — божество солнца (Дрезденский кодекс)

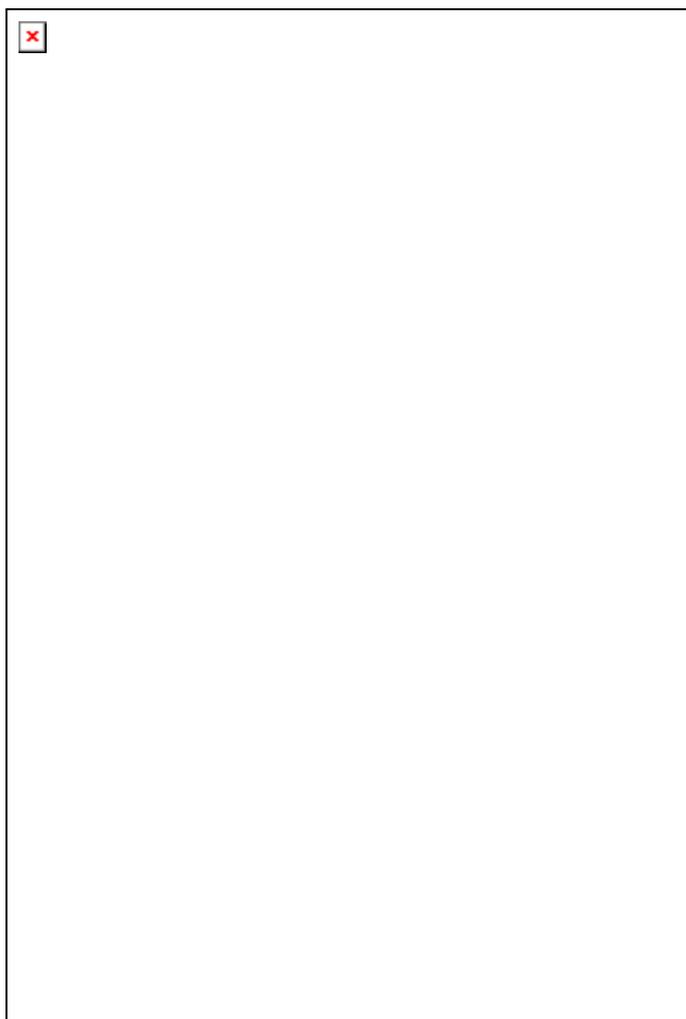
Арка в Кабахе (Юкатан)

Батальная сцена из «Храма Воинов» в Чичен-Ице

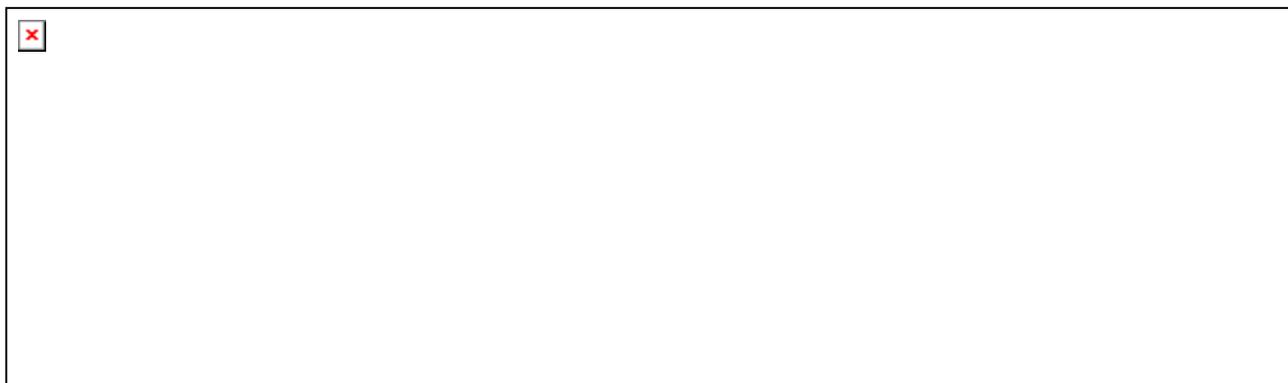
Реки были у майя важными путями для торговых обменов

Терракотовая фигурка женщины с мотком пряжи (остров Хайна, VI–IX вв.)

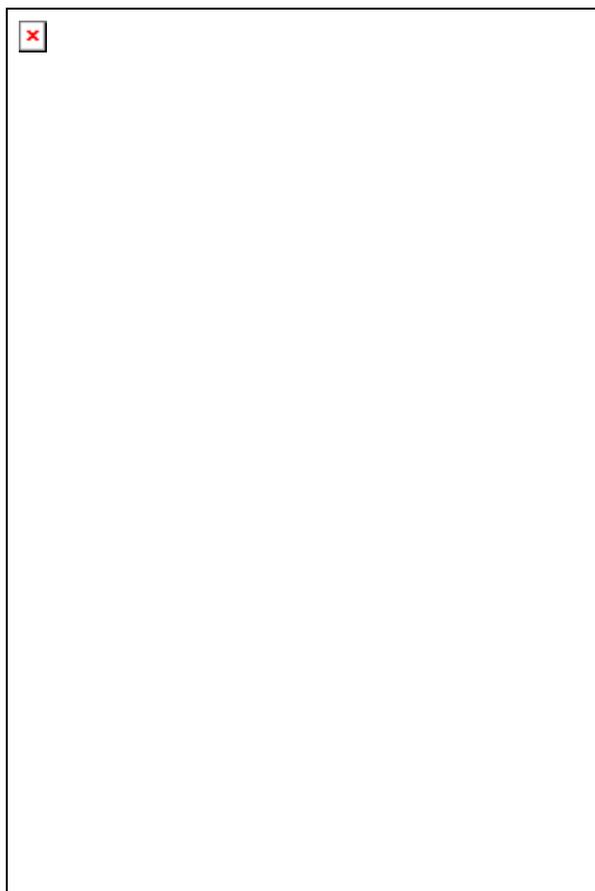
Изображение на глиняном расписном сосуде из Небаха

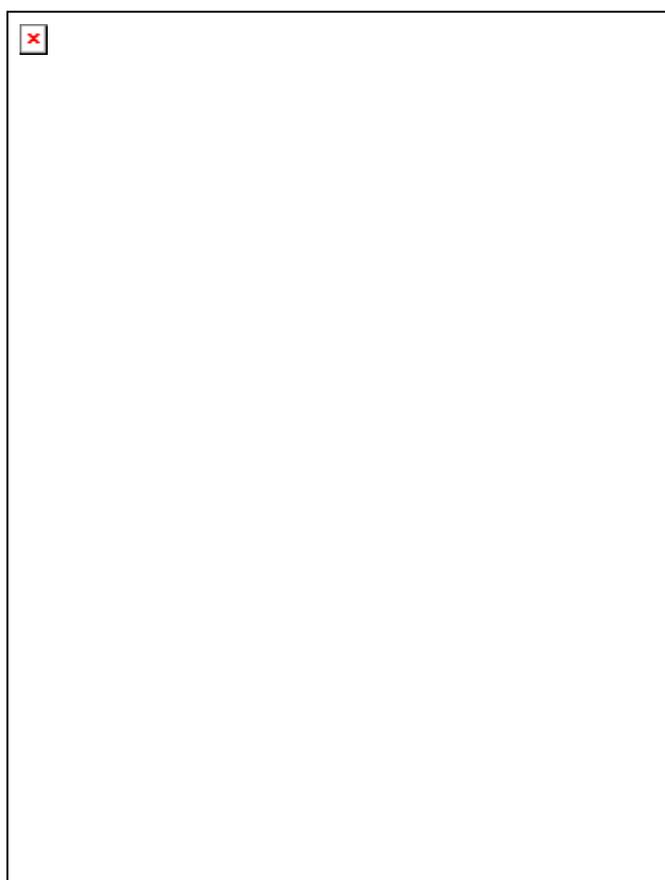
Дворец в Сайиле, имеющий три этажа и более 60 помещений

Деталь росписи на чаше с юга Кампече (800 г.)

Старая индеанка

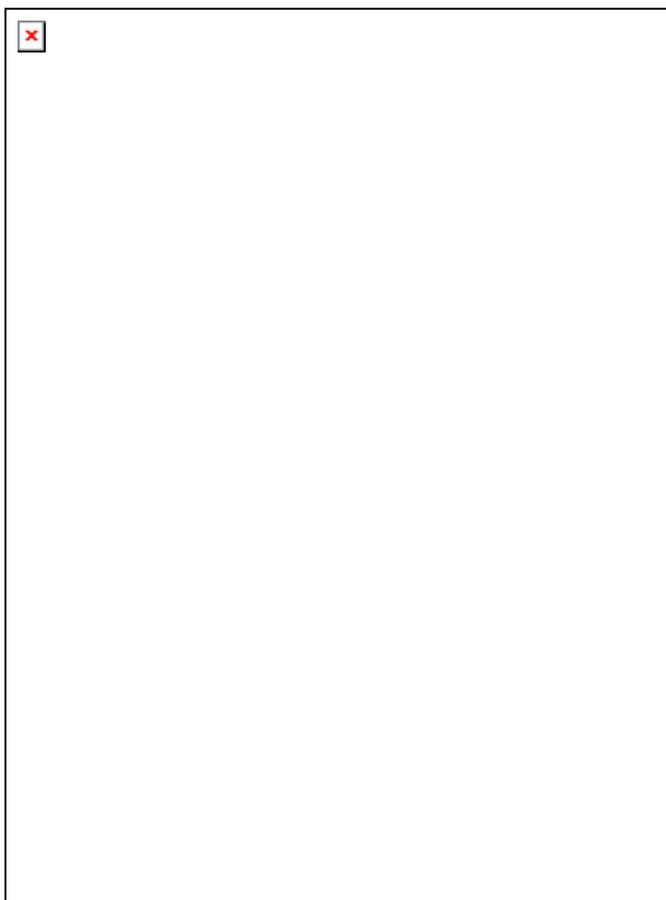
«Женский Монастырь» в Ушмале с «пирамидой Прорицателя» на первом плане

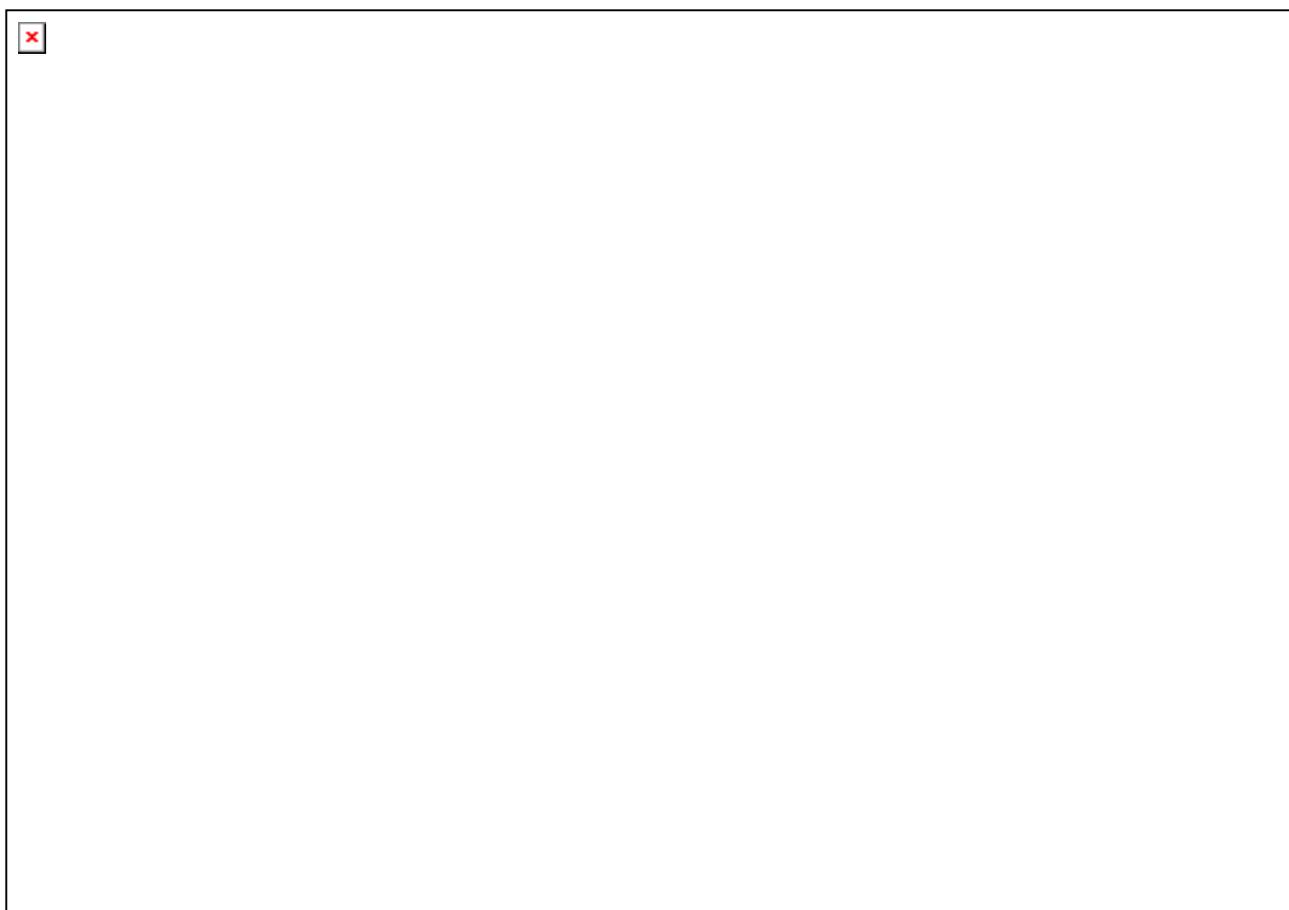
Хижина индейцев цельталей в Чьяпасе

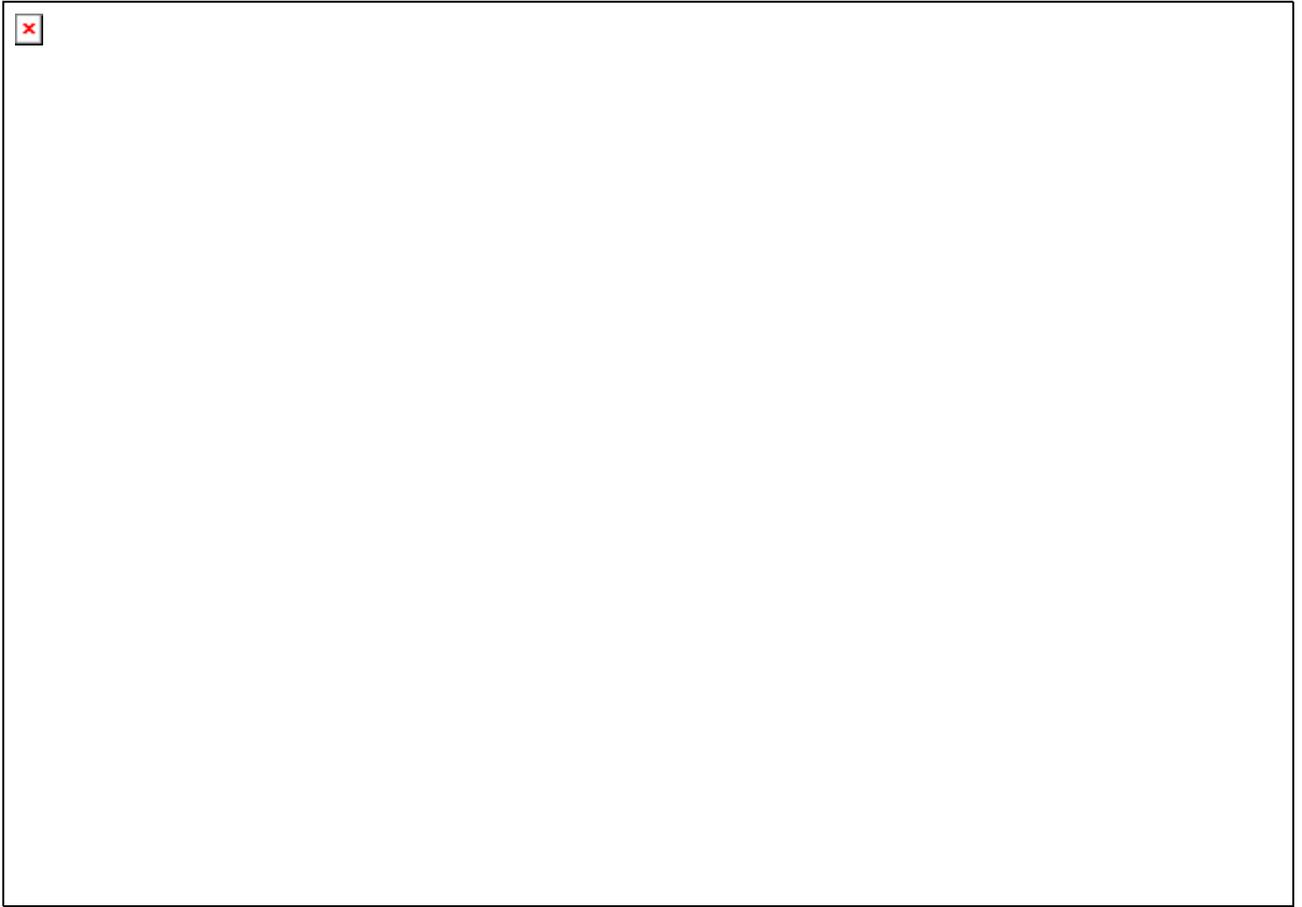
Пекари — охотничья добыча майя

Традиционный праздничный костюм женщины мая

Ручной поясной ткацкий станок

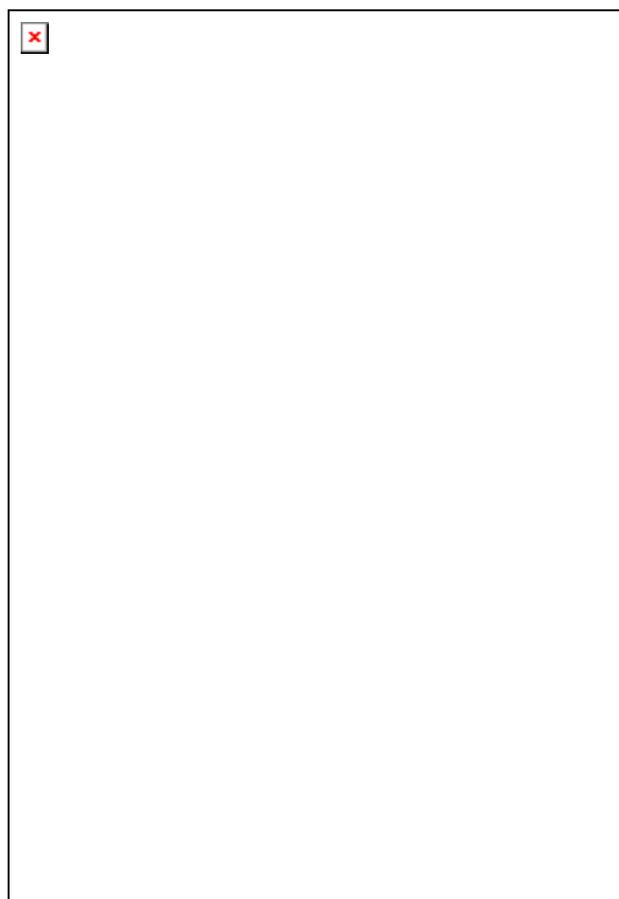
Мужчины и женщины высокого ранга носили многочисленные украшения из нефрита

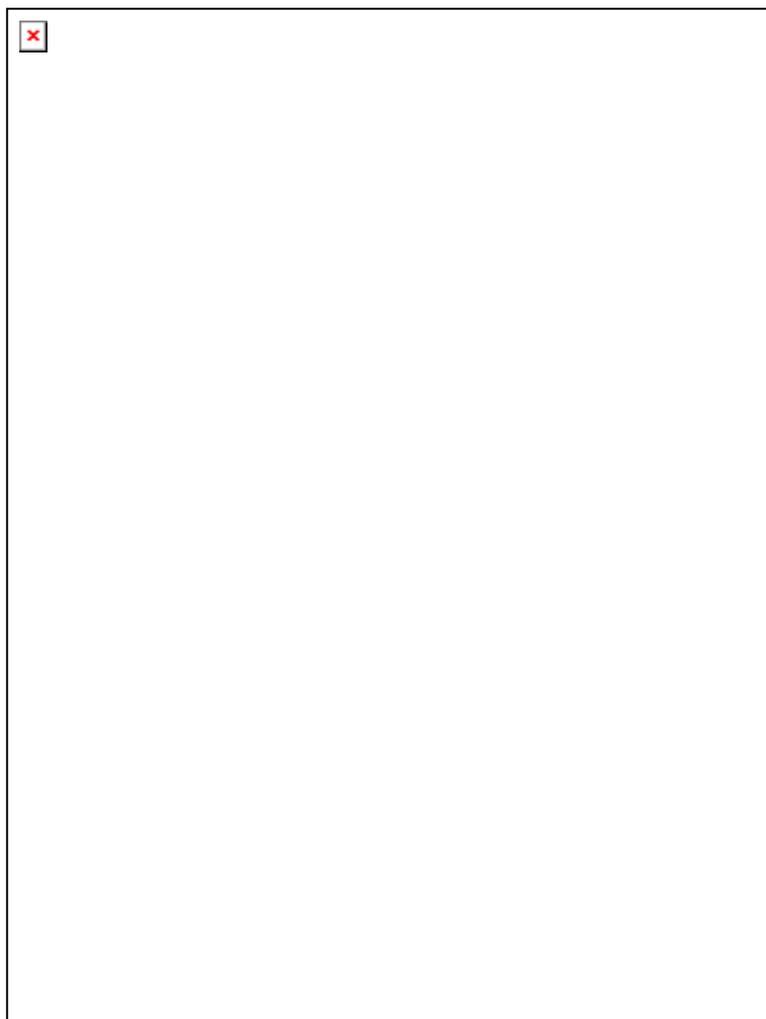
Барельеф из Паленке с изображением верховного правителя

Керамическая фигурка с острова Хайна

Игрок в мяч (терракотовая статуэтка с остров Хайна)

Рисунок, сделанный по мотивам «Храма Фресок» в Бонампаке, на котором представлены различные слои общества

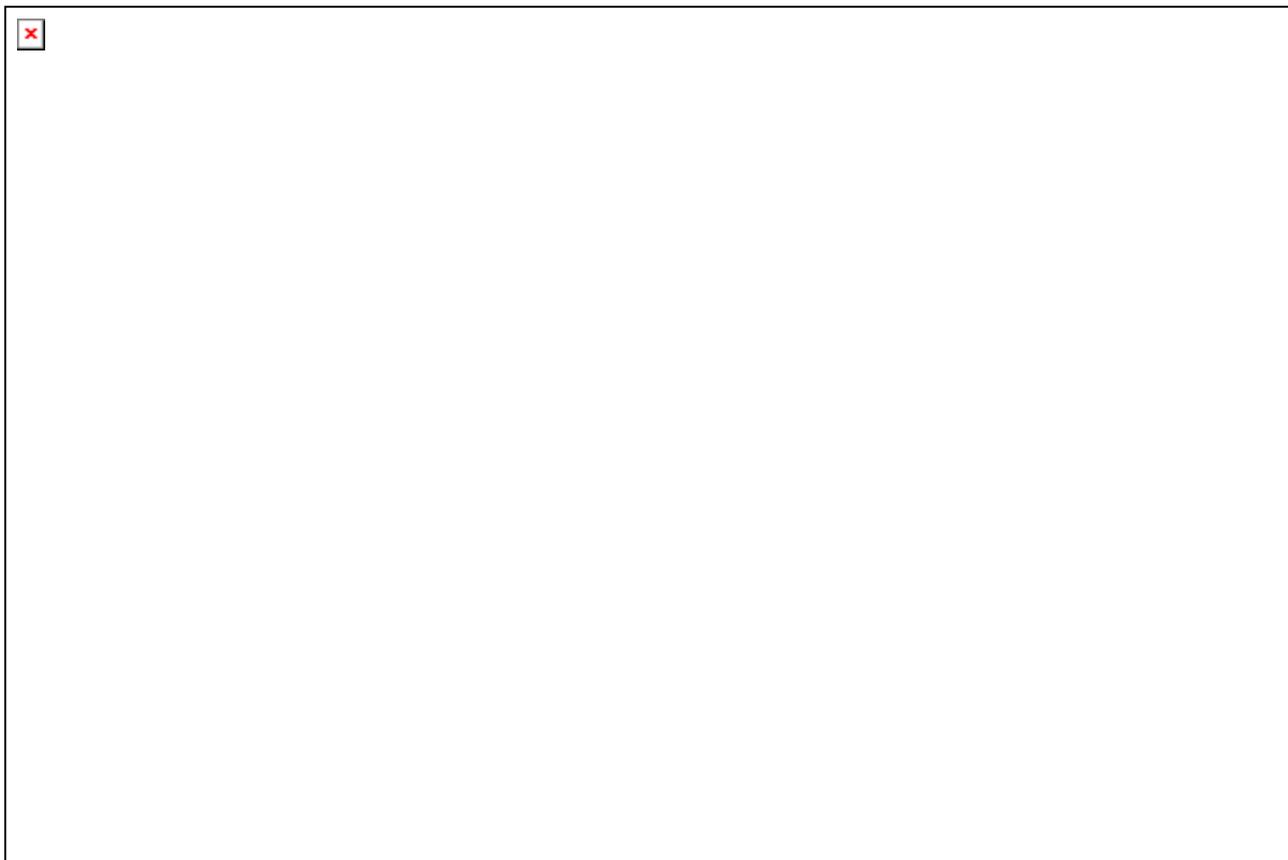
Карта Табаско, составленная Мельчором де Альфаро Санта Крус в 1579 г.

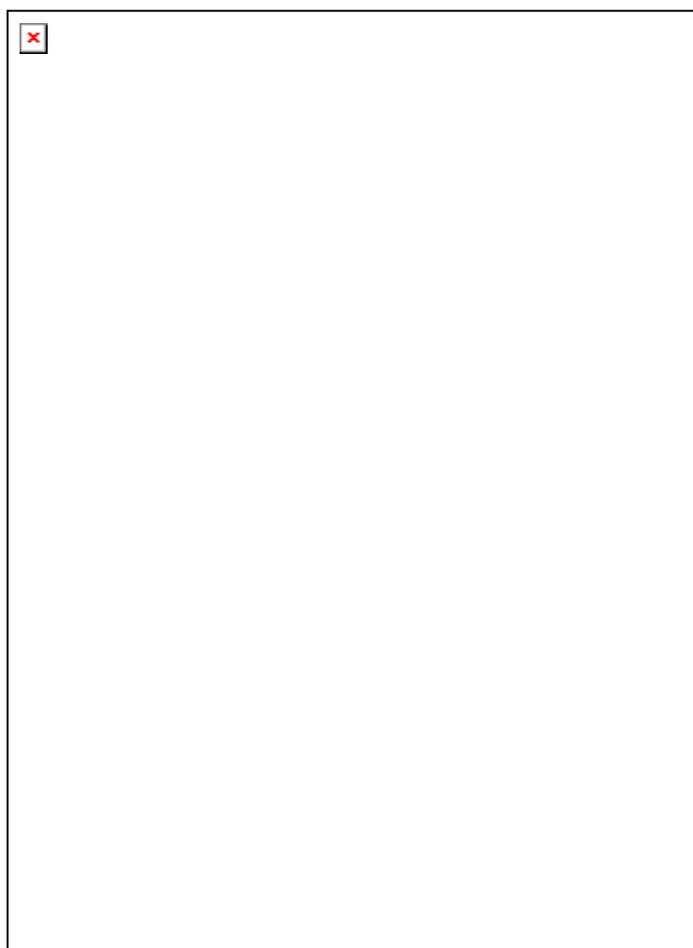
Ритуальная сцена. Рельеф на притолоке 26 из Йашчилана

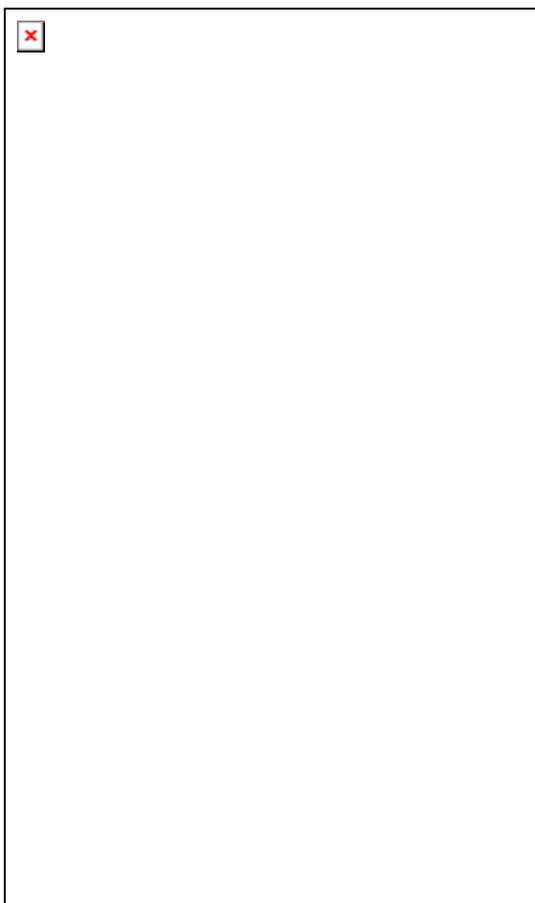
Рисунок с «Панели Рабов» в Паленке

Цифровой иероглиф

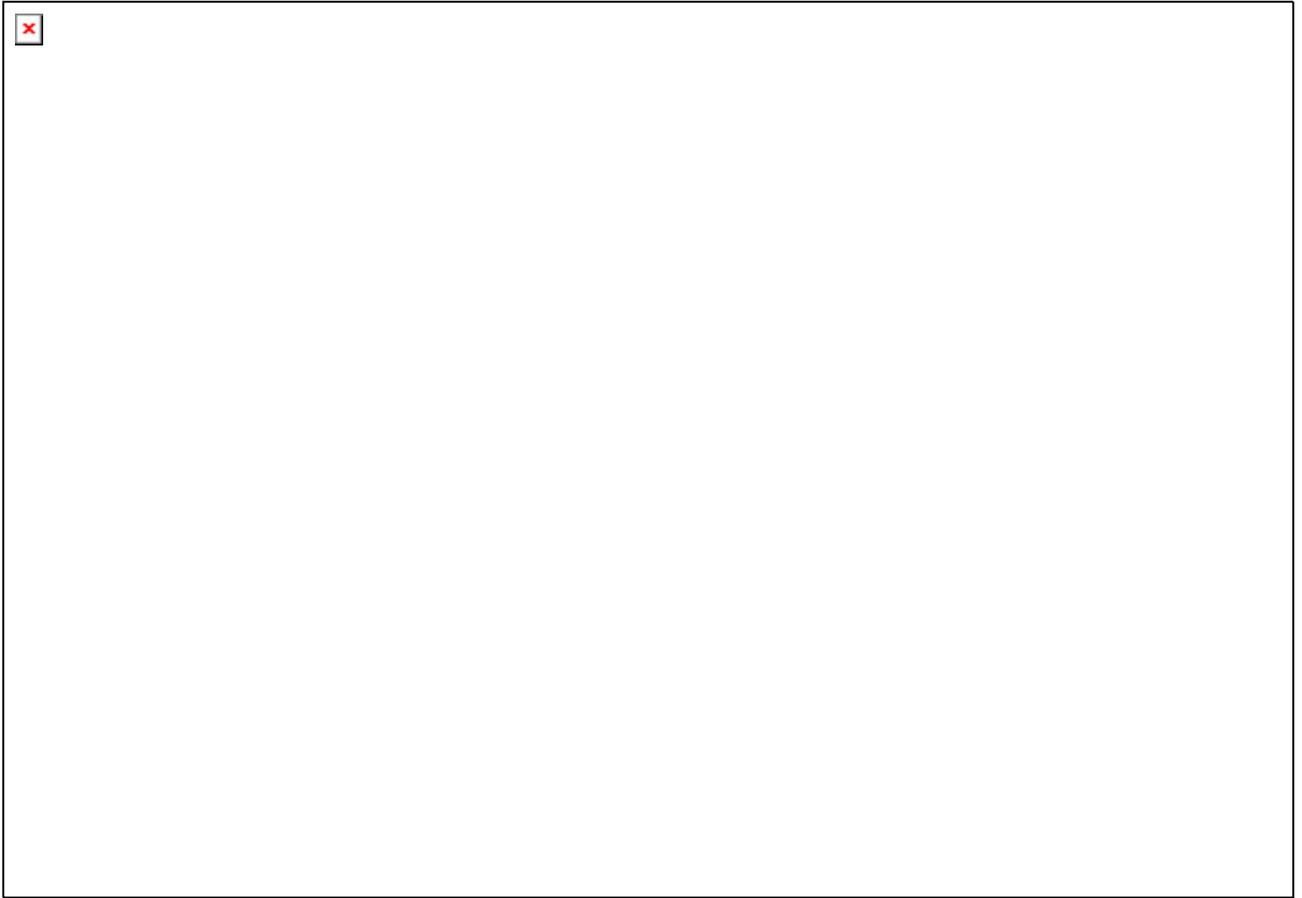
«Храм Воинов» в Чичен-Ице. На переднем плане — фигура божества Чакмооля

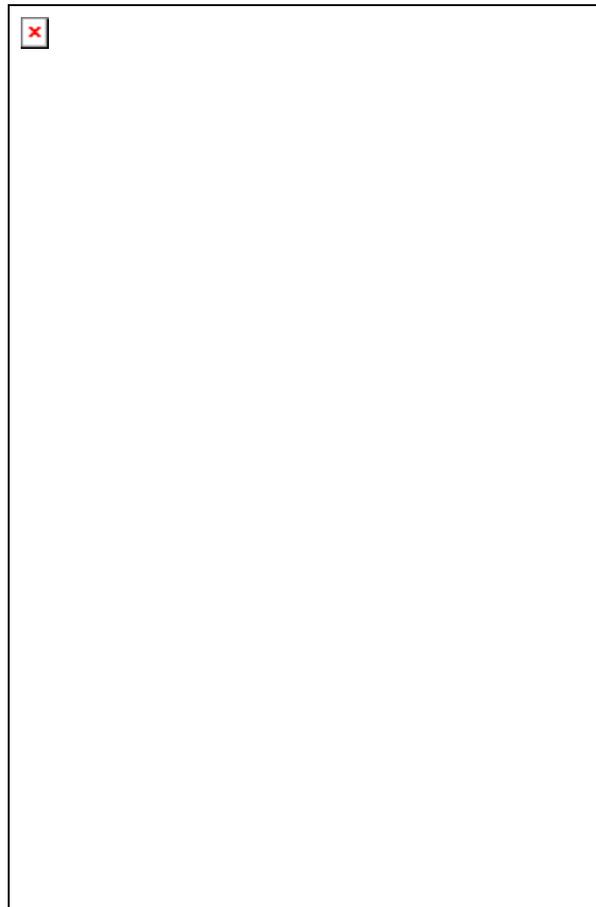
Один из главных храмов Тикаля

Рисунок на каменной плите из «Храма Креста» в Паленке с изображением жреца, курящего трубку

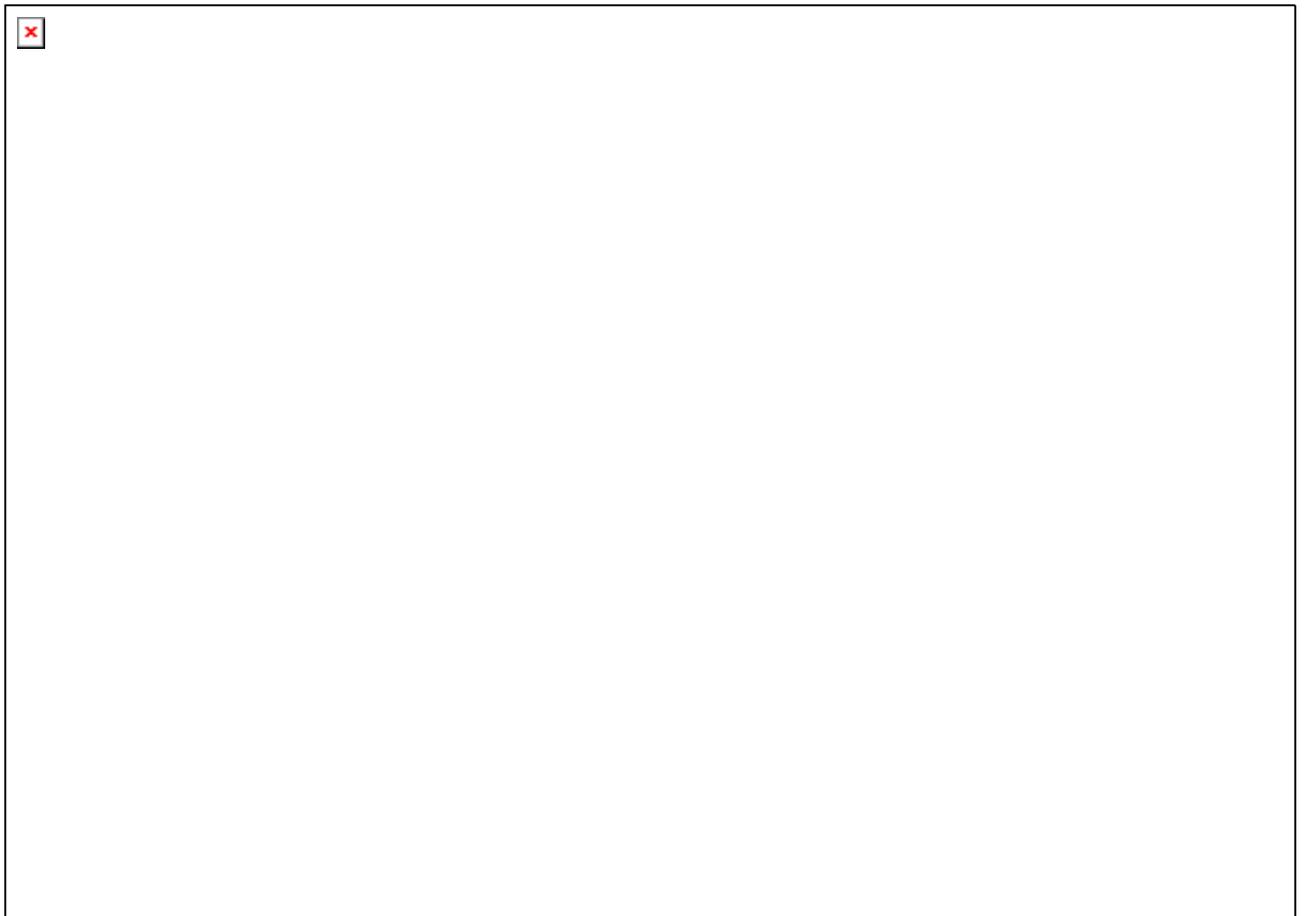
«Дворец Губернатора» в Ушмале

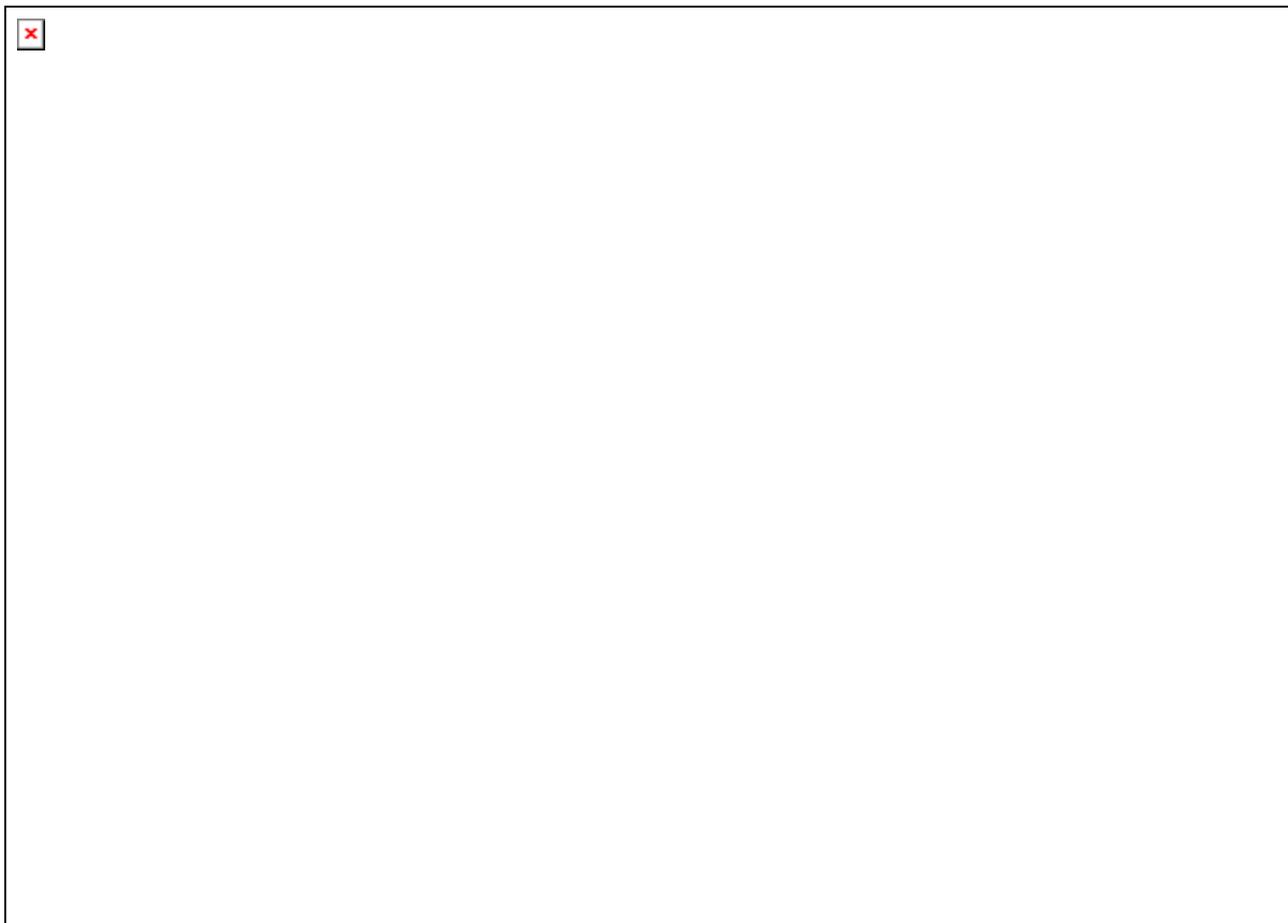
Керамическая фигурка с острова Хайна, изображающая воина

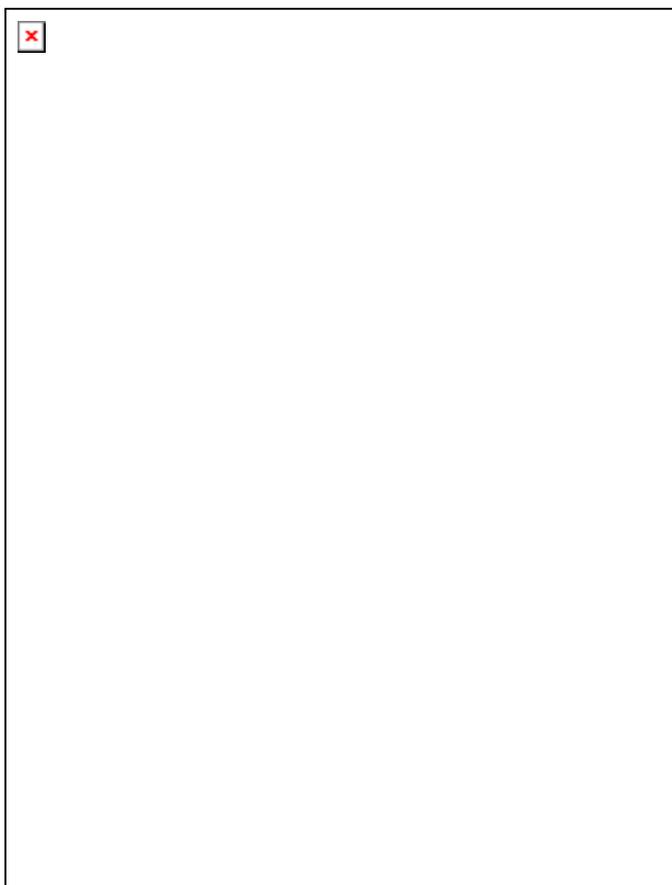
«Лестница иероглифов» в Копане

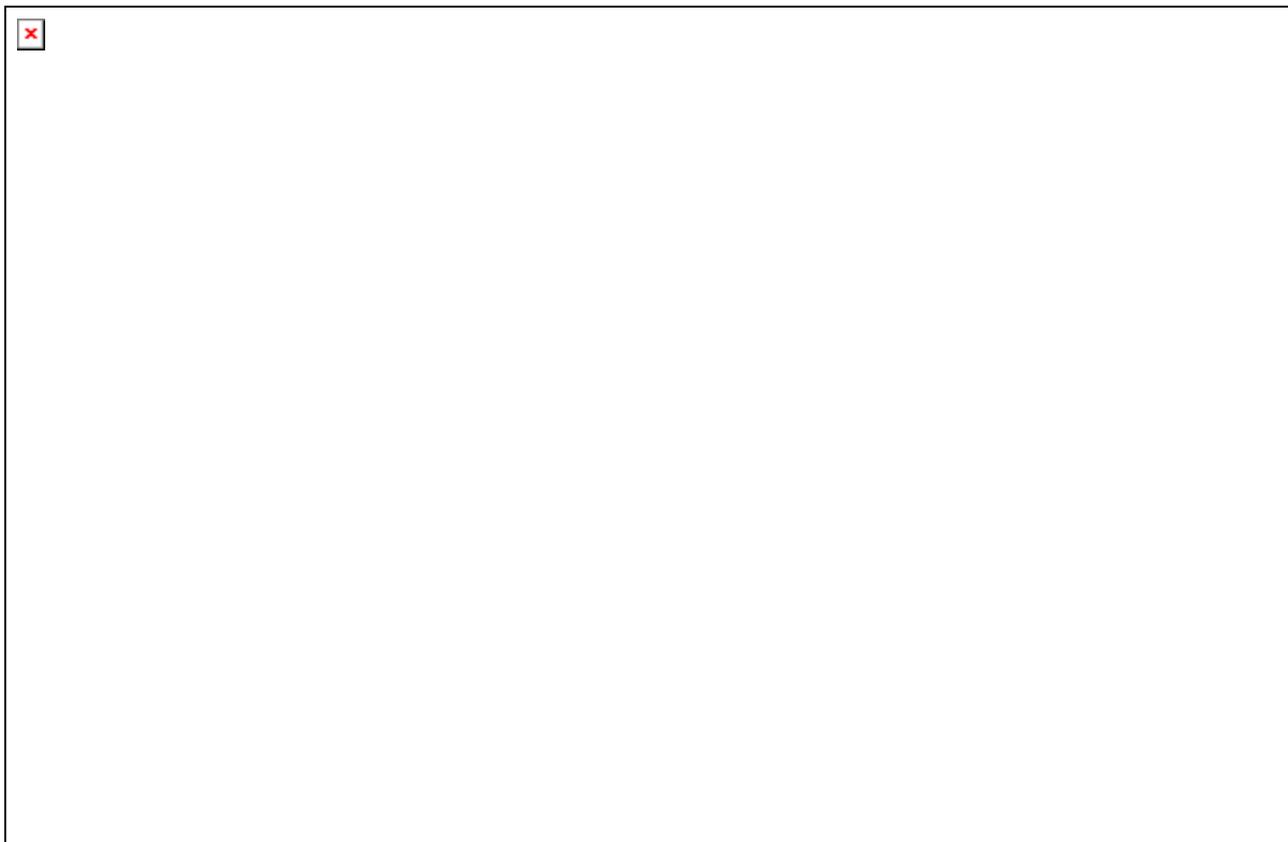
Вид центральной части древнего Тикаля в Петене (Гватемала)

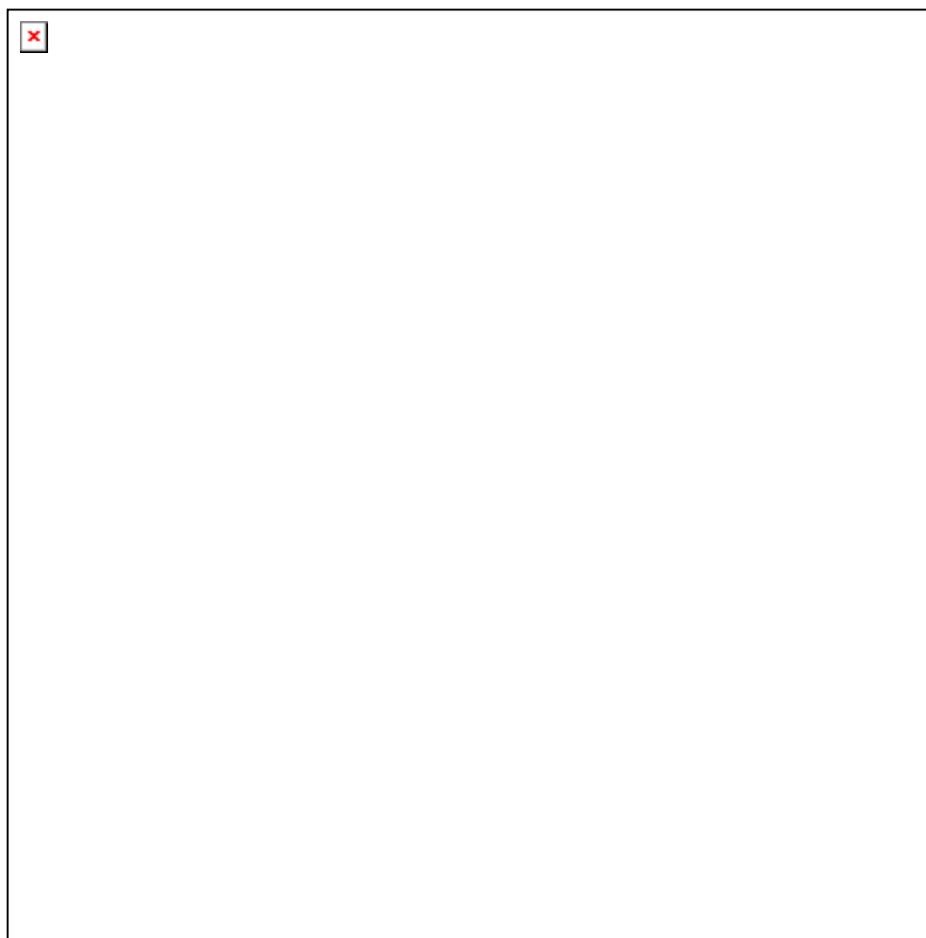
Панорама реки Усумасинты в штате Чьяпас

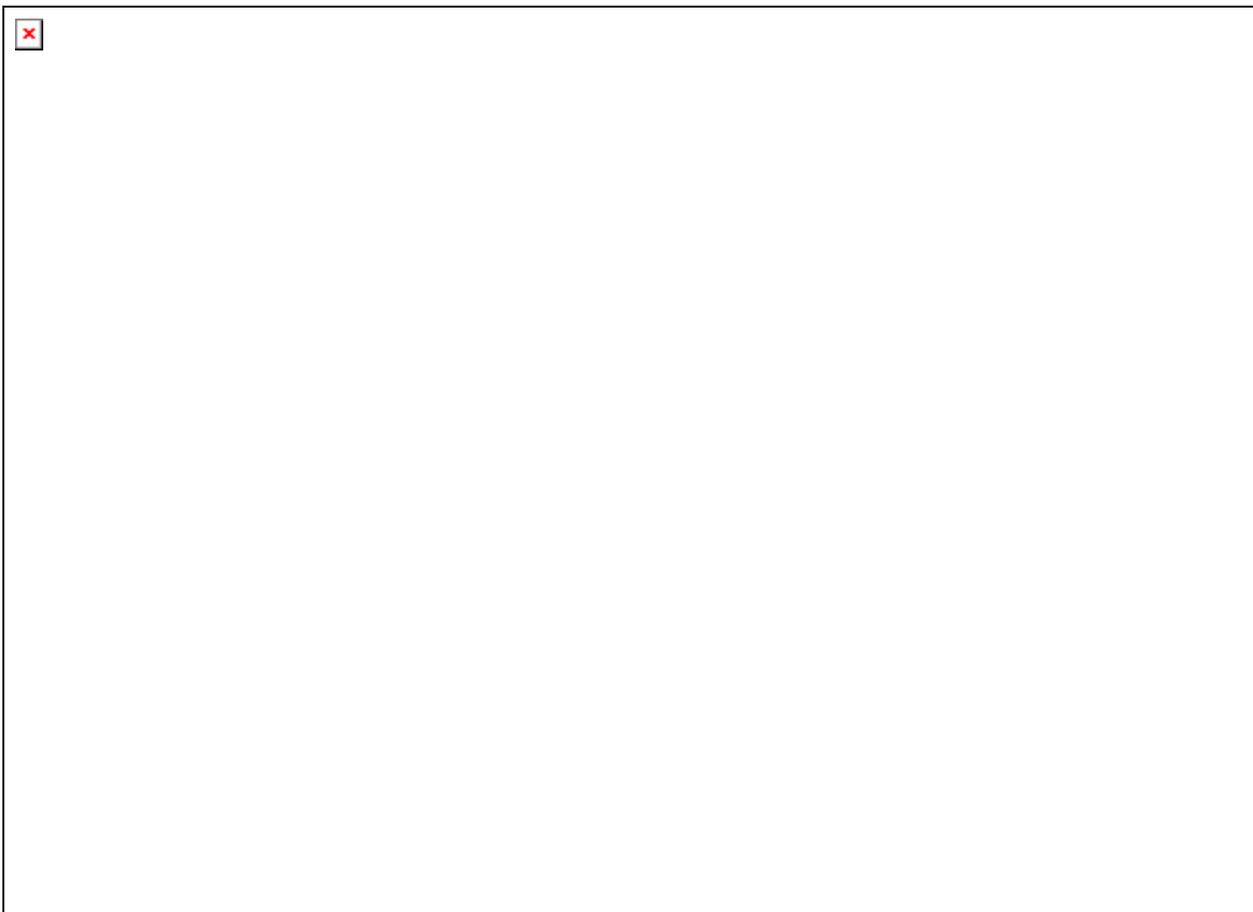
Архитектурные памятники Чичен-Ицы

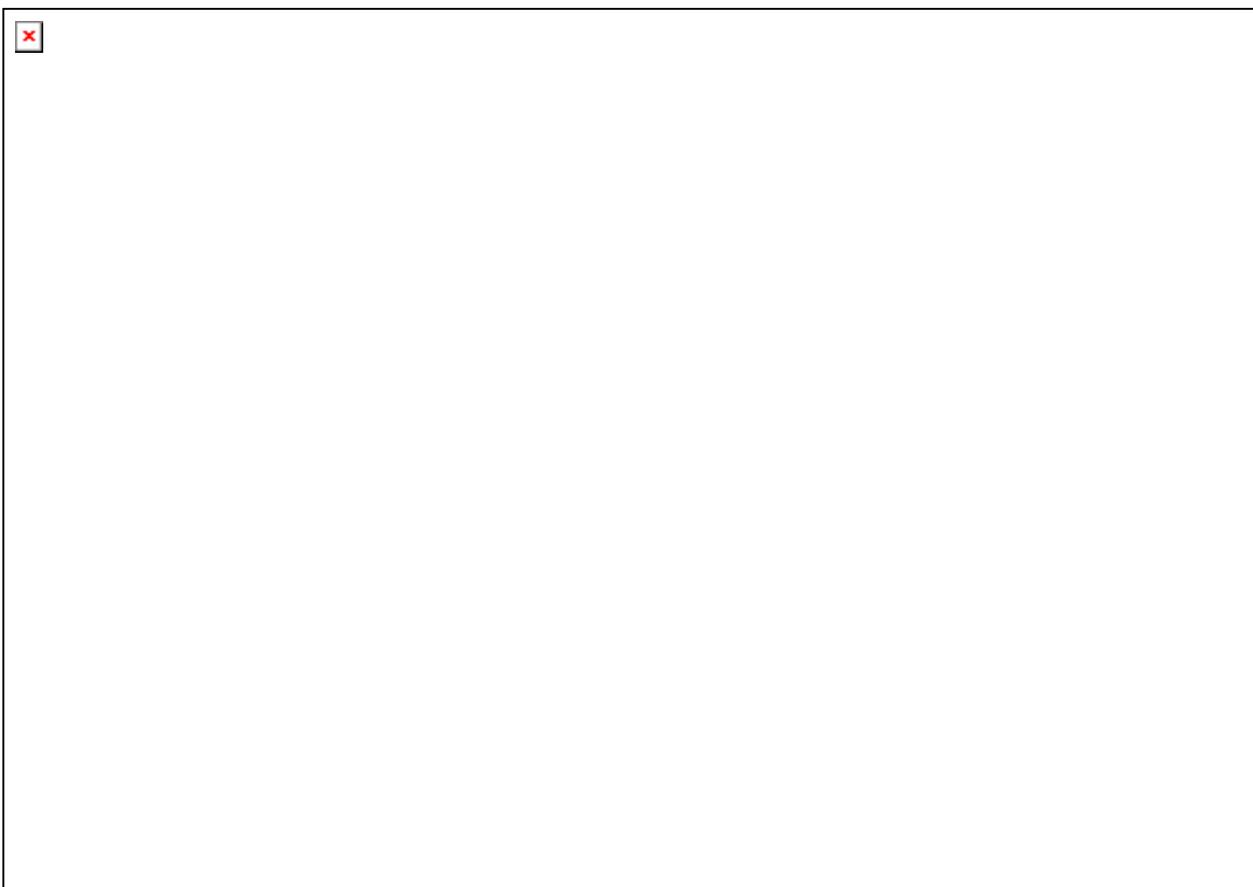
Дворец в Лабане, архитектурный стиль Пуук

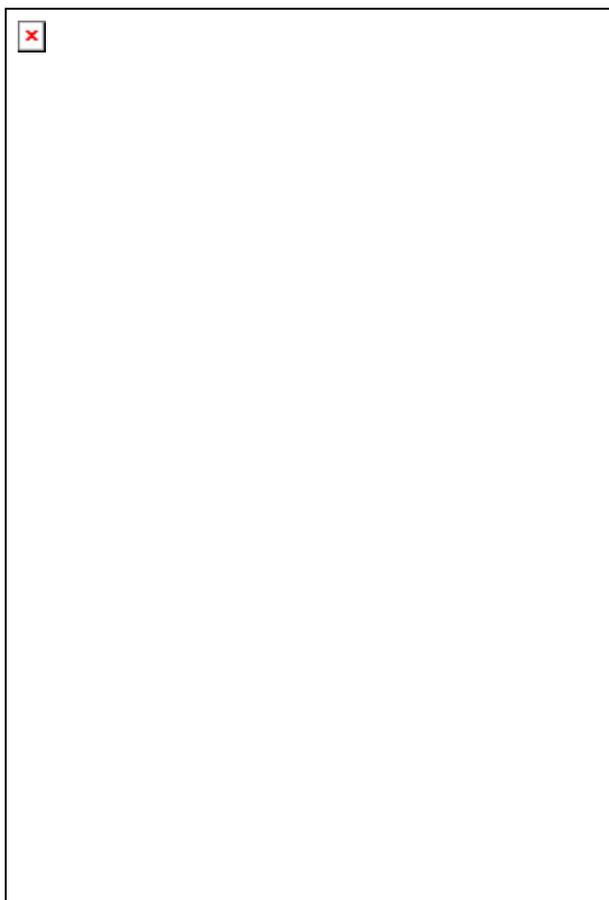
«Священный сенот» — карстовый колодец в Чичен-Ице

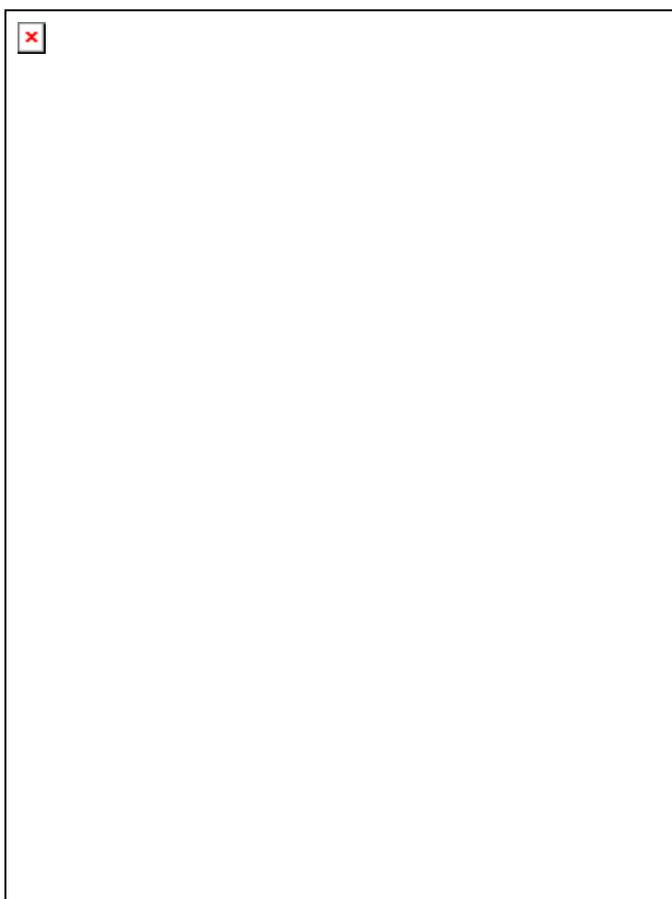
Сцена на расписном сосуде из Кампече (800 г.)

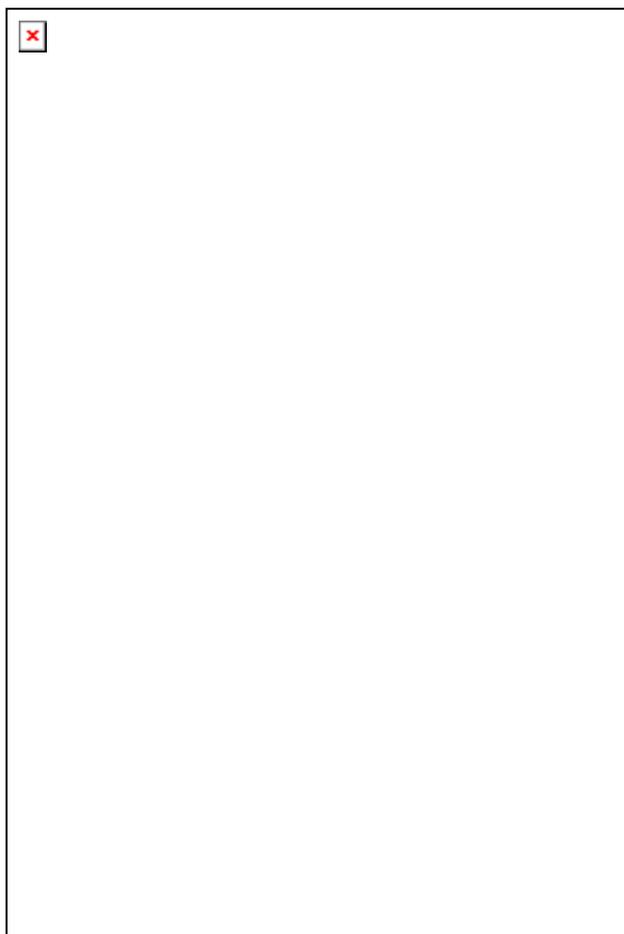
Образец иероглифики древних майя

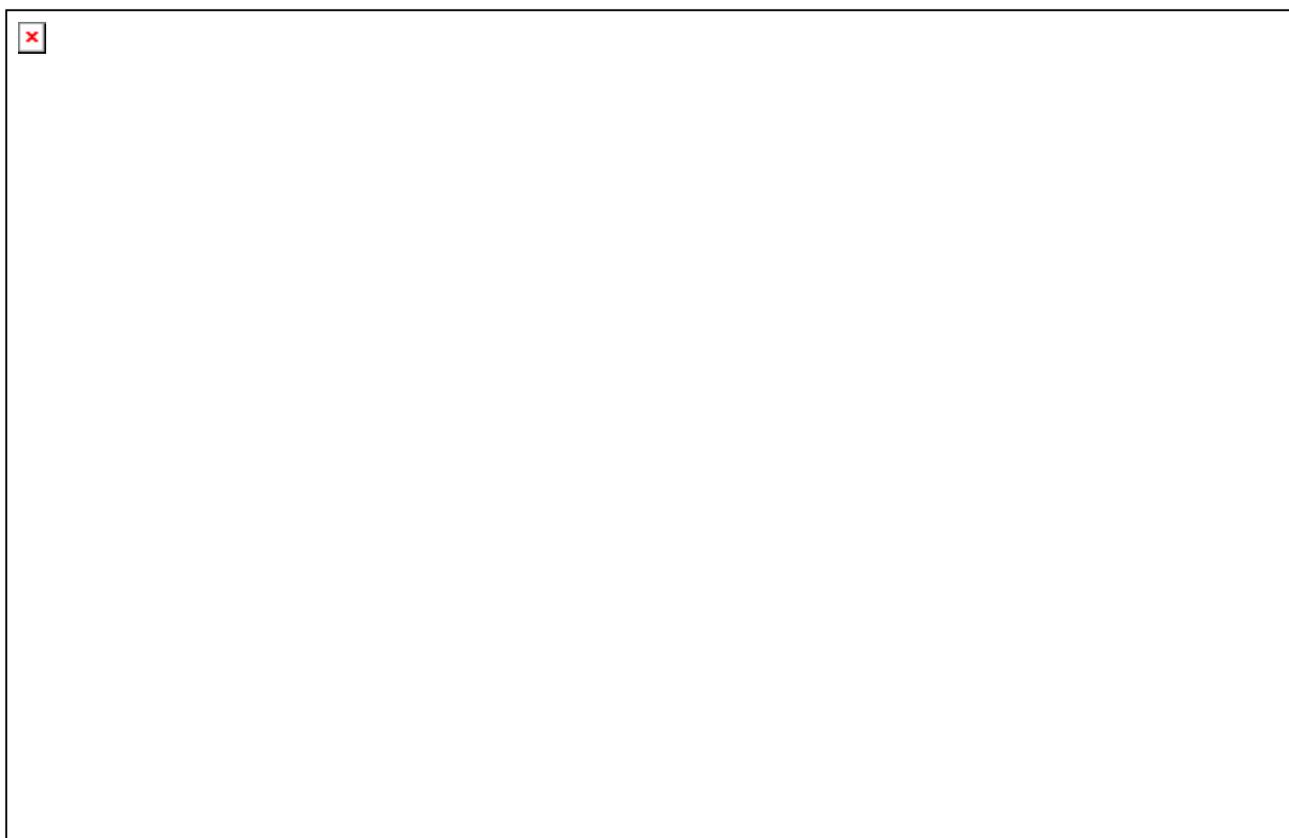
Обсерватория — «Караколь», Чичен-Ица

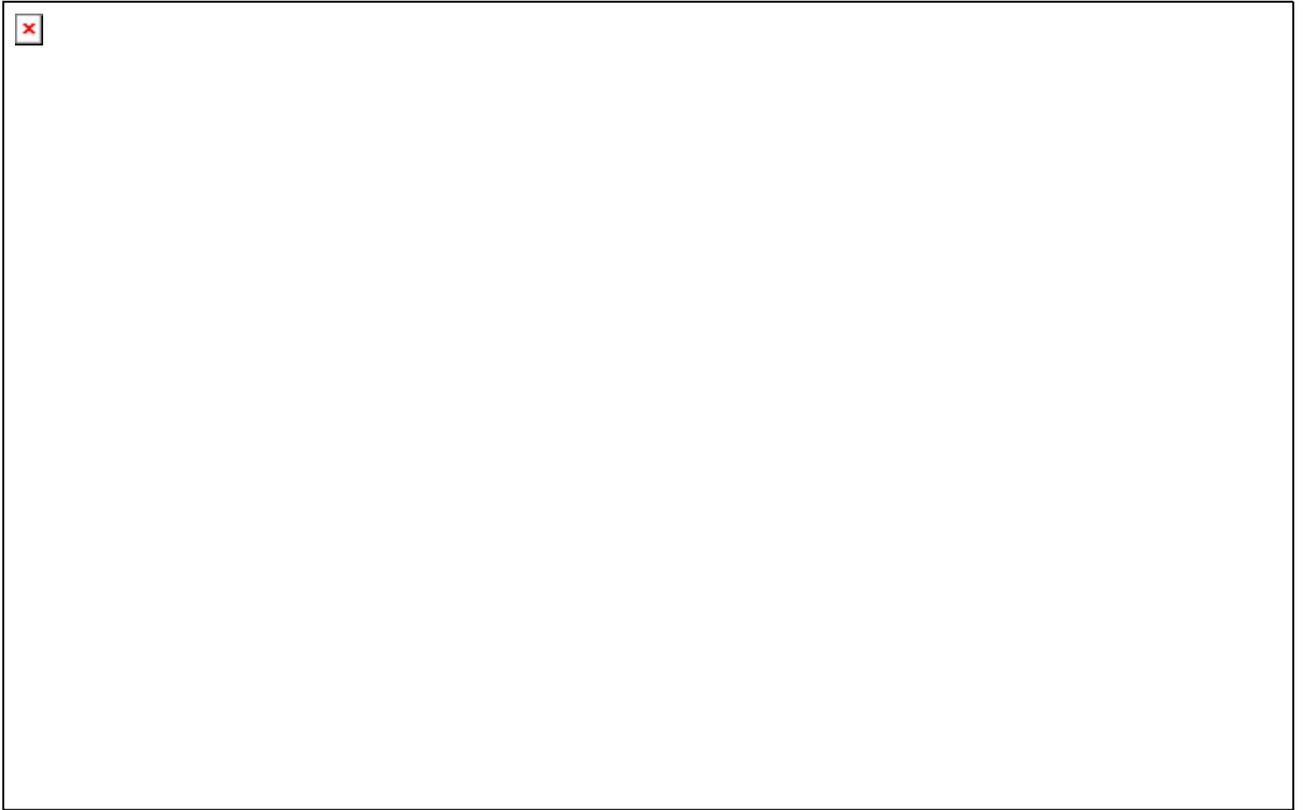
Керамическая фигурка с острова Хайна, изображающая жреца с кодексом

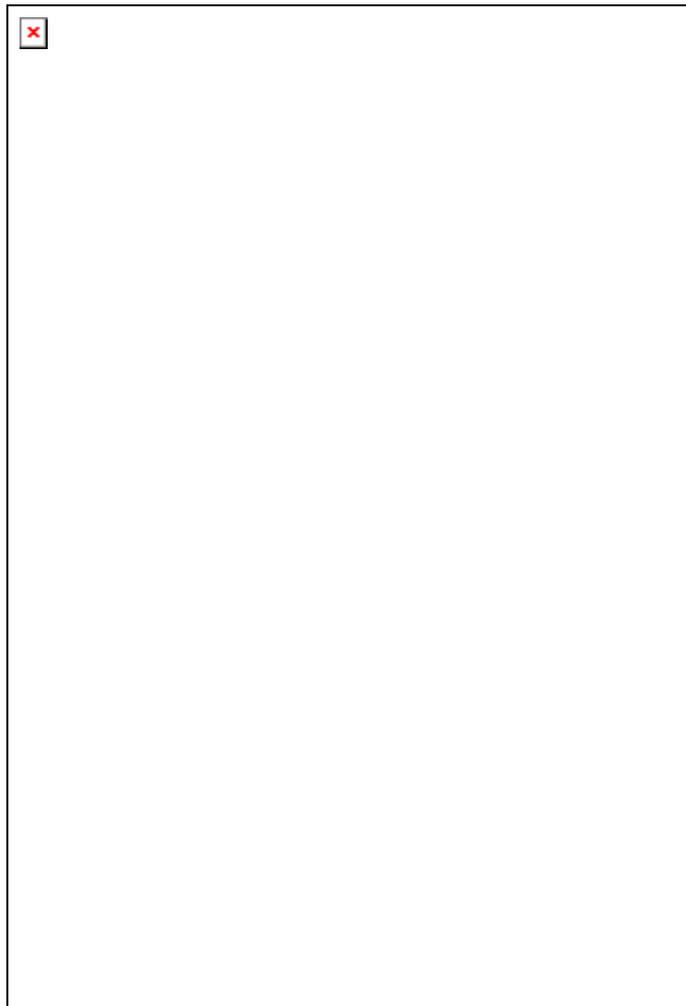
Иероглиф дня Ахав

Майя разработали самую развитую во всей доколумбовой Америке систему письменности. Иероглифические надписи встречаются в кодексах, на камне, керамике и штуче

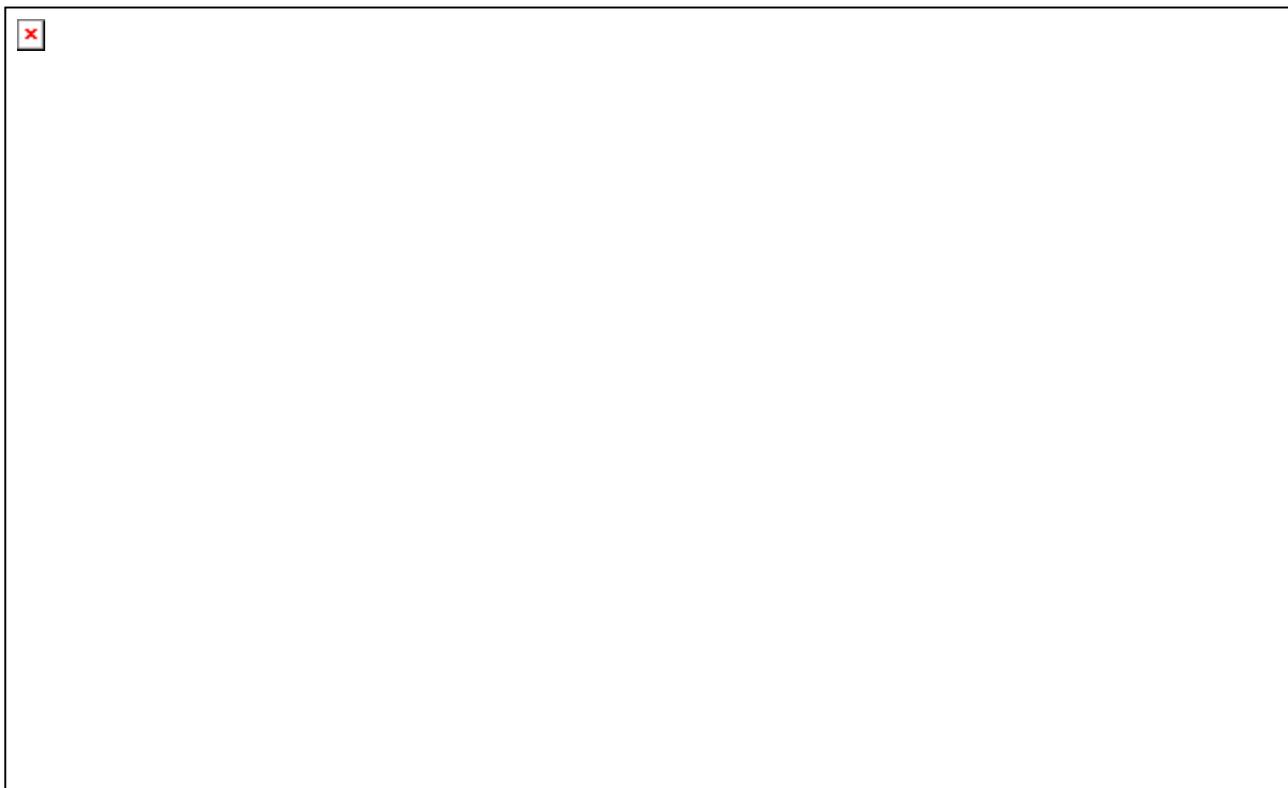
«Пирамида Прорицателя» в Уимале

Страница Дрезденского кодекса

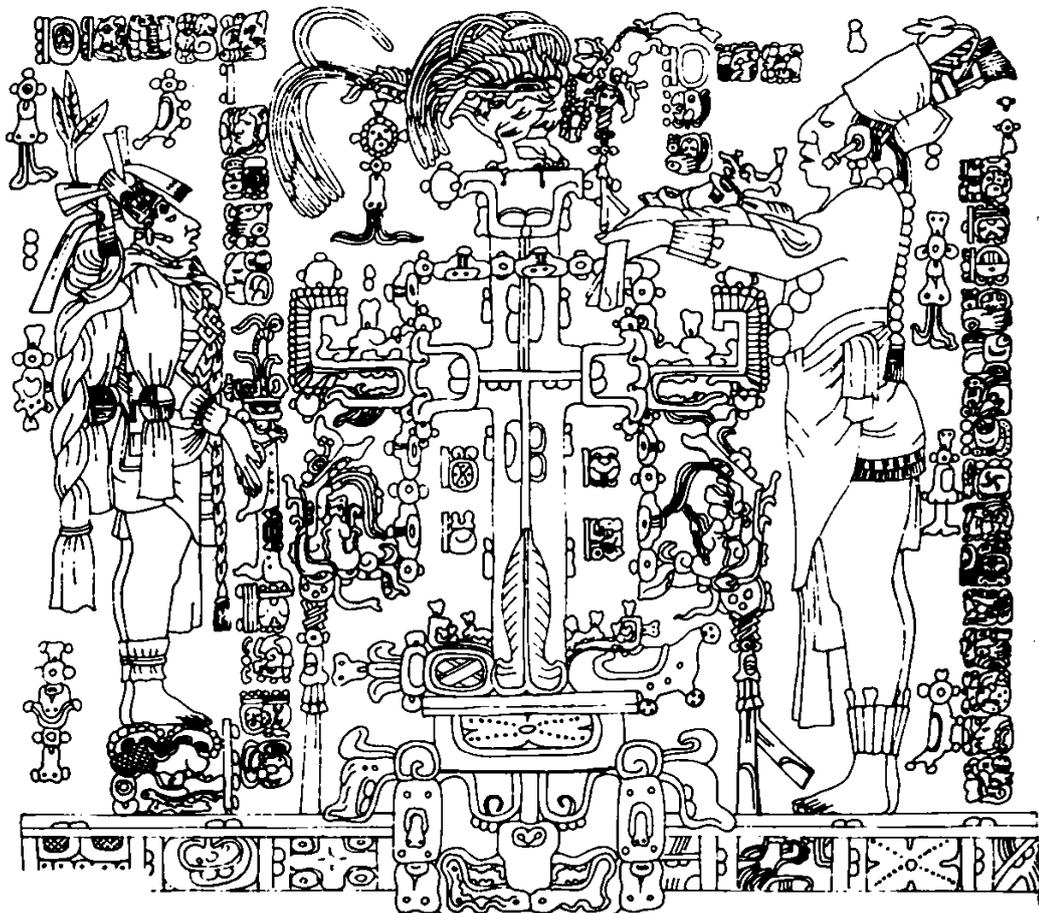
Дворцовая башня в Паленке

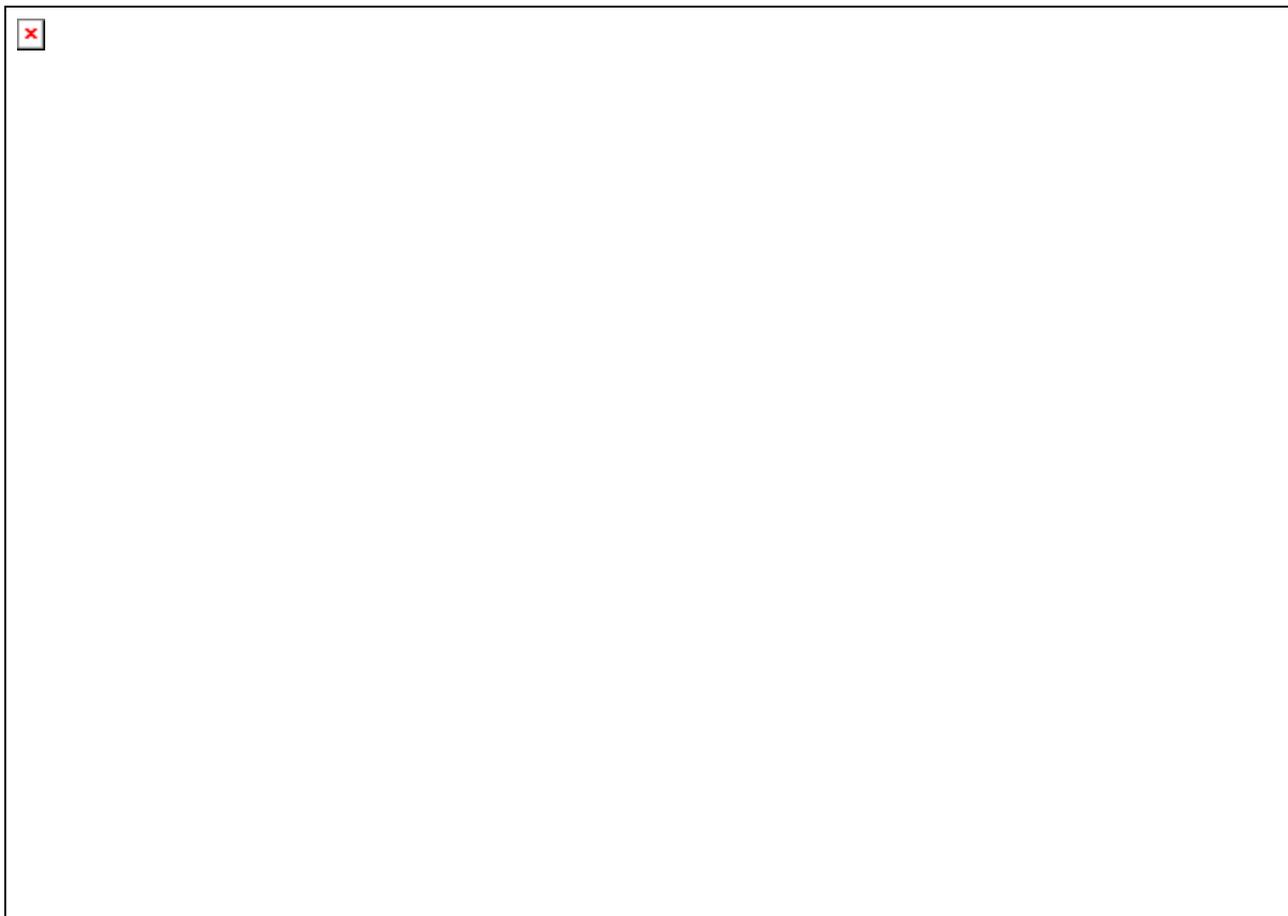
Резные каменные предметы ритуального назначения

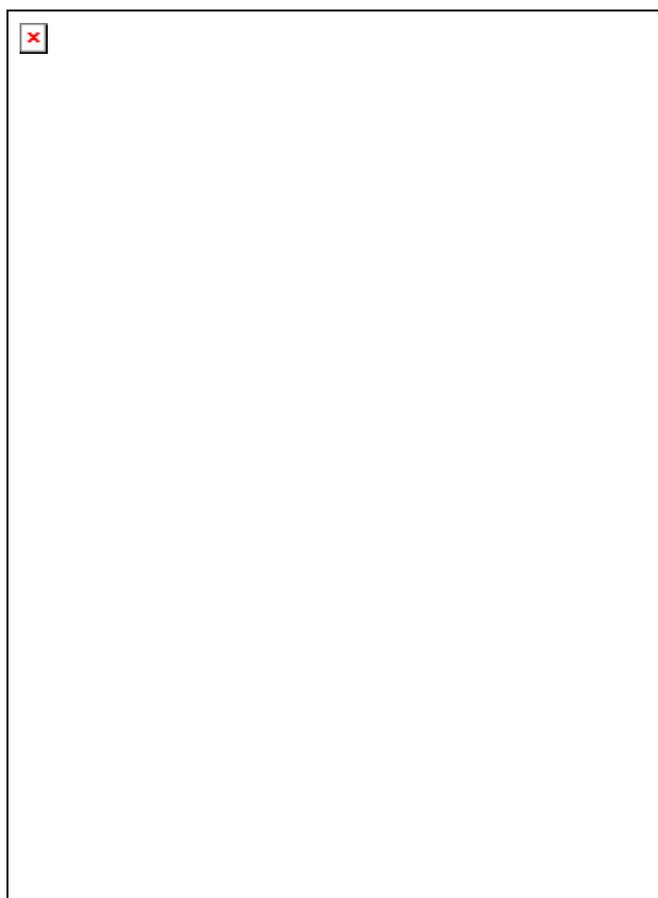
Образец каменной скульптуры майя

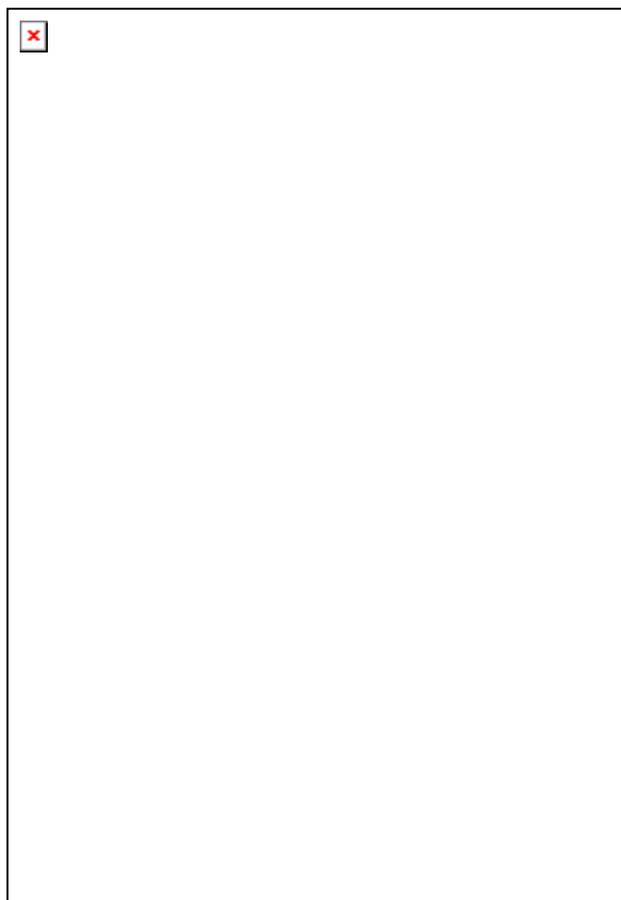
Персонажи высокого ранга, изображенные на плите «Храма Креста» в Паленке

Храм в Шлабпаке, на Юкатане, украшенный масками бога дождя Чаака

Платформа с рядами черепов (цомпантли) в Чичен-Ице

Лестница, ведущая к могильной камере в «Храме Надписей» в Паленке

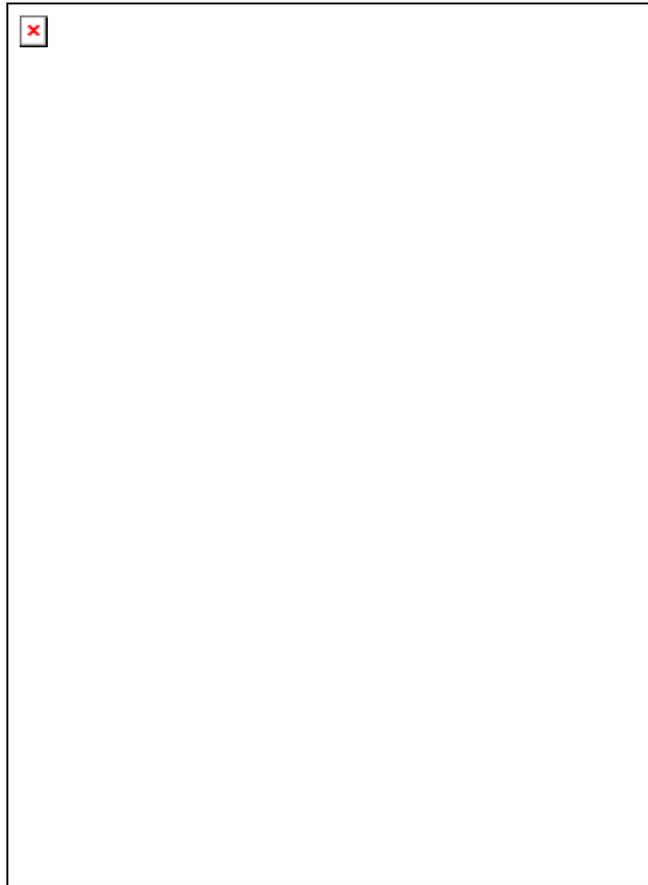
Майя-тольтекский стиль Чичен-Ицзы

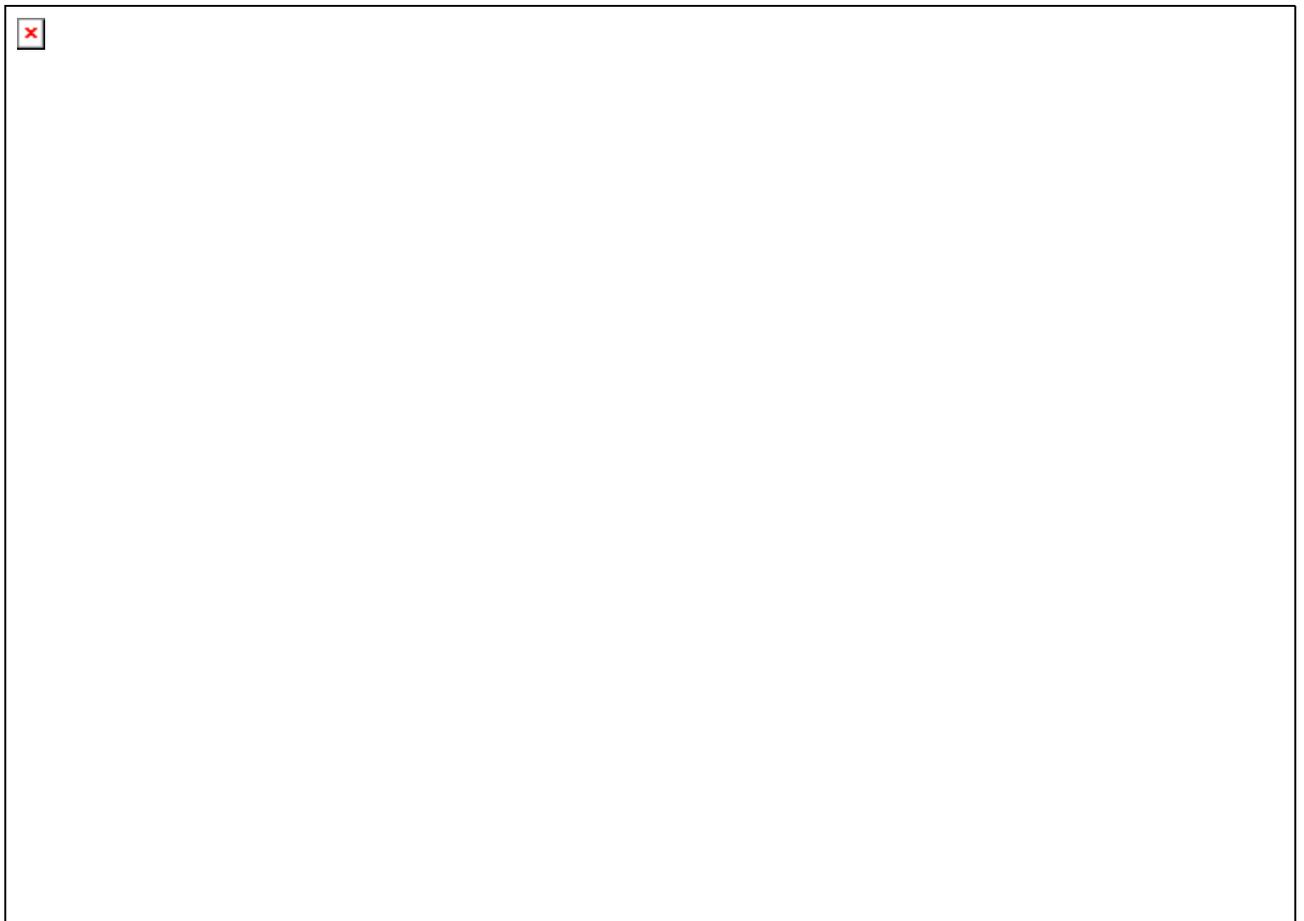
*Мозаичный диск из бирюзы, раковин и кремня — один из многочисленных предметов,
найденных в «Священном сеноте» Чичен-Ицы*

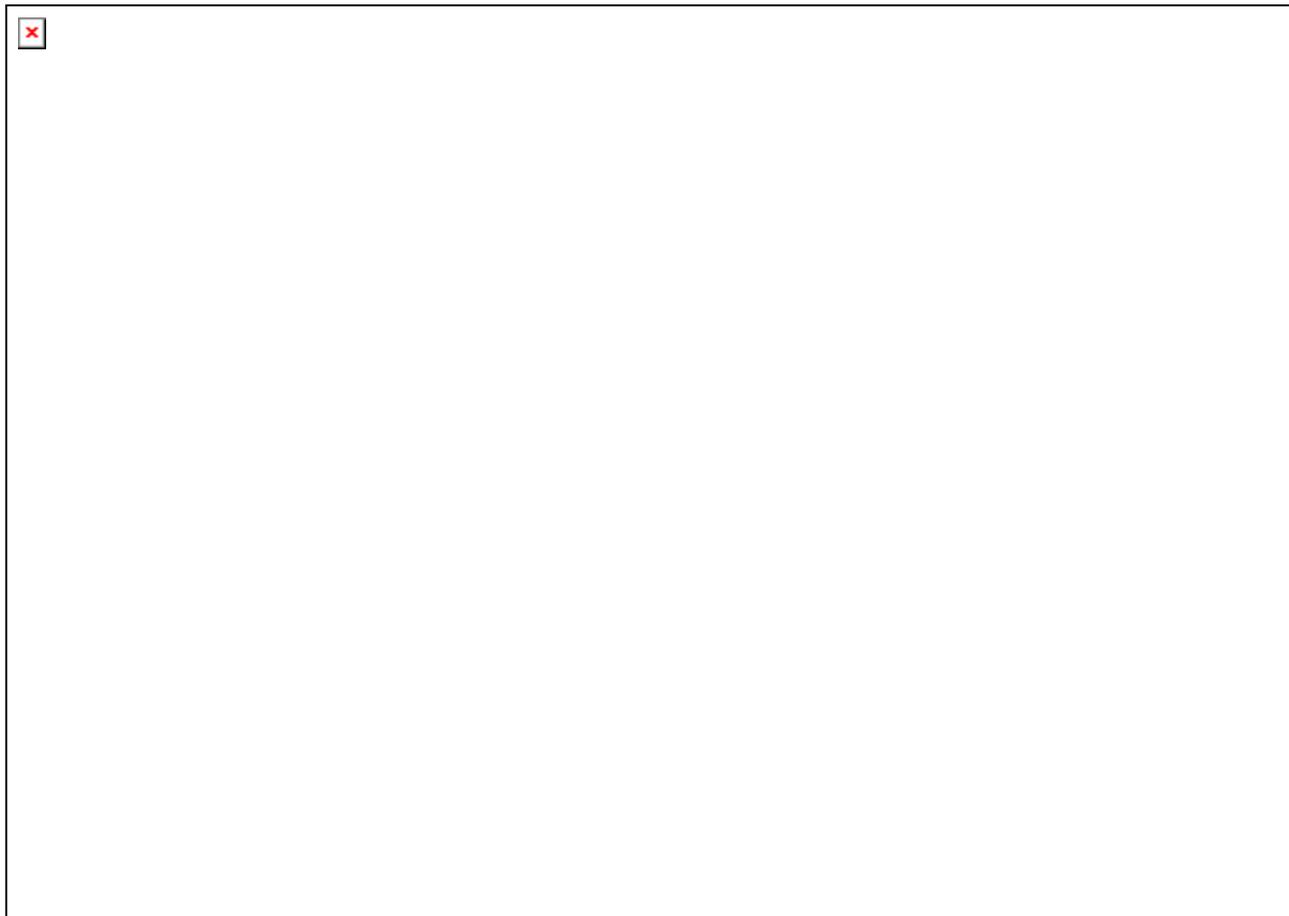
Вид с воздуха на центр древнего Паленке

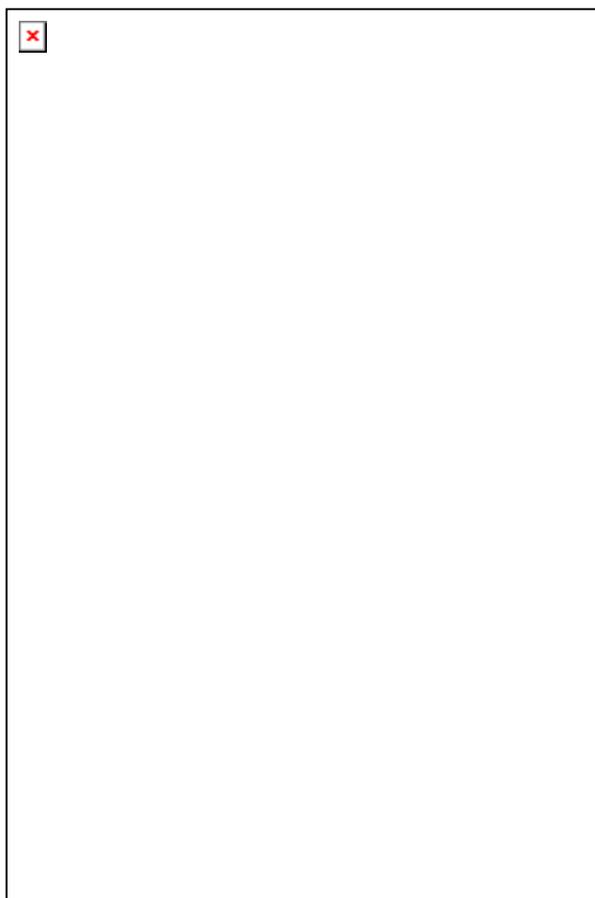
Майя-тольтекский стиль. «Храм воинов», Чичен-Ица

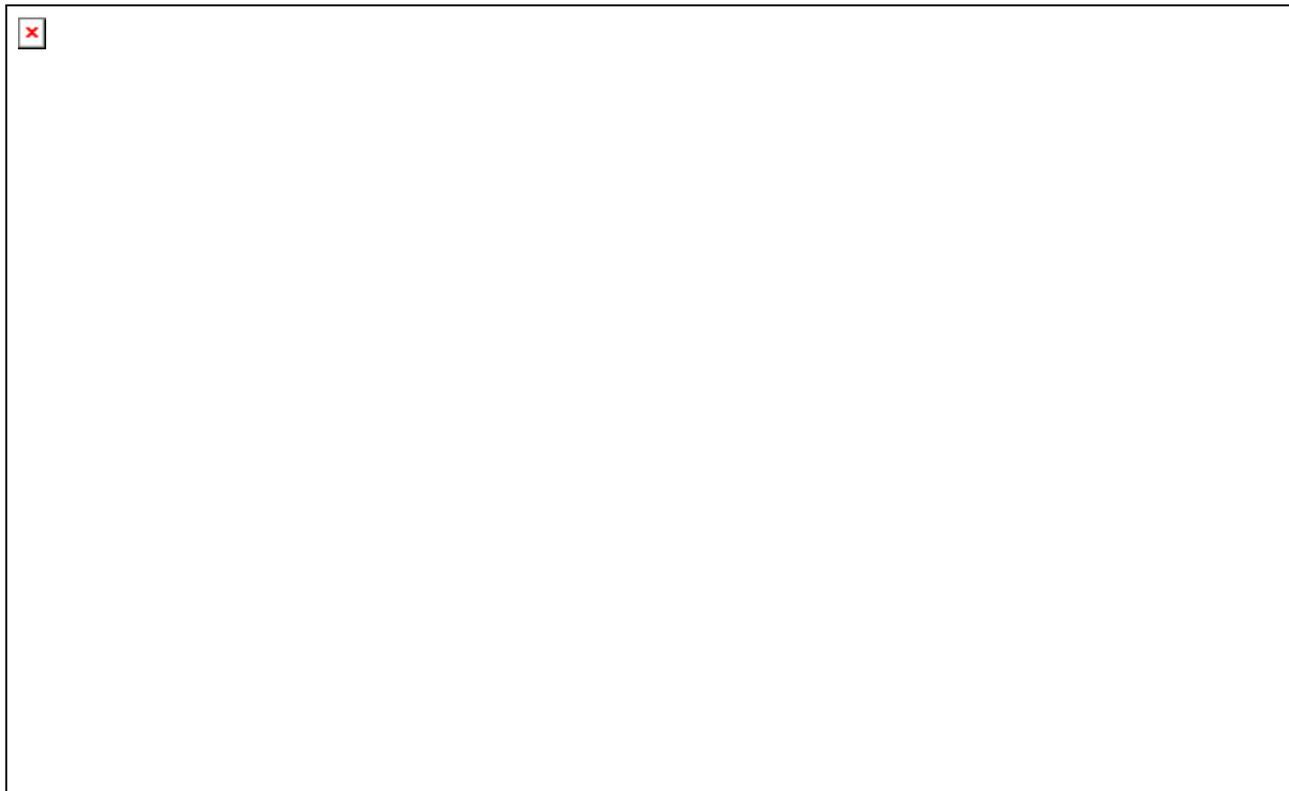
Дворцовое здание (Коц-Поп) в Кабахе

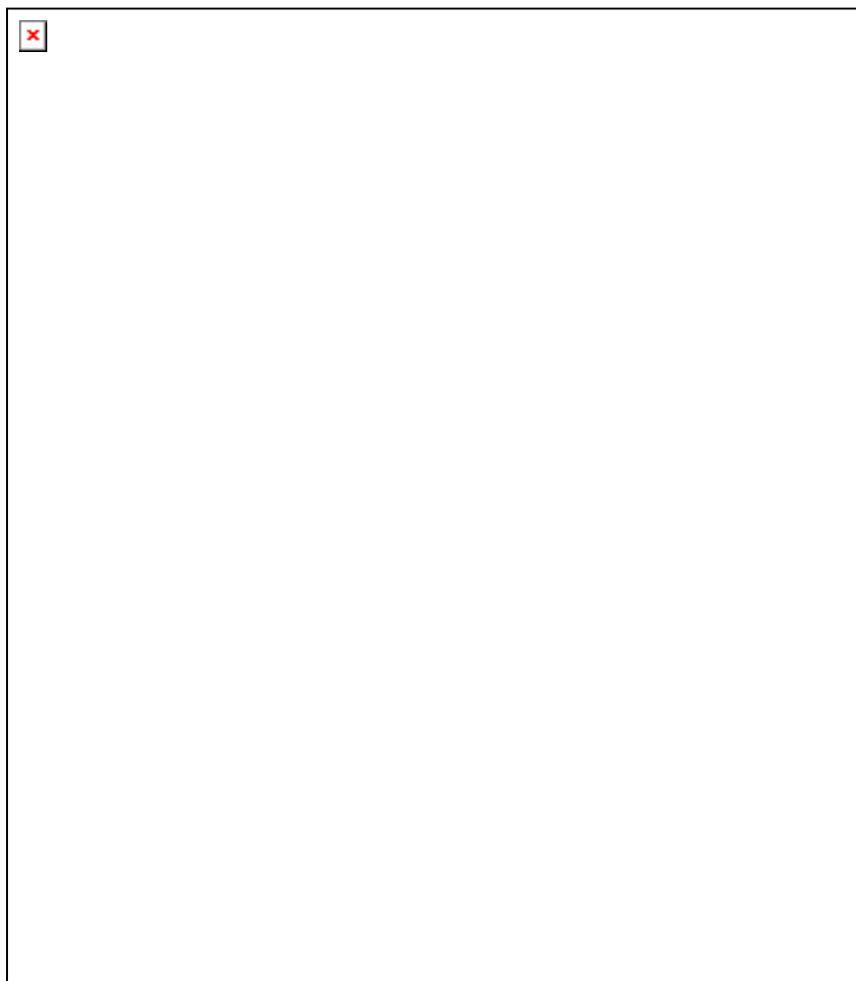
«Храм Тысячи Колонн», Чичен-Ица

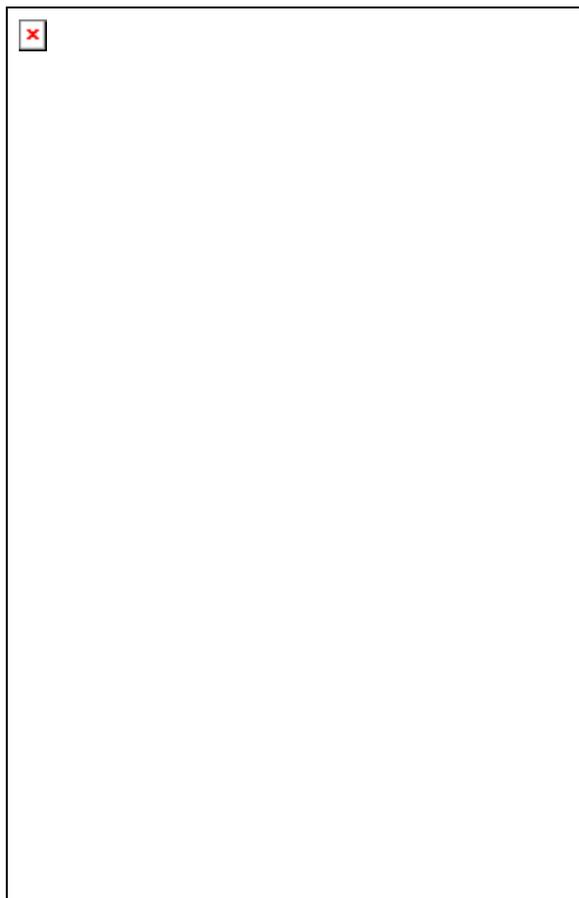
Дворец в Сайиле. Часть фасада.

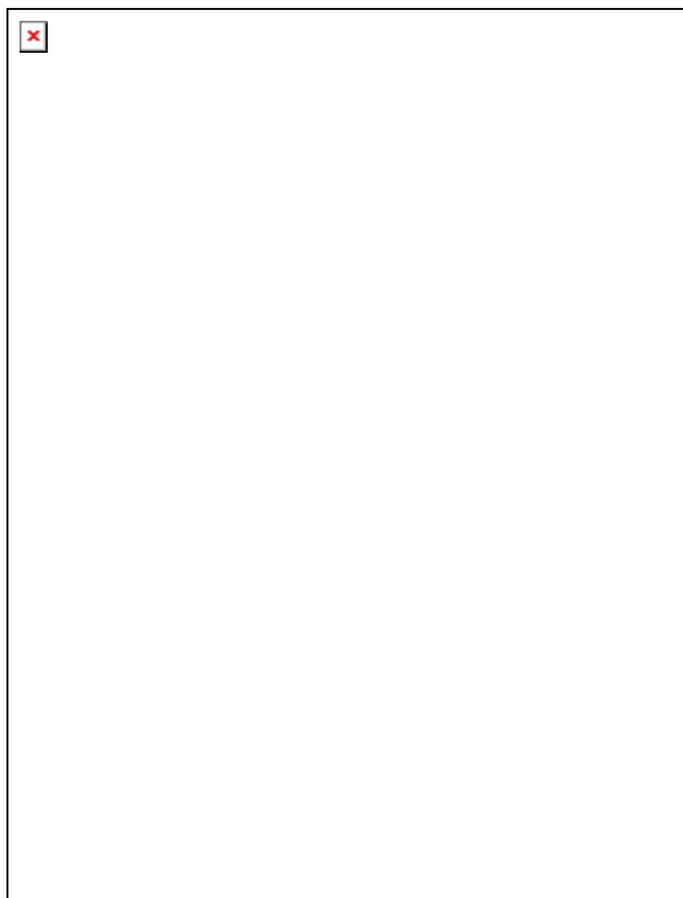
Храм в Тулуме, Кинтана-Роо

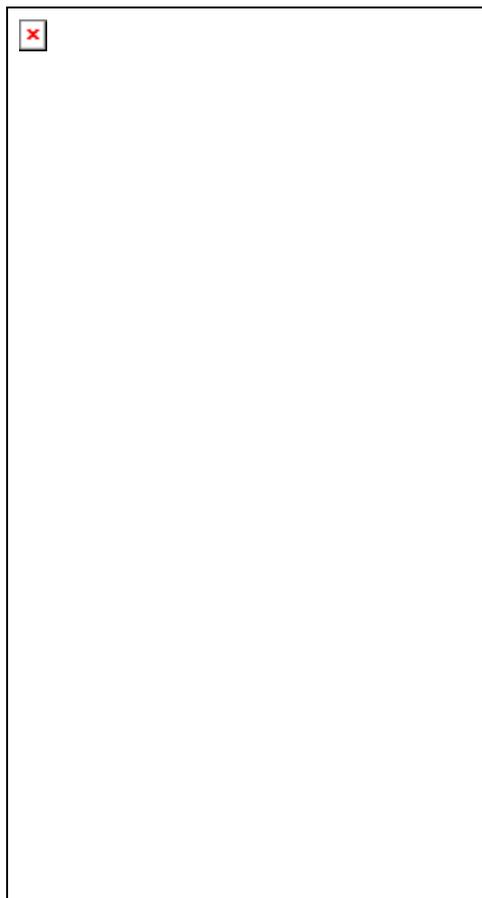
Фигурка с острова Хайна: женщина, ткущая на поясном станке

Фигура правителя. Терракотовая урна из Вильяэрмосы, Табаско

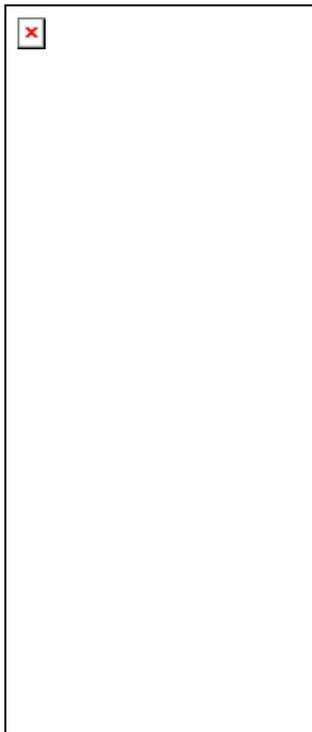
Скульптурные изображения стиля Усумасинты

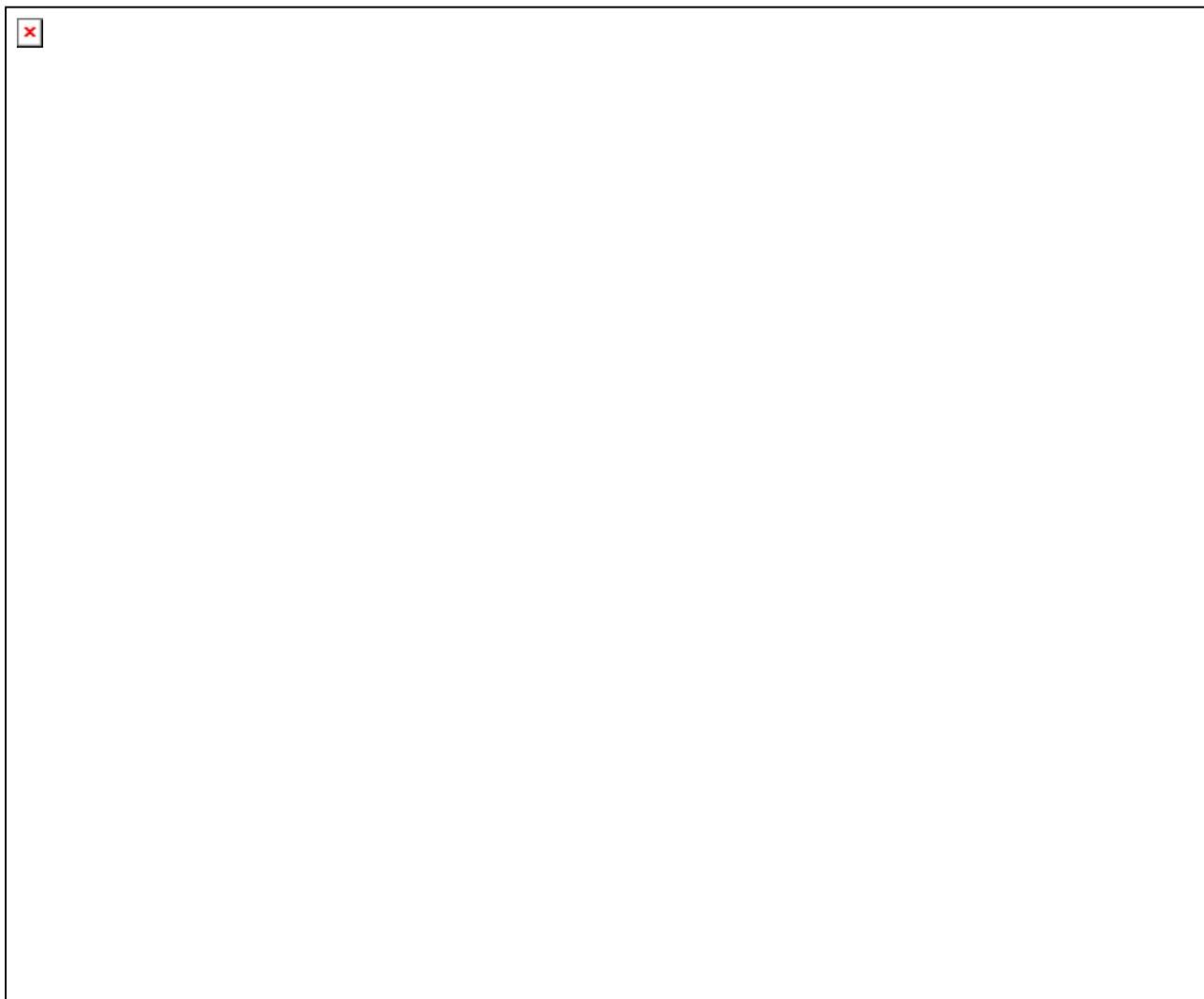
Каменный рельеф позднего периода в искусстве майя

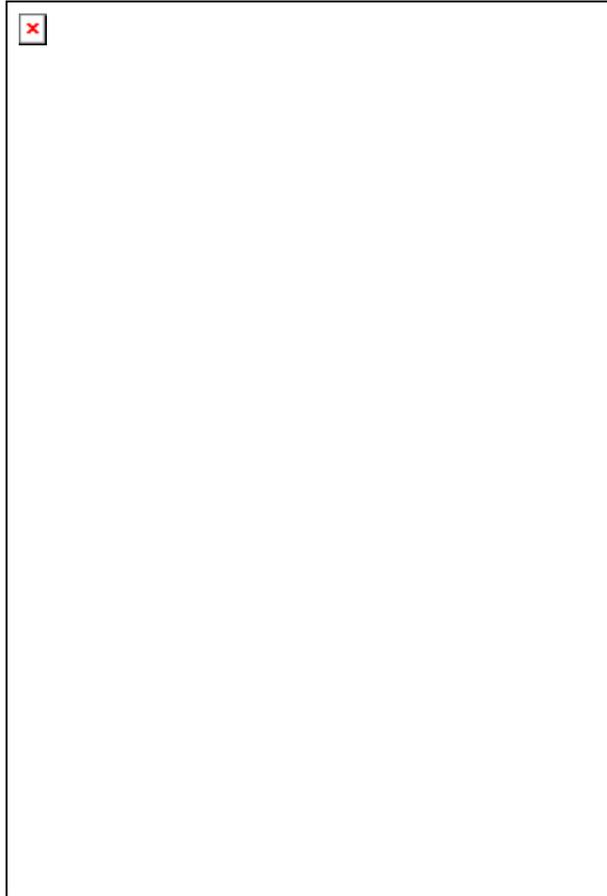
Керамическая полихромная фигурка знатной женщины с острова Хайна

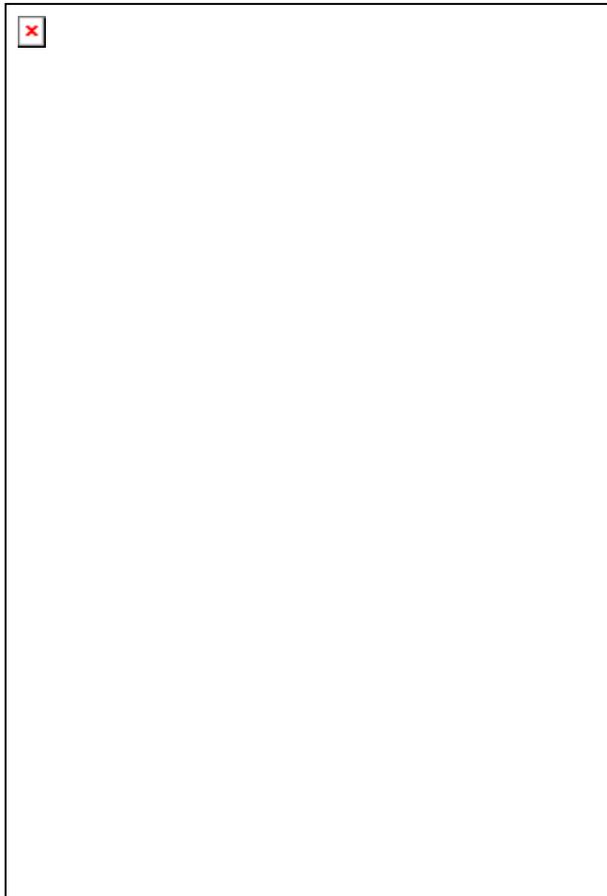
«Сцена потоп». Дрезденский кодекс

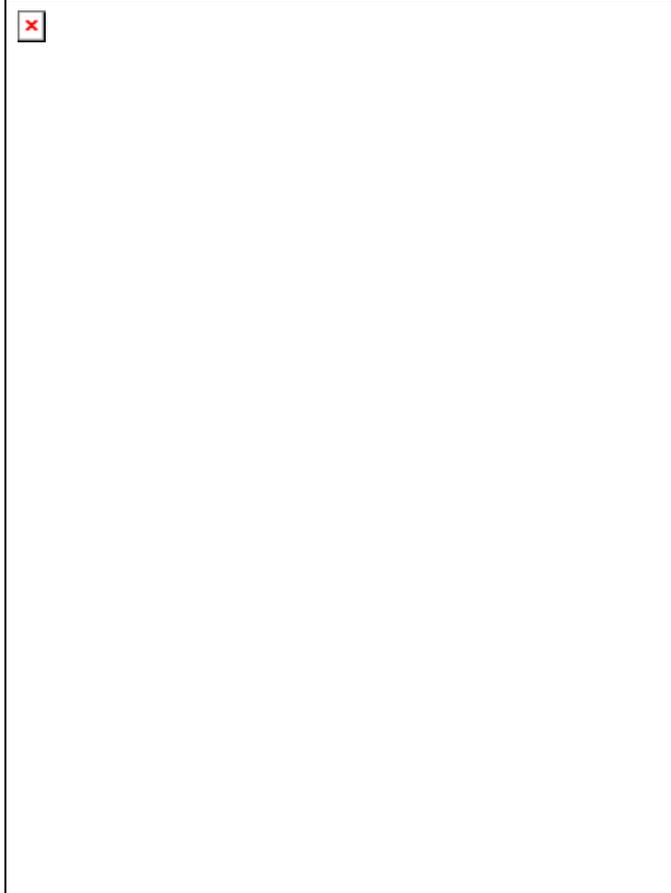
Фрагмент фресок из Бонампака

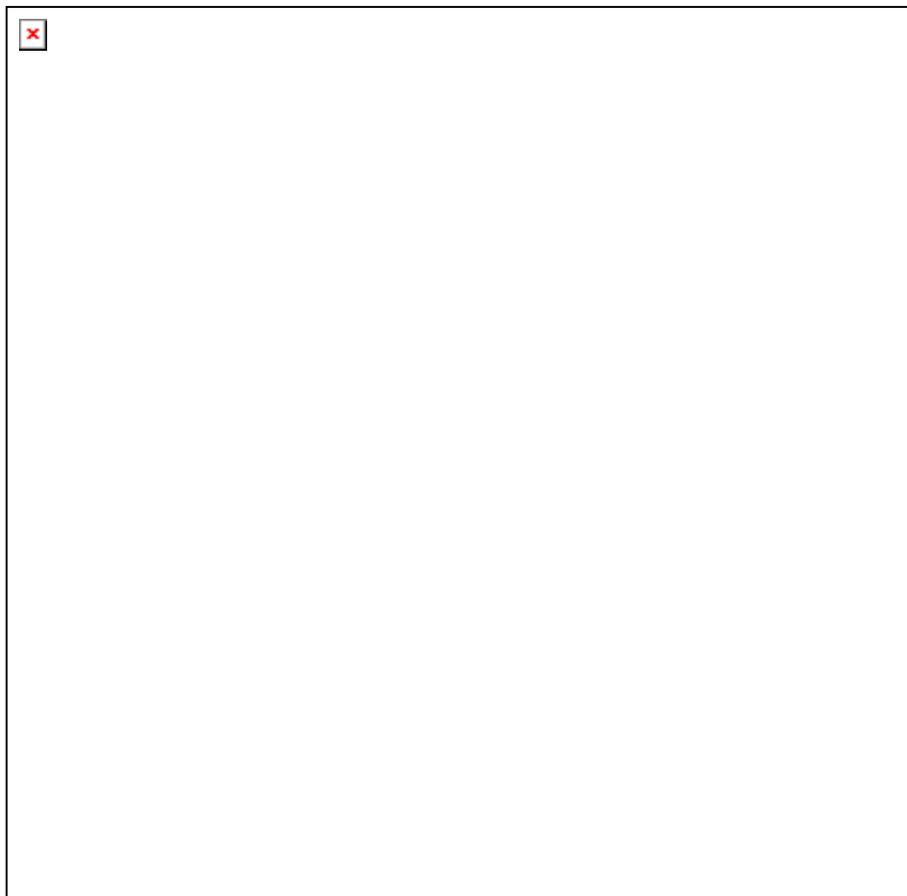
Монументальная маска божества, сделанная из штука, стиль Рио-Бек, Кухунлич

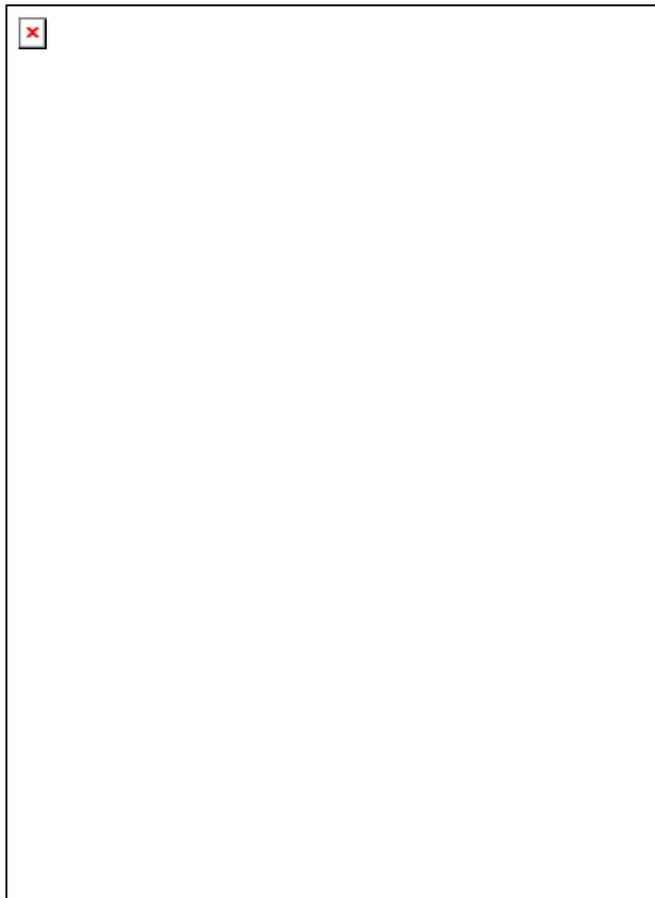
Терракотовая фигурка правителя с острова Хайна

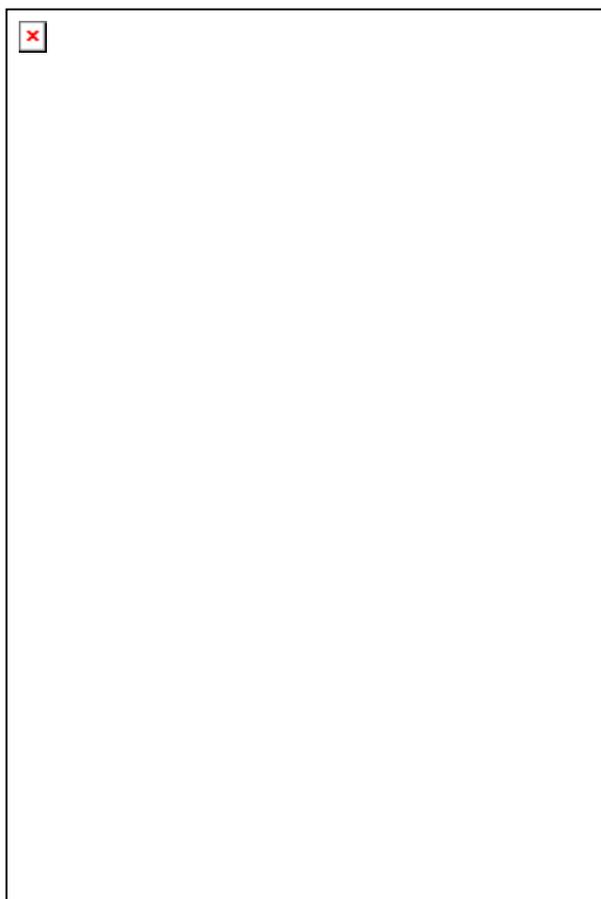
Личина бога дождя, вырезанная на алебастровом кубке

Золотой диск с мозаичными инкрустациями, Чичен-Ица

Двор «Женского Монастыря» в Уимале

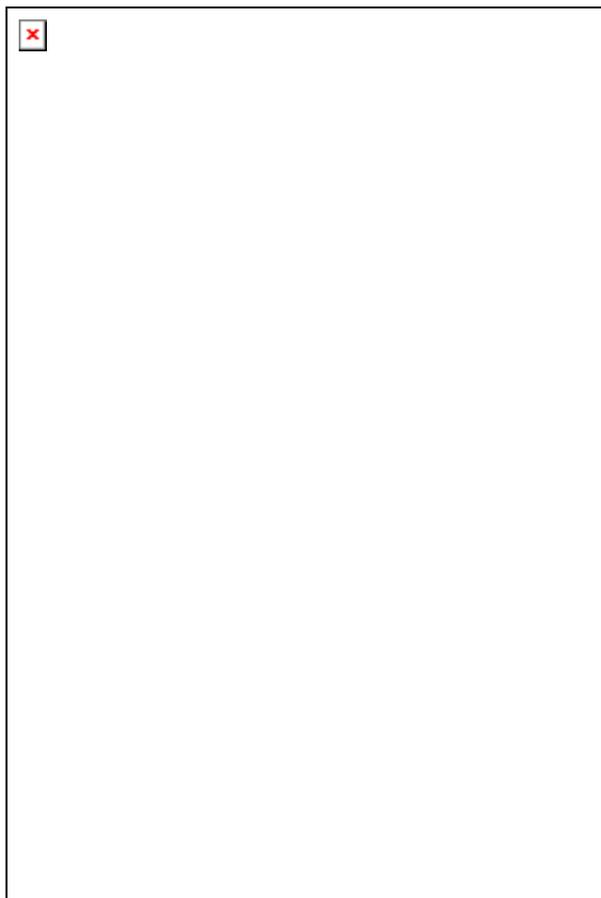
Маска божества из штука. «Северный Акрополь», Тикаль, Гватемала

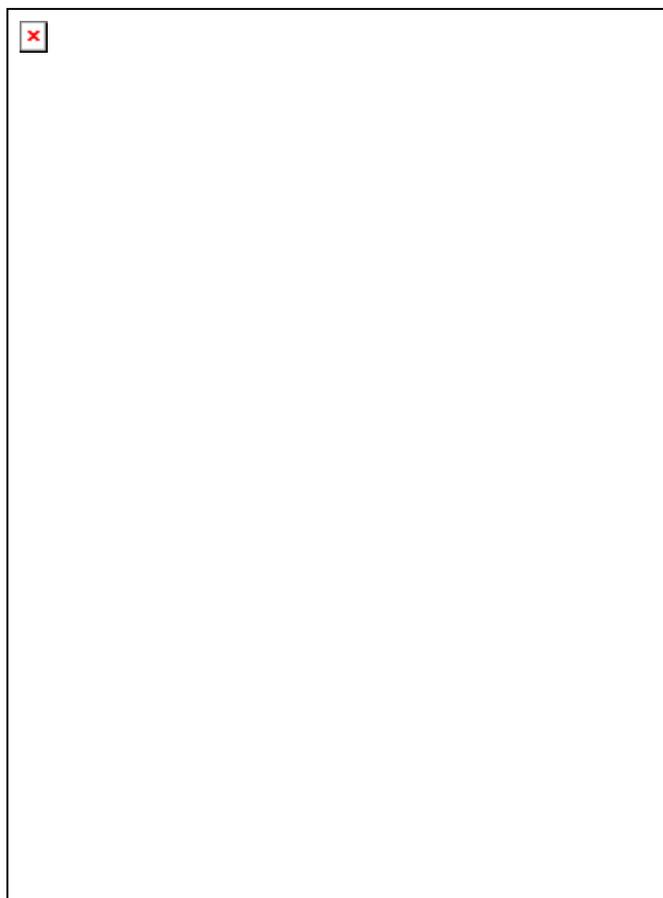
«Храм Воинов», Чичен-Ица

Тулум, вид на крепостные ворота и центральный архитектурный комплекс

Форт в Кампече, возведенный испанцами для защиты от пиратов

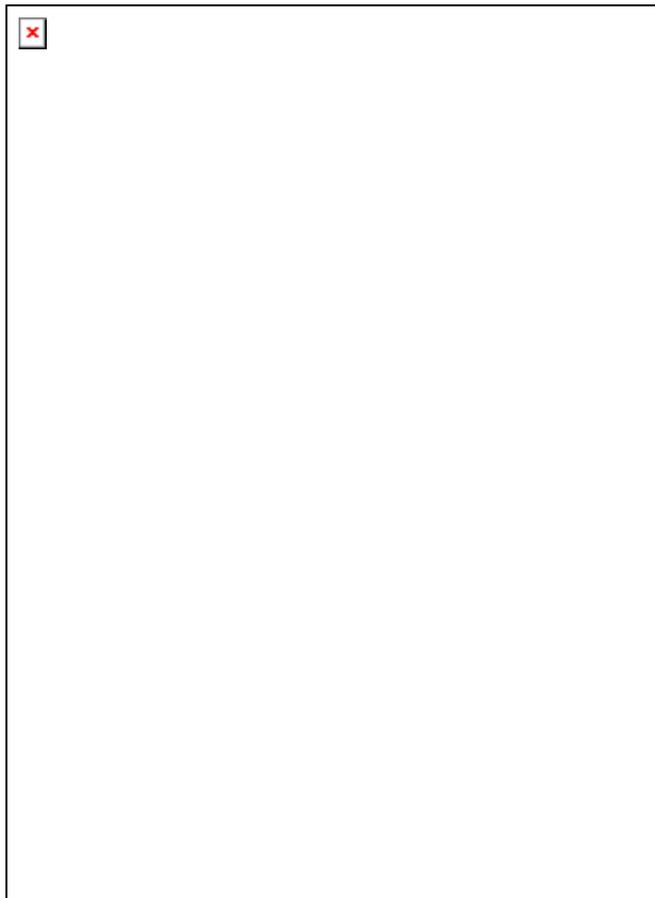
Озеро Атитлан (Гватемала)

Фасад дома Франциско де Монтехо — завоевателя Юкатана, Мерида, 1542 г.

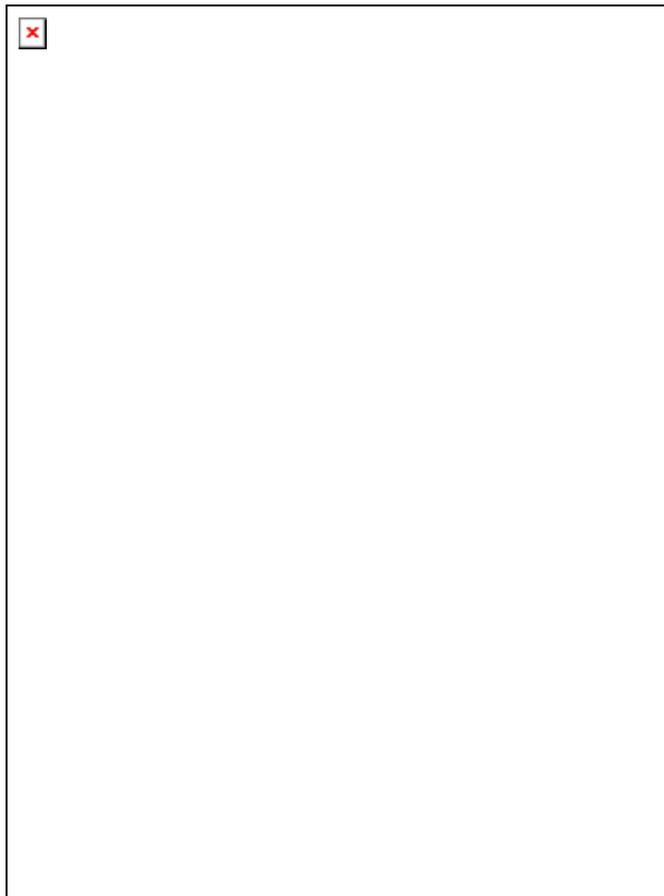
Испанская церковь начала колониального периода на Юкатане

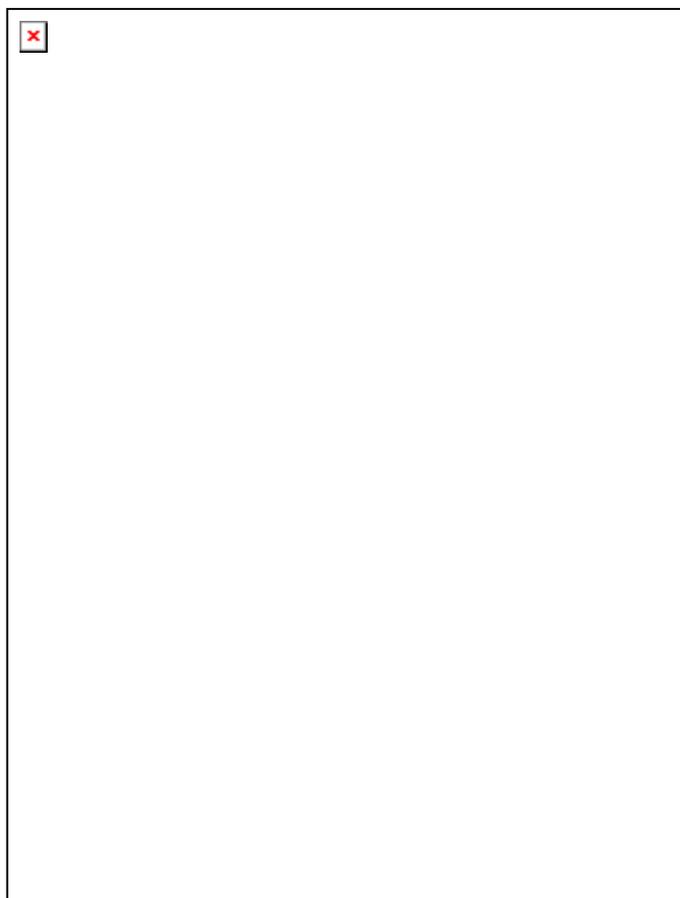
Вид на часть монастыря в Исамале

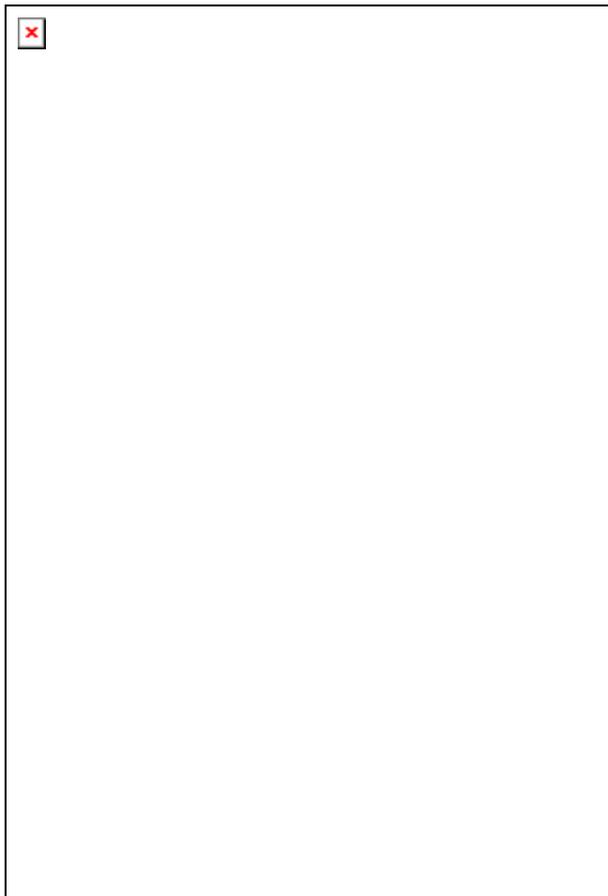
Индеец лакандон

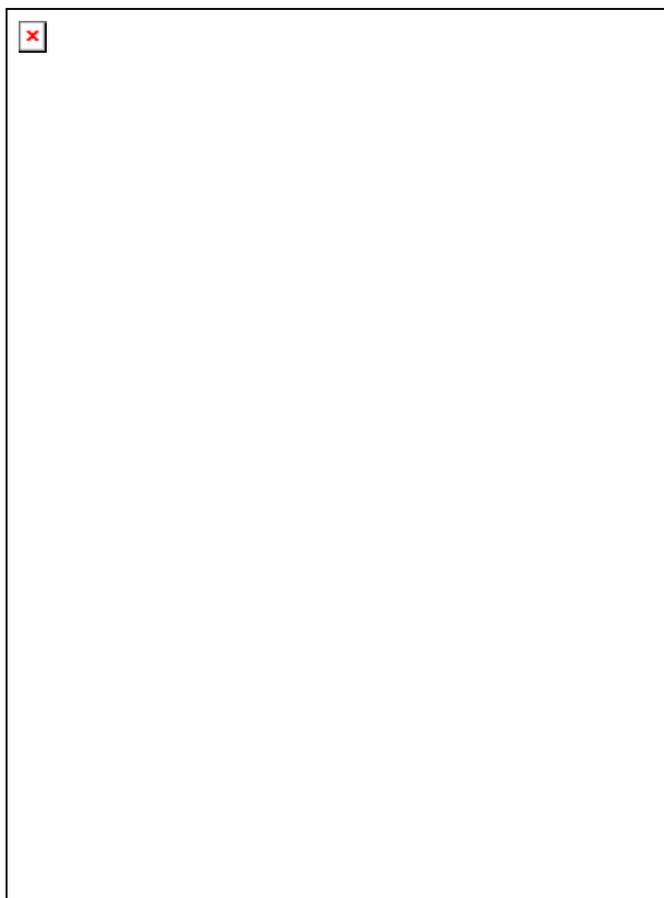
Индейцы цельтали

Индейцы в традиционных костюмах

«Панель Рабов», Паленке (фрагмент)

Мозаичная маска, найденная в гробнице правителя «Храма Надписей», Паленке